В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ДЕТГИЗ · 1953

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ
И ЕГО ТОВАРИЩИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Рисунки Г. Фитингофа

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Глава 1

РОДНЫЕ МЕСТА

— Нюра! Нюра! Это улица Чехова! Вот здесь мы шли в поход!

— А вот магазин школьных принадлежностей! Моя мама мне тут тетрадки покупала...

— Бежим! Бежим!

— Сева! Давай руку!

Нюра, Лида и Сева Малютин бегут по улице родного города. Всё оставшееся позади кажется им страшным сном.

— Мы дома, дома! — взволнованно повторяет Нюра. Каждый знакомый переулок вызывает в ней бурную радость, каждый камешек кажется родным.

— Это же всё наше, наше!

— Мамочка... мамулечка... мама моя! — прижимая к сердцу руки, повторяет Лида, спотыкаясь от волнения.

Сева бежит рядом с девочками. Он не может говорить, он счастлив, что снова видит свой родной город, и встревожен переменами в нём: опустевшие улицы, крест-накрест наклеенные на окнах белые полоски, большие чёрные надписи на подвалах домов — «Бомбоубежище». Значит, и здесь эта страшная война! Она пришла и сюда, в их маленький мирный городок, где всё ещё полно тёплых воспоминаний, где весной на школьном дворе, весело толкаясь, мальчики и девочки собирались на экскурсии, где в зимние каникулы выезжала за город шумная ватага лыжников. В то счастливое время каждый раз под Новый год по заснеженным улицам медленно шествовал к школе румяный дед Мороз с целым мешком подарков за спиной, а на улицах сновали весёлые, торопливые люди, в окнах светились ёлочные огоньки, и за каждым окном был праздник.

Сева напряжённо вглядывается в заколоченные дома, видит около магазина длинную очередь стариков и женщин. Зачем они там стоят? Разве магазин ещё закрыт? Какие усталые лица у этих женщин...

Сева думает о своей матери. Сердце его сильно бьётся, и радостная улыбка снова появляется на губах. Может быть, сейчас мама что-

то чертит за большим столом. Сева видит склонённую голову матери, чуть-чуть растрепавшиеся мягкие волосы. «Мама, ты ещё ничего не знаешь, а я уже здесь!»

Люди удивлённо глядят вслед бегущим по улице ребятам. У всех троих толстые байковые кофты, похожие на медвежьи шкурки, и радостные, счастливые лица. Люди так соскучились по счастливым лицам ребят...

...Вот сквер! Вот переулок! Колонка! Здесь, за калиткой, уже виден дом Пети Русакова. И маленький флигель, где живёт Мазин.

Девочки замедляют шаг, с трудом переводят дух:

— Зайти? Сказать, что они уже едут?

— Нет, нет! Это потом! Раньше домой! К нашим мамам!

Они пробегают ещё одну улицу.

Школа! Вот она, красная крыша родной школы!

— Школочка, миленькая! Что там сейчас? Идут ли уроки? Может быть, все учителя ушли на фронт, а учительницы с маленькими детьми уехали. Ведь все матери увозили своих детей! С кем же занимаются ребята? А может, ребята тоже уехали?.. И где теперь Сергей Николаевич? Скорей бы узнать, пишет ли он!

Может, на одну минутку заглянуть в школу? Нет! Нет! Это потом... Сейчас к родителям!

Ещё и ещё переулки, улицы... Здесь знаком каждый столбик, каждый двор... И вот уже...

Все трое останавливаются перед зелёной калиткой.

— Мой дом! — задыхаясь, говорит Сева.

Девочки распахивают калитку настежь:

— Беги же, беги, Сева!

— А вы... как же? — неуверенно спрашивает мальчик. — Одни?..

Лида тянет его за рукав к калитке.

— Может, пойти с тобой, Сева? Может, нам с Нюрой пойти? — спрашивает она, оглядываясь то на Севино крыльцо, то на длинную улицу, где стоит её дом и где ждёт её мама.

— Нет, нет, идите... я один... Идите скорее!

— Мы здесь... мы недалеко, — бормочет Нюра.

Девочки оставляют его и, часто оглядываясь, бегут дальше. Даже здесь, в родном городе, им страшно расставаться. Сева машет рукой, бежит к крыльцу.

Дверь открыта, но в квартире пусто. В общей кухне не слышно гуденья примусов. У соседей висит замок. Сева медленно открывает дверь в свою комнату. Сквозь занавешенные окна чуть-чуть пробивается свет. Мамина кровать смята, на столе лежат луковица и кусок хлеба... Чьи-то грязные, запачканные глиной башмаки попадаются под ноги... В углу, на письменном столе, сложены Севины учебники... Сева оглядывается, ищет записку. Уходя, мама часто оставляла ему записки...

На улице грохочет грузовик; какая-то женщина в грубой солдатской стёганке прыгает с машины и идёт к крыльцу. Сева выглядывает из своей комнаты в коридор:

— Не знаете ли вы, где моя мама?

Женщина останавливается на пороге, сдёргивает с головы платок:

— Сева!.. Боже мой... Сева!..

Сева утыкается лицом в солдатскую стёганку:

— Мама! Я пришёл...

* * *

Лидина мама на работе. Девочка бежит к ней в незнакомое учреждение, долго стоит под воротами и просит дежурного пустить её к маме. Дежурный звонит по телефону.

Лида тянется к трубке, подпрыгивает.

— Это я, мамочка, золотая, родненькая!.. — кричит она.

Разговор обрывается. Дежурный гладит Лиду по голове:

— Бежит твоя мама, бежит...

Одна, другая секунда кажутся девочке вечностью. Потом дощатая дверь в конце коридора широко распахивается, и Лидина мама, живая, настоящая мама, бросается к своей дочке. Она ощупывает её голову, плечи, целует в глаза, в щёки, смеётся и плачет, плачет и смеётся...

— Когда же? Откуда?.. Все вы приехали? С Митей?

Лида ловит мамины руки, обнимает её, заглядывает ей в глаза.

— Нет, мы просто... мамочка, там такая война... мы одни... на самолёте... — беспорядочно рассказывает она между поцелуями. — Нас три дня держали в Москве, хотели куда-то эвакуировать. Мы еле-еле упросили, просто плакали... Мамочка, родненькая!..

А на другой улице перед забитой наглухо дверью стоит Нюра Синицына.

— Уехали... уехали... — растерянно повторяет она.

Тихо обходит пустой дворик и, прислонившись головой к забору, смотрит на улицу:

— Уехали...

Сева Малютин вместе со своей мамой бежит по мостовой. Сева перебегает на тротуар, толкает плечом калитку, хватает Нюру за руку:

— Вот она, мама! Вот она!

Севина мама гладит девочку по голове, обнимает её за плечи:

— Нюрочка! Твой папа должен был уехать, его командировали в Уфу. Он очень боялся оставить твою маму одну, а мама плакала и не хотела уезжать, она всё ждала тебя. Мы с Лидиной мамой заходили к ней перед отъездом и обещали, что ты поживёшь пока у нас. Пойдём к нам, Нюрочка, ведь вы с Севой товарищи.

Нюра соглашается, вытирая слёзы. На улице она ещё раз оглядывается на свой дом. А на углу их догоняет встревоженная Лида.

— Нет, Сева, нет! — говорит она, обнимая подругу. —Нюра пойдёт к нам, мы с ней никогда не расстанемся, мы всю жизнь будем вместе!

Глава 2

ТЁТЯ ДУНЯ

Когда Павел Васильевич, не дождавшись сына, ушёл на фронт, тётя Дуня осталась одна. Таня училась на краткосрочных курсах сестёр и работала в госпитале, где проводила дни и ночи.

Иногда она забегала спросить, не слышно ли чего о Васькé, о Павле Васильевиче. Тётя Дуня

делилась с ней своим горем, каждый раз читала и перечитывала письма Павла Васильевича, где он писал, что работает машинистом в санитарном поезде, вывозит с передовой раненых, что писем он давно не получает и не знает, вернулся ли его Рыжик. В каждой строчке чувствовалось острое отцовское горе: «...Увижу ли когда, обниму ли своего вихрастого?»

Таня прижималась к плечу тёти Дуни, плакала вместе с ней. Потом вскакивала, наскоро вытирала слёзы:

— Идти надо!..

— Погоди, чайку вместе попьём... конфеты я по карточкам получила, — удерживала Евдокия Васильевна.

— Некогда. Побегу я, работы у нас много! — торопилась Таня.

В городе было тревожно. Бомбёжки учащались. У магазинов и лавок, прислушиваясь к отдалённой стрельбе и гуденью за облаками, молчаливо стояли очереди. У деревянных домов подростки наливали водой бочки, волочили по улице мешки с песком; девушки торопливо бежали с лопатами, на ходу завтракая только что полученным хлебом; по мостовой громыхали машины, шли красноармейцы; из депо слышались паровозные гудки. Воющий звук сирены разгонял народ. У ворот появлялись дежурные с противогазами, подростки хватали рукавицами и тряпками зажигательные бомбы, засыпали их песком, лезли на крыши и, задрав кверху головы, возбуждённо следили за воздушным боем.

Иногда вечером на затемнённый город враги сбрасывали ракету. В её мертвенно бело-

батом свете ярче выделялись дома и палисадники...

Военная обстановка постепенно втягивала и тётю Дуню. Наравне со всеми женщинами она дежурила во дворе, деловито распоряжалась подростками, загоняла в бомбоубежище зазевавшихся граждан... Мирный порядок её жизни нарушился.

Стоя на дежурстве, тётя Дуня глядела на непрерывно двигающиеся белые столбики прожекторов и думала о единородном, любимом Паше и о Ваське... От гуденья «юнкерсов» и «мессершмиттов» сердце у неё начинало сильно биться, к горлу подступала тошнота, и когда, настигая врага, появлялся на небе быстрый «ястребок», она дрожащей рукой крестила его издали:

— Господи, помоги ему! Господи, не допусти погибнуть!

Побывав один раз в госпитале у Тани, она пришла домой тихая, собрала в пакет сберегаемые для Васька конфеты и отнесла их раненым.

— Возьми... возьми... Там разделите меж собой... Чайку попьёте... — совала она в руки бойца пакетик.

— Ну что ж, спасибо, мамаша... Без конфет обойтись можно — внимание дорого, — принимая подарок, говорил раненый.

— Одинокая я... — плакала тётя Дуня. — Племянник у меня был, брат...

— Мы все чьи-нибудь племянники да братья... да сыновья, а родина у всех одна, всех под своим крылом держит... — вздыхал раненый.

— Видать, все в войну породнимся, — улыбалась сквозь слёзы тётя Дуня.

И часто говорила Тане:

«Может, помочь в чём надо, так ты скажи, прибеги».

* * *

В этот день тётя Дуня не топила печь. Она сидела одна в пустой, холодной комнате, уронив на колени руки. На столе стоял недоеденный вчерашний суп. С угольника смотрели на тётю Дуню знакомые, дорогие лица Трубачёвых. Павел Васильевич с ласковой укоризной улыбался сестре, словно выговаривая ей за беспокойство о нём. Мать Васька глядела из рамки глубокими ясными глазами; эти глаза как будто искали кого-то в комнате и, не находя тех, кого искали, останавливались на тёте Дуне. Цветная фотография Васька заслоняла портреты его родителей. Синие глаза мальчика смеялись, золотой чуб торчал вверх, на рукаве матросской курточки блестел якорь.

Тётя Дуня медленно отводила взгляд, и по лицу её текли слёзы.

На дворе уже стояла глухая осень, в окна царапались голые ветки деревьев. Было сиротливо и неуютно и на дворе и в комнате.

Тётя Дуня встала, накинула шаль.

«Пойти в домоуправление узнать — может, что нужно помочь».

Внизу хлопнула дверь, по лестнице кто-то быстро поднимался, словно две пары ног перегоняли друг дружку.

— Евдокия Васильевна! Евдокия Васильевна!

Тётя Дуня, уронив шаль, бросилась в кухню, бессильно опустилась на табуретку.

Девочки говорили быстро, перебивая друг друга:

— ...Васёк уже едет! Они все вместе — Одинцов, Мазин, Саша Булгаков, Русаков! Нас отправили на самолёте, но мы целых три дня жили в Москве. Они скоро, скоро будут дома! Они уже, наверно, перешли через фронт и сели на поезд...

Тётя Дуня очнулась, подняла побелевшее лицо, тихо пошевелила сухими губами:

— Васёк... через фронт?..

— Ну да... Вы не бойтесь! С ними Митя и дядя Яков. Дядя Яков знает все тропинки. Они уже, наверно, перешли! Не бойтесь за них! — успокаивали девочки.

Тётя Дуня вдруг улыбнулась, крепко обняла обеих и сдержанно сказала:

— Что ж, буду ждать. Спасибо вам, девочки...

Когда Лида и Нюра ушли, она вспомнила, что надо было хорошенько расспросить их, узнать, где остался Васёк, через какой фронт он будет переходить.

Мысли тёти Дуни мешались. Представление о фронте складывалось из чьих-то рассказов, обрывков прочитанных книг и, главное, из военных картин в кино.

Перед глазами встали тяжёлые танки, ползущие по взрытой земле, чёрные столбы дыма, изломанная колючая проволока, падающие люди... и среди них маленькая фигурка Васька...

Тётя Дуня схватилась за голову, застонала...

Ночью ей снились страшные сны. Тяжело переваливаясь с боку на бок, на Васька двигался фашистский танк... Тётя Дуня металась на кровати.

...Посторонись, Васёк, голубчик... Задавит!..

А откуда-то с плаката спрыгивали длинноногие чудовища в железных касках и направляли на Васька пулемёты. Потом скручивали ему назад руки... Тётя Дуня строго глядела в синие бесстрашные глаза племянника:

«Помни, Васёк: мы Трубачёвы. Умирать один раз!»

Рассвет поднял тётю Дуню на ноги, рассеял мучительные кошмары. Сердце её вдруг обожгла горячая радость, что Васёк жив, что, может быть, он уже близко...

Вечером в городе завыла сирена. Тётя Дуня спокойно вышла на дежурство и, шагая по двору с противогазом, громко командовала:

— Граждане! Спускайтесь в бомбоубежище! Спокойно, дорогие, спокойно! Слава богу, есть кому нас защищать! Всё у нас есть, и правда на нашей стороне...

Глава 3

ФРОНТОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Васёк Трубачёв, Саша Булгаков, Коля Одинцов, Мазин и Русаков приехали поздно вечером. Родной город встретил их грозным, предостерегающим воем сирены. Перебегая от дома к дому, под грохот орудийной пальбы товарищи пробирались по улицам. На вокзале Саша встретил

соседского паренька, который рассказал, что семья Саши Булгакова уехала вместе с заводом на Урал. Сначала Саша растерялся от этого известия, но когда над городом проплыли немецкие «мессершмитты» и от орудийной пальбы задрожала земля, он крикнул на бегу Трубачёву, закрывая обеими руками уши:

— Мал мала далеко! Там спокойно! Молодцы они, что уехали!

— Ко мне бежим! Я всех ближе! — не слыша его, отвечал Васёк.

У двора Трубачёвых стояла тётя Дуня в кожаной куртке, с противогазом на боку. Васёк и его товарищи чуть не сбили её с ног и, узнав, остановились как вкопанные.

— Тётя Дуня! — Васёк повис на её шее. — Тётечка, здравствуйте!

Тётя Дуня ахнула, обхватила его за плечи, потащила в дом. Товарищи, смущённо улыбаясь, двинулись за ними.

В маленькой кухоньке тускло горела лампа. Ребята сбросили у порога вещевые мешки.

— Батюшки, живой пришёл!.. Паша-то, Паша узнает!.. — поворачивая во все стороны Васька и прижимая его к себе, бормотала тётка.

— Где папа? Тётечка, где папа? — вырываясь из её рук, кричал Васёк. — Где он?

— Пишет, пишет нам отец. Вчера письмо прислал — раненых возит... Сейчас сменюсь с дежурства, найду письмо-то... Вот, ешь пока... да гостей угощай своих! — торопливо говорила тётя Дуня.

— Это не гости — это мои фронтовые товарищи! — горячо сказал Васёк. — Ты ничего не

жалей им, тётечка. Мы последний кусок вместе делили.

— Да разве мне чего жалко? Что ты! Что ты, господь с тобой!.. Ешьте, пейте, были б живы...— суетилась тётя Дуня, вытаскивая на стол всякие кулёчки, баночки. — Ешьте, ешьте, а я побегу...

* * *

«Батюшки, Васёк у меня дома! В бомбоубежище, что ли, их свести? Не случилось бы чего!» — с волнением думала она про себя, громко убеждая граждан не беспокоиться.

А в это время усталые и голодные ребята, наскоро уничтожив все запасы тёти Дуни, стояли у занавешенного окна, прислушиваясь к тяжёлым ударам зениток и гуденью самолётов.

— Пойдём! — нетерпеливо дёргал Мазина Петя Русаков. — Меня мать ждёт.

— Нас тоже ждут! Мы пойдём, Трубачёв! — торопились Мазин и Одинцов.

— Не надо, подождите! — удерживал их Саша. — Вдруг убьют? На самом пороге, подумайте только! У самого дома!

Васёк колебался. Он понимал нетерпение товарищей. Но на улице была уже ночь, и от гула орудий по спине пробегал неприятный озноб. Ну что, если осколок или воздушная волна!

— Не уходите, ребята! Только до утра останьтесь. А то мы с Сашкой не будем даже и знать, добежали вы или нет. Ну, хоть бомбёжку переждите... Давайте заберёмся на папкину кровать все вместе и переждём, ладно? — просил Васёк.

Ребята согласились.

Васёк прыгнул на отцовскую постель, обеими руками обхватил подушку и, зарывшись в неё лицом, счастливо засмеялся.

— Все, все полезайте! Всем места хватит, — приглашал он товарищей, отодвигаясь к стене.

Широкая, уютная кровать Павла Васильевича приняла всех пятерых, и через полчаса ребята крепко спали, уткнувшись друг в друга.

Васёк заснул последним. Мягкая подушка, словно тёплая отцовская рука, лежала под его горячей щекой, перед сонными глазами тихо качались и кланялись знакомые с детства вещи: «Здравствуй, Васёк, здравствуй, Рыжик...» Васёк жмурился, как от солнца. Но сон его часто прерывался тяжёлыми ударами зенитных орудий. Мальчик ближе придвигался к товарищам.

Мысли его убегали назад — к Мите. Он вспоминал тяжёлый, мокрый лес, запутанные тропы, идущих впереди дядю Якова и Митю. Изредка они перебрасывались словами, о чём-то советовались. Несколько раз, поворачивая к ребятам строгое, серьёзное лицо, Митя тихо командовал: «Ложись!» Они ложились и ползли, прижимаясь к мокрой земле.

Один раз, совсем близко от них, промчались на мотоциклах фашисты. Другой раз, под вечер, переходя вброд речку, они заметили немецкого солдата, стиравшего бельё... В минуту опасности Митя быстро взглядывал на ребят, лицо у него становилось твёрдым, словно оно было высечено из камня. Когда опасность оставалась позади, Митя улыбался им, кивал головой, а Яков Пряник тихонько подшучивал, ободряя весёлой прибауткой. Так они шли день и ночь, ещё день и ещё ночь и только к рассвету третьего дня перешли фронт. Васёк понял это в тот момент, когда из чащи леса вышли с винтовками три красноармейца...

Васёк вспомнил, как, прощаясь, Митя обни-

мал его и всех ребят по очереди, долго глядел в лицо каждому, торопливо повторяя: «Ну, всё... Езжайте домой... Поклонитесь школе от меня, ребята...»

А дядя Яков, подняв вверх густые выцветшие брови, задумчиво сказал на прощанье: «Главное в человеке — честность. От неё все качества».

Хорошие слова у Якова Пряника, о них надо ещё подумать, но сейчас думать не хочется. Васёк мысленно ещё раз обнимает Якова Пряника, Митю, передаёт привет Генке.

Он вспоминает, как, уходя, Митя несколько раз оглядывался и кивал головой...

Воспоминания Васька путаются, крепкий сон укладывает его голову на отцовскую подушку...

Прибежав с дежурства, тётя Дуня долго смотрела на смешные, сонные лица, оттопыренные по-детски губы, вихрастые головы. Осторожно поправила неловко согнутую ногу Мазина, положила на подушку голову Пети, покрыла всех пятерых одеялом и с уважением сказала:

— Ишь ты, фронтовые товарищи...

Глава 4

В ОПУСТЕВШЕЙ ШКОЛЕ

Школьный сторож Иван Васильевич сидит в своей каморке под лестницей. Целая пачка писем лежит перед ним на столе. Надев на нос очки, он медленно разворачивает написанные разными почерками листки, внимательно перечитывает их, сортирует, потом достаёт из ящика

ученическую тетрадь в две линейки и, вздыхая, пишет ответ. Ручка вертится в его неумелых пальцах, большие, жирные кляксы расползаются по бумаге.

— Эхе-хе... — кряхтит школьный сторож. — Не просто и отвечать на письма...

Вот письмо из Магнитогорска от матери Саши Булгакова на имя директора школы:

«...изболелась душа за нашего мальчика. Если есть какие вести, сообщите, дорогой Леонид Тимофеевич! Измучились мы, места себе не находим...»

Иван Васильевич откидывается на спинку стула и, глядя на эти строчки, качает головой:

— Что ж сообщать...

Не только семья Саши Булгакова не находила себе места.

Прибегали с работы мать Лиды Зориной и мачеха Пети Русакова. Долго медлили, прежде чем постучать в дверь. Тащилась через весь город бабушка Коли Одинцова. Плакала, сидя на крыльце. Перед отъездом на Урал приходили Митины старики и, молча посидев, ушли. Мать Коли Мазина лежала в больнице, она ни о чём не спрашивала.

Иван Васильевич отложил письмо Сашиной матери и взял другой конверт. Из конверта выпал ещё конверт с марками и обратным адресом: «г. Уфа, детский дом». Писала воспитательница Вали Степановой:

«Простите, что часто беспокою вас, дорогой Иван Васильевич. Нет ли вестей о наших детях? Я писала в Свердловск Леониду Тимофеевичу, но он сам ждёт вестей от вас, так как письма приходят на школу. Мне очень тяжело. Валя

пришла в детский дом совсем ребёнком и выросла на моих руках...»

Иван Васильевич устало трёт лоб. Под глазами у него набухли мешки, лицо осунулось, глаза потускнели; по ночам стала болеть спина.

«Измучились мы с вами, Иван Васильевич, нет сердцу покоя», — не раз говорила тётка Трубачёва, навещая старика.

Грозный вынимает из пачки ещё одно письмо — пишут родители Нюры Синицыной:

«...Примите срочные меры к розыску нашей дочери...»

— Эх, дети, дети! — вздыхает Иван Васильевич. — Много слёз из-за вас пролито...

Когда Сергей Николаевич привёз первую партию ребят, родители оставшихся встревожились, прибежали в школу, но, узнав, что со дня на день можно ждать Митю, разошлись по домам, обнадёженные. Прошло томительных три дня. Ни Мити, ни детей не было. Школа делала всё возможное, чтобы разыскать их: в Жуковку летели телеграммы, по пути следования поезда запрашивались самые крупные станции, Сергей Николаевич несколько раз звонил в Киев. Ответы получались неутешительные: Жуковка была разбита, враги бомбили шоссейные дороги, повсюду шла эвакуация детей. Маленькая кучка ребят со своим вожатым затерялась в гуще событий. Родители собирались в школе, забрасывали учителя вопросами, но Сергей Николаевич и сам не мог понять, почему Мити с ребятами до сих пор не было. Ведь легковая машина должна была в тот же вечер доставить их на станцию, и следующий поезд отходил на Киев в ту же ночь... Учитель в мельчайших подробностях рассказы-

вал всё как было. Бледный, измученный тревогой за ребят, Сергей Николаевич стал похож на человека, перенёсшего тяжёлую болезнь. Под глазами его легли чёрные тени, лицо осунулось. Леонид Тимофеевич не терял надежды и как мог успокаивал родителей.

А над городом уже появлялись вражеские бомбардировщики... Каждая семья провожала на фронт своих близких. Сергей Николаевич явился в военкомат, получил направление в часть и должен был спешно выехать.

Учитель покидал город с тяжёлым беспокойством в душе.

Серый от бессонных ночей, он шагал среди своих новых фронтовых товарищей, суровый и беспощадный к врагу. Дорожная пыль клубилась под его ногами, и в глазах неотступно стояли лица ребят.

Вскоре после ухода Сергея Николаевича на фронт в городке началась эвакуация. Выезжали детские дома, школы, заводы, фабрики. Ушёл на фронт отец Пети Русакова, уехал с ополченцами отец Лиды Зориной, эвакуировалась вместе с заводом семья Саши Булгакова. Синицыны, не дождавшись дочери, перебрались в Уфу. Туда же был вывезен детский дом Вали Степановой. Из роно Леониду Тимофеевичу пришло распоряжение вывезти ребят в Свердловск.

На вокзале толпились отъезжающие школьники. Их сопровождали вожатые и учителя. Многие учителя уходили ополченцами на фронт.

Грозный остался один в опустевшей школе. Каждое утро, потряхивая связкой ключей, он шёл по коридору, открывал классы, стирал пыль со столов и парт. Потом присаживался на сту-

пеньку маленькой школьной сцены и, подняв вверх голову, слушал, как гудят под потолком осенние мухи.

Под вечер он разбирал пачки писем, полученных на адрес школы. Вытирая со лба обильный пот, старик часами просиживал за своим столом. Иногда, опершись головой на руку, он незаметно для себя задрёмывал. Во сне слышался ему заливчатый школьный звонок, задорные голоса школьников, дружный топот по коридору...

«Во двор, во двор пожалуйте! Вам где приказано гулять? Ишь вы!» — кричал Грозный и, просыпаясь от собственного голоса, с испугом оглядывал пустую каморку.

* * *

Сейчас Грозный не спит, и не во сне, а наяву он слышит топот ног на крыльце, слышит знакомые детские голоса. Он медленно выпрямляется, протягивает руку к своей мохнатой шапке.

На крыльце хлопает дверь, осторожно стучат по коридору чьи-то каблучки, со скрипом отворяются двери.

— Эй, кто там? — кричит школьный сторож. Глаза у него блестят, в голосе появляются знакомые грозные нотки. — Кто там ходит?

Шум мгновенно стихает. Осторожно открывается дверь, в неё просовываются головы девочек, за ними выглядывает ещё несколько голов:

— Это мы...

Грозный делает два шага вперёд и останавливается.

— Иван Васильевич, миленький! Не узнали нас? Это мы, четвёртый «Б»... то-есть пятый «Б»...

— Иван Васильевич, здравствуйте!

Лида и Нюра тормошат старика:

— Не узнали нас? Не узнали нас?

Мальчики со всех сторон обступают школьного сторожа:

— Здравствуйте, Иван Васильевич! Здравствуйте!

Ключи со звоном падают из рук старика.

* * *

В каморку школьного сторожа заглядывает тусклое осеннее солнце. Ребята сидят на сундуке, на кровати, на табуретках, придвинутых к столу. Грозный не спеша надевает очки, осторожно вынимает из конверта листок почтовой бумаги, исписанный крупным почерком учителя.

— Не мне это письмо писано, да вот взял на душу грех — распечатал, — говорит Иван Васильевич.

— Читайте! Читайте! — нетерпеливо шепчут ребята.

— «Здравствуйте, дорогой Леонид Тимофеевич! Ещё так недавно расстались мы с вами, а кажется — прошли годы...»

Ребята слушают, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Грозный медленно переворачивает страницу:

— «...Среди эвакуированных, попадавшихся нам по пути, я видел много ребят. Все они казались мне похожими на наших. На привале товарищи вспоминали свои семьи. Я слушал их тихие, душевные разговоры и думал о кучке ребят, затерявшихся где-то на украинских дорогах: думал о Мите, мысленно представлял себе Трубачёва, Севу Малютина, девочек, Мазина и Русакова, Колю Одинцова... Наутро мы шли в бой. Каждому из нас было что защищать. Я просто не узнавал вчерашних мирных людей, вспоминавших на привале своих детей и жён, — они дрались бешено и упорно, отстаивая каждую пядь своей земли...»

Грозный останавливается и поверх очков смотрит на ребят.

— Читайте! — шепчут за его плечом взволнованные голоса.

Грозный читает. В каморку медленно заползают сумерки, серые осенние тучи совсем закрывают слабый, желтеющий свет солнца. Старик придвигается ближе к окну:

— «...Прощайте пока, дорогой Леонид Тимофеевич! Обнимите нашего доброго Ивана Васильевича и, если вернутся мои ребята, передайте им, что наступит счастливый день победы, и мы снова будем вместе».

Грозный складывает письмо.

— Подождите, Иван Васильевич! Дайте, дайте подпись посмотреть!

Ребята вскакивают и, наклоняясь над письмом, жадно вглядываются в коротенькую подпись: «Сергей Николаевич».

Глава 5

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Серая, глухая, безрадостная осень окутала маленький городок. Как будто никогда не было яркого солнца, зелёных деревьев, свежей травы в палисадниках. По чёрным стволам бегут дождевые капли, прибилась к мокрой земле увядшая трава... Нет солнца!

Но никто и не вспоминает о солнце, о зелёных деревьях, о свежей траве. Люди не обращают внимание на дожди, на ветры, на грязь и слякоть.

Тревожно в городе, тревожно вокруг города, хмуро шагают по улицам граждане, не слышно громких голосов. Все знают — полчища врагов стягиваются к Москве. Люди лихорадочно и упорно работают на оборону. Редкий человек ночует дома — бо́льшую часть времени каждый проводит там, где он нужен в данный момент.

Прошёл праздник 7 ноября. Незабываемые слова вождя подняли силы, укрепили веру в победу. Дружной семьёй сплотился советский народ. Каждый почувствовал себя частью той великой преграды, о которую должен был сокрушиться враг. Люди трудились не покладая рук.

Севина мама работала на заводе. Мачеха Пети Русакова, Екатерина Алексеевна, ночи напролёт просиживала в редакции районной газеты, чтобы город мог рано утром получить свежие новости. Многие женщины шили и вязали тёплые вещи для бойцов.

Выйдя из больницы, мать Коли Мазина тоже

стала вязать носки и варежки для армии. Коля, скучая, смотрел, как быстро двигаются спицы в худых пальцах матери. Он томился без дела. При объявлении воздушной тревоги первый выскакивал на улицу и, охотясь за зажигательными бомбами, приводил всех в изумление своей ловкостью.

Дружба Коли с Петей Русаковым иногда нарушалась ссорами. Петя во всём старался помочь матери и много времени проводил дома. Мазин скучал без товарища. Однажды, когда Петя появился на пороге его дома, он отвернулся и грубо крикнул:

— Киш! Иди отсюда, сыночек!

Петя, вспыхнув, подскочил к товарищу:

— Ты что, драки хочешь?

Мазин удивился, засучил рукава, но потом раздумал и, скучно улыбаясь, сказал:

— Мне дело нужно, а не драка!

Не один Мазин тосковал о настоящем деле — отсутствие этого дела мучило и его товарищей. Ребята не находили себе места оттого, что они стали вдруг бесполезными в такое время, когда все люди кругом без устали работают. Ещё так недавно на Украине они как могли помогали взрослым. Им хотелось бы и сейчас вместе со всеми людьми что-то делать для общей пользы. А день шёл за днём, и непривычное безделье становилось всё тяжелее.

Саша Булгаков жил у Васька. Оба они часто бывали у Севы. Туда же приходили девочки, Коля Одинцов, Мазин и Русаков. Собравшись все вместе, хмуро глядели друг на друга.

— Зачем мы приехали? — с укором спрашивал Мазин. — Какая от нас польза здесь?

— Я говорил вам: останемся, а вы все Трубачёва слушались, вот и сидите теперь! — поддерживал его Петя Русаков.

Васёк вспыхивал гневом:

— Я не распоряжался! Там старшие были!

— При чём тут Васёк? Нам сказано было уезжать — и всё. Как это мы могли остаться? — удивлялся Сева. — О чём вы говорите?

— Неблагодарные! Вот уж неблагодарные! — возмущённо кричала Лида.

— «Неблагодарные! — примолвил Дуб ей тут...» — пробовал шутить Петя. Но Нюра Синицына резко обрывала его:

— Оставь!.. Я удивляюсь вам, ребята! Скоро же вы всё забыли! Да ещё на Трубачёва нападаете, а ему больше всех на Украине досталось. Думаете, легко ему было...

Ребята начинали смущённо оправдываться:

— Васёк, ты не подумай чего-нибудь, это мы так!

— С горя! — усмехался Мазин и, подойдя к Трубачёву, ласково заглядывал ему в глаза: — Ты не сердись. Нам дело нужно... понимаешь, дело!

Васёк не сердился. Он чувствовал себя плохим командиром, распустившим свой отряд. Он сам обвинял себя в том, что его отряд бездействует.

— Остаться мы не могли, понятно? И об этом разговор надо кончить. И о геройстве мечтать нам нечего, а то пока мы думаем да раздумываем, все люди работают, а мы без дела шатаемся. И не учимся даже! — хмуро говорил он товарищам.

— Конечно! Лишний разговор это, ребята, —

поддерживал его Коля Одинцов. — И вообще... нехорошо как-то получается... Люди везде работают, никакой работой не гнушаются, лишь бы на пользу. Ремесленники дороги чинят, дома ремонтируют, ребята по дворам бутылки собирают, а мы всё ищем чего-то особенного.

— Давайте пока хоть бутылки или железный лом собирать, это всё нужно для фронта. Давайте правда, ребята? — предложил Саша.

Ребята согласились, но неожиданно для них нашлось другое дело.

Глава 6

ГОСПИТАЛЬ

Моросит мелкий, осенний дождик. У ворот школы останавливается грузовик, доверху наполненный железными койками. Двое рабочих торопливо сбрасывают койки на землю, прыгают в кузов и отъезжают.

— Живо убирайте! Сейчас матрацы привезём! — кричат они двум девушкам-санитаркам, выбегающим со двора.

Койки, выкрашенные зелёной краской, штабелями лежат у забора.

— Сбросили у ворот и уехали! Хоть бы во двор внесли! — сердятся санитарки, хватаясь за липкие спинки кроватей.

С крыльца быстрыми шагами сходит Грозный, затягивая ремешком старое, порыжевшее пальто. Опережая Грозного, прыгает со ступенек Васёк Трубачёв.

— Ребята, сюда! Койки привезли! Живо! — кричит он на бегу. — Коля! Саша!.. Койки!

Из глубины двора, где кучей свалены брёвна, выбегают ребята. Около ворот закипает работа.

— Поднимай! Поднимай!

— Боком, боком поворачивай! За ножки придерживай!

— Куда нести?

— В зал?

— Иван Васильевич, в зале шестнадцать коек станет — мы высчитали!

— Ребята, по двое берись!.. Куда тащите? — кричат санитарки.

Грозный, кряхтя, суетится вокруг коек, потом бежит к крыльцу.

— Ноги вытирайте! Весь коридор затопчете! Зачем половик положен? — ворчит он на санитарок.

— Ладно, дедушка! Сами затопчем — сами и вымоем. Не видишь — матрацы везут, а мы ещё с койками возимся!

— Эх вы, санитары! У меня все ребята ноги вытирали, я их без этого ни одного в класс не пускал, — ворчит Грозный.

— Сашка, бегом, бегом!.. Девочки, в зал идите! — командует Трубачёв.

— Васёк, матрацы везут!

Ребята тащат койки, Лида и Нюра расставляют их в зале.

— Лида, здесь тумбочки нет. Возьми в классе, там лишняя. Ставь между кроватями!

Сева бегает с тряпкой, вытирает мокрые железные сетки.

У ворот буксует машина. На ней возвышает-

ся гора красных полосатых матрацев, покрытых сверху брезентом.

— Толку у вас нет! Куда в дождь матрацы везёте? Где их сушить? — ругается Грозный.

— Приказано, отец... Бери, бери! Не ругайся зря! Спешка, ничего не поделаешь... А ну, а ну, ребята! На плечи кладите... Вот это молодцы!

Ребята, согнувшись под матрацами, один за другим бегут по двору. Сильные девушки-санитарки берут по два матраца и медленно шагают к крыльцу.

— Живо, красавицы! Гляди, дождь, промочит! — подгоняют их рабочие.

Васёк хлопает себя по лбу:

— Эх, не догадались сразу! Сашка, за мной! Мазин!

Он бросается в раскрытый сарай, вместе с Сашей вытаскивает приготовленные для раненых носилки:

— Дядя, клади! Больше клади!

— Вот это голова! Вот это стахановец! — шумно одобряют рабочие. — Стой! Хватит с них. Тяжело будет.

Санитарки тоже хватают носилки. Машина быстро пустеет и, пятясь задом, отъезжает от ворот.

В зале между койками ходит Грозный, ощупывает матрацы.

— Затопить надо. Беги, Малютин, за спичками, на столе у меня возьми, а я дров принесу.

Сева бежит за спичками. Иван Васильевич тащит дрова, гремит заслонками и, присаживаясь на корточки перед печкой, тихонько ворчит:

— Эх, на охоту ехать — собак кормить! Раньше бы затопить надо!

Лида подкладывает ему сухие щепки.

Васёк Трубачёв, Мазин, Саша и Одинцов в боевой готовности стоят у ворот.

— Везут! Везут! — громко кричат они, завидев на улице грузовую машину.

Машина подъезжает к воротам.

Ребята носят одеяла, подушки, сложенное столбиком бельё. Во дворе появляется строгая высокая сестра в чёрном пальто, накинутом на халат. Она обходит классы, зал, на ходу бегло здоровается со школьным сторожем, спускается в раздевалку, делает замечания санитаркам.

— Это что ж за птица такая? — неодобрительно оглядывает её Грозный.

— Это старшая сестра, Нина Игнатьевна, — на ходу поясняет ему санитарка.

— Почему здесь ребята? Зачем они здесь? — доносится из коридора голос старшей сестры.

Ребята тихонько шмыгают на крыльцо.

— Пойдёмте дрова колоть, — хмуро говорит товарищам Васёк, — дров мало.

Старшая сестра смотрит в окно. По стеклу бьются мелкие капли дождя. Около сарая возятся мальчики. Одинцов и Саша пилят мокрое бревно, Васёк колет дрова, Лида и Сева носят в сарай поленья, Нюра собирает щепки, Петя и Мазин тащат брёвна.

— Это чьи ребята? — спрашивает Нина Игнатьевна.

— Это школьники, воспитанники этой школы, — вырастая за её плечом, с достоинством говорит Грозный и, заложив руки назад, важно шествует в свою каморку.

Под вечер в тёплой, уютной школе появляют-

ся первые раненые. Ребята со страхом и сочувствием смотрят, как из санитарной машины выносят на носилках закутанных в одеяла людей, видят на подушках изжелта-бледные лица, лихорадочно блестящие глаза, слышат стоны... Хромая и опираясь на санитарок, идут по двору молодые, безусые, и пожилые, бородатые, бойцы. Нина Игнатьевна стоит на крыльце, молоденькая сестричка осторожно ведёт раненого красноармейца.

— Ничего, ничего, голубчик, сейчас мы вас уложим, перевязку сделаем... — мягко говорит старшая сестра.

Врачи в белых халатах, накинутых поверх военных гимнастёрок, принимают раненых в бывшей учительской. Запах йода и ещё каких-то лекарств распространяется по коридорам.

— Ребята, завтра чуть свет опять сюда. Работа найдётся! — говорит товарищам Васёк.

* * *

Время шло. Васёк и его товарищи работали в госпитале.

Старшая сестра уже не спрашивала, чьи это ребята: она знала их всех по именам и, смеясь, называла «скорой помощью».

— Сестричка, пошлите ребят, пускай газетку почитают, — просили раненые.

— Васёк, отряди кого-нибудь в пятую палату письма писать!

— Нюра, посиди около Петрова. Он очень по

своей дочке тоскует, поговори с ним! — напоминала Нина Игнатьевна.

Вечерами ребята читали раненым книги из школьной библиотеки. Смешные фигурки в длинных белых халатах вызывали у красноармейцев добродушные улыбки.

— Сюда, сюда, профессор! Посерединке садись, чтоб никому не обидно было...

Ребята возвращались из госпиталя только поздно вечером.

Вместе с ними в госпитале работала и тётя Дуня. Скромное место поварихи она приняла с волнением и благодарностью. В раздевалке, оборудованной под кухню, на громадной плите сияли начищенные до блеска котлы. Ранним утром в котлах уже весело булькала вода; тётя Дуня сыпала в котлы крупу и, вооружившись длинной деревянной ложкой, помешивала кашу.

Санитарки, гремя подносами, уносили из кухни завтрак и в полдень прибегали за обедом. Тётя Дуня, в белом халате, раскрасневшаяся от горячей плиты, пробовала на вкус каждое кушанье и доверху наливала тарелки.

— Ты спроси, вкусно ли. Может, не нравится моя стряпня? — беспокоилась она.

Но «стряпня» нравилась. Нина Игнатьевна хвалила повариху, а раненые почтительно называли тётю Дуню «мамашей» и запросто обращались к ней с просьбой сделать хлебный квас или побаловать их солёными огурчиками. Тётя Дуня ставила квас, посылала судомойку в погреб за огурчиками и, натоптавшись за день, спешила домой, чтобы наутро снова стать у плиты.

* * *

Саша попрежнему жил у Васька. Вечерами они забирались на широкую кровать Павла Васильевича, говорили о госпитале, о Сашиных родных, о Мите и обо всех, кто остался в партизанском лагере. Потом, уткнувшись в подушку, оба замолкали.

— Васёк, о ком ты сейчас думаешь? — приподняв голову, спрашивал Саша.

— О папе, — шопотом отвечал Васёк. — А ты?

— О маме.

— Спите, спите! — откликалась из кухни тётя Дуня. — Завтра рано вставать! В котлах у меня вода не налита, дрова сырые... Ох ты, господи!

Но Ваську не спалось. Мысли его подолгу останавливались то на одном, то на другом близком человеке. Давно не было Тани...

Васёк виделся с ней только один раз. Забежав на одну минутку, Таня крепко прижала к себе его голову, сбросила с ресниц быстрые слезинки, тихо шепнула на ухо:

— Золотой ты мой, сколько ж я поплакала из-за тебя!..

Васёк начал рассказывать ей что-то, но она торопилась, не слушала:

— Потом, потом расскажешь! Некогда сейчас.

С тех пор она больше не появлялась.

— Тётя, а где наша Таня? — тоскливо спрашивал Васёк. — Почему она не приходит?

— Мало ли дел-то у ней... Она ведь комсомолка, впереди всех должна быть, — отвечала тётя Дуня.

Глава 7

ПОДРУГИ

Быстро надвигаются сумерки. В комнате чуть белеет застланная белым одеялом кровать, и смутно отсвечивает на стене зеркало.

Девочки зашторивают окна и зажигают свет. Лидина мама на работе, соседи — тоже. Квартира кажется пустой и тихой. Лида и Нюра сидят рядышком в большом папином кресле и перечитывают письмо тёти Ани, воспитательницы детского дома, где жила Валя:

«...Спасибо вам, девочки, за хорошее письмо. Много в детском доме дорогих мне детей, но сколько бы ни было детей у матери, никогда один не заменит другого. Тяжело мне без Вали. Как только можно будет, поеду в Макаровку, посмотрю, где она жила, посижу на вашей полянке. Пишите мне чаще. Всё, что вспомните о Вале... Говорила ли обо мне моя дорогая девочка, вспоминала ли свою тётю Аню?..»

— Говорила... всегда говорила... Помнишь, Нюра?

Перед девочками встаёт лесная поляна. Яркое солнце заливает широкий пень. Золотыми тонкими ниточками разлетаются пушистые волосы Вали, на губах её — светлая улыбка.

«...Тётя Аня всегда знала, что кому хочется. И как это она всегда знала?» — удивлённо сказала тогда Валя.

Воспоминания обрываются слезами.

Лида крепко обнимает за шею Нюру.

— Валя не хотела бы, чтобы мы столько

плакали, — говорит она, сморкаясь в мокрый платок.

— Я никогда не забываю её, что бы ни делала, что бы ни говорила... — тихо отвечает Нюра.

Лида достаёт конверт и бумагу. Девочки пишут письмо в детский дом:

«Мы всё плачем, тётя Анечка. Нам так тяжело. И вы нам как родная, потому что вы тоже любили Валю. Вы были для неё самой дорогой, она всегда вспоминала вас».

Лида задумывается.

— Почему мальчики никогда не напишут тёте Ане? Они как будто совсем забыли Валю, — грустно говорит она. — Я даже обижаюсь на них за это.

— Мальчики — совсем другие люди, — мягко оправдывает товарищей Нюра. — Они хорошие, только скрытные. При них если вспомнишь что-нибудь и заплачешь, то сразу они надуются и замолчат, а нам поговорить хочется. Вот и тётю Ульяну они редко вспоминают, и Марусю, и Павлика. А ведь мы у них жили, как в своей семье. Тётя Ульяна была смелая и добрая, жалела нас. Маруся тоже как родная. А без Павлика как скучно! Помнишь, в лесу мы его закутали в одеяло и все по очереди на руки брали, чтобы он спал?.. Ну, да что вспоминать! Пиши, Лида!

Девочки снова принимаются за письмо:

«Миленькая тётя Анечка, мы так хорошо жили раньше, а война всё у нас отняла. И нашу Валю... Мы так мечтали вместе о школе...»

Быстрая слезинка сбегает по Лидиной щеке и капает на листок. Лида поспешно стирает кончиком платка мокрое пятнышко.

— Не пиши тут, а то чернила расползутся, — серьёзно предупреждает её Нюра. — И вообще не надо больше про Валю. Давай про других детей что-нибудь напишем.

Девочки долго сидят над письмом.

— Нехорошо всё-таки, что мальчики ей ни разу не написали. Всё у них какие-то другие дела находятся... — говорит Лида. — Как ты думаешь, плачут они, когда вспоминают всё, что было на Украине?

— Плачут наверно, только так, чтобы никто не видел, — вздыхает Нюра. — Они ведь тоже всех любили, только они мужчины...

— Да, мужчины! — живо подхватывает Лида. — А помнишь, как они пришли на поляну в первый раз к нам? Чёрные, худые... И такие испуганные стояли, даже ничего не говорили сначала. Как маленькие... Мне их потом так жалко стало!

Нюра обхватила руками коленки и грустно задумалась. Потом лицо её посветлело.

— А помнишь, как мы прощались с тётей Ульяной? И с Павликом? Павлик меня за шею так крепко-крепко обнял — испугался, что мы уходим... — Голос у Нюры задрожал.

— А Маруся не плакала, — вспомнила Лида. — Она крепкая... Она только сказала: «Побьём Гитлера — назад приходите, будем одной семьёй жить».

— Вот если б кто-нибудь подарки наши им передал!

Нюра вытащила из-под кровати заветный ящичек. Там были сложены все сокровища девочек, приготовленные для посылки в Макаровку: тёплая шапка с ушами и блестящий новенький

паровозик для Павлика; лента и общая тетрадь для Маруси; леденцы и книжки с картинками для других ребят; тёплый платок Лидиной мамы для Миронихи. В ящике было ещё много места.

— Вот мне твоя мама разные тряпочки дала — может, носовых платочков Павлику нашить? Он их всегда терял. Прямо не знаю, что с ним делать, такой рассеянный мальчик! — озабоченно сказала Нюра.

— Надо ему сумочку сшить через плечо. Вот из этого! — Лида вытащила из кучи тряпок кусок зелёного сукна.

Девочки разворошили по всей кровати разноцветные тряпочки.

— Это можно Марусе на воротничок, а это — Фене... Смотри, хорошо?

Примеряли, советовались, решали.

— Всё пригодится. У них там сейчас ничего нет. Помнишь, как мы Павлику тюбетейку шили?

Снова начались воспоминания.

Глава 8

ДОРОГИЕ ВЕСТИ

Саша получил письмо от матери. Когда из конверта выпала карточка и Саша увидел свою мать с Витюшкой на руках и всех своих мал мала меньше, слёзы градом брызнули из его глаз.

Ребята испугались:

— Что там, Саша? Что случилось?

— Ничего... ничего не случилось... Вот они... все тут... с мамой... — всхлипывал Саша и, стесняясь своих слёз, оправдывался: — Вы не думай-

те, что я кисляй какой-нибудь или шляпа... я просто от радости...

— Ну что ты, Саша! Мы не думаем, мы знаем, — заверили его товарищи. — Это ведь твои родные.

— Ясно. Плачь себе сколько хочешь, кто тебе мешает, — добродушно разрешил Мазин и тут же, взглянув на карточку, серьёзно добавил: — Я бы сам заплакал, если б у меня их столько было!

Сашина мама писала, что они надеются скоро вернуться домой, благодарила тётю Дуню и Васька за гостеприимство, оказанное её сыну.

Тётя Дуня была тронута и велела Саше написать родителям, что она его за чужого не считает и во всём ставит наравне с Васьком.

Карточка переходила из рук в руки, товарищи подробно разбирали, кто на кого похож, какого характера и как кого надо воспитывать.

— Девчонок — уговорами, а мальчикам и шлепка иногда давать.

— Я буду, буду!.. Только не больно, а так себе, — радостно соглашался Саша.

После письма матери Булгакова на школу со случайной оказией пришло письмо от Мити. Ребята разволновались, по очереди держали его в руках, вглядывались в Митин почерк и глубоко вздыхали.

— Подумать только, откуда это письмо! Из самого лагеря, из лесу! Мне кажется, оно даже пахнет хвоей! — прикладывая письмо к щеке, сказала Лида.

— Не хвоей, а самым обыкновенным порохом, — потянув носом, заявил Мазин.

— Конечно! Вот так Митя сидел, а так на

столе винтовка лежала. А может, и порох... Очень даже просто! — подхватил Петя.

— Замолчите вы! Давайте скорей читать, — торопил Васёк. — Одинцов, читай!

Письмо читали в госпитальном сарае, примостившись на брёвнах.

«Здравствуйте, дорогие мои ребята! — писал Митя. — Часто хочется мне поговорить с вами, пишу длинные письма, долго ношу их в кармане, жду случайной оказии, чтобы отправить. Что поделаешь, письмо — не птица. Но сегодня уж случай верный, письмо это вы получите. Так и вижу ваши вихрастые головы, склонённые над моими листочками... В горле першит даже... Иногда так потянет к родному огоньку, домой... Стыдно мне, взрослому дяденьке, а скажу вам по секрету, что многое дал бы я, чтоб хоть на одну минуточку забежать в свой домишко к матери. Небось, морщинок-то новых сколько у неё прибавилось из-за меня! Ну ладно! Передайте ей — шибко бью я фашистов.

Недавно посланы мы были в село Макаровку с заданием. Кой-кого из своих нужно было выручить. Вот идём. Ночь, тишина... Под ногами скользкая земля. Дорогу плохо знаем. Я один раз только с Яковом за вами приходил, и то тоже ночью. Ну, как-никак, задание выполнили, выручили товарищей, только «втихую» не удалось — пришлось в ход гранаты пустить. Одним словом, потревожили логово, поднялся шум. Уходить надо... А куда? Вышли за село, сбежали в овраг — вдруг смотрю, за дубами что-то светлеет в темноте. Огляделся — а это под берёзкой большой букет белых бессмертников лежит.

Сразу узнал место — Валина полянка. Лес рядом — значит, дорога найдена. И на душе, ребята, так стало светло, словно ещё разок довелось мне встретиться с вашей подружкой.

Ну, обо мне довольно, хочется поговорить о вас. Учитесь ли вы, помогаете ли взрослым? Генка учится. Он не хочет пропустить год. И теперь, когда выдаётся свободный вечерок, сидит в землянке за книгой и, стиснув зубы, старательно выписывает слова под диктовку тёти Оксаны или занимается с Коноплянко.

Вам тоже надо обязательно учиться. Если в этом году в школе нет занятий, беритесь за книги сами. Разбалтывается человек без учёбы, трудно будет потом себя в руки взять. Конечно, сейчас в тылу жизнь тоже тяжёлая... Как вы живёте, я плохо представляю, но учёба — это ваше главное дело. Учёба и труд. Плечи у вас крепкие, головы умные, совесть пионерская. Нельзя вам сидеть сложа руки. Вы не обижайтесь — я в вас, как в самом себе, уверен. На всякий случай пишу.

А вот если вам нужна помощь взрослых, ступайте в райком комсомола, посоветуйтесь. Помните всегда, что комсомольцы — ваши старшие братья, с ними нужно говорить попросту и с полной откровенностью. Не теряйте времени. Деритесь, ребята, за учёбу, не бойтесь никакого труда, чтоб в это тяжёлое время не было на вашей совести ни единого пятнышка.

Ну, а теперь давайте мне свои загорелые лапы. Когда-то ещё доведётся послать весточку! Обнимемся на всякий случай!

Ваш *Митя*»

Одинцов достал платок и громко высморкался.

— Всё, — тихо сказал он, опуская на колени письмо.

— Митя пишет, что он плохо знает сейчас нашу жизнь, а совсем наоборот, — неясно сказала Лида.

Нюра, отойдя в сторонку с письмом, тихо перечитывала какие-то строчки. Васёк о чём-то думал, хмуря лоб и покусывая большой палец.

— Генка в партизанской землянке за книгой сидит, а мы что? — неожиданно громко сказал Одинцов.

— А мы работаем... — неуверенно ответил Петя.

— «Работаем»! Можно и учиться и работать, — буркнул Мазин, искоса взглянув на Васька. — Разболтаемся без учёбы, тогда кто виноват будет?

— Надо вообще подумать. У нас год пропадает... Все ребята, которые уехали, учатся, а мы что же, второгодниками будем? — с грустью спросил Сева.

Ребята вскочили:

— Ещё чего не хватало!

Васёк быстро поднял голову:

— Второгодниками? Ни за что! Надо сейчас же браться за учёбу!

— Чудак! В нашем городке всего-то две школы — наша да начальная. И вообще, школы закрыты. Многие учителя в ополчение ушли, а другие с ребятами на Урал уехали. Когда ещё школа откроется! — сказала Нюра.

Васёк вскочил на бревно:

— Сами будем заниматься! Любыми спосо-

бами! Говорите прямо, кто как решил, чтоб потом не отступать. Будем драться за учёбу или останемся на второй год?

— Будем драться!

— Ну, смотрите! Чтоб потом не говорили... Мы ещё не знаем, что в пятом классе проходят, может очень трудно будет. Тогда, чур, не жаловаться! Одинцов, ты как?

— Я второгодником не буду!

— Ладно. Нюра Синицына?

— Я не буду! — испуганно замотала головой Нюра.

— Что не будешь?

— Второгодницей не буду!

— Хорошо. Петя Русаков, Саша, Малютин, Лида?

— Мы второгодниками не будем!

— Мазин?

— Я из кожи вылезу, а перейду в шестой класс!

— Мазин без кожи влезет в шестой класс! — хмыкнул Петя.

Но Васёк сердито блеснул на него глазами:

— Значит, решили?

— Решили!

— Как на фронте: драться до победы, — улыбнулся Коля Одинцов. — Только с чего начнём?

— Пойдёмте сейчас в райком комсомола, — расхрабрился Васёк.

— Куда? Куда?.. Ты с ума сошёл! У них там своего дела много! Да зачем мы пойдём?

— Как зачем? Посоветоваться!

— Подожди! Нельзя так, сразу — надо сговориться, — забеспокоился Одинцов.

— Конечно, куда это мы так с бухты-барахты?

— Какие ещё бухты-барахты? Нам учиться нужно!

— Мало ли что нам нужно! Сейчас война, все заняты, а мы придём как дурачки: здравствуйте, открывайте для нас школу! — Петя скорчил гримасу.

Товарищи засмеялись.

Васёк махнул рукой:

— У нас всегда так: ни одно дело решить нельзя — вечно какие-то дурацкие шутки начинаются...

— Да ведь ты сам засмеялся! — напали на него ребята.

— А я что, не такой же человек?

Ребята снова рассмеялись.

— Нет, правда, идёмте лучше по домам и всё обдумаем, а то мы сейчас такие расстроенные, — примирительно сказал Петя, с трудом сдерживая смех.

— Верно, пойдёмте.

Ребята вышли из ворот госпиталя. На улице снова перечитали письмо Мити.

Подходя к дому, Васёк остановил товарищей и серьёзно сказал:

— Я сегодня подумаю, где и как нам учиться, а вы не разбалтывайтесь больше. Хватит!

Вечером он долго ходил по комнате. Что делать, с кем заниматься? Улёгшись в постель, достал из-под подушки заветные письма отца. Павел Васильевич уже знал, что его Рыжик нашёлся. Письма были полны радостных надежд на будущее.

«...Когда мы победим, Рыжик, счастливей нас

никого на свете не будет. Вот только учёбу, сынок, не забывай...»

На другой день Васёк собрал ребят:

— Вот что! Попросим Екатерину Алексеевну с нами заниматься. Утром будем учиться, после обеда работать в госпитале, а вечером делать уроки.

— А кому же собирать лом и бутылки? — усмехнулся Мазин.

Ребята задумались.

— Вот сразу сколько дела набралось! Даже времени на всё не хватает, — с удовольствием сказал Одинцов. — А мы не знали, за что браться!

* * *

Заниматься с ребятами Екатерина Алексеевна согласилась охотно, но, узнав, что они хотят пройти всю программу за пятый класс, решительно запротестовала:

— Что вы, ребята! Ведь в пятом классе много предметов. Не стоит и браться за такое трудное дело. Давайте лучше повторим пройденное, попишем диктанты, сочинения, порешаем задачки.

Ребята молчали.

— Мы не хотим потерять год, мама, — пояснил Петя.

— Надо достать программу пятого класса, — сказал Васёк, обращаясь к товарищам.

Екатерина Алексеевна пожала плечами:

— Ну что ж, достаньте программу, посмотрим вместе.

Глава 9

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО

Ребята сбегали в школу, с помощью Грозного разыскали программу пятого класса, учебники. Притащили к Екатерине Алексеевне классную доску и целый пакет мела.

Екатерина Алексеевна разложила на столе учебники, наклонилась над программой.

— «География»... «Ботаника»... «История древнего мира»... «Русский язык и литературное чтение»... «Арифметика», — медленно читала она, слыша за своей спиной дружное посапывание. — Арифметика! — Она подняла голову. — Ну, вы сами видите, сколько предметов!

Лица у ребят вытянулись, посерели.

— Ничего такого особенного... — начал Петя.

— Мы будем стараться изо всех сил! — умоляюще складывая руки, прошептала Лида.

Мазин ткнулся носом в учебники, задумчиво взвесил их на ладони. Ребята расхохотались.

— Ну вот! — с облегчением сказала Екатерина Алексеевна. — Убедились?

— Нет, — быстро ответил Васёк, — мы ничуть не убедились. Мы будем драться за учёбу.

— У нас ведь ещё много времени — правда, ребята? — сказала Лида.

— Конечно! Неужели не пройдём? Мы всё пройдём! — зашумели вокруг ребята.

— Мамочка, ты только согласись с нами заниматься! — попросил Петя.

Екатерина Алексеевна досадливо сдвинула брови:

— Да поймите вы наконец, что одному человеку невозможно с этим справиться! Ну, предположим, я пройду с вами курс пятого класса по русскому языку... я сама очень люблю этот предмет... ну, скажем, я ещё могу взять на себя историю, но ведь я же не специалист. Ведь есть и другие предметы. Арифметика, например, мне очень трудна. И что за упрямство такое, не понимаю! Как только откроются школы, вы спокойно пройдёте всё это в пятом классе... Я, конечно, понимаю, что вам очень жаль терять год, но что

же делать! — Она поглядела на притихших ребят и покачала головой. — Бросьте об этом думать! Давайте пока повторять пройденное. Только приходите каждый день аккуратно к десяти часам утра.

— Придём! Мы ещё раньше будем приходить, — пообещали обрадованные ребята.

Выйдя на улицу, Васёк весело потёр руки:

— Ну, начало положено! Остальное обдумаем потом. Завтра собирайте книжечки, тетрадочки, карандашики — начнём учиться! — Он похлопал по плечу сияющего Петьку: — Молодец твоя мама! Хорошая женщина!

— Очень хорошая! — дружно подтвердили ребята.

Глава 10

ДОМ ПЕТИ РУСАКОВА

После приезда с Украины Петя Русаков особенно ясно ощутил себя в своём собственном родительском доме. Он хорошо помнил, как ещё в прошлом году осторожно подходил к этому дому, как из тёмного палисадника недружелюбно смотрели на него четыре окна их квартиры. Вспомнил хмурого отца, вспомнил холодный обед, который он наскоро съедал один в пустой комнате. Вспомнил вечный страх одиночества и единственную радость, которую ему давала дружба Мазина. Вспомнил Петя, как перед зимними каникулами товарищи приглашали друг друга в гости, а он никогда никого не мог пригласить к себе, потому что у него не было дома. Дом принадлежал его отцу, а у него, у Пети, были там только неуют-

ная койка за ширмами и закапанный чернилами стол, за которым он учил уроки, тревожно прислушиваясь к тяжёлым шагам отца и поглядывая на дверь.

Петя очень любил Мазина, он был благодарен ему за дружбу, никто не мог бы Пете заменить Мазина, но сейчас Петя Русаков уже не был одинок. С приходом новой матери в его жизни совершилось радостное чудо: у него появился настоящий родительский дом, где каждый уголок напоминал ему теперь, что он, Петя, здесь хозяин. Дом, в который он мог приглашать своих товарищей, и не только приглашать в гости — нет, в этот самый трудный момент их жизни Петин дом становился для ребят как бы школой, а его, Петина, мама — их учительницей. Ведь это впервые он мог что-то сделать для своих товарищей. Впервые! Пете казалось, что он как-то вырос, распрямился, стал человеком...

Петя долго не мог заснуть в эту ночь. Он думал о том, что вот сейчас его мама работает где-то в редакции, что она придёт домой только ранним утром. И всё-таки она согласилась каждый день заниматься с ними. Перед Петей вставало милое, утомлённое лицо матери. В этом лице ему была дорога каждая чёрточка. Тёмные брови, чуть-чуть запавшие щёки, тёмные круги под глазами... Мать! Мама!..

Как она встретила его, когда, запыхавшись, он вбежал в эту комнату и, уткнувшись ей в колени, бессвязно бормотал: «Ты жива, жива, мама...» Она только молча обнимала его так крепко, будто кто-то хотел его отнять, и руки у неё дрожали, когда она вытирала его слёзы, не замечая, что у неё у самой всё лицо мокрое.

И, плача, беспомощно повторяла: «Не плачь, не плачь же...»

Петя не спал...

Она сделала для него всё, что могла бы сделать родная мать. Она захотела помочь его товарищам, она сделала его равноправным и независимым, и то уважение и благодарность, которые чувствовали к ней его товарищи, к ней, к его матери, наполняли Петю гордостью и счастьем.

Он хотел бы сказать ей всё это, но боялся, что не сумеет.

...Утром, когда мать пришла с работы, Петя бросился к ней навстречу, помог ей снять пальто и, заглянув в её усталые глаза, с волнением сказал:

— Спасибо тебе за всё, мама... за меня... за моих товарищей...

Она обняла его, прижалась прохладной щекой к его щеке:

— Спасибо и тебе, Петя. Когда я пришла, ты был маленьким мальчиком, а теперь ты — большой сын... — И, как бы удивляясь чему-то, радостно засмеялась и повторила: — Мой сын!..

А потом они вместе захлопотали, устраивая комнату для занятий. Поставили большой стол, пристроили доску. Петя принёс из сарая скамейку. Свои кровати и швейную машину вытащили в маленькую комнату.

Чай пили наспех. И смеялись, откусывая от одного куска сахар.

— Вот удивятся ребята! Настоящая классная комната у нас стала!

Ребята действительно удивились и обрадо-

вались. Они осторожно клали на стол свои учебники, смущённо улыбались, оглядывая комнату.

И Пете показалось — даже здоровались они как-то по-особенному:

— Здравствуйте, Екатерина Алексеевна! Здравствуй, Петя!

А Мазин долго не садился на своё место, глядел на Екатерину Алексеевну ласковыми карими глазами, и лицо у него было такое размягчённое и умильное, что Одинцов не выдержал и сострил:

— Мазин, ты совсем как жаворонок из теста!

Занятия начались с повторения курса четвёртого класса. Ребята громко радовались каждому удачному ответу, быстро вспоминали пройденное и всё, что хранила их крепкая память, принимали как драгоценную находку. Они чувствовали себя как на большом празднике и, с радостью ощущая в руке кусок мела, писали слова и цифры на знакомой школьной доске.

Пройденное знали хорошо.

— На повторение положим две недели, — сказала Екатерина Алексеевна. — А потом будем потихоньку двигаться вперёд, просто чтоб вам было легче учиться в пятом классе и чтоб вы не отвыкли заниматься. Главные предметы, конечно, арифметика и русский язык.

— Ты хотела ещё по истории с нами позаниматься, — осторожно напомнил Петя.

— Не хитри, пожалуйста, — улыбнулась Екатерина Алексеевна. — Если даже я возьму на себя арифметику, русский и историю, то останут-

ся ещё другие предметы. Кто сейчас может вам помочь?

Васёк нащупал в кармане Митино письмо и решил завтра же идти в райком комсомола.

Глава 11

ЗА СОВЕТОМ И ПОМОЩЬЮ

Ночью шёл мелкий сухой снег. Задубевшая от заморозков земля по выбоинкам покрылась серой крупкой. Ледяной ветер выметал эту крупку вместе с пылью и сердито бросал в лица прохожим.

Ребята провожали Трубачёва и Мазина до самого здания, где на доске из тёмного стекла было написано золотыми буквами: «Райком ВЛКСМ».

На выборных было возложено важное, ответственное поручение. В разговоре с комсомольцами Васёк должен был кратко и быстро изложить суть дела. Мазину поручалось выступать только в затруднительных случаях.

Проводив товарищей, ребята удалились.

Васёк и Коля Мазин открыли дверь и вошли в большой, светлый коридор. По обеим сторонам его, около стен, стояли стулья и деревянные диваны. В коридор выходили двери многих комнат. На каждой была прибита дощечка с номером.

По коридору мимо мальчиков проходили какие-то люди, молодые военные, девушки в шинелях; они шли быстрой деловой походкой, разговаривали вполголоса. Стоя у окна, двое рабочих

о чём-то горячо спорили. В конце коридора за маленьким столиком сидела стриженая девушка и что-то записывала в большой журнал. Около неё тоже стояла группа молодёжи. Двери комнат поминутно открывались и закрывались, из них выходили люди и, оглядевшись, разыскивали по номерам следующие комнаты, куда им тоже нужно было зачем-то зайти.

На стенах висели яркие плакаты и лозунги. Проходя мимо одного плаката, Мазин вдруг остановился как вкопанный и тихонько толкнул Трубачёва.

С плаката, словно живой, глядел красноармеец и, указывая пальцем прямо на мальчиков, строго спрашивал: «А ты чем помог фронту?» Его прямой вопрос и деловая обстановка, царившая вокруг, смутили ребят.

Мазин указал глазами на диван:

— Сядем. Оглядимся сначала.

Товарищи сели. Васёк сдержанно вздохнул и шопотом сказал:

— Здесь все так заняты...

Мазин наклонил к нему голову:

— Учёба — тоже не маленькое дело.

Мальчики ещё раз окинули взглядом прибитые над дверями комнат номера.

— Куда же нам идти?

Со двора в боковые двери вошла небольшая группа ребят в расстёгнутых пальто, в красных галстуках. Они шли, тихо ступая по крашеному полу, держа в руках шапки.

Глаза Мазина остро блеснули:

— А эти куда?

Васёк потянул его за руку:

— Идём и мы за ними.

Группа ребят направилась к пятой комнате. Девушка в гимнастёрке преградила им путь:

— Вам кого, ребята?

— Нам товарища Мишу, — сказал передний, приглаживая рукой волосы и поддёргивая пояс с блестящей пряжкой.

— Нам к товарищу Мише надо, — повторил другой мальчишка, в полосатой тельняшке, с перевязанной серым бинтом ладонью. — Мы по вызову.

— Бутылки? Лом? — улыбаясь, спросила девушка и слегка посторонилась.

Ребята прошли в комнату. Мазин вместе с Трубачёвым последовали за незнакомыми ребятами.

За столом сидел молодой комсомолец. Васёк увидел светлую копну волос, тёмные очки на носу и лёгкий пушок над верхней губой.

Идущий впереди мальчуган выпрямился и бойко отрапортовал:

— Штаб пионерского отряда с улицы Фрунзе прибыл в ваше распоряжение!

Трубачёв и Мазин с интересом взглянули на ребят.

«Ого, штаб!» — подумал каждый из них.

— Прибыли? — спросил товарищ Миша. — Очень хорошо! Я хочу вам дать одно поручение.

Он перелистал бумаги, лежавшие на столе, вырвал из блокнота листок и что-то на нём написал. Потом поднял глаза на мальчиков:

— На вашей улице проживает семья красноармейца Большакова. Сын на фронте, одни старики остались. В последнюю бомбёжку дом их очень пострадал. Надо будет помочь им перебраться на другую квартиру. Возьмите толко-

вых ребят, не устраивайте из этой перевозки никакого события, не поднимайте шума, делайте всё спокойно, аккуратно, не торопясь. Вот адрес.

Мальчик с блестящей пряжкой деловито взял бумажку и коротко спросил:

— Больше ничего?

— Ну как «ничего»! Посмотрите, что там надо. Может быть, дров заготовить, воды принести. Вообще у вас там есть уже несколько семей, которым вы помогаете, возьмите и эту под опеку. Забегайте туда почаще!

— Товарищ Миша! — вдруг выдвинулся вперёд черноглазый мальчишка в полосатой тельняшке и с перевязанной ладонью. — Мы на нашей улице нашли старую палатку, под названием «Воды». Там два ящика с пустыми бутылками обнаружили. Что, можно их сдать? Или не трогать?

Миша нахмурился:

— Если палатка пустая, никто в ней не торгует — сдайте, конечно.

— Есть! — весело откликнулись мальчики и, круто повернувшись, пошли к двери.

Мазин и Трубачёв хотели уже обратиться к товарищу Мише, как вдруг из соседней комнаты открылась дверь, и два комсомольца, о чём-то споря, подошли к столу.

— Вот, Михаил! Заварил Гончаренко кашу и не хочет расхлёбывать! — хлопнув по плечу комсомольца в рабочей спецовке, сказал голубоглазый паренёк, присаживаясь на край стола. — Я его вызвал сюда к нам побеседовать.

Миша покачал головой, полез в стол, выта-

щил оттуда листок бумаги и поглядел на товарища в рабочей спецовке:

— Неладно у тебя получилось, товарищ Гончаренко! Что же это ты так рубишь сплеча? Комсомолец, а подхода к людям не имеешь. Кузьмичёв — старый мастер, работает с высокими показателями, мы его очень ценим, а ты взял да продёрнул старика в стенгазете. Неладно...

— Что «неладно»? — Гончаренко придвинул стул. Над чёрными глазами его топорщились, словно присыпанные пылью, брови, широкий нос с подвижными ноздрями и насмешливое выражение рта делали его лицо живым и сердитым. — Что «неладно»? — повторил он с досадой. — У нас ни одно собрание не обходится без длинных речей. Нам время дорого! Рабочие каждую минуту учитывают, а Кузьмичёв закроет глаза и поёт, как соловей!

— Ну, если говорит человек по делу... — начал Миша.

— Не по делу! Вот именно, не по делу! Стоит и мямлит одно и то же. Вот он, мол, старый мастер, привык работать так-то и так-то, а вам, молодым, надо ещё поучиться. Начнёт всякие примеры приводить — и отнимет целый час. А потом обязательно скажет: «Вот, товарищи, надо учитывать каждую секунду!» А у нас есть ребята, которые по неделе дома не бывают. Петров так и заявил своей матери: «Пока война — мой дом на заводе!» Кузьмичёв работает хорошо, но он болтун!

Васёк быстро взглянул на Мазина и тихо шепнул:

— Смотри не болтай много!

— Ну, ты бы поговорил с ним где-нибудь наедине, что ли, — продолжал Миша, — а то взял и продёрнул в газете, а он ко мне с жалобой. Нехорошо всё-таки получается. И когда это ты поэтом заделался? — усмехнулся он и, развернув листок, медленно прочёл что-то про себя, потом сказал: — Во-первых, ты его здесь краснобаем обругал и вообще...

...Час сглотнёт
　　　　　　и два проглотит,
Но поставит всем на вид,
Что в цеху одной минутой
Он, как часом, дорожит...

Все трое вдруг дружно расхохотались. Миша снял тёмные очки, взлохматил свою шевелюру.

— Честное слово, неплохо! — вдруг искренне сказал он и по-дружески обратился к Гончаренко: — Но ты всё-таки с Кузьмичёвым уладь. Старик дни и ночи работает, не считаясь со своими силами. Ну, любит поговорить, словоохотлив... Надо было попросту побеседовать с ним, указать. А ты — с такой насмешкой!

— Он больше всего за стихи обиделся. Зачем, говорит, рифмой, можно было попроще! — сказал комсомолец, который сидел на столе.

Миша улыбнулся.

— Ну что ж, — вздохнул Гончаренко, — постараюсь уладить. — Он взглянул на часы и заторопился: — Ого, уже поздно! Просижу тут, тогда придётся самого себя продёргивать. До свиданья!

Гончаренко вышел. Миша обернулся к мальчикам.

— А вы что тут? — удивлённо спросил он,

заметив скромно стоящих у дверей Мазина и Трубачёва.

— Мы по собственному делу, — волнуясь, сказал Васёк.

Комсомолец, сидевший на столе, тоже обернулся и внимательно посмотрел на мальчиков чуть выпуклыми голубыми глазами.

— Ну, выкладывайте, какое у вас дело?

Мальчики подошли к столу.

— Нам посоветоваться нужно, — серьёзно сказал Васёк. — Мы хотим учиться. В нашей школе госпиталь. Ребята все разъехались кто куда. Многие в Свердловске учатся...

— Мы не хотим терять год, — торопливо перебил Мазин.

— Подождите, ребята, — остановил их Миша. — А почему же вы не эвакуировались? Мы ведь школьников вывозили в Свердловск. Вы бы теперь там учились. — Он обернулся к другому комсомольцу: — Вот, понимаешь, Костя, не уехали во-время... А что вы вообще сейчас делаете? — обратился он к мальчикам.

Васёк вспомнил красноармейца с плаката, строго указывающего на них пальцем.

— Мы работаем в госпитале. Нас восемь человек. Весь отряд.

— Это что, все пионеры из вашего класса? Ну и работайте пока. Молодцы! А откроется школа — будете учиться. Чем мы можем вам помочь сейчас?

— Митя сказал, чтобы мы шли в райком комсомола, — упрямо заявил Мазин.

— А кто это Митя? — поднимая брови, спросил Костя.

— Это наш вожатый.

Васёк вытащил из кармана письмо. Оба комсомольца прочитали его внимательно, изредка переглядываясь.

— Подожди-ка! — вдруг сказал Миша, опуская на стол письмо. — Ведь это пишет Митя Бурцев. — Он быстро взглянул на ребят: — Так это вас мы тут разыскивали по всем дорогам в первые дни войны?

— Нас, наверно, — сказал Васёк.

Комсомольцы с большим интересом стали обо всём расспрашивать. Васёк кратко рассказал о своём отряде и закончил тем, что ребята во что бы то ни стало решили не терять года.

— У нас есть учительница по русскому и по арифметике.

— И по истории, — поспешно добавил Мазин. — Нам надо только по географии и по ботанике.

— Ага! Так у них уже по главным предметам есть с кем заниматься, — улыбнулся Миша и вдруг тронул товарища за плечо: — Послушай, Костя. Ведь ты у нас в школе был первым по географии, мы тебя даже географом называли. Помоги-ка ребятам, а?

Мальчики с надеждой взглянули на Костю. Тот прищурил глаза, потёр лоб:

— Времени у меня очень мало.

Лица ребят вытянулись. Миша похлопал Костю по плечу:

— Ну, часок в день выкроишь как-нибудь... А вы вот что, — обратился он к ребятам: — ступайте пока домой, а мы тут подумаем. Завтра зайдите.

Мальчики хотели ещё что-то сказать, но в это

время дверь широко открылась, и в комнату вошло несколько молодых красноармейцев.

Костя соскочил со стола и бросился к ним:

— Ну? Уже готовы?

Миша поднялся, снял очки. Лицо у него стало вдруг очень молодым и взволнованным. Он протянул руки вошедшим:

— Обнимемся, товарищи!

Васёк и Мазин поспешно выскользнули за дверь.

— На фронт своих провожают... — прошептал Васёк.

Глава 12

УЧЁБА

На другой день Трубачёв и Мазин снова побывали в райкоме комсомола. Миша и Костя были очень заняты, мальчикам пришлось долго ждать. Но вечером они прибежали к ребятам с радостной вестью:

— По географии у нас уже есть учитель! Костя согласился!

— А как же по ботанике? — спросила Лида. — Ой, у нас же без ботаники всё равно ничего не выйдет! Что ж вы не поговорили как следует?

Мазин рассердился:

— Шли бы сами тогда! Думаете, учителя сидят и только вас дожидаются?

— Костя обещал со своим старым учителем поговорить. Может быть, он согласится, — успокоил ребят Васёк.

— А всё-таки правильно Митя нам посоветовал в райком сходить, — сказал Одинцов.

Екатерина Алексеевна тоже одобрила поход мальчиков.

— Ну хорошо, ребята, заниматься так заниматься! — с неожиданным воодушевлением сказала она. — Неужели не одолеем арифметики! — Она на секунду задумалась, потом решительно махнула рукой: — Довольно разговаривать! Если так, то нельзя терять времени. Садитесь на свои места, посмотрим, что нам осталось повторить из пройденного.

* * *

У ребят началась новая жизнь — все их мысли занимала теперь учёба.

После уроков с Екатериной Алексеевной, надевая на ходу пальто, бежали к Косте. Костя жил в маленькой, тесной комнатке, где стояли только кровать, большой стол и несколько табуреток.

Костя-географ, как звали его между собой ребята, почти не бывал дома. Он постоянно куда-то торопился, но, по его собственному выражению, любил делать дело «быстро, крепко, толково и прочно».

Не застав его дома, ребята часто ждали на крыльце.

Небольшого роста, в лыжной куртке, он входил во двор быстрыми шагами и, увидев поджидающих ребят, загребал их одной рукой, весело пропуская вперёд:

— Ну, пошли-поехали!

На первый урок он принёс с собой глобус, поставил его на стол, потёр руки и сказал:

— Вот, ребята, мы с вами будем заниматься очень интересным предметом — географией. Что такое география? Гео — по-гречески земля, графия — описание. Описание земли. — Он поднял вверх учебник: — Эта книга полна необычайных и совершенно необходимых человеку сведений. Чтобы добыть для нас эти сведения, трудился не один человек — трудились учёные, великие путешественники... — Костя перелистал несколько страниц. — «Но вы, наверное, даже и не представляете, сколько потребовалось труда, времени, сил и даже человеческих жизней, чтобы узнать о земле всё то, что в этой книжке написано. Сколько походов и путешествий потребовалось, чтобы изучить всю землю. Сколько экспедиций погибло во льдах, в жарких пустынях, в горах, в непроходимых лесных дебрях». — Костя закрыл книгу. — Я прочитал вам только несколько строк. Обо всём я ещё буду подробно рассказывать, а пока я говорю вам это для того, чтобы вы приступили к изучению географии с глубоким уважением и благодарностью к тем, кто во имя науки пожертвовал своей жизнью.

Вступление Кости взволновало ребят. Учебник, на котором было написано «Физическая география», стал для них живым свидетельством великого труда героев науки. Незнакомые страницы вдруг ожили, потеплели и потянули к себе.

— Теперь начнём урок, — удовлетворённо сказал Костя и, заложив руки за спину, прошёлся по комнате.

Костя рассказывал живо, интересно. Слушая

его, ребята с уважением думали: он сам станет когда-нибудь великим путешественником...

Занятия с Костей шли ежедневно в обеденный перерыв, от двенадцати до часу. Екатерина Алексеевна занималась по утрам, от десяти до двенадцати. После ночной работы в газете она приходила домой в семь утра, и до прихода ребят Петя ревниво оберегал её сон. Он научился сам готовить завтрак и, если товарищи приходили раньше, тихо шептался с ними, чтобы не разбудить мать.

Екатерина Алексеевна никогда не жаловалась на усталость. Услышав голоса ребят, она поспешно вскакивала и, весело здороваясь, упрекала Петю:

— Что же ты не разбудил меня раньше!

Петя теперь часто видел свою мать за письменным столом, склонившейся над учебниками. А она сама, восстанавливая в памяти школьные знания, видела себя взволнованной девочкой в тёмном форменном платьице... И, глядя на знакомые страницы «Истории древнего мира», перелистывая хрестоматию «Родная литература» и просиживая над учебником Киселёва по арифметике, она удивлённо морщила брови и тихо говорила про себя: «Учёба возвращает молодость».

* * *

Вопрос об учителе ботаники попрежнему беспокоил ребят, но они уже не решались больше ходить в райком комсомола и отнимать время у Миши.

Костя, казалось, совсем забыл об их просьбе.

Но однажды вместе с ним на урок пришёл высокий седой старик и, поздоровавшись с ребятами, сказал:

— Ну, вы, кажется, очень ждали меня?

— Вот, ребята, — пояснил Костя, — я попросил Анатолия Александровича до весны позаниматься с вами ботаникой. Смотрите не ударьте лицом в грязь. Тем более, что Анатолий Александрович — старый учитель вашей школы. Вы должны его помнить: он преподавал ботанику в шестых классах.

Ребята не помнили, но радостно улыбались.

Новый учитель, Анатолий Александрович, пригласил ребят к себе. Он встретил их приветливо и начал свой урок с рассказа о том, как подростком впервые попал в сад великого преобразователя природы Мичурина:

— Помню, в ту пору меня больше всего занимали крупные румяные яблоки в его саду. Желание попробовать такое яблоко долго не давало мне покоя, и однажды утром, расхрабрившись, я перелез через забор. И тут я увидел на дорожке сада человека, который нёс два полных ведра воды. Думая, что он сейчас уйдёт, я, притаившись под деревом, ждал. Но человек этот не ушёл из сада. Он вылил воду под одно из деревьев, быстро прошёл мимо меня и через минуту вернулся опять с полными вёдрами. Так ходил он много раз. Я не решался выйти из своего убежища и поневоле наблюдал, как постепенно сгибались его плечи от тяжести, как на лбу его выступал пот. Мне уже не хотелось яблока. И когда, опустив на колени усталые руки, хозяин сада присел отдохнуть, я воспользовался моментом и выбрался из сада. С этого дня я стал инте-

ресоваться этим человеком и полюбил то дело, которому он посвятил свою жизнь.

Ребята слушали рассказ Анатолия Александровича с большим интересом. Новый учитель стал им вдруг понятен и близок.

На следующий урок они шли к нему с особым удовольствием.

Комната у Анатолия Александровича была просторная, на подоконниках стояли горшки с цветами и с какими-то растениями. Большое место в комнате занимали шкафы с книгами. Между ними был один шкаф с какими-то таинственными приборами, баночками, склянками. Из этого шкафа учитель нередко доставал микроскоп, и ребята с интересом разглядывали внутреннее строение растений.

«К природе нужно относиться тепло и любовно, как к живому существу», — любил говорить Анатолий Александрович.

Глава 13

ЗИМА

Деревья крепко спят, зарывшись в глубокие сугробы. Но когда мороз острыми иглами впивается в побелевшие ветки, в лесу раздаётся тихий, жалобный треск. Он пугает красногрудых снегирей и маленьких синичек. Морозно и страшно молодым птицам, которые вывелись весной, в тёплых гнёздах, и никогда ещё не видели зимы.

Но ребят не пугает мороз. В тёплых костюмах, они деловито ходят на лыжах по глубоким

сугробам, волочат за собой длинные санки и, размахивая острыми топорами, выбирают ёлку. По-хозяйски оглядывают они одно, другое дерево, переговариваясь между собой.

— Помните, какую ёлку прошлый год привезли в школу? Выше потолка! Отрубать верхушку пришлось!

— Да, хорошая ёлка была! Грозный говорит — все игрушки наши целы. Вот уберём! Пусть бойцы посмотрят.

— Теперь ещё лучше надо — не для себя ведь, мы не маленькие, — закидывая вверх голову, говорит Мазин. — Отдать, что ли, ту, Петька, а?

— Нашу? — Петька вытягивает из шарфа подбородок и с сожалением вертит головой: — Нельзя... Она летом в пруду отражается и землянку закрывает. Красивая! Жалко рубить...

— А где землянка, Мазин? Покажи землянку! Где она была? — кричат ребята.

— Да она здесь, недалеко. Пошли, Петька, покажем!

Ловко объезжая деревья, ребята гуськом сходят на пруд, лесенкой поднимаются на противоположный берег и останавливаются под тёмной развесистой елью, около глубокой заснеженной ямы.

— Вот она, наша землянка!

— Здорово сделана!

— Вроде окопов! Можно отстреливаться отсюда. Раз! Раз! — Саша неловко съезжает в яму и под громкий хохот ребят проваливается до самого пояса. Лыжи его беспомощно торчат вверх.

Ребята один за другим прыгают к нему и,

толкаясь, начинают обстреливать снежками невидимого врага.

— Бей, ребята, по санкам!

Санки, брошенные посреди пруда, становятся мишенью.

— Слушай команду! Приготовься! Пли! — разыгравшись, кричит Васёк.

От снега хрустят варежки, мороз начинает больно пощипывать пальцы. Ребята выбираются наверх и, подпрыгивая от холода, вытряхивают из валенок снег.

— Нас морозом не возьмёшь! А вот фашистам от нашего мороза плохо приходится. Верно, Трубачёв?

— Верно. Они не привыкли! Эх, здорово их от Москвы гнали! Мне один раненый рассказывал...

— Это на Волоколамском шоссе, Васёк?

— Везде гнали. Их прямо тысячами уложили.

— Теперь не сунутся больше!

— Куда там!..

— Наши бойцы грудью за Москву стояли!

— Ещё бы! Мы свою землю никому не отдадим.

— От Сергея Николаевича давно писем нет, — вспомнив вдруг учителя, грустно говорит Одинцов.

— Ребята, а может, и он Москву защищал? И где-нибудь стоял и смотрел в полевой бинокль, а? Ведь мы от Москвы недалеко всё-таки, а? — с радостной надеждой в сияющих чёрных глазах говорит Саша.

Ребята не отвечают. Васёк смотрит куда-то далеко за сугробы, за деревья, вглубь парка.

Белая, закудрявившаяся от мороза меховая шапка, белые брови и ресницы и заиндевевший шарф под подбородком делают его похожим на ёлочного деда Мороза с синими-синими глазами и красными щеками. Ребята вспоминают о ёлке.

— Пойдём! А то поздно уже, — говорит Мазин.

— Постойте! — просит Сева. — Давайте закроем глаза, помолчим и потом сразу скажем, кто как чувствует — увидим мы ещё Сергея Николаевича или нет?

— Давайте, давайте!

Ребята крепко зажмуривают глаза и секунду напряжённо молчат, потом сразу, как по команде, радостно выпаливают хором:

— Увидим! Увидим!

— Ну, тогда — ура! За ёлкой! Пошли!

— Стойте! А насчёт Мити, и Генки, и Степана, и тёти Оксаны как же? — спрашивает Саша.

Ребята снова зажмуриваются:

— Увидим! Тоже увидим!

— Эх, вот счастье было бы! Скорей бы только нам победить Гитлера! Тогда всё у нас будет — и школа будет, и Сергей Николаевич, и Митя, — мечтает вслух Васёк.

— И папа твой приедет, и мой папа, и Лидин...

— И мои мал мала приедут, — нежно улыбается Саша.

— Да они уже выросли, твои мал мала, они теперь уже большие, — убеждённо говорит Одинцов. — Ты их и не узнаешь, пожалуй!

— Нет, что ты! — пугается Саша. — Я всех узнаю... Я бы их через много-много лет узнал, если б они даже старые были!

— И правда, ребята, кажется, будто годы прошли с тех пор, как нас родители на Украину провожали, а всего только несколько месяцев. Вот странно! — удивляется Сева.

— Какие несколько месяцев! Мне самому уже сто лет стало, — уверяет Мазин.

— Мне тоже — подхватывает Петька. — Сто лет, а ума нет!

— Хватит! Замёрзнем! Пошли за ёлкой! — торопит Васёк.

Голубые сумерки уже окутывают дома и улицы, когда, запрягшись в сани, мальчики привозят в школу срубленную ёлку. Зелёные мохнатые ветки, распластавшись по обеим сторонам, с тихим шелестом заметают снег; сзади, придерживая густую верхушку, идут Нюра и Лида.

— Куда это махину такую приволокли? — удивляются санитары.

— У нас в школе всегда такая была! — с гордостью отвечают усталые ребята.

Глава 14

ПЕРЕД НОВОЙ РАЗЛУКОЙ

Новый год вошёл в маленький городок без праздничного шума, как тихий гость, и хотя в домах было сурово и невесело, в каждой семье встретили его с надеждой и за скромным ужином подняли бокалы за победу. За тех, кто на фронте.

Прошло несколько месяцев после вероломного нападения гитлеровцев. Красная Армия,

окрепшая и закалившаяся в боях, отбросила зарвавшегося врага от Москвы и начала теснить его на запад.

В историю Великой Отечественной войны вписано много подвигов, совершённых под стенами родной столицы. Фашисты, получившие тяжёлый удар, ещё ломились во все двери нашего государства.

Видя гневное и упорное сопротивление, Гитлер бросал на Советский Союз дивизию за дивизией. Гитлеровцы падали под ударами Красной Армии, гибли целыми эшелонами от карающей руки партизан.

На фронте шли жестокие бои. Весь советский народ поднялся на борьбу с врагом.

В тылу люди работали с удвоенными усилиями и жадно ловили сообщения с фронта.

После каждого урока географ Костя доставал из кармана свёрнутую в трубку газету и, показывая по карте места, где шли бои, читал утреннюю сводку.

Однажды Костя прочёл ребятам про подвиг юной партизанки Тани в селе Петрищево.

Мужество и стойкость комсомолки Тани, её гордое презрение к озверевшим врагам потрясли ребят.

Слушая Костю, каждый из них мысленно ставил себя на место этой девушки-героини, каждый хотел быть с ней рядом, защищать её, бороться вместе с ней до конца.

Прочитав очерк, Костя спрятал газету в карман и долго ходил по комнате, позабыв и об уроке и о ребятах.

С этого дня Костя как-то изменился. Голубые глаза его часто туманились внутренней тре-

вогой. Иногда среди урока он подходил к окну и, щурясь от белизны снега, нетерпеливо говорил:

— Придёт же весна когда-нибудь!

И тут же, обрывая себя, поспешно возвращался к занятиям.

Время на Костиных уроках шло незаметно. Спрашивая заданное, Костя обязательно ставил отметку. Ребята учили добросовестно, и все отвечали на «отлично».

Тетрадь отметок Костя держал у себя. Однажды, просматривая её, он покачал головой и почти с огорчением сказал:

— Что это у вас всё «отлично» да «отлично»?

— А разве это плохо? — засмеялась Лида Зорина.

— Пожалуй, что и плохо. По таким отметкам я никак не могу определить, где ваше слабое место. Неужели уж так хорошо всё знаете? Надо будет назначить проверку.

— А ты бы не предупреждал, Костя, что будет проверка, — советовал ему Одинцов.

— Нет, почему же? Подготовьтесь. Какой же смысл в том, чтоб вы ошибались!

Костя не раз, как бы мимоходом, говорил о том, что к весне их занятия должны быть окончены.

Как-то к Трубачёвым забежала Таня. Она часто видела Костю в райкоме комсомола.

— Затосковал ваш Костя, на фронт просится. Весной, верно, уйдёт.

Васёк и Саша опечалились.

— Анатолий Александрович весной, наверно, тоже уедет. Он говорил, что его с комсомоль-

цами в колхоз пошлют работать. Останется у нас одна учительница, — озабоченно сказал Васёк.

— Весной много воды утечёт, — пошутила Таня и, вздохнув, стала прощаться.

— Опять надолго уходишь? Ты совсем забыла нас! — с обидой сказал ей Васёк.

Таня обняла его:

— Никогда не говори так. Я ведь учусь и работаю, боевую подготовку прохожу!

— Это зачем же тебе понадобилось? — строго спросила тётя Дуня.

— Мало ли зачем! Многие комсомолки проходят!

Васёк с уважением посмотрел на Таню. Таня заметила его взгляд и засмеялась.

Васёк представил себе, как она марширует, и тоже засмеялся.

— Ну, не забыли ещё свои смешки-пересмешки? — добродушно пошутила тётя Дуня.

— Нет, не забыли, — ответила Таня, но смех её вдруг умолк.

Она быстро встала и пошла к двери. На пороге оглянулась и неожиданно шопотом сказала:

— А та партизанка в селе Петрищево была наша, московская, комсомолка. Зоя Космодемьянская.

Глава 15

ПОДНОСЧИК СНАРЯДОВ С 4-й БАТАРЕИ

Несмотря на то что стоял уже март и изредка сквозь снежные тучи пробивалось солнце, погода была морозная, резкие ветры наметали по

обеим сторонам улиц сугробы. В не защищённых заборами дворах люди, выгадывая более короткий путь, протаптывали новые дорожки, похожие на кривые улицы и переулки. Иногда откуда-то из парка на маленький городок налетала снежная метель и в двух шагах прятала от человека знакомое крыльцо. А то из белых туч начинал падать на землю тихий, кроткий, ласковый снежок; он ложился на шапки, воротники и волосы и тут же таял от близости человеческого тепла.

В один из таких дней в госпиталь привезли тяжело раненных. Васёк вместе с ребятами стоял во дворе и смотрел, как санитары осторожно выносят из машины носилки, как старшая сестра, в халате и тёплом платке, озабоченно хлопочет, распределяя раненых по палатам. Нина Игнатьевна не позволяет ребятам помогать, но они стоят наготове, украдкой поправляют сбившиеся одеяла, открывают пошире двери, провожают каждые носилки. Им хочется сказать раненым какие-то тёплые слова, дотронуться до чьей-то бледной руки, выразить сочувствие, ласку.

— Вы не бойтесь, вы поправитесь. У нас хорошие доктора, — выскакивая во двор без пальто, шепчет Нюра бородатому, пожилому красноармейцу.

За пожилым красноармейцем санитары выносят из машины носилки с молоденьким бойцом, почти мальчиком. Ребята смотрят на бледное безусое лицо, на запёкшиеся от жара пухлые губы, жадно хватающие морозный воздух, на втянутые щёки с лихорадочным румянцем. Голова раненого в расстёгнутой шапке с ушами беспо-

койно съезжает с подушки, глаза в беспамятстве блуждают по сторонам.

Ребята подходят ближе. Васёк идёт рядом, поддерживая носилки.

— Отойди, отойди — сестрица рассердится! — хмуро шепчет санитарка.

Васёк нехотя отходит. Раненый поворачивает голову, его беспокойный взгляд провожает мальчика и упирается в высокие сугробы, наметённые около крыльца. Мягкие снежинки тают на его горячих щеках, оставляя мокрые следы.

— Товарищ комбат... Это я, Вася Кондаков... Товарищ комбат! — вдруг жалобно окликает раненый, приподнимаясь с подушки.

Старшая сестра быстро подходит к санитарам:

— Бредит... Несите скорей!

— Он тяжело ранен? В какую палату? Что с ним? — допытываются у взрослых ребята.

— Не мешайтесь тут! — сердится Грозный. — Где не можете помочь, там не мешайтесь.

Мальчики и девочки идут за школьным сторожем в его каморку, усаживаются на сундуке, покрытом цветным половиком.

— Комбат... Кто это комбат? — встревоженно спрашивает Лида.

— Комбат — это командир батареи, да, Иван Васильевич? — говорит Коля Одинцов, вопросительно взглядывая на Грозного.

— А он сам — Вася Кондаков, — шепчет Нюра.

— Хоть бы узнать, что у него! — вздыхает Сева.

— Нина Игнатьевна сама ещё не знает. Потом можно будет спросить, — говорит Саша Булгаков. — Посидим тут немножко, а после обхода врачей — спросим.

— Нечего тут сидеть, идите по домам! — вмешивается Грозный. — Ты что в одном платье выскочила? — нападает он вдруг на Нюру. — Где твоё пальто? Одевайтесь сейчас же и идите по домам!

— Да мы только узнаем об этом Васе! — просит Лида.

Но Иван Васильевич выпроваживает их из госпиталя:

— Идите, идите! Не до вас тут.

Васёк и его товарищи нехотя уходят.

Снег становится гуще, но ребята не замечают, что на воротниках и шапках у них нарастает белый мех.

— Почему он так крикнул: «Товарищ комбат... Это я, Вася Кондаков!»? — задумчиво вспоминают они.

* * *

А в палате для тяжело раненных лежит молодой комсомолец Вася, подносчик снарядов с 4-й батареи. Ему чудится, что он стоит на коленях около большого ящика, похожего на портсигар, и старательно очищает ветошью снаряды от масла. Вокруг широко раскинулось снежное поле, от белизны его саднит в глазах, мороз цепко держит пальцы.

Батарея готовится к бою. Прикрытые белыми, накрахмаленными морозом полотнищами, не-

видимые для глаз врага, орудия сливаются с волнистыми холмиками сугробов.

Вторые сутки стоит в открытом поле 4-я батарея. Её задача — прикрывать фланг нашей обороны.

В накинутом на плечи поверх шинели маскировочном халате неподалёку от Васи стоит командир батареи, смотрит в бинокль на виднеющийся вдали заснеженный овраг, по которому фашисты скрытно и неожиданно могут перебросить танки. Но едва танки начнут выползать на открытую местность, батарея встретит их огнём.

Комбат указывает на край оврага и, улыбаясь, говорит Васе:

— Вот тут-то мы их и встретим!

...Вася сбрасывает одеяло и тревожно вглядывается в угол палаты. В его воспалённом мозгу проносятся картины недавнего боя. Он видит спокойное, строгое лицо комбата, неожиданную открытую улыбку на его губах и серьёзные серые глаза под тёмными бровями. Он видит, как комбат обходит орудия, привычной шуткой подбадривая людей и проверяя готовность к бою.

«С таким командиром в самое пекло полезешь — и душа не дрогнет», — говорят о нём бойцы.

Не в первый раз встречается 4-я батарея с фашистскими танками.

— Ну как, ребята, устроим фашистам фейерверк? — громко шутит комбат.

— Устроим, товарищ комбат! — бодро откликаются бойцы.

Шутка перебрасывается от орудия к орудию, смягчает суровые лица. И вдруг все настораживаются.

Издали, сначала приглушённо, потом уже явственно, слышится железный скрежет. Окутанный снежной пылью, из оврага медленно выползает первый танк. Закрашенная белой краской броня его с фашистским крестом почти сливается со снегом. За железной спиной первого танка движутся другие.

Расчёты неподвижно застыли у орудий.

— По фашистским танкам, батарея, беглый огонь! — громко командует комбат.

Бронебойные снаряды, с визгом ударяясь о броню, выбивают искры. Подбитый танк вспыхивает ярким пламенем.

И почти в то же время тяжёлый удар фашистского снаряда обрушивается на одно из орудий батареи. Вася видит неподалёку бесформенную груду железа, торчащие из снега колёса, залитые кровью шинели и маскировочные халаты.

Из оврага, разворачиваясь в сторону батареи и прикрываясь от снарядов толстой лобовой бронёй, один за другим ползут танки.

— Огонь! — слышится голос комбата.

Бушующее пламя растекается по полю жёлтыми и синими языками...

— Горят, гады! — торжествующе кричит Вася.

Старшая сестра ласково укладывает его на подушку, смачивает мокрым полотенцем лоб:

— Успокойся, голубчик, успокойся, Кондаков.

Но Вася не слышит её голоса. Он лихорадочно подаёт снаряды. Сколько времени идёт бой? Из оврага ползут новые и новые танки. Жерла их орудий выбрасывают языки пламени, глухие

удары потрясают батарею. Со свистом летят острые брызги осколков. Люди падают.

— Огонь!

Лобовая броня не спасает железных чудовищ. Уже огромные костры пылают на взрытом поле. Дым застилает край оврага и покорёженные груды железа.

Но на 4-й батарее остаётся только одно орудие.

Неподалёку от него с грохотом обрушивается чёрный столб земли. На Васю тяжело валится тело убитого бойца. Рядом падает другой...

— Наводчик и заряжающий выбыли! — кричит Вася и загоняет снаряд в затвор.

Комбат поспешно наводит орудие на танк.

Вася окидывает взглядом разбитые орудия батареи.

— Нас осталось только двое! — снова кричит он.

— Достаточно! — резко бросает комбат. — Снаряды!.. Огонь!..

Орудие содрогается от выстрелов.

— Есть, готов! — с азартом кричит Вася.

На поле боя остаётся только один уцелевший танк. Он упорно ползёт к батарее. Из его орудия вырывается короткий огонь.

Комбат выхватывает из рук падающего Васи снаряд...

* * *

Ночь идёт... Старшая сестра ни на минуту не оставляет тяжело раненного. Иногда Вася затихает, жадно пьёт из кружки поданную ему воду, внимательно вглядывается в склонившееся над

ним лицо Нины Игнатьевны. Потом в его затуманенном мозгу снова возникают какие-то воспоминания... Вот он лежит на снегу, прикрытый шинелью комбата. Но где же сам комбат?

— Остановил или не остановил он танк? — строго спрашивает Вася, обводя глазами притихшую палату.

Глава 16

РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Близилась весна. Дни шли за днями. Трудовые будни, заполненные тревожным ожиданием писем от родных, сообщениями с фронта, не давали людям возможности опомниться, подумать о себе. А весеннее солнце уже золотило палисадники, обрызгивало веснушками молодые лица и вызывало невольные улыбки у взрослых.

Маленький городок оживал. Каждый день дальние поезда привозили новые семьи. Люди, не дожидаясь конца войны, жадно тянулись к своим углам, с вокзала шли матери с детьми. Стучали молотки, отбивая доски у забитых, пустых домов, на заборах висели запылённые в поездах одеяла и зимняя одежда.

Ребята жили в радостном ожидании своих близких. Занятия их шли своим чередом, но каждый раз кто-нибудь приносил волнующую новость.

Вернулись родители Нюры Синицыной, приехала с детьми мать Саши Булгакова.

Особенно обрадовал всех приезд Сашиной семьи. В этот день даже обычные занятия были

нарушены. Взволнованный Саша Булгаков заранее сообщил ребятам об этом событии, и в назначенный срок, за два часа до прибытия поезда, все как один товарищи уже прохаживались по перрону, окружая тесной кучкой сияющего, счастливого Сашу.

— Идёт! — кричал вдруг кто-нибудь, завидев на дальних путях серый дымок. — Сашка, идёт!

— Где, где? — бросался на голос Саша.

— Не идёт, так придёт! — хлопая его по плечу, успокаивал Мазин. — Приедут уж теперь, не бойся!

К приходу поезда на перроне собралось много народу, но ребята проталкивались к каждому вагону, и когда в широкой двери мелькнула гладко причёсанная голова женщины, тревожными глазами разыскивающей среди встречающих своего сына, громкие, торжествующие крики оглушили присутствующих:

— Сашка! Сюда!

— Здесь! Приехали! Вот они!

— Мама!..

Саша заторопился, неловкий, растерявшийся в толпе. Товарищи протолкнули его вперёд. Лида и Нюра бросились за ним, удерживая кучку людей, давивших с боков:

— Пустите, пустите... Он к своей маме... Это его мама!

Семья казалась огромной, и люди с сочувственными улыбками смотрели на молодую ещё женщину с мокрым от слёз лицом и на мал мала меньше, которые висли у Саши на шее и заполняли весёлым щебетаньем перрон.

— Ребята! Принимайте вещи!

Товарищи шумно выгружали из вагона узелки и корзинки, по очереди подходили к Сашиной матери.

— Батюшки! Выросли-то как! — говорила она, обнимая каждого из них и поглаживая косички девочек. — Милые вы мои!

А Саша, почувствовав себя снова главой семьи и хозяином, звонким, окрепшим голосом отдавал распоряжения товарищам:

— Ребята, берите что потяжелее!.. Васёк, держи Витюшку! Валерка, иди с Мазиным... Нюта! Эх, и большая же ты стала!.. Русаков, тебе узел нести... Мама, давай руку!

Шествие занимало весь тротуар. Люди переходили на мостовую, чтобы уступить дорогу приезжим. Васёк нёс Витюшку. Малыш крепко обнимал его за шею и, не смолкая, что-то рассказывал, прерывая свой лепет длинными пронзительными гудками. Заглядывая в чёрные Витюшкины глаза, круглые, как у Саши, Васёк с нежностью прижимал к себе малыша. Мазин, нагрузившись узелками и корзинками, гордо шёл впереди, громыхая огромным чайником. Девочки жались к Сашиной матери, наперебой рассказывали ей что-то, а Саша, возвышаясь над сёстрами круглой бритой головой, шагал во главе своей семьи, ведя за руку Валерку.

В квартире Булгаковых Лида и Нюра уже навели уютный порядок. Комнаты стали такими же, как раньше, только детские кроватки с полосатыми матрасиками были покрыты газетами.

Мать, остановившись на пороге, низко поклонилась родным стенам своего старого, обжитого угла. Витюшка заковылял к ящику с игрушками. Ребята молча поставили на пол вещи.

— Вот наш дом! — серьёзно и торжественно сказал Саша. Потом сияющими глазами обвёл всех своих мал мала меньше: — Выросли-то как!.. Ребята, а мы ещё думали, кому собирать лом и бутылки! Вот они, работнички!.. Нюта, ты будешь у меня бригадиром. Завтра же бери Вовку и Татку — будете собирать лом. Стране нужен лом! Понимаешь?

Нютка, в ситцевом платьице с голубыми горошками, с ямочкой на подбородке и сметливыми глазами, с готовностью кивнула головой:

— Лом — это всё железное... да, Саша?

— Да, да... Я всё тебе расскажу. Железное, медное — всё нужно... В соседнем дворе много детей, вот соберитесь все вместе и обойдите квартиры — у каждой хозяйки что-нибудь найдётся. Может, и Валерку будешь с собой брать? — глядя на подросшего братишку, добавил Саша.

Ребята засмеялись:

— Да они ещё малыши совсем!

— Ну, Валерка, пожалуй, ещё мал, — согласился Саша, — а эти мал мала уже выросли. Каждый должен работать — правда, Нюта?

— Правда, — серьёзно ответила брату Нюта.

Саша обхватил обеими руками своих сестёр и братьев.

— Они пойдут! Они будут работать! — повторял он, глядя на мать влажными чёрными глазами.

— Конечно, Сашенька, на то мы их и растили, — улыбнувшись сыну, сказала мать. — Хоть маленькое дело, а всё польза государству.

— Правильно, Саша, — поддержал и Одинцов.

* * *

Родители Нюры Синицыной приехали тихо.

— Почему ж ты нам ничего не сказала? Мы бы их встретили! — удивились ребята.

— Да так как-то... Папе с работы машину дали, — тихо ответила Нюра.

Забирая свои вещи от Лиды, она вдруг заплакала. Лида тоже заплакала.

— Как хорошо мы жили вместе! Как скучно нам теперь будет!

— Да вы что, с ума сошли обе? — засмеялась Лидина мать. — Ведь к Нюре папа и мама приехали! Я бы на её месте бегом домой бежала... Разве ты им не рада, Нюра?

— Нет, что вы, я рада! Только мы с Лидой привыкли уже вместе быть.

Девочки ещё раз обнялись. Нюра ушла.

Но ребятам не понравился такой приезд родителей их подруги.

— Мы ведь Нюре как братья теперь, вместе на Украине были... Что ж, они даже видеть нас не хотят? То ли дело Сашина мама! Мы у неё как свои!

— Может, Нюра сама виновата в этом? Не сказала им ничего, скрытничает, вот они нас и не знают, — осторожно заметил Саша.

— Ну нет! Нюра не скрытничает, а просто родители у неё какие-то неправильные! — с жаром сказал Петя.

— Ну да! — усмехнулся Мазин. — Чудны́е какие-то! Я помню, они один раз на праздник в школу пришли. Он плотный, маленький, а она большая, в шёлковом платье, шуршит идёт!.. Чудны́е!

— Перестаньте! — нахмурился Васёк. — Над этим нельзя смеяться — это родители нашей подруги. Как тебе не стыдно, Мазин!

— И вообще нечего нам тут разбирать ни их, ни Нюру... Некрасиво это, за глаза! — рассердился Одинцов. — Правильные родители, неправильные — не наше дело!

— А если Нюра сама не захотела, чтобы мы к ней пришли? Надо бы прямо спросить у неё, — серьёзно сказал Сева Малютин. — Или это тоже не наше дело?

Мальчики замолчали.

— А может, у неё что-нибудь дома не ладно? — предположил Одинцов.

Мазин решительно махнул рукой:

— Всё равно. Пока не жалуется — не наше дело. Я бы голову оторвал тому, кто без спросу влез в мои дела. Пожалуется, скажет — тогда и разбирать будем.

— Верно, Мазинчик! Вот умник! — расхохотались ребята.

— Умник! Умник! Молодец мальчик! — хлопая Мазина по плечам и поглаживая по голове, шутил Петя Русаков.

— Одним махом всё решил! Сразу по всем вопросам высказался!

— Конечно! А что тут долго цацкаться! — отбиваясь от товарищей, кричал Мазин. — Малютину только попадись — у него любой вопрос к нёбу, как тянучка, прилипает. Я его знаю!

Сева Малютин тоже смеялся, но, уходя, грустно сказал Трубачёву:

— А всё-таки у Нюры нехорошо на душе. И что бы вы ни говорили, я это чувствую.

Глава 17

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

— Какое же время года вы любите больше всего? — спрашивает у ребят Анатолий Александрович.

Он идёт без шапки. Весенний ветер развевает его серебряные волосы, румянит помолодевшие щёки. Ребята, подпрыгивая, забегают вперёд, ноги их скользят по мокрой земле, глаза щурятся от солнца.

— Мы всё любим! Когда приходит зима, кажется, что это самое лучшее время, а когда осенью пойдёшь в лес, то кажется, что самое лучшее — это осень! — весело говорит Васёк.

— А весной — весна. А летом — лето. Мы всё любим! — шумно подхватывают ребята.

— А я люблю весну! — выпрямляя грудь и быстрым физкультурным движением откидывая в стороны сжатые кулаки, громко говорит Костя.

Весна! Влажная чёрная земля, залитая солнечным светом, изумрудная зелень озимых, освободившихся от последнего серого снега, мутные весёлые ручьи в колеях дороги...

— Ребята! Поставьте веху на повороте. Ну, кто быстрей? Давайте снимем этот участок дороги!

Ребята с шумом несутся до поворота. Лида скользит и с хохотом падает на одну коленку. Петя острым ножиком подрезает голый куст. Мальчишки топчутся на повороте, втыкают в мокрую землю веху и, прижав к бокам локти, несутся обратно. Калоши и ботинки их заляпаны

грязью, на засученных штанах сохнут серые лепёшки глины. Ребята снимают калоши и обчищают их о мокрую прошлогоднюю траву.

«И вы тут! И мы тут!» — шарахаясь с дороги, кричит стая воробьёв.

«Буль-буль-буль! Тра-ля-ля!» — сбегая с пригорка, захлёбываясь, поёт весенний ручей.

Как могло быть хорошо, если б не было войны, если б на сердце не давил тяжёлый камень... Боль за родную землю, за близких, за всех, кто, может быть, сейчас, вот в эту минуту, истекая кровью, лежит на этой влажной земле и пересохшим ртом тянется к весеннему ручью...

Но на место раненого бойца встают сотни и тысячи бойцов, могучей силой гонят они врагов по взрытому полю, топят в болотах, настигают огнём. Нет пощады врагу! Не будет он глядеть в наше синее-синее небо, могилой станет ему наша земля!

* * *

— Ребята, у кого планшет?

Саша Булгаков ориентирует планшет и обозначает булавкой точку. Ребята собираются кучкой за его плечами, нетерпеливо подсказывают:

— Наводи визирную линейку на веху!

— Да я сам знаю! — отбивается от непрошенных советчиков Саша.

— Славные ребята! Просто жалко мне расставаться с ними! — улыбаясь, говорит Анатолию Александровичу Костя.

— Когда уезжаете? — тихо спрашивает тот, глядя, как ребята старательно отмеривают шагами расстояние до поворота.

— Скоро, — чуть слышно отвечает Костя.

Взрослые думают, что если дети не слышат их, то и не догадываются, о чём идёт разговор. Но взрослые часто ошибаются.

Участок дороги нанесён на план. Теперь можно ещё нанести на план группу деревьев, но ребята стоят, сбившись в кучку, и не двигаются с места.

— Костя скоро уезжает! — взволнованно шепчет товарищам Васёк.

— Откуда ты знаешь? Разве он говорил? — встревоженно спрашивает Петя, оглядываясь на Костю.

— Нет, он не говорил, но я знаю.

— И я знаю. Он последнее время проверяет всё, что мы учили. А сегодня нечаянно сказал: «Пройдёмся хоть по солнышку вместе...» — грустно добавляет Сева.

— А я по лицу всё вижу, мне и говорить не надо, — вздыхает Нюра.

— Молчите только, пусть сам скажет, — предостерегает товарищей Одинцов.

— Эй, эй! Где вы там застряли? — весело окликает ребят Костя.

— Идите-ка сюда, молодые люди! — зовёт Анатолий Александрович. Он стоит около большой берёзы и, наклонившись, разглядывает что-то на её стволе.

Ребята бросаются на зов.

— Посмотрите-ка, у берёзы уже началось сокодвижение. Вот тут какой-то любитель уже провертел дырочку в стволе и лакомился берёзовым соком. Жаль дерево. Это весенние слёзы, так называемый плач растений. В этом соке, кроме воды и минеральных солей, есть ещё сахар.

Ребята поочерёдно прикладывают губы к берёзовому стволу. Мазин, крякнув, пьёт долго, не отрываясь.

— Я давно любитель этого сока, — говорит он, обтирая ладонью губы.

Маленькая экскурсия выходит на поле. Всходы озимых стелются по земле яркозелёным бархатом.

Анатолий Александрович, низко склонясь над зелёными всходами, осторожно приподнимает с земли тонкие побеги...

К обеду ребята возвращаются в город. Прощаясь, Костя протягивает каждому по очереди руку.

— Скоро я скажу вам один секрет, — говорит он, сияя голубыми, чуть выпуклыми глазами.

Эх, Костя, какой секрет можно уберечь от ребят! А ещё сам недавно был школьником!

Глава 18

КОСТЯ УХОДИТ

— На прошлом уроке мы писали «Историю Пети Ростова»... — Екатерина Алексеевна положила на стол пачку тетрадей.

Обычно каждое изложение читалось вслух и тут же сообща обсуждалось. Ребята приготовились слушать.

Екатерина Алексеевна с особенной любовью относилась к занятиям по родной литературе. Эти уроки были для неё отдыхом, а для ребят — большим удовольствием.

Когда дежурный, поглядев на часы, заявлял, что урок кончен, ребята начинали просить:

— Ещё немножко... хоть десять минуточек...

А сама Екатерина Алексеевна удивлялась:

— Разве уже кончен? Что-то очень скоро!

Время для уроков распределялось так. Сначала шёл трудный урок — арифметика. Ребята подолгу простаивали у доски, решая задачи и примеры.

Одолевая обыкновенные дроби, ребята честно трудились дома и в классе, но часто какая-нибудь задача ставила отвечающего в тупик. Екатерина Алексеевна нервничала, снова возвращалась к пройденному материалу. Об этих занятиях она сама с горечью говорила: «Арифметика у нас идёт так: шаг вперёд — два назад!»

Вторым уроком обыкновенно был русский язык. Разбор по частям речи давался ребятам легко, диктанты радовали учительницу. Но самым любимым уроком было литературное чтение. Екатерина Алексеевна читала ребятам отрывки из произведений великих русских писателей. Она пробуждала в них интерес к чтению, и ребята, с трудом доставая книги, зачитывались по ночам.

Изложения писались не часто, и разбор их всегда проходил очень оживлённо.

Екатерина Алексеевна только раскрыла первую тетрадь, как в дверь кто-то постучал и в комнату вошёл Костя.

— Простите, Екатерина Алексеевна! Не вовремя я к вам, но... — он развёл руками и поглядел на ребят, — так уж нескладно вышло. Пришёл со своими ребятишками проститься, сейчас

уезжаю. Надо им напутственное слово сказать. Вы уж простите, пожалуйста!

Ребята вскочили с мест, растерянные, огорчённые. Костя вытащил из-за пазухи смятый учебник географии и засмеялся:

— Ну вот, всё утро эту книжку с собой таскаю. Хотел раньше забежать, да не удалось.

— Костя, когда ты уезжаешь? Костя, куда ты? — волновались ребята.

— Подождите, вопросы потом. Сначала деловая часть. — Он перелистал учебник. — Вот. Екатерина Алексеевна, прошу и вас принять участие. Программу пятого класса по географии мы не закончили. — Костя поднял указательный палец и посмотрел на ребят: — При большом желании ребята могут и сами закончить курс, в учебнике тут всё есть и очень ясно изложено. А если вы ещё немного им поможете, то они вполне справятся с оставшимся материалом.

— Понятно!

— Ну, а как остальные занятия? Как идёт история, арифметика, русский?

— История и русский язык меня не тревожат, а с арифметикой придётся, пожалуй, повозиться. Ну ничего, справимся! — бодро закончила Екатерина Алексеевна.

Костя взял обеими руками её руки и крепко пожал. Потом повернулся к ребятам:

— До свиданья, ребята! Уезжаю на фронт!

* * *

Под вечер этого дня маленький городок провожал на фронт своих комсомольцев.

В новом военном обмундировании, статные, ловкие, они шли по улицам, чётко отбивая шаг.

Светлые молодые лица их были суровы и непреклонны.

Люди стояли на тротуарах, тихие, торжественные, как на большом параде. В толпе нельзя было узнать матерей и сестёр комсомольцев, уходящих на фронт, — в этот час все женщины были матерями и сёстрами. Отдавая Родине самое дорогое, они смотрели вслед уходящим сухими, строгими глазами.

Над городом росла и ширилась песня, слова её запоминались навеки:

...Идёт война народная, священная война...

Рядом с комсомольцами по обочине мостовой шагала подрастающая армия ребят. Шли сборщики лома, бутылок, друзья и помощники семей красноармейцев, юные санитары и санитарки, работающие в госпиталях, шли младшие братья комсомольцев — пионеры.

В старых костюмчиках, в заштопанных и пропылённых от работы курточках, они шли, поражая сбережёнными в чистоте, отглаженными красными галстуками.

Среди этих ребят шагали Васёк Трубачёв и его товарищи; они старались протиснуться ближе к той шеренге, где шли Костя и Миша.

Глава 19

ДОБРЫЕ ВСХОДЫ

Васёк сел на стул и, уронив на колени шапку, глубоко задумался. Жизнь стала похожа на большого колючего ежа — с какой стороны ни

коснёшься, всё колется. Когда приходило письмо от отца, Васёк радовался ему и, глядя на знакомый почерк, думал: жив. Когда же начинал высчитывать, сколько времени шло письмо, радость снова сменялась беспокойством: тогда был жив, а что-то теперь?

Прошло несколько месяцев с тех пор, как он в последний раз на вокзале обнимал отца, а всего, что пережито за это время, хватило бы на годы... Сколько хороших людей было с ним рядом! Он слышал их голоса, видел дорогие лица, всей душой тянулся к ним и горько оплакивал тех, кого уже не было в живых.

Но человек не проходит бесследно — каждый из тех, кого он знал и любил, оставил в его душе глубокий след и живую память. Так ушли из его жизни далёкие украинские друзья, ушёл Сергей Николаевич, Митя. Ушёл голубоглазый географ Костя... И ещё не успокоилось сердце, как вслед за Костей ушла Таня. Куда она ушла?

Поздней ночью сонного подняла его с кровати тётя Дуня и тихо шепнула:

— Таня уходит... Простись, Васёк!

Васёк вскочил, протирая глаза. Таня стояла перед ним в шинели, крепко стянутой ремённым поясом, из-под новенькой пилотки блестели её карие золотистые глаза.

— Таня! Куда ты? Таня!.. — Васёк обхватил руками её жёсткую шинель. — Куда ты? Куда? — бессвязно спрашивал он, уже угадывая сердцем ответ.

Таня знала и любила его мать, его отца. Она жила с ними, она хранила вместе с Васьком память о счастливых днях его детства. А теперь она стояла рядом, в шинели и пилотке.

Ваську казалось, что он уже видит связку гранат за её поясом. Ему представились непроходимые тропы в глухом, незнакомом лесу. Он вдруг понял, куда она идёт, и душа его смирилась...

Они сидели долго без слов. Потом Таня, как бывало раньше, уложила его в кровать, крепко укутала одеялом:

— Поклонись отцу, Васёк... Родные вы мне... Вот возьми от меня на память.

Она вынула из кармана мягкий, пушистый свёрток. Развязала зубами узелок, положила на одеяло толстую девичью косу... И ушла...

В его сердце прибавилась новая тревога, новая боль — человек не уходит бесследно.

Недавно здесь жил Саша. Они вместе возвращались из госпиталя, вместе учили уроки и, засыпая, делились друг с другом всеми своими горестями. Чтобы не мешать им, тётя Дуня переселилась в маленькую комнатку, где раньше жила Таня. И мальчики допоздна засиживались вдвоём, в дружеской откровенности облегчая свою тревогу, утешая друг друга и мечтая вместе о возвращении родных. Теперь Саша ушёл... Маленькая квартирка опустела... Милый, заботливый Саша как будто унёс с собой тёплый уют их дома. Он так умело и хлопотливо прибирал комнату, заставлял Васька мыть посуду; они вместе варили суп и к приходу тёти Дуни подогревали чайник. Саша всегда знал, что кому нужно, и трогательно заботился обо всех. Когда они оба вечером возвращались домой, он не ложился спать, поджидая тётю Дуню.

— Ты знаешь, она за день так натопчется, что по ночам стонет, — озабоченно говорил

он. — У неё болят ноги. Надо ставить их в таз с горячей водой, это очень помогает.

И, убедив тётю Дуню опустить ноги в таз с водой, он радовался, когда она, вздыхая, говорила:

— А ведь и правда помогает, Сашенька. Спасибо тебе, деточка моя!

У Саши набралось здесь столько дел, что, торопясь к своим, он никак не мог уйти и всё поучал Васька:

— Ты комнату утром прибирай. И посуду мой, как только поешь. А придёшь вечером — и сразу ставь воду. Тёте Дуне трудно, она уже старенькая... И вот ещё что, Васёк, — Саша понижал голос: — ты заглядывай в её комнатку перед сном. Она всё шьёт что-то и засыпает сидя. Надо тихонько разбудить её и свет погасить, а то, знаешь, мало ли что...

Васёк удивлялся:

— Да откуда ты знаешь, что она засыпает?

— Да я её будил не раз. Ты не забывай этого, Васёк!

В последний вечер перед приездом Сашиных родных мальчики долго не ложились. Тётя Дуня тоже сидела с ними и часто вздыхала.

— Заскучает теперь мой-то, — сказала она, поглядывая на Васька, и тихо, не желая обидеть племянника, добавила: — И мне, старухе, без тебя, Сашенька, скучно будет.

— Я буду приходить к вам. Мы с Васьком никогда не разлучимся, — утешал её Саша.

— Жизнь большая — ан и разлучитесь. Кончите школу, разбредётесь кто куда... А кем же ты будешь, Сашенька? Какую профессию себе мечтаешь, сердечный такой?

— Я? — Саша густо покраснел, смутился. — Я учителем буду. Если, конечно, смогу... если примут меня!

— Учителем?

— Конечно! Я бы хотел... А если не примут меня, тогда уж... — Чёрные глаза Саши сделались грустными, он легонько пожал плечами. — Тогда уж хоть на учёного какого-нибудь выйду...

— На учёного? — Васёк громко расхохотался. — Чудак! «Хоть на учёного»... Так ведь учёным потруднее стать, чем учителем!

Тётя Дуня тоже улыбнулась:

— Что это ты, Сашенька, учёного к учителю приравнял?

— Я и не приравнял! Вовсе не приравнял! Учёным каждый может быть. Для этого только книги и голова нужна. Учись, учись — и будешь! А вот учителем — это не каждый. Ведь учитель живых людей растит. Ему надо быть таким, чтобы всё понимать, надо быть справедливым — и наказывать зря нельзя, и прощать нельзя зря... Ну, мало ли чего надо, чтоб быть учителем! Разве это легко из какого-нибудь плохого человека сделать хорошего? А у него сколько в классе людей сидит — не все ведь хорошие бывают. Нет, я знаю, что говорю! Я об этом часто думаю! — горячо сказал Саша. — Ну что ты смеёшься, Васёк?

— Ха-ха-ха! «Хоть на учёного»... Вот так Сашка! — хохотал Васёк.

Но тётя Дуня уже не смеялась.

— Не знаю, кем будешь, — серьёзно сказала она Саше, — но где бы ты ни был, Сашенька, люди тебя оценят.

— А меня? — ревниво спросил Васёк.

Тётя Дуня любовно оглядела племянника, потом, как бы сравнивая его с товарищем, перевела глаза на Сашу:

— На том свет стоит, чтоб люди были разные. Ты, Васёк, своё возьмёшь, но Сашей тебе не быть.

— Не быть, тётя, — согласился Васёк. — Саша сам по себе, а я сам по себе.

* * *

Теперь Саша ушёл к своим родным. Васёк и тётя Дуня остались одни.

Васёк взглянул на часы и вскочил:

«Поздно уже! Что это мне нужно сделать? Чайник подогреть? Да тётя Дуня легла уже, наверно!»

Он на цыпочках вышел в кухню, заглянул в маленькую комнату. Тётя Дуня крепко спала, низко склонив голову над столом.

«Без чая заснула... устала, видно, очень». Он посмотрел на седую голову с ровным, как ниточка, пробором. Какое-то давнее, детское воспоминание сжало ему сердце. Неужели это он, Васёк, назвал когда-то тётю Дуню ведьмой?

Васёк поглядел на мозолистые худые руки с тёмными пятнами на кистях, на ноги, обутые в старые башмаки с растоптанными подошвами.

«Не сняла даже...» — подумал он и, бросившись в кухню, схватил таз. Но таз вырвался из его рук и с грохотом упал на плиту.

Тётя Дуня вздрогнула, проснулась:

— Васёк!

Васёк бросился к ней, припал к её плечу:

— Ничего-то я не умею... Тётя, не спи, я тебе воду согрею!

— Что ты, что ты! — смутилась тётя Дуня. — Я сама согрею воду. Ложись спать, голубчик.

Но Васёк всё-таки побежал на кухню, нагрел воду и заставил тётку опустить в таз ноги.

— Это ты вместо Саши, что ли, меня балуешь? — спросила тётя Дуня.

— Он велел, — сознался Васёк.

— Ишь ты... — тихо сказала тётя Дуня и, глядя куда-то вдаль, задумалась.

Васёк не знал, о чём она думает, но он видел, как постепенно светлели её глаза, как на рыжих, словно выцветших от солнца ресницах оседала влага скупых, непролившихся слёз.

Васёк вдруг представил себе её одну, в этой комнате, дни и ночи ожидавшую известий о любимом брате, о племяннике. Кроме них, у неё никого не было на свете.

— Ишь ты! — снова повторила тётя Дуня, и далёкий, ушедший в себя взгляд её остановился на племяннике. — Вот ведь как... Пожил с нами Саша и ушёл. А от доброго сердца своего и нам с тобой что-то оставил, чем-то хорошим с нами поделился. Вроде как посеял добрые семена твой Саша, а мы глядим... Словно бы взошли они у нас, принялись...

Васёк взволновался. Что-то в тётке вдруг напомнило ему отца в минуты их задушевных вечерних бесед. Бывало Васёк сердитым шопотом жаловался ему на эту самую тётку, а отец, мягко улыбаясь, говорил:

«Конечно, Рыжик, человек она старой закал-

ки, привыкла в своей коробочке замыкаться, а вот поживёт с нами, новых людей повидает — и помаленьку от старого начнёт отходить. Не понимает ещё новой жизни, что с ней сделаешь... — И, притянув к себе Васька, лукаво улыбаясь, шептал ему на ухо: — Она всё нас с тобой переучивает вроде, а мы её помаленьку в нашу сторону гнём... Душа-то у неё советская, ну и откликается. Только помаленьку надо, Рыжик... К старым людям молодые всегда должны быть снисходительны, ты это запомни...»

Васёк старался быть снисходительным. Но теперь этого больше не требовалось. Всё, что говорила и делала тётя Дуня, вызывало в Ваське чувство гордости и уважения. По-новому встретила она его товарищей, по-новому относилась к людям, и даже в их дворе Васёк часто слышал, проходя мимо женщин:

«Надо Евдокию Васильевну спросить. Это человек безотказный, всегда найдёт, чем помочь...»

— Тётя Дуня, — серьёзно сказал Васёк, — ты нам с отцом самая родная. Побереги себя... Я тебе всё делать буду, только скажи, если не догадаюсь чего...

Глава 20

НА ДЕЖУРСТВЕ

В бывшем четвёртом классе «Б» стояли рядами больничные койки. Раненые, прикрытые тонкими байковыми одеялами, полулежали, полусидели, облокотясь на подушки. На белых тумбочках, придвинутых к кроватям, стояли стака-

ны, покрытые марлей, лежали стопками газеты, журналы и письма от родных. Ветер, залетающий в открытое окно, наполнял комнату свежим запахом молодой зелени.

Был тихий послеобеденный час, но никто не спал. Сегодня комсомольцу Васе сделали тяжёлую операцию. В палату время от времени входила старшая сестра и тихонько трогала Васину руку, быстрыми, умелыми пальцами нащупывая пульс.

Раненые поднимали головы с подушек и с сочувствием глядели на бледное лицо с большим пухлым ртом и тёмными кругами вокруг плотно прикрытых глаз.

Вася был самым юным в палате, и старшие бойцы питали к нему отцовскую нежность.

— Операция прошла благополучно, да крови много потерял, — шептал, перегнувшись к соседу, боец с забинтованной рукой.

— Ну ведь тут врачи, уж они знают... А если в палату принесли, значит ничего, — тихо откликнулся кто-то со своей койки.

Нина Игнатьевна строго посмотрела на говоривших и покачала головой.

Нюра Синицына сидела около постели пожилого раненого сержанта и, положив на книгу листок бумаги, писала под его диктовку письмо.

— Ну вот! Это всё мы с тобой описали, — говорил ей раненый. — А теперь ты от себя приписочку сделай. Ведь моя дочка тоже пионерка. Вот и напиши ей, как подружке. Есть ли у них там госпиталь? Напиши, пусть пойдёт поухаживает за ранеными. Радуются, мол, нам бойцы, любят детей. У каждого своя семья далеко, ску-

чают они, дорога им наша ласка. От себя напиши...

Нюра взяла чистый листок:

«Здравствуй, дорогая подружка...»

Раненый сержант взглянул на первые, нерешительные строчки и закивал головой:

— Вот-вот... А как же тебе её назвать? Ясно, подружка...

За окном тихо качнулась тоненькая берёзка и, положив на подоконник ветки с лёгкими весенними листиками, заглянула в комнату.

Вася глубоко вздохнул и зашевелился. На чистом лбу его выступили мелкие капельки пота. Старшая сестра нагнулась к больному, вытерла марлей его лоб и тихонько позвала:

— Вася...

Нюра быстро оглянулась; раненые, морщась от боли, приподнялись на койках. Вася открыл светлые глаза, жадно глотнул воздух запёкшимися губами.

— Пить хочет, — сказал тихо кто-то с дальней койки.

Нюра схватила стакан, звякнула графином.

— Тсс... нельзя ему после наркоза... — зашумели на неё со всех сторон раненые.

Нина Игнатьевна сделала строгое лицо:

— Тише!

Вася снова открыл глаза. Большой рот его дрогнул слабой улыбкой:

— Я знаю... нельзя мне...

Все заулыбались.

— Ну вот, теперь всё в порядке. Вечерком, пожалуй, в шахматы сразимся! — весело пошутил молодой красноармеец, поправляя съехавшую на лоб повязку.

Вася вытянул руку, провёл по одеялу, поднял тревожный, вопросительный взгляд на сестру.

— Всё хорошо, Вася! Теперь на поправку пойдёшь! — заверила его Нина Игнатьевна. — Лежи спокойно.

Она встала, взяла со стола графин с водой и, прикрывая его полотенцем, вынесла в коридор. Вася увидел озабоченное лицо Нюры, подозвал её глазами. Нюра поспешно бросилась к нему.

— Ног не чувствую... — прошептал Вася, с усилием приподнимая голову.

Молодой красноармеец с повязкой на лбу подошёл к его кровати, откинул одеяло. Вася поглядел на свои забинтованные ноги и, облегчённо вздохнув, опустился на подушку.

— Ну, убедился, что ноги целы, теперь лежи спокойно! — пробасил пожилой, бородатый сержант Егор Иванович, под диктовку которого Нюра писала письмо. — Отойди, дочка, от него! А куда вы собрались, хлопцы? Дайте ему покой. Успеете наговориться! — урезонивал он раненых, подошедших к постели товарища.

Но несколько молодых бойцов уже уселись около Васи и, запахивая длинные халаты, ласково заглядывали ему в лицо:

— Теперь здоров будешь, Вася! Ещё и повоюешь!

— Уйдите, пожалуйста, не разговаривайте, — попросила Нюра. — Вот наши ребята обрадуются! — шепнула она Васе. — Они ведь ещё не знают, что операция хорошо кончилась.

Прошло уже много времени с тех пор, как Вася прибыл в госпиталь. Первая операция не дала желаемых результатов. Вася долго был в

тяжёлом состоянии, а когда наконец пришёл в себя, оказался разговорчивым и общительным. Однажды, увидев на дежурстве ребят, обрадовался:

— Здоро́во, пионеры! Я — комсомолец, до войны вожатым был.

И, выпростав из-под одеяла худую руку, протянул её мальчикам. Мальчики по очереди подержали эту руку, потом присели на его койку и разговорились. Они рассказали ему, как жили на Украине, как приехали, как начали учиться.

Вася живо интересовался всем, расспрашивал, просил почаще навещать его.

С тех пор о Васе ребята не говорили иначе, как «наш Вася».

Нина Игнатьевна положила комсомольца в палате «4 Б». Эта наклейка на двери бывшего класса так и оставалась нетронутой, поэтому скоро и палату стали называть «палата 4 Б». Ребята больше всего любили дежурить в этой палате. Вася постепенно рассказал им, где и как он был ранен, вспомнил 4-ю батарею и долго, с любовью говорил о своём командире.

Этого командира теперь звали в палате просто «Васин герой». Молодой комсомолец любил говорить о нём в вечерние часы, когда, перегнувшись друг к другу через спинку кровати, красноармейцы вели задушевные беседы о доме, о родных, о далёких и близких. Родные были и у Васи, но ни о ком не вспоминал он с таким жаром, как о своём командире, который, по всем вероятиям, остался лежать далеко-далеко в снежном поле, где на 4-й батарее вместе с Васей, плечом к плечу, они уничтожали танки врага.

Вася был ранен, и когда пришёл в себя, вокруг было тихо, стояла глубокая ночь. Он лежал на снегу, заботливо прикрытый шинелью командира. Но где был сам командир? Вася попробовал двинуться, но кровь, как кора, задубела на его раненых ногах — ноги были чужие, мёртвые. Тогда он пополз, проваливаясь локтями в сугробы и окликая командира. Дальше Вася ничего не помнил. Очнулся он в санитарном поезде и не поверил, что жив...

Командира среди раненых не было, и всю дорогу, пока шёл поезд, Вася метался и говорил в бреду, что там, в снегу, на поле, лежит храбрый из храбрых, лучший из лучших — его, Васин, любимый командир.

История Васи и его рассказы окончательно завоевали сердца ребят.

— Кончится война — найду я своего командира, живого или мёртвого найду. А может, ещё и на войне где его повидаю, — задумчиво говорил Вася и тут же с уверенностью добавлял: — Не может такой человек погибнуть! Нет, не погиб он... Двое нас оставалось, оба мы и живы... Кто ж бы меня шинелью прикрыл, как не он!

Найти командира было Васиной мечтой. И эта мечта передалась ребятам; они понимали её и всей душой сочувствовали Васе. Но что, если Вася лишится ног?

Теперь, после второй операции, эта опасность уже миновала, и Вася, окружённый своими товарищами по палате, счастливо улыбался сухими, бескровными губами.

— Молодец, Вася! Наши комсомольцы духом не падают! — подбадривали его бойцы.

Глава 21

ПРИЕЗЖИЙ

От вокзала отходил поезд. Стоя на площадке, Анатолий Александрович ласково кивал головой провожающим его ребятам: «До скорого свиданья, друзья мои! Я надеюсь, что мы с вами встретимся уже в шестом классе».

Поезд ускорял ход, ребята долго бежали рядом. Из окон виднелись головы подростков, уезжающих на работу в колхоз.

— Э-эй! Пионеры, едем с нами трудодни для армии зарабатывать! — весело кричали они ребятам.

Когда поезд ушёл, Васёк остановился на краю платформы и с завистью поглядел вслед:

— Поехали! И мы могли бы в колхозе для армии поработать!

— Нас арифметика держит, — с досадой сказал Саша.

Ребята медленно пошли к выходу. А в это время к чисто выметенной деревянной платформе подошёл другой поезд. Из вагона вышел пожилой человек и, оглядевшись, энергичными шагами направился в город. Приезжий был, очевидно, многим знаком. Он шёл по улице, и то там, то сям люди приветливо здоровались с ним. Некоторые останавливались, как будто желая заговорить, другие с уважением глядели вслед.

На одном углу несколько подростков, завидев высокую фигуру приезжего, о чём-то оживлённо заспорили; двое ребят, громко разговаривая, долго шли за ним, видимо не решаясь окликнуть

и в то же время непременно желая в чём-то убедиться.

— Я тебе говорю — это директор второй школы! Это он! Я его сразу узнал! — говорил один.

— Директор, а школы нет! — хмуро отвечал ему товарищ.

— Ну, был бы директор...

Приезжий обернулся и с улыбкой досказал:

— ...а школа будет!

У ворот госпиталя приезжий немного помедлил, потом снял шляпу, вытер носовым платком высокий лоб и вошёл в калитку. На зелёной траве и под деревьями стояли скамейки. На них сидели раненые. За длинным школьным столом, покрытым вылинявшим красным сукном, выздоравливающие играли в шахматы. Приезжий приветливо кивнул им головой и направился к крыльцу.

В это время из окна, где жил школьный сторож, выглянула и скрылась седая голова, потом окошко захлопнулось, послышались торопливые старческие шаги, и, широко распахнув дверь, Иван Васильевич предстал перед приезжим. Лицо у него было удивлённое и радостное, густые усы топорщились, помолодевшие глаза блестели из-под нависших бровей.

— Леонид Тимофеевич! Когда же это вы?.. Подали бы хоть весточку!

Директор крепко пожал руку старику:

— Здравствуйте, Иван Васильевич! Ну, как тут у вас?

Сторож кивнул головой на раненых:

— Да вот, писал я вам, госпиталь у нас... А школы-то нет! Нет школы, Леонид Тимофее-

вич! — сообщил он вдруг, как неожиданную, грустную новость.

— Ничего, старина, всё будет! Ну-ка, зайдём в вашу каморку, поговорим, — сказал директор.

— Пожалуйте, пожалуйте... Растерялся я от радости, Леонид Тимофеевич... Ведь нежданно-негаданно прикатили, — бормотал сторож, провожая в свою каморку дорогого гостя. — Позвольте, чайку согрею.

— Чайку — это потом. А сейчас садитесь, рассказывайте. Письма были?

— Как же, пишут, пишут... Выпускники всё больше да учителя. Кто где... А от Сергея Николаевича одно письмо я вам переслал, а больше вестей не было. Может, на ваш адрес он писал?

Директор покачал головой:

— Нет... Я надеялся тут застать письмо.

Помолчали.

— Ну, а ребята как? — спросил директор.

— Ребята здесь, в госпитале работают. Хорошо работают... Вот и сейчас девочки тут. Позвать? — заторопился Иван Васильевич.

— В городе много ребят... — не отвечая сторожу, задумчиво сказал директор. — К осени ещё больше будет. Вернутся наши ученики из Свердловска. Я уже передал там дела новому директору. Потянуло домой, свою школу восстанавливать надо.

Иван Васильевич ожил, разговорился:

— Ясное дело, Леонид Тимофеевич! Без школы ребята — сироты... Сейчас лишь бы помещение найти, а оборудование у нас всё цело. Уж это — не извольте беспокоиться... Парты в сарае малость поистёрлись, ну это лаком можно подно-

вить. Вот помещение бы только найти... — Грозный вопросительно смотрел на директора.

— Помещение найдём, — сказал Леонид Тимофеевич, заглядывая в свою записную книжку, и, заметив выжидающий взгляд старика, дружески похлопал его по плечу: — Всё будет хорошо! А пока позовите-ка ребят, кто тут сейчас дежурит. Девочки? Это из отряда Трубачёва? А что слышно о Мите? Письмо было? Ну, сейчас они мне сами расскажут... Позовите-ка их, кто там свободен.

— Сейчас, сейчас! — Школьный сторож торопливо надел белый халат. — Не пускают туда иначе, — шопотом пояснил он, встретив смеющийся взгляд директора. — И то только до сестры пройдёшь... Строгость — беда!

Он прикрыл за собой дверь и быстро засеменил по коридору.

Директор поглядел на часы и, постукивая двумя пальцами по столу, глубоко задумался.

Глава 22

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Нюра стояла перед школьным сторожем и растерянно глядела на него большими, удивлёнными глазами:

— Директор? Какой директор?

Грозный спрятал в усах довольную усмешку:

— Ну вот, всё на свете перезабыла! Ступай, говорю, зови подругу, и чтоб в один момент обе были! Школьница, а спрашивает, какой директор!

Нюра всплеснула руками и бросилась разыскивать Лиду:

— Снимай халат, пойдём! Скорей, скорей!

— Да какой директор? — на ходу снимая халат, допытывалась Лида.

Перед дверью Ивана Васильевича обе остановились.

— Это наш директор! — прошептала вдруг Лида, хватая подругу за руку. — Я чувствую... Наш, наш! Это Леонид Тимофеевич!

Нюра решительно открыла дверь.

Леонид Тимофеевич встал навстречу, вглядываясь близорукими глазами в лица девочек.

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! — дружно и радостно вырвалось у обеих, но голоса их дрогнули, и, не смея обнять своего директора, они уткнулись друг в дружку.

— Вот тебе раз! А я думал — увижу таких крепких, закалённых в боях пионерок, — пошутил Леонид Тимофеевич, глядя на них ласковыми, смеющимися глазами. — Думал, помощницы у меня будут, вместе школу будем строить...

— Школу? Строить?

— Что, испугались? А я вот не испугался! Что ж, думаю, есть у меня такие помощники, как отряд Трубачёва. Вот Лида Зорина, например, — почему бы ей не построить заново четвёртый класс «Б»! Ну, почему?

Леонид Тимофеевич шутил, девочки смущались.

— Вы, может быть, шутите, Леонид Тимофеевич?

— А может быть, и не шучу, — улыбался директор.

— Тогда...

Девочки переглядывались:

— Мы, конечно, будем строить... Только мы ещё никогда не строили ничего...

— Не строили школ?

— Нет! — засмеялись девочки.

Директор стал серьёзен:

— Строить заново мы, конечно, не будем. Я списался с местным начальством и предложил взяться за ремонт какого-нибудь подходящего дома, чтобы осенью открыть в нём школу. Один такой дом на примете есть, но завтра я ещё кое-где побываю и договорюсь окончательно.

Директор задумчиво посмотрел на взволнованные лица девочек и открыл записную книжку.

— Денька через два я сообщу вам через Ивана Васильевича, когда и куда прийти.

В конце разговора Нюра робко спросила:

— А наши ребята из пятого «Б» скоро приедут?

— Все собираются. Конечно, те, кто эвакуировался с родителями, вероятно останутся до конца войны — отцы и матери их уже работают там на заводах, на фабриках. Люди везде нужны, работу сейчас не бросишь. Но многие летом обязательно приедут. Сейчас экзамены у них уже кончились. И ваш класс пятый «Б» уже стал шестым.

В глазах у девочек мелькнуло беспокойство.

— Ну ничего, ничего. Один год вам придётся пропустить, что поделаешь! Зато уж с осени начнутся регулярные занятия, — успокоил их директор и тут же спросил: — А вы хоть немного занимались эту зиму?

— Мы занимались, мы хорошо занимались! — торопливо заверила Лида. — Мы и сейчас занимаемся.

— Это очень хорошо! Но сейчас уже июнь, начало лета, — надо будет отдохнуть, набраться сил. Вот посмотрим, что за ремонт предстоит. Может, и вам найдётся там какая-нибудь работа. Физический труд на свежем воздухе всем на пользу... А что Митя? Писал он? — неожиданно спросил директор.

— Писал. Только давно уже письмо было, — грустно сказала Лида.

— Ещё осенью, — добавила Нюра. — Ведь оттуда редко кто приезжает.

В разговор директора со школьницами Грозный не вмешивался. И только на прощанье, ко-

гда, обратившись к нему, директор сказал: «Вот и Иван Васильевич в стройке нам поможет», — школьный сторож скромно ответил:

— Стройка — это прямое наше дело, Леонид Тимофеевич.

* * *

Попрощавшись с директором, девочки бросились к Трубачёву. Васёк занимался. Держа перед собой книжку, он расхаживал по комнате, повторяя заданный урок по грамматике.

— Васёк! — крикнула ещё на лестнице Лида. — У нас хорошая новость!

Васёк выскочил навстречу девочкам.

— Директор наш приехал! — выпалили обе сразу. — Леонид Тимофеевич!

Васёк бросил учебник, позвал девочек в комнату:

— Рассказывайте всё!

— Да что — всё? Ну, приехал! Будет дом ремонтировать для школы. А денька через два он скажет Ивану Васильевичу, куда нам прийти. Вот! Одним словом, надо ребятам сказать! — залпом рассказывала Лида.

— И ещё хорошая новость: Васина операция прошла благополучно! Он уже пришёл в себя. Привет вам передавал, — перебивая подругу, говорила Нюра.

Васёк слушал девочек, радостно повторяя:

— Какие новости!.. Вася... Директор...

Приезд директора сильно взволновал его. Школа теперь уж обязательно будет.

Вторая новость тоже обрадовала мальчика. Ещё вчера, разговаривая с Васей, ребята очень

тревожились за него, теперь все тревоги были позади.

Васёк схватил тюбетейку:

— Так что же мы сидим? Пойдём, ребятам всё расскажем! И нам ещё Васю навестить нужно...

— К Васе сейчас нельзя, — предупредила Нюра. — Нина Игнатьевна и так сердится, что все к нему приходят.

— Да мы бы на минуточку... Ну ладно, потом пойдём, лишь бы всё хорошо было... А что Леонид Тимофеевич сказал? Денька через два-три? Это, значит, в среду-четверг. Кто будет дежурить во вторник вечером, не забудьте спросить у Грозного, куда нам прийти. Надо сейчас же всем ребятам рассказать. Пойдёмте к Булгакову.

— Вы идите, а мне нужно домой, — сказала Нюра.

— Да пойдём! Такие новости! Пойдём, мы ненадолго! — уговаривала её Лида.

— Нет, меня и так всегда ругают... Мне нужно домой!

Когда Лида и Васёк, перепрыгивая через весенние лужи и обгоняя друг друга, завернули за угол, Нюра остановилась и с грустной завистью поглядела им вслед.

«Другая мама сказала бы: «Беги конечно, расскажи, порадуйтесь вместе», а моя только всё сердится! — подумала она, отвечая на свои мысли. — Может, я сама неправильно делаю — всё молчу, ничего не рассказываю, — попробовала она оправдать свою маму. И тут же снова ответила себе сама с горькой уверенностью: — Да разве можно что-нибудь рассказать! У неё ведь

всё плохо: и ребята наши плохие, и бегаю-то я зря, и об учёбе ничего не думаю... И про Екатерину Алексеевну сказала, что она не настоящая учительница. Лучше бы спасибо ей сказала! А то ещё обзывает «не настоящая учительница»! Как будто Екатерина Алексеевна обязана с нами заниматься...»

Расстроившись своими мыслями, Нюра шумно вошла на крыльцо, потопала ногами и открыла дверь.

— Наконец-то! — сказала мать. — Я думала, что ты уж снова к какой-нибудь своей приятельнице переселилась.

— Никуда я не переселилась! — резко ответила Нюра. — Я в госпитале была. У нас новость — директор наш приехал, вот что!

Она сказала о приезде директора сердитым голосом, потому что была уверена, что в родительском доме никто не интересуется её делами и даже хорошее известие никого здесь не может обрадовать.

Но лицо матери вдруг оживилось:

— Директор? Леонид Тимофеевич? Что ж ты сразу не сказала? — Она пошла за дочерью, запахивая на ходу фланелевый халат и поправляя гладкие седеющие волосы. — Это новость! Что ж ты сразу не сказала? Может, учиться будете?

— Мы сами ещё ничего толком не знаем, мама. Приехал — и всё, — кратко ответила Нюра.

Мать вздохнула и пошла в кухню.

— Никогда ничего не хочет рассказать матери, хоть клещами из неё каждое слово тащи! — пожаловалась она соседке.

А Нюра остановилась посреди комнаты и снова с грустной завистью подумала:

«А ребята-то сейчас! Радуются, шумят... Наверно, уже всех обежали. Ведь директор приехал! Дом будет ремонтировать... И ещё новость — Вася... Эх, порадоваться бы вместе! Ведь такие важные новости!»

Глава 23

ЗЕЛЁНЫЙ ПУСТЫРЬ

В среду вечером Грозный передал ребятам адрес будущей школы и велел на другой день к десяти часам утра быть на месте.

Взволнованные этим сообщением, ребята все как один минута в минуту в половине десятого собрались в палисаднике у Севы. Не хватало только Саши. Его ждали, волновались, смотрели на часы.

— Подождём ещё. Никогда он не опаздывал, сейчас прибежит! — говорил Васёк.

Несмотря на то что шёл крупный летний дождь и платья ребят промокли, настроение было праздничное, радостно-возбуждённое.

— Не то на демонстрацию идём, не то в поход собираемся — просто ноги на месте не стоят! И где это Сашка запропастился? — нетерпеливо говорил Одинцов.

— И бывают же такие люди, честное слово! Тут спешишь, а тут стой, как дурак! Эх, жизнь! — ворчал Мазин.

— А зачем нам стоять? Пойдёмте к нему сами, — предложила Нюра.

Шлёпая по тёплым лужам, ребята помчались по улицам.

Во дворе Саша, нагнувшись над кучей лома, перебирал куски железа и что-то объяснял собравшимся вокруг малышам.

Нютка, обвязанная материнским платком, стояла перед братом и, стирая с румяных щёк капли дождя, возбуждённо жаловалась ему на соседского мальчишку:

— Я говорю: «Светляк, Саша не велел собирать жестянки, надо собирать другие вещи», а он не слушается.

— Нужно ему объяснить, ты старшая, — строго говорил Саша сестре.

Ребята остановились в воротах.

— Подождём, — сказал Одинцов, — у нас ещё есть время. Пусть Саша кончит разговор.

В калитку вдруг с громким рёвом вбежал толстый, неуклюжий малыш. Обеими руками он прижимал к себе старую чугунную сковородку и, добежав до Саши, уткнулся в него головой:

— Мамка... отнимает...

За малышом показалась женщина в тёмной косынке, с молодым весёлым лицом.

— Светляк! — смеясь, кричала она. — Ой, не могу! Что ж это за парень такой! Последнюю сковородку у меня утащил. Я говорю — положи, а он — в рёв, — сказала она, подойдя к Саше. — Не на чем картошку поджарить, честное слово! Уж я ему всё с чердака выгребла, старую медную кастрюлю давала. Нет! Ухватил сковородку — и бежать!

Ребята расхохотались:

— Вот умора!

Но Саша даже не оглянулся. Обняв Светля-

ка, он что-то тихо и убедительно сказал ему, осторожно взял из рук мальчика сковородку, отдал стоявшей рядом женщине и тут же распорядился:

— Ступайте за кастрюлей. Медь нам очень нужна. Ступай с Нютой, Светляк! Ты у нас хороший работник, только без спросу ничего брать нельзя.

Светляк успокоился, и целая куча ребят во главе с Нюткой прошествовала по двору мимо мальчиков.

Саша подбежал к товарищам.

— Ну, теперь идём! — весело сказал он.

— А куда же ты их в дождь отправил? — усмехнулся Васёк, глядя вслед ребятишкам.

— Ну какой это дождь! Пусть ко всему привыкают, — махнул рукой Саша.

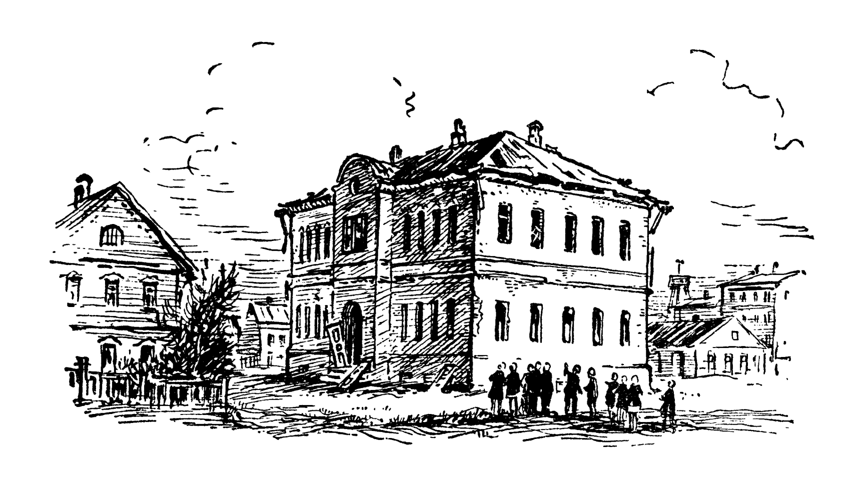
— Правильно, Сашка! Ну что за Сашка! — обнимая товарища за плечи, растроганно сказал Одинцов.

Без десяти десять ребята подходили к назначенному месту.

Дождь кончился.

На пустыре влажно блестела зелёная трава. В глубине двора стоял серый двухэтажный дом. Стены его были крепкие, но в тёмные провалы окон виднелись потрескавшиеся потолки, на полу валялась отбитая пластами штукатурка, парадный вход со двора прикрывался одной половиной тяжёлой дубовой двери, другая половина её лежала на широких каменных ступенях крыльца. На дворе валялся щебень, под ногами хрустело битое стекло, под окном торчали поломанные оконные рамы.

Большой пустынный двор ничем не был отго-



рожен от улицы. Чуть приметные дорожки заросли травой и жёлтыми одуванчиками.

Внимательно оглядываясь вокруг, ребята с трепетом вошли на пустырь. Нигде не слышалось ни одного голоса.

— Рано ещё, — сказала Лида.

Остановились у кучи щебня. Разбитый угол дома был завален досками и кирпичом. Сплющенная водосточная труба болталась под крышей и, ударяясь о стенку, издавала жалобный, дребезжащий звук. За домом чернела глубокая яма, наполненная водой.

— Воронка! — сказал Петя. — Сюда, видно, бомба попала.

— А какой был красивый дом... — со вздохом протянула Нюра.

— Он совсем новый. Его до войны строили. Мы для землянки здесь дощечки брали. Помнишь, Мазин?

— Помнить-то помню... — неопределённо сказал Мазин.

Все хмуро и печально глядели на пустынное крыльцо и безглазые стены будущей школы.

Васёк пробрался через щебень к дому, приложил ухо к стене, по-хозяйски постучал по ней палкой:

— Стены крепкие...

Мазин заглянул в окно и тихонько свистнул:

— Все печи развалены. Двери на полу валяются...

— Ну и что? Испугались? Подумаешь, окон и дверей нет! А руки есть? — задорно сказала Лида и, увидев, что Мазин усмехается, обрушилась на него: — А тебе-то, Коля, уж совсем стыдно! Здоровый, как этот самый... ну...

— Буйвол! — поспешно подсказал Одинцов.

Ребята расхохотались. Лида тоже не выдержала и засмеялась.

— Я, конечно, не то хотела сказать. Сила у нас у всех есть! Ну, что нам, страшно?

— Да кто тебе сказал, что страшно? Мы ведь осматриваем ещё только, — пожал плечами Одинцов, — а что скажут, то и будем делать. Ты всегда наперёд выскакиваешь!

— Да потому, что вы сразу скисли. Увидели, что трудно будет, и скисли, — заступилась за Лиду Нюра.

— Да подождите вы спорить! Вот у нас привычка, я заметил: как что серьёзное — так мы сейчас же начинаем спорить. Пойдёмте лучше посмотрим! — предложил Сева Малютин.

— Верно! Пошли комнаты осматривать! — крикнул Петя Русаков, вбегая по широким ступеням на крыльцо.

— Пошли!

Ребята бросились за Петей.

— Подумаешь, комиссия какая! Инженеры! — смеялась над ними Нюра.

— А вы — инженерши! Ну, полезайте, не бойтесь... Лида, не хватайся за дверь, а то ещё сорвётся. Болтается она, как довесок!

Перебравшись через сорванные с петель входные двери, ребята очутились в просторном коридоре. Оттуда наверх вела широкая лестница.

— Лестница! Лестница! Совсем как у нас в той школе, только ещё больше! — радовалась Лида.

Ребята обошли все комнаты, поднялись на второй этаж и, удовлетворённые осмотром, единогласно решили, что дом вполне подходящий для школы.

— Это как раз то, что нужно, — заявил Васёк.

— Конечно! И дом хороший, и двор большой. Можно сад развести. Смотрите! — Сева подошёл к окну.

Но Лида вдруг схватила его за руку и знаками подозвала остальных ребят:

— Тише! Директор! И ещё кто-то...

Ребята сгрудились у окна. На высокой горке битого кирпича стояла группа людей. Леонид Тимофеевич, вытянув вверх руку, громко говорил:

— Второй этаж я думаю употребить под классы, маленькая комната над лестницей пойдёт под учительскую. Несколько классов удастся сделать внизу. Там же — большой школьный зал, пионерская комната...

Ребята, схватившись за руки, едва сдерживали волнение.

— Тише, тише... Вот этот справа — товарищ Круглов из райкома партии, я его знаю, он живёт за три дома от нас. А другой, с бородкой, это товарищ из роно... Помните, он к нам в школу приходил.

— А там ещё кто-то, вон отдельно стоит.

— Тсс... Это Грозный... Чудачка! Грозного не узнала!

— Не шепчитесь! Дайте послушать!

Снизу донёсся голос товарища из роно:

— Всё это хорошо, но вот как насчёт рабочей силы? — Он погладил узкую бородку и обернулся к товарищу Круглову.

Секретарь райкома молча посмотрел на дом, потом перевёл взгляд на Леонида Тимофеевича. В живых, блестящих глазах его мелькнул лукавый огонёк.

— А вы как предполагали? — спросил он у директора.

Леонид Тимофеевич ответил ему таким же лукавым, смеющимся взглядом:

— Я, конечно, рассчитывал на вашу помощь.

— Может, из ремесленного можно отрядить бригаду? — спросил товарищ из роно.

— Вряд ли. Ремесленники у нас очень заняты, они делают огромную работу. На их плечи легла большая нагрузка. Это в наше время незаменимые кадры.

Секретарь райкома с живостью повернулся к Леониду Тимофеевичу:

— И вы не смотрите, что им по четырнадцать лет. Они такие дела делают, что впору взрослым.

— Ой, слышите! А мы-то? А мы-то? — округляя глаза, зашептала Лида.

— Пошли! — вдруг сорвался Васёк. — Мы тоже можем работать! Мы не боимся работы!

Ребята, перепрыгивая через кирпичи и щебень, бросились во двор. Чумазые, перепачканные извёсткой и пылью, они неожиданно, один за другим, спрыгнули с крыльца и предстали перед директором.

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! Мы прибыли в ваше полное распоряжение! — твёрдо сказал Васёк и, не в силах скрыть охватившей его радости от встречи со своим директором, добавил взволнованной скороговоркой: — Здравствуйте! Мы вас ждали, ждали...

— Мы ждали, так ждали!.. — перебивая друг дружку, закричали ребята.

Взрослые с весёлой усмешкой и удивлением глядели то на ребят, то на директора. Леонид Тимофеевич сбросил пенсне, улыбнулся, сбежал с горки:

— Здравствуйте, здравствуйте! Пришли?.. Ну, молодцы! Ведь я ещё не видел вас, вот девочек только...

Он обеими руками пожимал ребятам руки, глядел на них помолодевшими, весёлыми глазами.

— Леонид Тимофеевич, мы будем работать! Мы изо всех сил будем работать! — кричали ребята.

Товарищ Круглов звучно расхохотался, откидывая назад голову и разводя руками:

— А мы тут толкуем, где рабочую силу взять!

— Вот вам и наши школьники! — шепнул ему товарищ из роно.

— Подождите... в этом ещё нет ничего реаль-

ного. Это помощники, а здесь нужна основная рабочая сила.

Товарищ Круглов подошёл к ребятам и, притаив усмешку в чёрных глазах, серьёзно спросил:

— Ну как, пионеры: если мы поручим вам отремонтировать этот дом под школу — возьмётесь?

— Возьмёмся! — хором ответили ребята.

— Хорошо! — Круглов вынул из портсигара папиросу, не спеша зажёг спичку, затянулся дымом. Указал глазами на дом: — А ведь порядочно тут работы, верно? И работа не лёгкая. Надо уметь связать новые рамы, надо наново сложить печи, подправить двери, оштукатурить стены. А? Ну как, берётесь?

Ребята переглянулись.

— Пообещать легко, но обещанное надо выполнить. Подумайте хорошенько!

Леонид Тимофеевич мельком взглянул на товарища из роно, и оба они украдкой улыбнулись.

— Мы уже всё обдумали, — смело сказал Васёк. — Как бы там ни было, а нам нужна школа. Летом ещё наши ребята приедут, тоже будут помогать. А если мы что не сумеем, тогда Леонид Тимофеевич...

— Леонид Тимофеевич не столяр и не плотник, он директор. Он будет только распоряжаться, — поддразнивая ребят, улыбнулся товарищ Круглов.

— Ничего! — вдруг выступил Мазин. — Мы, если надо, всех достанем. В райком комсомола пойдём! — Мазин выпятил нижнюю губу и важно добавил слышанную где-то фразу: — Мы общественность привлечём!

Секретарь райкома сузил чёрные глаза, усмехнулся:

— Ого, да вы все дороги знаете! Ну, тогда и говорить не о чем!

Он обернулся к Леониду Тимофеевичу и что-то сказал ему. Взрослые долго смеялись. Ребята стояли в стороне и ждали.

Уходя, товарищ Круглов ласково и серьёзно сказал им:

— Школа, конечно, нужна, и всё, что можно, мы сделаем. Только уж помогать придётся на совесть, на пионерскую совесть, понятно?

— Понятно!

— Ну, я к вам ещё загляну как-нибудь. До свиданья, пионеры!

Ребята ликовали.

— Нам хоть бы одного плотника, и столяра, и печника — лишь бы посмотреть, как и что. А то мы и сами научимся! — захлёбываясь, говорил Петя Русаков.

Проводив своих гостей, Леонид Тимофеевич вернулся к ребятам. Грозный тоже подсел к ним.

— Ну, теперь рассказывайте! — сказал директор.

Ребята замялись, не зная, с чего начать.

— Столько всего было, Леонид Тимофеевич! — покачала головой Лида.

Мальчики начали рассказывать. Вспомнили тяжёлые дни, проведённые на Украине, своих далёких друзей, вспомнили Макаровку... И, опустив головы, замолчали.

— А берёзку Валину мы из той школы перенесём и посадим тут, под окошечко, — тихо сказала Нюра.

— Это хорошо. Как раз внизу у нас будут старшие классы, — заметил Леонид Тимофеевич.

Разговор снова вернулся к ремонту дома. С чего начинать?

— Начинать надо с уборки мусора, — сказал директор. — Причём это нужно делать с толком, так как среди битого кирпича попадаются целые кирпичи и половинки — они могут пригодиться. Большие куски стекла тоже пойдут в дело. Вот и начинайте с разборки. Щебень в яму закопаем где-нибудь подальше... По уборке двора и дома назначим руководителем Ивана Васильевича.

Грозный весело подмигнул ребятам:

— Это мы сделаем, сделаем!

Уходя с зелёного пустыря, ребята уже чувствовали себя хозяевами будущей школы.

— Вот кусок стекла... осторожно! Откладывайте сразу в сторону! Не наступите! — кричали они друг другу. — Эх, запереть бы ворота, да ворот нет...

* * *

Через несколько дней к Трубачёвым зашёл Иван Васильевич. Тётя Дуня не знала, куда усадить старика. Но у Грозного был деловой вид, он решительно отказался от чая и с важностью заявил Ваську:

— Завтра свою бригаду посылай на пустырь, а сам пойдёшь с Леонидом Тимофеевичем по делам хлопотать.

— Куда? — не понял Васёк.

— Куда — это мне не доложено, это сам директор знает. А только не опаздывай, к девяти

часам будь в старой школе обязательно. Леонид Тимофеевич туда зайдёт. До свиданья, Евдокия Васильевна, привет и почтение!

— Ишь, форсу набрался старик, — добродушно сказала тётя Дуня, глядя, как Грозный, опираясь на суковатую палку, шёл по двору.

— Да как же! Ведь ремонт дома начинается. А ещё он у нас главный по уборке мусора, — рассеянно сказал Васёк, думая о приглашении директора.

— Оденься получше. Рубашечка белая у меня на случай заготовлена. Галстук шёлковый возьми, с ответственными людьми разговаривать будешь, — забеспокоилась тётя Дуня.

Глава 24

СЫН ГЕНЕРАЛА КУДРЯВЦЕВА

Васёк ходил за директором, не понимая, зачем Леонид Тимофеевич взял его с собой. Они деловито шагали по улицам, заходили в разные учреждения, знакомые Ваську только по названиям: «Райисполком», «Райсовет», «Роно». Леонид Тимофеевич вёл длинные разговоры с разными людьми, потом бегло кивал головой Ваську:

— Посиди здесь! — и исчезал за дверью какого-нибудь кабинета.

Там он снова с кем-то разговаривал, а Васёк от нечего делать разглядывал сидевших тут людей; все они чего-то ждали, рылись в своих портфелях, перебирая какие-то бумажки.

Леонид Тимофеевич выходил озабоченный,

вытирал платком лысину и, снова кивнув Ваську, шёл дальше по длинному коридору, в следующий кабинет.

Один раз через неплотно прикрытую дверь Васёк услышал его раздражённый голос:

— Товарищ! Я ничего не прошу лично для себя — я прошу для школы. Отремонтировать дом голыми руками нельзя...

Кто-то закрыл изнутри дверь, и Васёк не слышал продолжения разговора. Он сидел и беспокоился за Леонида Тимофеевича, чувствуя обиду за него и недовольство человеком, который чего-то не хотел сделать для ремонта их школы. Но когда дверь снова открылась, из неё выглянул военный с серым, усталым лицом и, пропуская вперёд директора, крепко пожал ему руку со словами:

— Ну, хлопочите, хлопочите! Что могу, то сделаю!

Леонид Тимофеевич весело улыбнулся Ваську:

— Ну, кажется, мы с тобой кой-чего добились. Пойдём закусим и обдумаем, как дальше действовать.

Они зашли в столовую. Девушка-подавальщица брала обеденные талончики и быстро говорила:

— На первое — борщ, на второе — пшённая запеканка.

Васёк проголодался и ел за двоих. Леонид Тимофеевич вынул какое-то письмо:

— Ну, вот тебе поручение. Это надо передать директору лесопильного завода. Здесь есть адрес и фамилия. Смотри не потеряй и добейся во что бы то ни стало, чтоб письмо было переда-

но. Там, кажется, не пускают без пропуска. Ну, спроси дежурного. В общем, сообразишь на месте. А мне надо сходить относительно рабочих. С большим трудом уговорил дать мне кровельщика и плотников, а вот печника не достал...

Ваську нравилось, что директор говорит с ним, как со взрослым. Он взял письмо и, прощаясь, сказал по-военному:

— Есть доставить директору завода!

— Смотри не запутайся, это на краю города, — предупредил его Леонид Тимофеевич.

— Ничего, язык до Киева доведёт!

Но спрашивать Васёк стеснялся и потому, расставшись с директором, сразу сделал лишний крюк в сторону. Потом вернулся, прошёл ещё несколько улиц, читая на углах названия. Васёк знал, что лесопильный завод находится на окраине города, далеко за парком, но он никак не мог вспомнить, где начинается Заводская улица. Пришлось спросить. Разузнав хорошенько, Васёк прибавил шагу.

«Как бы не опоздать!» — думал он, минуя парк.

Наконец показался серый дощатый забор с будкой около ворот. В глубине двора под навесом были видны сваленные в кучу доски, брёвна. Через проходную будку входили и выходили рабочие. Сбоку высилось красивое здание, и над входом было написано: «Клуб», «Столовая».

На одной двери висела дощечка с надписью: «Контора».

Васёк остановился у проходной будки:

— Мне нужно передать письмо директору.

— Пропуск? — равнодушно оглядывая его со всех сторон, спросил вахтёр.

— Мне только письмо передать, — сказал Васёк.

Сзади мягко зашумела машина и, расплескав застоявшиеся в колеях лужи, остановилась.

— Отойдите в сторонку! — поспешно сказал вахтёр.

Из машины вышел генерал и, прихрамывая, направился к будке. Васёк увидел нашивки на рукаве и густо украшенную цветными ленточками грудь. Он выпрямился, опустил руки. Генерал ласково кивнул ему головой и пошёл в будку.

— Вольно! — раздался над самым ухом Васька насмешливый голос.

Васёк оглянулся. Около машины стоял мальчик в синей суконной курточке. На груди у него узенькой змейкой поблёскивала застёжка-молния.

— Ты что командуешь? — недовольно усмехнулся Васёк.

Мальчик, не обращая внимания на его слова, подошёл ближе, кивнул головой на проходную будку:

— Видал генерала?

Васёк вспомнил прихрамывающую походку военного.

— Да. Видно, ранений много было. Боевой генерал! — с уважением сказал он.

Мальчик подмигнул:

— Ещё бы не боевой! Это генерал Кудрявцев! — Он заложил назад руки и небрежно добавил: — Мой отец!

Васёк молча разглядывал нового знакомца. Лицо у мальчишки было свежее, чернобровое, с

весёлыми, насмешливыми глазами и круглой ямочкой на подбородке.

«Гордится!» — подумал Васёк и, вспомнив о письме, снова подошёл к вахтёру:

— Мне нужно передать спешное письмо директору. Вот оно.

— Пройдите в контору, там есть дежурный. Я писем не передаю, — ответил вахтёр и, высунувшись на улицу, указал на следующую дверь.

Васёк повернулся, чтобы идти, но мальчик в синей куртке тронул его за плечо и тихо шепнул:

— Погоди, я тебя проведу без пропуска. По знакомству.

— Не надо, я и так пройду, — с досадой сказал Васёк и зашагал к конторе.

— Как хочешь. Насидишься без меня! — крикнул ему вслед новый знакомец.

— Подумаешь!

Васёк быстрым шагом прошёл в контору.

За столом сидел пожилой человек и, держа около уха телефонную трубку, что-то записывал на листе бумаги. Васёк с письмом в руке остановился около стола.

Разговаривающий по телефону протянул руку к письму, вытащил двумя пальцами из конверта бумагу и между разговором быстро пробежал её глазами. Потом, положив трубку, ещё раз прочитал письмо и, взглянув на Васька, тепло улыбнулся:

— Школу ремонтируете? Ну-ну! Материал кое-какой найдётся. Сейчас передам директору. У директора кто-нибудь есть? — спросил он, приподнимаясь и заглядывая в маленькое окошечко в перегородке.

— У директора мой отец, генерал Кудрявцев, — ответил за спиной Васька знакомый голос.

— Придётся подождать, — бегло взглянув на мальчика в синей куртке и откладывая письмо в сторону, сказал дежурный.

Васёк сел. Сын генерала примостился на ручке его кресла.

— Я говорил — насидишься! — насмешливо улыбаясь, сказал он.

Васёк молча отодвинулся.

Мальчик помотал ногой, несколько раз нетерпеливо взглянул на занятого своим делом дежурного, потом вскочил и подошёл к телефону:

— Разрешите позвонить папе?

Дежурный молча взял у него из рук трубку:

— Дома с папой наговоришься. Генерал занят.

«Вот тебе и по знакомству!» — усмехнулся про себя Васёк. Мальчик заметил его усмешку и, прищурившись, сказал:

— Тебе же хотел помочь...

Ваську стало неловко, захотелось поговорить с ним по-дружески.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Алёша.

— Ты пионер?

— Пионер, конечно. — Алёша потянул вниз молнию — на шее под курткой заалел пионерский галстук.

— В каком классе учишься?

— В шестой перешёл. Отличник. Мы из Молотова с мамой приехали. Папа после госпиталя сюда назначение получил. Вот мы к нему и

приехали. А какие у вас школы есть? Я ещё не знаю, где буду учиться.

Васёк стал рассказывать о будущей школе, о пропущенном годе учёбы, о предстоящем ремонте и о том, что он и его товарищи тоже будут работать вместе со взрослыми.

— Сами ремонтировать будете? Вот это здорово! Я, пожалуй, тоже к вам приду. Я там быстро всю работу налажу. Организую ребят — я это умею. Обязательно приду.

— Приходи, — сухо сказал Васёк и вдруг, не удержавшись, добавил: — Только ты хвастун. У нас таких не любят.

— Я — хвастун? — Алёша вскочил, подошёл вплотную к Ваську, смерил его презрительным взглядом. — Да ты просто мне завидуешь! — покраснев, сказал он.

Васёк возмутился:

— А чему мне завидовать? Ты такой же школьник, как и я, только много воображаешь о себе.

Дежурный неожиданно поднял голову:

— Это верно. И лучше тебе, сын генерала, не болтаться тут зря. Пионер по делу пришёл, а ты чего?

— Я тоже по делу. Я с отцом приехал! — дерзко ответил Алёша и, посвистывая, вышел за дверь.

Ваську стало не по себе. «Зря я его так сразу хвастуном обозвал, всё-таки он хотел помочь мне», — подумал он.

Дежурный прибрал на столе свои бумаги и, взяв письмо, сказал:

— Посиди тут. Я сейчас сам зайду к директору.

Васёк ждал долго. В конторе набрались какие-то люди. Тоже ждали. На улице загудела машина. Васёк выглянул в окно — Алёша стоял у машины.

Генерал, нагнув голову, не спеша усаживался на мягкое сиденье. Алёша захлопнул за ним дверцу, вскочил в шофёрскую кабинку. Шофёр тронул руль — машина умчалась. Васёк глядел ей вслед и досадовал на себя за ссору с мальчиком.

В контору то и дело входили люди, но дежурного не было. За его столом уже сидел другой и принимал посетителей.

Васёк начал сильно беспокоиться. Он боялся за письмо, которое дал ему Леонид Тимофеевич. Но дежурный наконец появился с целой папкой каких-то дел.

— Сейчас, сейчас! — кивнул он Ваську. — Заждался? Ну, зато всё уже сделано. Материал вам отпустят. Приезжайте завтра до трёх. Вот разрешение. Не потеряй!

— Спасибо, товарищ дежурный! — Васёк схватил разрешение и побежал к двери. Он был счастлив и горд, что ему удалось исполнить поручение директора. — До свиданья! Спасибо! — крикнул он ещё раз у порога.

«Сейчас прямо на пустырь! Леонид Тимофеевич, верно, уже там. И ребята там... Вот обрадуются!» — думал он, на бегу читая напечатанную на машинке бумагу: «Отпустить для школы № 2...»

Буквы прыгали, из них складывались непонятные слова: обаполки, шляховки... штахеты...

Эх, здорово вышло!

Глава 25

РЕМОНТ НАЧАЛСЯ

Когда Васёк, сжимая в руках драгоценную бумагу, подбежал к пустырю, он увидел свежеврытый в землю столб и на нём прибитую доску с надписью:

ШКОЛА № 2

Школа! Какая же это школа! Ещё нет даже забора, отделяющего пустырь от улицы, ещё каждому прохожему видны кучи мусора!

Васёк вспыхнул от обиды. Насмешка, что ли? Он хотел снять доску, но не решился, опасаясь, что прибить её приказал Леонид Тимофеевич.

На пустыре суетились ребята. Грозный собирал сломанные рамы, складывал их в одну кучку около дома. Какой-то седой бородатый старик сооружал козлы для верстака.

«Рабочий!» — с волнением подумал Васёк и, проходя мимо, вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, дедушка!

У дома стояла длинная железная лестница.

Откуда-то с крыши доносился голос Леонида Тимофеевича. Васёк поднял голову и увидел около водосточной трубы человека. Он что-то объяснял директору, постукивая молотком по задранному вверх куску железа.

«Кровельщик пришёл!» — догадался Васёк и, приподнявшись на цыпочки, замахал бумагой:

— Леонид Тимофеевич!..

Директор увидел, кивнул головой.

В углу пустыря Мазин и Русаков старательно рыли большую яму. Саша, Сева и Коля Один-

цов сносили туда мусор. Девочки отбирали годные куски стекла и складывали столбиками половинки кирпичей.

— Васёк пришёл! Эй, Трубачёв! — К Ваську подбежали Саша и Мазин. — Ну как, дали материал?

— Дали! Дали!

— Эй, ребята! Материал дали! — весело разнеслось по пустырю.

К Ваську подошёл Леонид Тимофеевич:

— Ну, как наши дела?

Васёк протянул ему разрешение.

— Говорят, завтра брать можно, с утра лучше. Надо машину раздобыть, — объяснял он скороговоркой. — А доски есть, много. И штахеты и обаполки.

— Хорошо, хорошо, завтра поедем, — читая бумажку, кивал головой Леонид Тимофеевич. Потом, бегло похвалив Васька, пошёл к плотнику.

Из дома вышел ещё один рабочий и остановился около директора, деловито разглядывая бумагу.

— Ух, работников сколько нагнали! — с восторгом сказал Васёк и, вспомнив прибитую на столбе доску, сердито напал на ребят: — Кто это велел вам? Чтоб люди смеялись? Хоть бы немного отремонтировали, а тогда бы и называли школой!

— Да это Мазин прибил, — пожал плечами Одинцов.

— Ты что же, Мазин, не сообразил? — удивлённо спросил Васёк.

— Очень хорошо сообразил, — вытирая о штаны пыльные руки, заявил Мазин.

— Как это?

— А так. Кому работать? Нас мало. А ребят в городе порядочно. Как их собирать? На готовое-то всякий потом придёт! А здесь каждый человек нужен. Понятно?

Он обтёр ладонью побелевшие от извёстки щёки и махнул рукой на столб:

— Школа номер два. Далеко видно! Завтра от работников тесно будет. И сегодня один уже пришёл, вон стоит. Пятиклассник. Брат черноморского моряка. Помнишь, в райкоме мы его видели... Э-эй! Витя Матрос! Иди-ка сюда.

Крепкий загорелый мальчуган в вылинявшей тельняшке подошёл к мальчикам. Чёрные глаза его с лукавыми искорками быстро пробежали по лицам ребят.

— Кто у вас тут главный? — бойко спросил он.

— Среди ребят Трубачёв у нас главный, — сказал Саша, указывая на Васька.

Мальчуган подтянулся, опустил руки по швам.

— Виктор Бобров, по прозвищу Матрос! — лихо отрапортовал он, поворачиваясь лицом к Трубачёву.

— Здоро́во! — с большой симпатией глядя на него, ответил Васёк. — Работать будешь?

— А как же! — усмехнулся Витя. — Затем и пришёл! Говори, что делать?

— Вот мы сейчас мусор убираем. Яму ребята копают — становись помогай!

— Ладно! — кивнул головой Витя Матрос. — Я без дела не буду!

— Давай, давай, работай! — послышался издали оклик Ивана Васильевича.

Витя подхватил с земли чью-то лопату и помчался на зов.

— Быстрый парень, живо определился, — с удовольствием сказал Одинцов.

— Ну и хитрец ты, Мазин! Не зря объявление повесил! — засмеялись ребята.

— Пошли и мы работать! — сказал Васёк, сбрасывая рубашку. На его загорелых руках проступали крепкими бугорками мускулы.

Издали донеслась песня девочек: «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт...»

В первый день работали без перерыва. Сгоряча пропустили обед, домой возвращались голодные, усталые, но довольные собой. Делились способами быстрой уборки:

— Кирпичи можно конвейером подавать и ближе к дому складывать!

— А мусор я просто мешком таскал, — заявил Мазин. — Носилок мало. Пока-то их дождёшься, а тут: раз-раз!..

— Стёкол крупных на все форточки хватит, — деловито рассуждала Лида Зорина. — И одну раму из нижнего этажа мы нашли почти целую. Плотник Фёдор Мироныч как увидел, что мы её тащим, так обрадовался даже!

— А вот этот, с бородой дедушка, — столяр. Весёлый такой! Он нам всё объяснял, как рамы связывают, — улыбнулась Нюра.

Всю дорогу домой говорили о работе. Потом Петя Русаков озабоченно сказал:

— Ремонт ремонтом, а вот как с учёбой, ребята? Ведь мы уж два дня пропустили! — Он поглядел на товарищей усталыми серыми глазами. — Как завтра будет? Опять с утра работать? А учиться когда?

Ребята сразу встревожились.

— И верно, два дня пропустили! Да раньше ещё... — сказал Одинцов.

— И вообще, надо как-то распределить время. У нас и в госпитале дежурства, и учёбу пропускать нельзя, и ремонт теперь. Как же это всё будет? Дома тоже надо помогать. Давайте посоветуемся, Васёк, — предложила Лида.

Васёк мысленно подсчитал время. Если с утра на учёбу, то кому же работать?

— Если ходить на работу по очереди, то нас мало, — вслух сказал он и, вспомнив прибитую Мазиным доску, ободрился: может, и правда объявление соберёт всех вернувшихся из эвакуации школьников? А посоветоваться всё же надо. — Ты, Петя, скажи матери, что мы ещё только эти дни пропустим. Завтра Леонид Тимофеевич за материалами поедет, может мы понадобимся, да и при разгрузке придётся помочь. А потом мы всё нагоним.

— У нас и в госпитале сейчас дела неважно идут, — покачал головой Одинцов. — Васю мы совсем бросили, одни девочки дежурят.

— Так надо что-то придумать. Ты бы распределил всех, Васёк, — предложил Саша.

Васёк задумался:

— Ну ладно. Завтра в восемь часов Мазин и Булгаков пойдут со мной на пустырь. Лида — с утра в госпиталь одна, а после обеда до восьми — Нюра одна. Остальные с утра пойдут заниматься, а после обеда все, кроме Нюры, на работу, — распорядился Васёк, не совсем точно понимая, что даст это наспех сделанное распоряжение.

Дома Васёк долго не мог заснуть — дела,

большие и малые, нагромождались друг на друга и вырастали перед ним, как огромная гора.

«Учёба — это главное, её никак нельзя пропускать, — думал Васёк. — Работа — тоже главное, иначе ремонт задержится. А госпиталь бросать тоже нельзя, это наше пионерское дело... И Петька Русаков расстроен. Конечно, ему перед матерью неприятно за нас. Учёба — это всё-таки главное...»

Думая так, Васёк вспомнил, что сегодня вечером не заглянул к тёте Дуне, и, тихо ступая босыми ногами по полу, пошёл через кухню к её комнате. Но лампочка у тёти Дуни была погашена, а в кухонное окно глядел серый рассвет. Васёк вернулся к себе. Было два часа ночи.

«Ну и время! Не успеешь оглянуться, как оно убежит вперёд!» — с досадой подумал Васёк, укладываясь на свою постель и подминая под голову подушку. Но сон не шёл...

«Ведь мы ни одного дела толком не делаем! Всё беготня какая-то. Даже Васю после операции не смогли навестить. Что ж это такое? Надо всё сначала передумать, всё сначала распределить... Если б папка был со мной!.. Эх!..»

Глава 26

ВАСИН ГЕРОЙ

С тех пор как Вася пошёл на поправку и ощутил под солдатским одеялом обе ноги, в палате как будто наступил праздник.

— Да... задал я тут работы докторам, это верно, — говорил товарищам Вася. Благодарная и смущённая улыбка растягивала его большой рот, на худых щеках появлялись ямочки. — Только не напрасно они хлопотали. Я — боец, все мои мысли на фронте. — Вася вытягивал худые, длинные руки и пробовал мускулы. — Теперь бы только встать скорее! А что, не говорили врачи, когда встану? Про меня, то-есть, когда, значит, на выписку? — жадно вглядываясь в лица товарищей, спрашивал Вася.

— Лежи уж, какая тебе выписка... Чуть живого из операционной принесли, а он — выписка... — добродушно ворчал Егор Иванович. — На всё, брат, и терпение и время требуются.

— Нет у меня терпения, это верно, — соглашался Вася. — Ещё мой командир бывало перед боем положит этак мне руку на плечо и скажет: «Терпение, Вася!» А я еле на месте стою, все поджилки у меня ходуном ходят... Эх, вот командир был, насквозь каждого человека видел!

— Да что за командир-то? Весь твой разговор к нему сводится. Герой, что ли? — откликается молодой, безусый боец, только недавно прибывший в госпиталь.

— Герой! — убеждённо говорит Вася. — Я с ним недолго находился, но на всю жизнь его запомнил. Особенный человек. Людей жалел, а о себе не думал. Один раз в бою ранило его осколком в плечо — так он до конца боя никому ни слова не сказал. Терпеливый! Кто его знает, как он терпел. Рождаются же такие люди! — Вася глубоко вобрал воздух и замолчал.

— Бывалый, видно, командир, с выдержкой, — сказал кто-то в палате.

— Да не так-то бывалый — молодой ещё, только виски седые. На глазах у нас поседел командир наш... Было это в одном селе, — снова начал рассказ Вася. — Только что выбили наши оттуда фашистов. И мы, значит, подошли как раз. Видим — там изба горит, там другая, сараи пылают... Идёшь — в лицо тебе жар, и люди тут же убитые валяются... А зима, мороз! Кровь на снегу так и дымится. Живых не видно, только женщина одна бежит к нам навстречу. «Миленькие, — кричит, — голубчики! — и на пожарище рукой машет. — Дети наши в школе горят, весь народ туда палачи согнали и подожгли!» Мы — к школе. А от школы уже одни стропила остались да головни валяются. Ну, всех за сердце взяло. Постояли мы, сняли шапки. Потом разошлись. А командир до утра не приходил. Бойцы говорили — всю ночь он просидел один на этом пожарище. А вышли мы утром из села — глядим, виски у него седые, словно иней на волосах осел.

Молодой боец, сосед Васи, беспокойно заворочался на койке.

— Э, встать бы скорее! Душа у меня горит, когда я такое слышу, — сказал он, отворачиваясь к стене.

Раненые с сочувствием оглянулись на него, и Егор Иванович, понижая голос, спросил:

— А ты, Вася, говорил, у него своя семья погибла? На родине, что ли?

— Да, говорили хлопцы, семья у него была, дети... Только он про своих молчит. Сядет бывало с нами к огоньку, про всех расспросит — у

кого жена, у кого мать. Фотографии поглядит, а про своих — ни слова. И мы молчим — страшно человеку душу разбередить. Так, пошутит он с нами, попьёт чайку и начнёт рассказывать, как после войны жить будем, как коммунизма достигнем. Встанет перед нами мирная, счастливая жизнь, и такая ненависть к фашистам за сердце возьмёт, что в бою каждый за десятерых бьётся... Какой человек был! Кто его знал, тот не забудет. Вечный человек!

Глаза у Васи делались большие и ярко блестели.

Постепенно любовь Васи к своему командиру передалась и его слушателям; судьба Васиного героя волновала всех раненых. Но судьба эта терялась в снежном поле, где выдержала тяжёлый бой 4-я батарея.

— Подобрали меня наши люди. Может, и его нашли. Только вот фамилии его я никогда не спрашивал, ни к чему как-то было. «Товарищ комбат» да «товарищ комбат»! Если б из нашей части кого найти, может знают, — говорил Вася.

— Трудно искать, если из части своей выбыл. Война — это бурное море, — вздыхал сосед по койке.

— Живого или мёртвого — найду! — упрямо и тоскливо говорил Вася. — Мне бы встать только. — Он тихо шевелил под простынёй ногами. — А на фронте буду — рассчитаюсь с фашистами! Всё им припомню!

Красноармейцы сочувственно глядели на бледное безусое лицо, на тонкие мальчишеские руки, перебирающие край простыни...

Вася ждал ребят. Их давно не было, а ему

хотелось поделиться с ними своей радостью, рассказать о своих надеждах, о том, что он, Вася, скоро встанет и попросится в самый горячий бой.

Никто не умел так сочувствовать Васе, слушать с таким восторгом, никто не умел так понимать и разделять мечты молодого комсомольца, как ребята.

Неведомый Васин герой — бесстрашный командир вставал перед ними во весь рост, напоминая то Митю, то учителя, то Степана Ильича.

И, присев на табуретках около Васиной кровати, они, в свою очередь, в сотый раз пересказывали молодому бойцу всё, что видели и переживали на Украине.

— Не один у нас герой — весь наш народ герой, — вмешиваясь в их жаркую беседу, басил из своего угла Егор Иванович.

Поджидая своих друзей, Вася поминутно взглядывал на дверь.

— Придут! — утешала его Нина Игнатьевна. — Об операции они уже знают, а проведать прибегут. А впрочем, с дежурством у них что-то неладно последнее время. Всё больше девочки приходят. Ведь к ним директор бывший приехал, дом под школу будут ремонтировать. Вот и хлопочут. Ты не скучай, прибегут!

Но перед обедом забежала одна Лида. Узнав от неё, что все заняты на работе, Вася сначала опечалился, потом расспросил обо всём и, загоревшись общим настроением ребят, сказал:

— Эх, и я бы сейчас вам помог по-комсомольски!

Глава 27

НЕ НАСТОЯЩАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Пока ребята, увлечённые новыми делами, пропадали на пустыре, Екатерина Алексеевна нервничала и сердилась на себя за то, что взялась за такое трудное дело, как подготовка ребят к шестому классу.

«Нет, подумать только! И как это я взялась, сама не понимаю. Просто стало жалко ребят. Но какой же толк из всего этого? Почему они не ходят? Это просто возмутительно!»

Нервничая сама, она нападала на Петю:

— Что вы думаете, на самом деле, Петя? Уже июнь кончается, а мы и так ощупью движемся вперёд. Ведь я всё-таки не учительница, мне самой приходится всё повторять заново. Теперь ещё географию надо закончить, а вы стали небрежно относиться к занятиям. Где твой Трубачёв? Что это, на самом деле? Чем вы целые дни заняты?

Петя, сильно вытянувшийся и похудевший за это время, хлопал ресницами, глядя на мать умоляющими глазами:

— Мамочка, мы тоже беспокоимся, но у нас теперь самое горячее время. Ты знаешь, вчера мы с рабочими за материалом ездили на лесопильный. Там столбов нет, одни обаполки... Леонид Тимофеевич делянку выхлопотал. Сами будем деревья пилить. Нам лесовоз нужен... — расстроенно бормотал Петя. — Ты подожди, вот уже нам рабочих дали. Мазин объявление повесил, и бывшие ученики собираются. Сейчас уже из седьмого класса трое ребят пришло...

— Значит, Леонид Тимофеевич надеется закончить ремонт к осени?

— Да, конечно! Первого сентября начнутся занятия. Это точно, мама!

Екатерина Алексеевна опять заволновалась:

— Так вот, предупреждаю: если всё будет так продолжаться, вы сядете в пятый класс. И вообще, Петя, надо посоветоваться с директором, может он найдёт вам настоящую учительницу, здесь нужен опытный человек. Надо пойти к Леониду Тимофеевичу, вот что!

— Зачем, мама? Мы, наоборот, ничего не хотим ему говорить, пока не подготовимся по арифметике. Ведь если он сейчас проверит, что мы прошли, то и разговаривать не станет — просто посадит в пятый класс! — не на шутку испугался Петя.

— Постой, постой... Значит, вы Леониду Тимофеевичу даже не сказали, что готовитесь в шестой класс?

— Нет, мы сказали. Ну просто так, что занимались всю зиму, вообще...

— Ну, а он что?

— А он говорит, что летом надо отдохнуть, поработать на свежем воздухе, вообще...

Екатерина Алексеевна пристально взглянула на Петю и решительно сказала:

— Я пойду сама к Леониду Тимофеевичу, мне необходимо посоветоваться с ним. Может, действительно незачем тянуться через силу. Идёт лето, надо отдохнуть, а уж с осени — за учёбу.

— Как, сесть в пятый класс? Что ты говоришь, мама! Зачем же мы так старались? Мы же почти всю программу прошли. Анатолий

Александрович нас хвалил, и Костя тоже. Там совсем немного по географии осталось. А по русскому ты сама говорила, что мы хорошо идём. А теперь хочешь, чтоб мы в пятый класс сели! — Петя чуть не плакал. — Никто из ребят на это не согласится, мы слово друг другу дали, что будем драться за учёбу!

— Знаешь, Петя, я всегда говорю с тобой, как со взрослым человеком, но иногда, к моему глубокому сожалению, я убеждаюсь, что это ещё рановато. Так и сейчас. Если ваше главное дело — учёба, то почему же вы не распределите так своё время, чтобы, по крайней мере, не пропускать занятий! Вот у нас арифметика плохо идёт. Твой Трубачёв первый отстаёт по арифметике. А Мазина я просто не узнаю! Вчера спрашиваю его, почему вы не ходите, а он стоит, как дурачок, и мямлит: не можем, не успеваем... Никогда не ожидала этого от Мазина! И где он набрал себе этих жалких слов? У советского школьника таких слов даже быть не должно! Не желала бы я когда-нибудь слышать их от своего сына! — Екатерина Алексеевна покачала головой.

— Я постараюсь не говорить... Но ведь мы и правда многое не успеваем.

— Вот-вот! Повтори ещё раз! Не успеваем, не можем, робеем, боимся — весь этот набор жалких слов показывает, что вы не умеете правильно распределить своё время. Мне это даже слышать неприятно... Вот я тебе выпишу на бумажку все эти слова, выучи их наизусть и раз навсегда выбрось из своей памяти! — разбушевалась Екатерина Алексеевна.

— Так зачем же мне их учить наизусть, если

ты хочешь, чтобы я их совсем забыл? — засмеялся Петя.

— Зачем? — Екатерина Алексеевна тоже засмеялась и махнула рукой. — Я уж прямо не знаю, как тебя воспитывать, Петя! И вообще, я устала от вас. Вы какую-то такую сложную жизнь устраиваете себе и другим. Всё у вас сильно преувеличено и многое без толку... наполовину дело, наполовину фантазия. А учёба страдает от всего этого. Арифметика — такой серьёзный предмет, а вы...

Петя бросался к своему столу и, раскрыв задачник, начинал заниматься. У него было ещё одно тайное дело, которое стоило ему многих бессонных ночей. Из любви к матери он вместе с ней добровольно принял на себя ответственность за подготовку к шестому классу. Для этого он изо всех сил тянулся сам, ночью засиживался над задачами, чтобы быть готовым к уроку и этим облегчить матери занятия с товарищами.

— И как это ты сразу разбираешься во всём, Петя? Просто удивительно! — радовалась, глядя на сына, Екатерина Алексеевна. — Тебе очень легко даются задачи!

Петя счастливо улыбался, моргая сонными глазами. Серьёзное, озабоченное выражение никогда не сходило теперь с его лица. Мазин, внимательно приглядываясь к старому другу, подмечал в нём новые, незнакомые ему черты и, неопределённо хмыкнув, говорил:

— Что это тебя, Петька, как будто в зелёную краску окунули?

— А что? — грустно спрашивал Петя.

— Да ничего. Только ты совсем стал на се-

бя не похож. Очки тебе надо купить по дешёвке.

Петя не сердился. Он знал, что и у Мазина нелёгкая жизнь. Но Мазин молчал. Он никогда и ни на что не жаловался, а между тем он жил с больной матерью и помогал соседкам, у которых мужья были на войне. Мазин считался в доме единственным мужчиной, и все самые трудные домашние дела ложились на него. Он таскал из лесу дрова, а к приходу женщин с работы топил общую плиту, носил воду. Только один раз Петя застал его расстроенным и огорчённым. Это случилось, когда одна из соседок заболела и Мазину поневоле пришлось нянчить её троих детей. Но и об этом случае сам Мазин всегда рассказывал с доброй усмешкой:

— Ну, оставили на меня. И все на работу ушли. Кисель из морса сварили. Я дал детям ложки честь честью, поставил этот самый кисель на стол. Прихожу — все трое буро-малиновые и ревут. Кто кого ложкой по лбу трескает, кто прямо пятернёй. Ну, чего тут с ними делать? Слов они не понимают, малые ещё. Я рассадил их на стулья подальше друг от друга и вооружился веником. Так и сторожил, пока Петька не заявился, — усмехаясь, заканчивал свой рассказ Мазин.

Да, ему тоже жилось не сладко, и Петя не сердился на товарища. Другая стала жизнь, и в этой жизни некогда было теперь обращать внимание на всякие мелочи.

Петю беспокоила учёба. В прошлый раз Васёк обещал, что снова наладит аккуратное посещение уроков. Петя волновался, ждал и начинал приходить в отчаяние.

Разговоры с Петей не успокаивали Екатерину Алексеевну. И как всякий человек, которого мучают какие-нибудь заботы, она вела сама с собой длинные разговоры — то упрекала себя в том, что поддержала решение ребят одолеть пятый класс, то горячо возражала себе: как можно было не поддержать!

Такое желание учиться... Самолюбивые ребята! Кто знает, как бы повлияло на них вынужденное второгодничество. Петя только-только выправился, его друг Коля Мазин — тоже. А сколько было положено труда, чтобы приучить этих мальчиков к учёбе!..

Екатерина Алексеевна вспоминала те дни, когда она вошла в дом Русаковых и увидела одинокого, заброшенного Петю, привыкшего изощряться в разных хитростях перед отцом. Мальчик смотрел на неё тогда испуганно и недоверчиво — ведь она была для него только «мачехой».

Вспоминая об этом, Екатерина Алексеевна горько улыбалась. Никто не знает, как ей трудно было примирить отца с сыном! Она взяла на себя ответственность за воспитание мальчика, она не позволила отцу запугивать сына наказаниями. И с каждым днём Петя становился лучше. С каким торжеством принёс он в прошлом году отличные переводные отметки! С какой радостью называл он её «мамой», а для неё это слово было самой высокой наградой. Она так хотела быть для него хорошей матерью! Именно поэтому, ради него и ради его товарищей, она согласилась с ними заниматься, готовилась к урокам, нервничала, недосыпала.

Она мечтала о том времени, когда кончится

война, вернётся Петин отец. У них будет дружная трудовая семья. Екатерину Алексеевну беспокоило равнодушное отношение мальчика к отцу. Петя редко вспоминал о нём; гораздо чаще, с искренним беспокойством он говорил о своём учителе, о Мите.

Екатерина Алексеевна часто беседовала с Петей об отце, постепенно прививая мальчику мысль, что отец — ему близкий, дорогой человек. Она не оправдывала сурового обращения отца с Петей, но находила глубокие, извиняющие причины. Петино сердце теплело медленно, постепенно...

Думая обо всём этом, Екатерина Алексеевна снова возвращалась мыслью к занятиям. Что же делать? Бросить сейчас — поздно. Ребята изо всех сил тянулись всю зиму! В конце концов она решила, проверив ещё раз хорошенько знания ребят по всем предметам, пойти к Леониду Тимофеевичу, рассказать всё откровенно и просить совета.

«Июль, август...» — мысленно считала Екатерина Алексеевна. Впереди оставалось только два месяца.

Глава 28

НЮРА СИНИЦЫНА

Нюра стояла у окна в палате и слушала, как шумит ветер, как, положив на подоконник ветки, с тихим шорохом касаясь её рук, качается Валина берёзка. Нюра видела в темноте тонкий белый ствол молодого деревца, и сердце её сжималось неостывающей тоской по Вале.

В палате не зажигали огня. Раненые, лёжа

на койках, глядели в раскрытое окно на выступающие в темноте кусты, на белые колышки забора, на развешанные между деревьями стираные халаты, на всё, что было видно из окна и вносило с собой в палату какое-то разнообразие.

В «палате 4 Б» кое-где уже слышалось сонное дыхание, разговор затихал. В сумерках смутно белели лица, шевелились закинутые за голову руки. Кто-то, осторожно шаркая туфлями, выходил в коридор...

До Нюры долетал приглушённый шопот. Облокотясь на подушку, Вася рассказывал соседу по койке:

— ...Идём мы, леса густые... Мороз словно стекло под ногами рассыпал. Сучья трещат... Видим — ночевать надо. Разгребли мы снег под елью, застелили ветками, поверх палатку положили, легли вчетвером, друг о друга греемся...

Нюра близко склоняется к зелёной ветке берёзы. Ей вспоминаются длинные светлые косы, заткнутые за ремённый поясок, синяя трубка тетрадок, зажатая в руке, и на длинной Мирохиной кофте рассыпавшийся букетик ромашек.

— ...Ну, накрылись палаткой, согрелись кое-как... Выглянул я. Светит луна, сквозь ветви продирается. И стоит он по колено в снегу... с биноклем. Шапка снегом запорошена, вся блёстками переливается, брови и ресницы тоже от мороза побелели. Все спят, а он стоит...

Что-то тревожит Нюру в рассказе Васи. Про кого это он опять? Про командира, верно... Почему же командир не спит?.. Она тихо отходит

от окна, слушает, и рисуется ей белое-белое поле, тяжёлые, засыпанные снегом ветви ели, взбитые метелью сугробы и утонувший в них до пояса командир в шинели бойца, в заснеженной шапке с красным огоньком звезды...

В углу палаты раздаётся голос Егора Ивановича:

— Попить бы, дочка...

Нюра осторожно проходит между койками, наливает в чашку воды и подносит её раненому. Егор Иванович, покачиваясь, сидит на койке. В полумраке белеют туго забинтованная рука и на смуглой, заросшей шее широкий бинт.

— Мозжат кости, терпенья нет... Вот через недельку на электризацию назначат. Я уже просил Нину Игнатьевну, чтоб ты меня тогда водила, дочка. Тут через дорогу, недалеко... Только бы скорее назначили, — тихо говорит он, морща высокий лоб и глядя на Нюру изнурёнными бессонницей глазами. — От тепла боль приутихает, дышать легче.

— Как только доктор скажет, так и пойдём, — ласково говорит Нюра. — Тут недалеко, мы потихоньку...

Напоив Егора Ивановича, она снова отходит к окну и, присев на подоконник, смотрит, как постепенно темнеет и темнеет во дворе. Сегодня Нюра сильно поссорилась с матерью. Закрывая за девочкой дверь, мать с сердцем сказала:

— В последний раз тебя пускаю! Что это за безобразие, что ты ни одного дня не посидишь дома! Вот сейчас вечер. Все порядочные девочки уже давно дома. Ну куда ты идёшь?

Нюра молчала. Она часто упрямо молчит, избегая взгляда матери. А мать ждёт, требует от-

вета; молчание Нюры возмущает её до глубины души.

«Но разве ей можно что-нибудь рассказать! — с тоской думает Нюра. — Ведь она потом этим же попрекать станет!»

— Нюра, ты живёшь с нами, как чужая... — сказала сегодня мать. Полный подбородок её задрожал, в глазах появились слёзы.

Нюра с тревогой смотрела, как мать прижимала к глазам платок, нервно комкала его в руках.

— Почему ты всегда молчишь, Нюра?

Мать вдруг, словно потеряв терпение, разразилась гневными упрёками:

— Тебе твои товарищи дороже родителей! Ты целые дни без толку гоняешь с ними по всему городу... Но я этого не оставлю так! Я не для того свою дочь воспитывала, чтобы она лодыря гоняла с какими-то приятелями.

— Это не какие-то... Ты не должна так говорить, мама!

Мать и дочь смотрели друг на друга холодными, враждебными глазами. Потом Нюра отвела взгляд и пошла к двери. Дел так много! Их накапливается всё больше и больше. Теперь они уже начинаются с самого раннего утра. Ведь все ребята на работе! Что понимает в этом мать!..

Возвращаясь поздно вечером, Нюра с замиранием сердца слышит всегда одно и то же восклицание:

— Наконец-то!..

И пока Нюра, снимая на ходу пальтишко, проскальзывает в комнату, мать, шумно дыша, идёт за ней, как грозный судья, имеющий право на угрозы, наказания и жалобы.

— В последний раз чтобы это было! И помни: если ты меня обманываешь... если все эти твои россказни, что ты ходишь в госпиталь, окажутся ложью... — Мать дробно стучит пальцем по столу, голос её повышается до крика: — Я к главврачу пойду! Я тебя не пожалею... Я целый день, как безумная, мечусь по дому и не знаю, где моя дочь... Да мало мы с отцом из-за тебя пережили, когда ты на этой самой Украине застряла! Мало я ночей не спала! Неблагодарная!

Мать бессильно опускается на стул, закрывая лицо руками; крупные слёзы просачиваются сквозь её пальцы.

— Неблагодарная ты! Вот останешься без матери, вспомнишь тогда всё.

Испуг и жалость охватывают Нюру. Она бросается к матери, пробует разнять её руки, прижимается к ним лицом:

— Мамочка, ведь я не одна, ведь все ребята так! И я ничего тебе не солгала — мы все работаем.

— Кто «все»? — грозно спрашивает мать. — Кто? Твой Трубачёв? Вот эта самая компания, которая и испортила тебя вконец! Где моя дочь? Я её не узнаю... То-то они сюда и глаз не кажут! Стыдно им... Я на тебя все силы положила. Но ты готова на первых встречных променять родителей. Бессовестная! Тебе никого не жалко!

Нюра уже не слушает, как со слезами и возмущением упрекает её мать, — она всё равно не в состоянии доказать свою правоту.

Поздно ночью, когда приходит с завода отец, в комнате родителей затевается тяжёлый спор.

Нюра лежит на кровати, смотрит в темноту открытыми глазами и жадно ловит каждое слово отца.

Что делать? Как быть? Может быть, папа поймёт её?

Папа всё время на заводе с людьми, он понимает, что каждый должен сейчас работать изо всех сил...

Отец встаёт очень рано; мать, измученная ссорами с дочерью, ещё спит. Нюра в одной рубашонке выбегает в переднюю, бросается к отцу:

— Папа, подожди! Поговори со мной!

— Нюрочка, дружочек, что же тут говорить? Пожалей маму, доченька... Всем трудно, и ей трудно. Война... Пойми это, Нюрочка. Ты ведь уже не маленькая... Мы все с головой ушли в работу. Иначе нельзя. А маму надо жалеть. Мама у нас больная, она за тебя все глаза выплакала. Это надо понимать, доченька. — Отец гладит Нюру по голове, смотрит на неё расстроенными, умоляющими глазами. — До войны я жил для семьи — для тебя, для мамы, а теперь у меня так много дела, я прихожу только на несколько часов домой. Ты ведь большая девочка, Нюра, ты пионерка. Ты должна понять, что у каждого из нас есть долг перед страной... высокий долг... — Отец бессильно оглядывается, ищет убедительных слов. — Вот если бы был твой вожатый — он там с вами умеет разговаривать, — он тебе объяснил бы. А я вот спешу сейчас... — Отец набрасывает пальто, бегло целует дочь. — Пожалей же папу, доченька... Будь хорошей девочкой, не волнуй маму, не затрудняй собой жизнь взрослых. Я не могу сейчас разбирать

ваши ссоры, я должен работать, я не могу иначе... — бормочет отец на ходу.

— Папа, папа... я тоже не могу иначе! — беспомощно рыдает Нюра и ловит руки отца, чтобы удержать его, чтобы рассказать ему, что в её маленькой жизни есть свои обязанности перед Родиной.

На плач Нюры выходит из спальни мать. Девочка выпускает руки отца и убегает к себе. Некому, некому рассказать, не с кем поделиться своим горем... Если бы поговорить об этом с Лидой, с товарищами! Но Нюра скрытная. Ей стыдно за родителей, ей не хочется, чтобы кто-нибудь обвинил её мать. Она даже никогда не зовёт никого к себе в дом — стесняется матери. Мать может начать упрекать, сердиться, выговаривать. Разве в такой дом можно прийти товарищам? И Нюра молчит, затаив своё горе.

Дома она старается помогать матери. По утрам молча берёт карточки и идёт в булочную за хлебом. Она всегда ходит за хлебом в эту булочную, что на углу. Коля Одинцов тоже прикрепил там свои карточки, хотя эта булочная далеко от его дома.

Коля видит Нюру ещё издали. Он занимает для неё очередь и берёт сто граммов румяных, поджаристых сухарей. Коля старается не смотреть на распухшие от слёз глаза подруги и, когда она выходит из булочной, неловко суёт ей в руку свои сухари:

— Бери!.. Ну что ты ещё... бери!

— Да нет, я не хочу! Лучше бабушке отнеси, — слабо возражает Нюра.

— Да бери, откусывай! Я для бабушки белого хлеба взял, — уговаривает Одинцов.

Они идут по улице, похрустывая сухарями. Заплаканные глаза Нюры тревожат её товарища, но он не смеет спросить, почему она плакала. Ведь Нюра всё скрывает. А зачем скрывать? Ведь и Коля и все товарищи давно видят, что у неё дома как-то неладно. Недавно они все напали на Лиду: «Почему ты не спросишь? Ведь ты же её подруга!» — «Я спрашивала... я двадцать раз спрашивала, но она не хочет, чтобы я знала. И вы меня не упрекайте! Я сама не знаю, что делать!» Лида сильно рассердилась на них за упрёки.

— Мне скоро придётся после обеда дядю Егора Ивановича на электризацию водить, — думая о своём, устало говорит Нюра.

— Давай вместо тебя я буду! — быстро предлагает Одинцов.

— Нельзя. Он со мной хочет. У него дома дочка такая же, вот он всё со мной дружит.

— Нюра, — осторожно говорит Одинцов, — может, на тебя мама сердится за что-нибудь? Ты скажи нам... Может, тебе нельзя так часто из дому уходить?

Нюра молчит, и Одинцов сам пугается своего вопроса. Но уже всё равно — начал так начал.

— Нюра, мы ведь все товарищи, ничего друг от друга не скрываем... Ты только скажи нам, может мы к твоей маме пойдём, поговорим с ней... Может, Севе пойти или Трубачёву?

Нюра сразу настораживается:

— Нет, что ты! У меня... ничего особенного... Просто мама нервная — она не любит, когда я ухожу.

— Взрослые, конечно, все нервные, — бормочет Коля.

Но Нюра неожиданно твёрдо говорит:

— Но ты не беспокойся, я всё равно буду уходить. Надо так надо. Помнишь, как в походе мы подошли к холодной, глубокой речке и все испугались, что придётся её вброд переходить, а Валя сняла тапочки и так просто сказала: «Надо так надо»? Помнишь?

Одинцов не помнит, но из уважения к памяти подруги грустно кивает головой.

— Вот и я так теперь буду. Надо так надо! — говорит Нюра.

— Трудно тебе всё-таки с родителями, — опять начинает Одинцов.

Но Нюра, готовая защищать свою семью, смотрит на него насторожённо и сухо. Коля в смущении надкусывает последний сухарь и протягивает его Нюре.

— Ты не думай, я ничего не говорю... Вот, возьми ещё сухарь, я нечаянно надкусил... Может, брезгаешь?

— Ой, как не стыдно! — вспыхивает Нюра и в доказательство поспешно засовывает в рот сухарь. Сухарь с хрустом разламывается пополам под её крепкими зубами.

— Вот как раз! На́ тебе половину! — радуется Нюра.

— Здо́рово сломался — точка в точку пополам! — с особым удовольствием похрустывая своей половинкой, замечает Коля.

Обоим становится беспричинно смешно и весело. И до самого дома, пока рядом с Нюрой идёт её друг и товарищ, она не вспоминает больше о тяжёлой размолвке с матерью.

Глава 29

ШКОЛА № 2

Бывший пустырь привлекал внимание всех жителей маленького городка. «Школа № 2» — читали они объявление на приземистом столбике, вбитом в землю на том месте, где предполагался въезд в будущую аллею. Люди останавливались и с любопытством глядели на широкий двор, на большой дом, опоясанный вокруг лесами.

На крыше звонко отстукивал молоток кровельщика, плотники вставляли рамы, а по двору с тачками, носилками и лопатами пробегали школьники. Мокрые загорелые спины мальчишек жарко блестели на солнце; повязанные платочками головы девочек, как разноцветные маки, мелькали на пустыре. Двор был уже убран, яма с мусором аккуратно засыпана и сравнена с землёй, освобождённая от щебня трава поднялась, и в ней зацвели жёлтые и синие цветики иван-да-марьи, зелёные калачики и мелкая ромашка.

— Давай, давай! Принимай! — слышался крик рабочих.

Доски и рамы поднимали на второй этаж на верёвках. Упираясь крепкими ногами в землю, ребята держали железную лестницу, подавали инструменты.

— Эй, ребята, кто там из вас половчее, подай сюда плоскогубцы! — доносился с крыши голос кровельщика.

— Есть подать плоскогубцы!

Опережая товарищей, мальчуган в полосатой

тельняшке бросался к лестнице и, поплевав на ладони, быстро, как обезьяна, карабкался наверх. Чёрные ленточки его бескозырки развевались в воздухе, и через мгновенье задорный голос слышался уже на крыше:

— Приказ выполнен! Есть спускаться обратно!

Ленты бескозырки снова развевались в воздухе, и мальчуган прыгал на землю.

Заслышав гудок машины, ребята с торжествующими криками выбегали на улицу, прибирая по пути брошенные доски и обрезки железа:

— Везут! Везут!

— Отойдите, граждане! Посторонитесь!

На пустырь въезжала белая от извести машина. Зычные гудки её наполняли двор. Тяжёлый бок с грохотом откидывался, и белая пыль густо покрывала волосы и плечи школьников.

Известь сваливали в приготовленную яму, лопаты звонко скребли дно грузовика. Шофёр, выглядывая из кабинки, давал задний ход:

— Эй, работнички! Отойди подальше!

— Разворачивай, дядя, разворачивай!

— Стой, стой! На доски наедешь!

Одна из машин сбросила прямо около столбика ящики с гвоздями и тяжёлые листы железа.

Грозный с двумя рабочими принялся разбирать кучу железа.

Васёк, откинув со лба мокрый от жары чуб, взмахнул рукой:

— Эй, ребята! Носилки сюда!

Лида и Нюра оглянулись, схватили носилки и побежали на его зов. Васёк обхватил обеими руками ящик с гвоздями, силясь поднять его с зем-

ли. На помощь ему со всех сторон бросились товарищи. Ящики потяжелее тащили волоком, оставляя примятый след на траве.

Любопытствующие граждане не выдерживали — крупно шагали за черту, где стоял врытый в землю столб, сбрасывали на сложенные брёвна пиджаки и включались в работу.

— Стой, ребята! Верёвки надо! Верёвки давайте!

— Эй, ве-рёв-ку! Ве-рёв-ку давай! — неслось по двору.

Ящики с гвоздями обвязывали верёвкой и втаскивали на второй этаж. Блестящие белые листы железа, поблёскивая на солнце, плыли на головах людей к дому.

Прежний пустырь стал похож на жизнерадостный, трудолюбивый муравейник. Объявление Мазина скликало со всего города бывших учеников школы. Ребята входили во двор, как бы не веря своим глазам, со счастливыми, удивлёнными улыбками оглядывали работающих школьников, узнавали друг друга, радостно здоровались.

— Где директор? Ребята, где Леонид Тимофеевич?

— Он лесовоз хлопочет! На делянку поехал!

— Эй, чего спрашиваешь! Твоя школа?

— Ну как же! Вторая? Моя! Я в пятом классе учился, не узнаёшь?

Как не узнать! Узнавали. Жарко хлопали пыльными от работы ладонями по чистой ладони пришедшего.

— Сбрасывай майку! Становись на работу!

Новый школьник сбрасывал майку, принимался за работу.

По улице громыхала трёхтонка. Ребята, оглушая криками шофёра, заглядывали в кабинку. Из неё неторопливо выходил директор, с доброй усмешкой в карих глазах встречал вновь пришедших, вспоминал фамилии, пожимал протянутые руки.

— Здравствуйте, здравствуйте! Нашла вас школа? Очень рад... Какой класс? Шестой? Великолепно! Определяйтесь на работу. Вон Иван Васильевич покажет куда.

— Да что-то уж больно много помощников стало! Идут и идут! — ворчал Грозный. — Эдак вместо работы одна забота получится с ними.

Хитрость Мазина привлекала на пустырь не только школьников, но и родителей. Прочитав объявление, они торопились записать своих детей в школу. Директор принимал посетителей прямо во дворе. На крыше гремело железо, вокруг дома по лесам ходили рабочие, со стен сыпалась отбитая штукатурка, на земле лежали горы стружек.

— Школы ещё нет. Вот закончим ремонт, тогда начнём записывать детей, — устало пояснял директор.

Ремонт шёл полным ходом. Директору приходилось ездить в Москву, ходить по разным учреждениям, хлопотать материал.

Возвращаясь на пустырь, он всегда спрашивал:

— Как у нас дела?

— Тёс привезли! Мазин с дедушкой Миронычем ездили! — бойко докладывал ему Васёк Трубачёв.

— А другой Мироныч как? Закончил обвязку рам?

— Вставляет уже!

Двух плотников, по странной случайности, звали одинаковым отчеством — Миронычи. Старший — дедушка Мироныч, бородатый, с кудрявой сединой — был всегда весел и говорлив; младший — дядя Мироныч, — наоборот, глубоко прятал под насупленными бровями глаза и, не тратя попусту слов, выразительно стучал корявым пальцем по спине приставленного к нему помощника, указывая бровями на нужную ему вещь. Работали оба плотника добросовестно, с охотой.

— Мы, товарищ директор, работаем на совесть. Мы, по общей человечности, труда не жалеем, потому как детям нужна школа... Денег с вас мы не требуем, потому как нас выделил завод. Мы пришли от коллектива рабочих. Дело это почётное, и Родина нам зачтёт, — перебрасывая доски, рассуждал дедушка Мироныч. — Вот, конечно, ежели после работы кружечку пивца поднесёте — это мы не откажемся, это, так сказать, мы в своём праве. Как ты думаешь, Мироныч, а?

— Я к этому делу равнодушный, — искоса поглядывая на директора, отвечал младший Мироныч, — разве от жары, конечно.

Леонид Тимофеевич посылал Грозного за пивом. Грозный, неодобрительно поглядывая на старика Мироныча, качал головой, советовал:

— Вечером угощайте, после работы. А то уж очень разговорчивый дед попался!

Внешний вид дома постепенно восстанавли-

вался. Можно было приниматься за отделку комнат нижнего этажа. Работа задерживалась из-за отсутствия печника.

— Что ты будешь делать! — горевал школьный сторож. — Нет как нет! Леонид Тимофеевич весь исхлопотался! И куда они все подевались в городе?

— Дефицитный товар. Большой спрос на печника идёт, — авторитетно заявлял Мироныч-старший.

— Как хотите, а доставайте. Школа без печей не может быть, — хмуро цедил младший.

В комнате стояли аккуратными столбиками сложенные кирпичи. Ребята наносили песку, глины, но печника не было.

Каждое утро, почистив с помощью Грозного свой выходной костюм, Леонид Тимофеевич отправлялся на поиски.

Однажды, вернувшись, он весело похлопал сторожа по плечу:

— На днях печник будет!

— Откуда? — всполошился Грозный.

— Из райкома комсомола, — с лукавой усмешкой ответил Леонид Тимофеевич.

Сторож значительно поднял брови.

— Уж это без ошибки! — с уважением сказал он.

Глава 30

КАК ЗАРОЖДАЕТСЯ МЕЧТА...

От жаркого солнца кое-где на тротуарах образовались кривые трещины, пыль густо оседала на кустах, на заборах.

В разгар работы с улицы на зелёный пустырь вдруг доносился громкий знакомый голос диктора, передающего последнюю сводку.

Работа останавливалась, взрослые и дети выбегали на улицу и, повернув головы к громкоговорителю, слушали сообщение с фронта. Те, которые не могли бросить работу, нетерпеливо спрашивали вернувшихся:

«Ну что там слышно? Как дела на фронте?»

Сегодня, заслышав сводку, Васёк выбежал на улицу вместе с Витей Матросом. Перегоняя друг друга, они помчались на голос диктора и, пристроившись позади собравшейся кучки прохожих, слушали утреннее сообщение. Витя Матрос стоял рядом с Васьком и не мигая смотрел горячими, чёрными, как угли, глазами на громкоговоритель.

Военные события владели всеми помыслами Вити, он не пропускал ни одной сводки, жадно слушал рассказы о героях и сам мечтал о подвигах.

В доме у Вити, на чердаке, под слуховым окном, долго лежал на боку старый ящик, когда-то заменявший ему корабль. Ещё не так давно Витя являлся на чердак и, воображая себя капитаном, командовал невидимыми матросами: «Команда, наверх! Убрать снасти! Надвигается шторм! Попросить ко мне Виктора Боброва!» — «Есть Виктора Боброва!» — отвечал сам себе Витя. «Виктор Бобров! Вам предстоит выяснить расположение противника. Возьмите запасную шлюпку и отправляйтесь немедленно!» — «Есть, капитан!»

Старый ящик превращался в шлюпку, он скрипел и бешено раскачивался.

Мать стучала щёткой в потолок.

«Витя, Витя! — кричала она. — Что ты там делаешь, противный мальчишка! Штукатурка сыплется с потолка».

Витя затихал, но ненадолго.

«Человек за бортом!» — вдруг отчаянно орал он, прыгая с размаху из шлюпки на старый, ободранный диван с торчащими из ваты пружинами. Игра разгоралась снова.

Но с тех пор как началась война и любимый брат Вити ушёл на фронт, мальчик забыл свои детские забавы. Слуховое окно на чердаке затянулось паутиной, и в морозную зиму Витя сам порубил свой старый ящик матери на дрова.

Сейчас мысли Вити Матроса уносились к каменистым берегам под Севастополем, где сражался его старший брат — моряк Черноморского флота Николай Бобров.

С побелевшим от волнения лицом мальчик жадно вслушивался в каждое слово диктора:

«Неувядаемой славой покрыли себя защитники Севастополя. Они стойко и мужественно обороняют от немецко-фашистских захватчиков каждую пядь Советской земли...» [1]

Васёк мельком поглядывал на Витю, тихонько жал его тонкие загорелые пальцы.

«Брата вспоминает...» — с тёплой жалостью думал он.

Сводка кончилась. Прохожие постепенно разошлись, а Витя всё ещё стоял и, забывшись, смотрел вверх, на громкоговоритель. Васёк тронул его за плечо:

— Пойдём!

---

[1] Утреннее сообщение Совинформбюро от 2 июля 1942 года.

Витя медленно повернул к нему голову. В его глазах блестели слёзы. Васёк заволновался.

— Витя! Он вернётся, твой брат, ты не бойся, — поспешно сказал он, чтобы утешить мальчика.

Ресницы у Вити дрогнули, сбрасывая светлые капли слёз, губы зашевелились, но он ничего не сказал, только покачал головой и вытащил из-за пазухи пачку писем, завёрнутых в газетную бумагу. Письма были смятые, зачитанные, с истёртыми, расплывшимися буквами. Витя развернул одну бумажку и прочитал дорогие слова, написанные ему братом перед боем.

Письмо было суровое, но между строк сквозила нежная, большая любовь к младшему братишке. Кончалось оно так:

«...Моряки стоят насмерть. Пусть советские люди крепко надеются на нас, будем бороться до последней капли крови. И ты, Витька, помни: коли не вернётся твой брат, значит смертью храбрых погиб он на своём посту. И плакать о нём, братишка, не надо. Утешай мать, береги её за себя и за меня. Вырастешь — станешь моряком. Выйди в море, погляди на город-герой Севастополь, на прибрежные камни, политые нашей кровью, и сними, Витька, шапку перед славными защитниками-черноморцами. Был между ними и брат твой Николай...»

Мальчик опустил письмо. Глаза его сверкнули гордой решимостью:

— Кончу школу — стану моряком. И если Сталин даст мне какой-нибудь приказ, я не посрамлю брата!

Васёк с большим уважением смотрел на мальчугана, который с недетской суровостью преодолевал своё горе и твёрдо знал свой будущий путь.

Если бы сам Иосиф Виссарионович видел сейчас этого будущего моряка, если бы он слышал его слова, сказанные торжественно, как клятва!

Васёк представил себе, как сам Сталин положил бы руку на плечо Вити, поглядел в его чёрные горящие глаза...

А он, Васёк, стоял бы рядом и радовался за товарища, а потом, улучив минутку, тоже сказал бы: «И мне дайте приказ, и я всё выполню...»

Замечтавшись о встрече с любимым вождём, Васёк не слышал, как Витя тихонько потянул его за рукав и что-то сказал.

Он понял только, что товарищ говорит о море, где, рассекая гребни неспокойных волн, идут на врага боевые советские корабли... где на берегу бьются насмерть севастопольские моряки... где из рукопашной схватки не уйти живыми врагам...

Витя говорил громко, возбуждённо, и сила его слов захватывала Васька. Потом он умолк. Лицо его засветилось неизъяснимой прелестью затаённой мечты.

— Уйдём в море, Трубачёв! — с восторгом сказал он вдруг. — Ты не знаешь, какое море! Я вырос на берегу... Я видел высокие, как дома, волны, они выбрасывали громадные камни и разбивали их вдребезги... Но моряки ничего не боятся. Уйдём на корабль, Трубачёв! Ты не знаешь, какой народ моряки!

Голос Вити проникает в сердце Васька. Стать отважным советским моряком... служить своей Родине, защищать её от врагов... стоять насмерть, как стоят под Севастополем черноморские моряки...

Васёк вскидывает голову. По широкому синему небу уплывают куда-то вдаль тяжёлые белые облака. Чудится: в далёком, невиданном море идут на врага боевые корабли, на палубе в чёрных бушлатах стоят моряки и, залитый солнечным светом, на высокой мачте реет советский флаг...

— Уйдём в море, Трубачёв! — настойчиво шепчет Витя.

Бывает в жизни тревожный и радостный миг, когда в сердце человека зарождается мечта. Васёк уже чувствует её крылатое прикосновение...

— Но ведь это ещё не скоро, Витя. Нам ещё надо кончить школу, — с трудом возвращая себя к своим делам, к своей теперешней жизни, рассеянно говорит Васёк.

— Конечно, конечно! Мы кончим школу и морское училище... нам ещё много надо учиться! — радостно подхватывает Витя. — Ты только скажи мне — пойдёшь?

Васёк крепко обнимает его за плечи:

— Пойду... Спасибо тебе, Витя... за что-то хорошее спасибо...

Васёк не знает, за что он благодарит этого черноглазого мальчишку, но чувствует, что Витя Матрос как будто подарил ему синее море с боевым кораблём, и бушлат моряка, и будущие подвиги.

Так зарождается мечта...

Глава 31

НА ПРУДУ

К вечеру работа на пустыре утихла. Рабочие расходились по домам. Свернув трубочкой фартуки и засунув их под верстак, ушли и два Мироныча. Закончил работу кровельщик и, постукивая молоточком по новенькой водосточной трубе, поджидал директора. Две женщины спешно домывали лестницу и комнату на втором этаже, предназначенную для учительской. Ребята собирали разбросанные по двору инструменты и вносили их в дом. В передней, возле сваленных в кучу дранок и обрезков, Грозный, присев перед табуреткой, кипятил на керосинке чай. Леонид Тимофеевич, выглянув из окна второго этажа, махнул ребятам рукой:

— Кончайте! Кончайте! Домой пора!

Васёк сгрёб лопаты, покрыл их брезентом и выпрямился. Исцарапанные плечи его, чёрные от солнца и грязи, ныли от усталости. Но он не чувствовал её. В душе его всё ещё звучал горячий призыв Вити Матроса. Какие-то новые силы влились в него. Казалось, всё можно преодолеть в жизни.

Девочки принесли в кружке воды и поливали друг другу на руки. Мазин молча взял у них из рук кружку, жадно выпил тепловатую водичку и, сплюнув, сказал себе в оправдание:

— Всё равно не отмоетесь здесь. Незачем и грязь разводить.

Спорить никому не хотелось. Все молча отряхивали платье от въедливой известковой пыли, чистили о траву побелевшие тапки.

— Вот и ещё день прошёл... — как-то значительно и печально сказал Одинцов.

Васёк поднял глаза и встретил тоскующий взгляд Петьки.

— Пойдём на пруд! — бодро сказал Васёк. — Там и вымоемся и поговорим.

Он знал, что у всех на душе лежит тяжёлый камень — беспокойство за учёбу. Аккуратное посещение уроков всё ещё не налаживалось, каждый день кто-нибудь отсутствовал.

— Надо посоветоваться, — как всегда в трудных случаях, говорил Одинцов.

День уже кончался, но впереди был ещё длинный вечер.

— На пруд! На пруд! — оживились ребята. — Девочки, не расходитесь!

— Мне домой надо, — покачала головой Нюра.

— Васёк, я сегодня обещала маме прийти пораньше. Она очень много занимается сейчас политучёбой, я дома всё делаю. Мне надо ещё ужин сварить и посуду убрать, — тихо сказала Лида. — А завтра мама работает, так, может быть...

— Нет, у нас нет больше завтрашних дней. Мы можем потерять шестой класс, понятно?

— Давно понятно! — буркнул Мазин.

— Объявляю сегодняшний сбор на пруду обязательным, — решительно закончил Васёк.

Сбор! Знакомое слово всколыхнуло и сразу мобилизовало ребят, все повеселели. Петя Русаков с благодарностью взглянул на Трубачёва.

— Молодец! — одобрительно сказал Одинцов.

К Лиде и Нюре подошёл Сева Малютин:

— Вы куда?

— Пойдём, пойдём, у нас сбор! Сейчас Трубачёв объявил!

— Как? А я ничего и не знаю! Мне даже не сказали! — обиделся Сева.

— Да это только сейчас. Мы тоже ещё ничего не знали — вдруг он говорит: сбор! — взволнованно зашептали девочки.

— Давно не слышали! — усмехнулся Мазин и, так же как Одинцов, одобрительно сказал: — Молодец Трубачёв!

Васёк шёл впереди, не оглядываясь, но слышал всё, что говорили товарищи. Слово «сбор» вырвалось у него неожиданно, и теперь он сам был взволнован этим коротким и торжественным напоминанием о том, что они пионеры, что им необходима пионерская работа, что в ней есть всё, чего им не хватает в их жизни и труде. В ней есть чёткость, мужество, дисциплина и многое другое, что делает жизнь уверенней и проще и не даёт возможности растрачивать бесполезно своё время. Ещё минуту назад Васёк не знал, о чём будет говорить с товарищами и как выйдут они из своего трудного положения. Но теперь он знал. Да, сбор! На нём всегда решались самые серьёзные вопросы.

Васёк шёл твёрдым, уверенным шагом и чувствовал, что в его товарищах тоже появились спокойствие и бодрость.

В редкие часы отдыха любимым местом ребят был старый пруд. Заросший и заброшенный, он напоминал им Слепой овражек. Так же на закате в зелёной воде отражались светлые лучи солнца, так же качались над головой шумливые

ветки и кричали, пролетая, птицы. Только не было затонувшей в воде коряги. Здесь, среди ёлок, на тёмном берегу, как случайная гостья, гляделась в пруд нарядная белая берёза. На её нежном стволе чернели вырезанные Мазиным буквы: «Р. М. З. С.». А около бывшей землянки, широко раскинув разлапистые ветки, крепко сидела в земле старая ель.

Нет, это не был Слепой овражек! По краю пруда не рос густой орешник, здесь не могли спугнуть ребят чужие, страшные шаги... Но в густой тени, у заросшего пруда, вставали в памяти дорогие, знакомые лица, и чудилось, что протянешь руку — и опустишь её на тёплое загорелое колено сидящего рядом Генки, а закроешь глаза — и стоит перед тобой в шапке-кубанке Игнат, крепко сведены у переносья чёрные брови... А из-за спины Игната выглянут серые выпуклые глаза Федьки... И Грицько протянет через головы товарищей крепкую ладонь: «Здорово, хлопче, давай твою руку...»

А то вдруг покраснеет вода на пруду, и почудится оттуда детское удивлённое лицо мёртвого Ничипора, покажется серебряная голова Николая Григорьевича, а рядом с ней другая — с густыми, нависшими бровями и пересечённой шрамом щекой...

Острой болью рванётся сердце, тихо застонет над головой берёза, и страшно припомнится худенькое, вытянувшееся тело деда Михайлы.

Ой, не забудьте ж того, пионеры, что видели, что слышали, не забудьте нашего лютого ворога!..

Нет, не похож родной пруд на Слепой овра-

жек, только память здесь острей и жалостней да как будто ближе далёкие друзья. Поэтому и полюбилось так ребятам тихое местечко...

— Мойтесь! — говорит Васёк и с удовольствием погружает в воду горячие пыльные руки.

Ребята следуют его примеру и насторожённо следят, как он приглаживает водой свой непокорный чуб, неторопливо повязывает галстук. Вот он уже приготовился — чистый, свежий, приглаженный. На мокром лице синие глаза с знакомым блеском глядят на товарищей. Руки у всех невольно поднимаются к галстукам, старательно разглаживают их концы.

— Мы пионеры, — говорит Васёк, — и сейчас, на этом сборе, нам нужно разобрать все свои дела. Что у нас получается? Уроки мы пропускаем, в госпиталь никак не попадём, даже навестить Васю не можем. На работе толчёмся целый день все вместе. А потом ходим друг за другом и спрашиваем: что делать с учёбой? Верно я говорю?

Ребята молча наклонили головы.

— Так ты сам знаешь — времени не хватает, — пожал плечами Мазин.

— Времени? — переспросил Васёк. — А где наше расписание? Вспомните, сколько уроков было в школе, сколько кружков... да сколько мы на коньках да на лыжах бегали да в кино ходили... На всё это было у нас время?

Лида Зорина подняла руку:

— По-моему, с теперешним это нельзя сравнивать. Ведь тогда с нами и Сергей Николаевич был и Митя. Они сами за всем следили. И дисциплину подтягивали.

Васёк быстро повернулся к Лиде:

— А ты что хочешь, чтоб сейчас, когда идёт ремонт школы, к тебе бы взяли и прикрепили учителя и вожатого специально подтягивать твою дисциплину? Потому что ты сама ничего не можешь? Маленькая?

— Почему это я? — возмутилась Лида. — Разве я про себя говорю?

Ребята зашумели.

— Васёк правильно говорит! — выкрикнул Одинцов. — Мы пионеры, мы должны сами на себя надеяться, да ещё и взрослым помогать в такое трудное время.

— Нам нечего барчуков из себя корчить и нянек себе искать! — сердито сказал Мазин.

— Подождите! — остановил товарищей Васёк. — Будет у нас школа — будут и учителя и вожатые. А сейчас мы, конечно, должны надеяться только на себя. Значит, давайте решим, что для нас главнее всего? Учёба. А для учёбы нужно время. А время у нас, как вода в решете. Вот это, по-моему, хуже всего.

Нюра откинула с плеч выросшие за лето косы:

— Васёк правду сказал, что время у нас, как вода в решете! Работаем мы хорошо, я ничего не скажу, никто не ленится, но во всём другом мы просто какие-то неуспевающие! А против того, что раньше, когда мы... вообще... как дети были... у нас совсем другая жизнь стала...

— То, что было раньше, — вставая, сказал Одинцов, — мы вспоминать не будем. Сейчас война, и каждому человеку труднее стало.

— Да разве мы на что-нибудь жалуемся? — перебил его Мазин. — Нам лишь бы времени хватило. Мы после войны, может, ещё больше

работать будем. Сколько всего у нас фашисты разбили и разрушили! Сколько сёл сожгли! Мы своими глазами видели. А кому это строить? Всем хватит работы! Вот этими самыми руками и будем строить! — Мазин вытянул руки, повернул их тыльной стороной, оглядел свои шершавые, загрубевшие ладони и с удовлетворением сказал: — Ничего, построим!

Ребята засмеялись:

— Мазин прямо в инженеры метит!

— Подождите! — крикнула Нюра. — Что это мы — то вперёд заглядываем, то назад оглядываемся! А у нас вот сейчас дело стоит. Разобраться надо, почему мы ничего не успеваем!

Васёк покачал головой:

— Нам нужно точное расписание, чтобы мы знали, куда у нас время уходит.

Петя Русаков поднял руку:

— Трубачёв, дай мне слово!

Васёк кивнул головой.

— Моя мама говорит... — начал Петя.

Но Мазин, сморщившись, как от зубной боли, махнул рукой:

— Ничья мама нам тут не поможет!

— Мазин! — сердито прикрикнул Васёк.

Петя вспыхнул, закусил губы.

— Ну, рассказывай, что говорит твоя мама? — немного смутившись, согласился Мазин.

Но Петя уже рассердился.

— Она говорит, — гневно закричал он в лицо товарищу, — что ты понабирал себе жалких слов и носишься с ними, как дурак с писаной торбой!

— Что? Что? — Мазин остолбенело уставился на товарища.

— Что твоя мама говорит? — заинтересовались ребята.

— Повтори, Петя, — сказал и Васёк.

— Она говорит, что Мазин понабирал себе где-то жалких слов: не можем, не успеваем, не справляемся — и что такие слова надо совсем забыть и выбросить, потому что советский человек не должен их говорить! — залпом выпалил Петя.

Ребята переглянулись.

— Вот это здо́рово! — с восторгом сказал Одинцов.

Мазин вдруг склонил набок голову и, закрыв глаза, повалился навзничь.

— Убил! Прикончил! — заорал он, дрыгая ногами.

Ребята расхохотались. Даже Петя не выдержал и улыбнулся. Но Васёк прыгнул к Мазину и сердито дёрнул его за руку:

— Не кривляйся! Поделом тебе! И нам всем поделом! О чём мы тут говорим? На что жалуемся? Не можем, не успеваем, не справляемся... Екатерина Алексеевна нас всех насквозь видит! И с этого дня... — Васёк тряхнул головой и смял ладонью упавшие на лоб волосы, — чтоб с этого дня ни один из нас не произносил больше этих слов, — медленно и решительно сказал он. — Сева Малютин, пиши!

Сева поспешно вытащил из кармана карандаш и записную книжку.

— Пиши так: «Постановили...» Постой! — Трубачёв вопросительно взглянул на Петю.

— «Не говорить жалких слов», — торопливо подсказал Петя.

Васёк кивнул Севе головой:

— Пиши!

Сева записал.

— Дальше?

— «Сделать точное расписание...» — диктовал Васёк. — Пиши: «Постановили единогласно: учитывать каждый час...»

— Подожди, Васёк, а если что-нибудь... ну, случайное случится? — спросила Лида.

— Да, правда, если какой случай случится? Давайте уж сразу на это время класть! — предложила Нюра.

— Конечно! Ведь у нас всё случаи да случаи какие-то. Вдруг опять что-нибудь произойдёт, а времени на это не положено! — пожал плечами Саша.

Ребята задумались:

— А ведь и правда, Васёк! Как ты думаешь?

Васёк нетерпеливо кивнул Малютину:

— Пиши: «На непредвиденные случаи выделить полчаса в день».

— Маловато! — пробормотал Мазин, но, взглянув на Васька, спорить не решился.

— Кому поручим составить расписание? — спросил Малютин.

— Я сам возьмусь, — протянул руку Васёк и, спрятав на груди листок из Севиной книжки, торжественно объявил: — Пионеры! Сбор считаю законченным.

Глава 32

ЗАБЫТЫЙ ДНЕВНИК

На другой день Васёк позвал к себе ребят, чтоб раздать им на руки составленное расписание.

Утренние часы до обеда уходили на занятия с Екатериной Алексеевной, послеобеденные, с часу до шести, — на работу, вечерние — на госпиталь и на приготовление уроков. На непредвиденный случай пришлось отвести всего полчаса в день, в то время, когда этот «случай случится». В одиннадцать полагался сон, так как утро с восьми до десяти было отведено на домашние дела. Казалось, всё было просто. Беспокоило только то, что по утрам не придётся работать на пустыре.

— Как-то неудобно перед Леонидом Тимофеевичем так поздно приходить! Подумает ещё, что ленимся! — говорил Васёк.

— Конечно, может подумать, но что делать! Хорошо, что народу теперь прибавилось, есть кому помогать, — успокоил товарища Одинцов.

— Мне Иван Васильевич говорил — ещё двое каких-то новеньких приходили, шестиклассники, — вспомнил Петя.

Васёк снова взглянул на расписание. Нет, до чего всё просто получилось! Можно и работать и учиться! Конечно, трудно всё-таки, но зато какая школа будет! Просторные окна, внутри широкий коридор, внизу большой зал. Всё как полагается! Одна комната, в конце коридора, уже заранее намечена для шестого класса. Это комната внизу... Вчера они убрали под её окнами мусор и немного вскопали землю.

Ребята размечтались...

Скоро они все вместе возьмутся за внутреннюю отделку и за ограду. Ограду они сделают очень нарядную, выкрасят в зелёный цвет и осенью на школьном дворе посадят деревья.

Было уже поздно. Васёк заторопился:

— Ну, ребята, сейчас я каждому дам листок бумаги, перепишите себе начисто расписание, и чтоб уж никаких отговорок у нас не было!

Васёк подошёл к шкафу:

— Тут у папы бумага есть. И дневник наш тут лежит. Давно я его не смотрел!

— Какой дневник? Покажи, Васёк!

Маленький круглый шкафчик замысловатой работы Павла Васильевича повернулся вокруг своей оси. Васёк распахнул дверцы и взял с полочки знакомую всем толстую клеёнчатую тетрадь. На первой странице её было написано большими печатными буквами:

ЖИЗНЬ НАШЕГО ОТРЯДА. 1941 ГОД.

Ребята вскочили, налегли на стол. Одинцов с волнением дотронулся до гладкой чёрной обложки:

— Наш дневник!

— Как это мы могли о нём забыть! — удивились ребята. — Ведь здесь всё написано! И про Митю, и про Матвеича, и про Степана Ильича.

Одинцов раскрыл последнюю страницу.

— «Хвеко-хвеля Хвео-хведин-хвецов...» — медленно прочитал он в конце.

— Мы должны закончить этот дневник и подарить его школе, чтобы все ребята узнали, какими героями были дед Михайла, Матвеич, Николай Григорьевич! — горячо сказал Васёк.

— Мы положим этот дневник в пионерской комнате, чтобы все пионеры могли прочитать про Марину Ивановну, про нашу Валю, про

всех... — заглядывая в тетрадь, предложила Лида.

— Конечно! Одинцов, поручаем тебе дописать этот дневник до конца! — торжественно обратился к товарищу Васёк. — Сможешь?

— Смогу, конечно! Я всё помню. А в случае чего, и вы поможете. Я сейчас же начну писать! — охотно согласился Коля Одинцов.

Польщённый доверием товарищей, он осторожно свернул в трубку тетрадь и спрятал её за пазуху.

— Подожди прятать. Может, почитаем сейчас? Интересно ведь, как всё было! — вопросительно глядя на ребят, сказал Петя Русаков.

Но Васёк покачал головой:

— Не время сейчас. Давайте переписывать расписание... Кстати, Коля, пока ты будешь писать дневник, не ходи в госпиталь.

Одинцов запечалился:

— Мне очень Васю повидать хочется. Я только один раз схожу, ладно?

Глава 33

В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР

Когда ребята ушли, в комнату тихонько вошла тётя Дуня, поставила перед Васьком чай. Васёк заметил, что чашка с блюдцем дребезжала в её руке. «Устала...» — подумал он и тихо сказал:

— Посиди со мной, тётя. Я быстро перепишу.

— А что это? — поинтересовалась тётя Дуня.

Васёк кратенько рассказал ей про свои дела:

про учёбу, про ремонт. Всё это тётя Дуня слышала не раз, но всегда принимала близко к сердцу.

— Директор сегодня уже в учительской стол себе поставил, а Иван Васильевич скоро из госпиталя в новую школу переедет. У него здесь точь-в-точь такая же комнатка около раздевалки. Он в ней и ночует сейчас — боится, как бы кто материал не унёс.

— Ну, это уж напрасно! — возмутилась тётя Дуня. — Кто ж это из школы материал унесёт! Да таких злодеев-то во всём городе не найдётся. Экий подозрительный старик стал!

— Да нет, может и не оттого он ночует, а просто хочется ему сторожить... ну, по своей специальности работать, что ли.

— По специальности — это другое дело. А на людей клеветать нечего. Школой все дорожат. Постоянно народ около неё толчётся... Я тоже вчера проходила мимо. Заглянула во двор. Дом-то какой красавец будет! А уж школьников, мальчишек да девчонок во дворе — не сосчитать! И тебя видела; только уж окликать не стала.

Она отхлебнула из своей чашки чай, осторожно прикусила кусочек сахару, потом закашлялась, вынула носовой платок и вытерла кончиком глаза:

— Помню, когда уезжал твой отец... Пришёл в шинели, сел вот тут рядом, обнял меня. А я плачу. «Что ж, — говорю, — Паша, голубчик, Ваську от тебя передать? Может, хочешь что-нибудь на прощанье сказать?» А он так покачал головой и говорит: «Не надо, сестрёночка. Он всё знает, что я могу сказать». — «Да отку-

да же, Паша, ему знать?» Улыбнулся он мне и опять своё: «Знает, сестрёночка! Хороший сын всегда знает, что скажет в том или ином случае отец». — Тётя Дуня облокотилась на ладонь и тихонько спросила: — А ты и вправду знаешь ли?

— Знаю, я всегда знаю! — радостно улыбнулся Васёк. — Вот и сейчас знаю... Он подмигнул бы мне одним глазом на тебя и сказал: «Что-то у нашей тёти Дуни глаза нынче на мокром месте... А ну-ка, Рыжик, подойди к ней поласковее...» — Васёк встал и, обняв тётку, прижался щекой к её щеке. — Ничего, — сказал он, — проживём как-нибудь...

— Не хватает моих сил... — прижимая к себе его голову, прошептала тётя Дуня. — Писем-то нет у нас... письма-то куда же подевались?

— Ничего, ничего, придут письма. Ведь бывает — задерживаются в пути. Ты не плачь только, всё будет хорошо! — с горьким спокойствием уговаривал тётку Васёк.

В эту минуту ему казалось, что отец слышит его и одобрительно кивает ему головой: «Не давай, не давай ей плакать, Рыжик... Старая она, больная. Кто её, кроме тебя, пожалеет...»

— Давай, тётя, поглядим по карте, где бои идут.

Васёк принёс карту, разложил на столе, вынул из коробочки красные флажки:

— Вот, гляди, где наши теперь находятся!

Тётя Дуня полезла в карман за очками. Слёзы её высохли, и, расставляя вместе с Васьком красные флажки, она сурово сказала:

— Ничего, придёт наше время! Мы их до самого Берлина гнать будем!

— Тебе бы на фронт, тётя Дуня! — пошутил Васёк.

Спать легли поздно. Ночью Ваську снился отец. Снилось, что где-то в открытом поле сквозь дым и огонь мчится санитарный поезд. Мимо Васька в паровозной будке промелькнуло бледное, напряжённое лицо отца, голубые серьёзные глаза, знакомые, опущенные книзу усы. Васёк бросился вслед поезду, но из дымной тучи налетел вражеский бомбардировщик, и тяжёлый снаряд ударил в бок паровоза. Васёк закричал, забился и, сонный, ещё долго рвался из чьих-то тёплых рук... Потом открыл глаза и увидел встревоженную тётю Дуню.

— Проснись, проснись, Васёк, голубчик... — удерживая его, ласково шептала она.

Васёк зарылся с головой в подушку.

— Писем, писем нет, тётя Дуня... — простонал он.

— Ничего, ничего, придут письма... ведь бывает — задерживаются в пути, — уговаривала его тётя Дуня.

Глава 34

АНДРЕЙКА

Утром Васёк долго думал о своём сне. Тоска, как огромный камень, навалилась на его сердце. Близкий, родной человек — тётя Дуня, но без отца родительский дом кажется пустым и неприютным.

«Сегодня пойду в депо», — думает Васёк.

В депо всё напоминает мальчику отца. Там идёт своя жизнь, и рабочие ходят в таких же, пропитанных маслом и паровозной гарью, куртках, в какой ходил отец; там в светлой мастерской и сейчас висит среди стахановцев портрет, а под ним большими печатными буквами стоит подпись: «Коммунист, стахановец Павел Васильевич Трубачёв».

Васёк выходит из дома и жадно смотрит в ту сторону, где за улицами и переулками чуть виднеется высокая крыша вокзала, а за ней вдоль железнодорожной линии — длинное серое здание депо. Васёк в нерешительности стоит у ворот.

В девять часов он должен быть на пустыре, где уже соберутся его товарищи. Они сговорились пойти к Екатерине Алексеевне все вместе. После пропущенных уроков никому не хочется прийти первым. Но сейчас ещё рано. Если сбегать в депо... хоть на полчасика!

Васёк срывается с места и, прижав к бокам локти, бежит по улице. Дома, палисадники, ворота, калитки и магазины мелькают у него в глазах. Вот и вокзал... Железнодорожные пути скрещиваются, длинными чёрными змеями лежат на шпалах рельсы. Васёк пошёл медленно, жадно вдыхая знакомый запах, влажный от пара и душный от угольной пыли... Какая-то женщина торопливо перебегает ему дорогу. В ведре у неё полыхает горящий уголь, выброшенный из паровоза.

Васёк усаживается на пригорке. Отсюда видны ворота депо. На запасном пути стоит паровоз. Рабочие в брезентовых комбинезонах тащат

брандспойты. Васёк знает — сейчас паровоз будет принимать душ. Потом, блестящий, чёрный, красивый, он отправится куда-то в новый путь...

За ворота депо не пускают посторонних. Васёк не считает себя посторонним, но он не хочет, чтобы его остановили в дверях. Ему было бы это обидно. Лучше посидеть на пригорке и подождать своего знакомого парнишку, Андрейку.

Андрейка — белобрысый, маленький, озабоченный. В депо его взяли уже во время войны. Андрейка ещё и сам хорошенько не знает, какая его должность; он старается помогать всем и каждому.

Васёк познакомился с ним случайно. Однажды в обеденный перерыв, завидев на горке одинокую фигуру Васька, белобрысый Андрейка, важничая своей брезентовой непромокашкой, не спеша поднялся к нему и сел рядом, на прогретую солнцем глинистую насыпь. Прищурив светлые глаза и морща пёстрое от веснушек лицо, он долго и беззастенчиво разглядывал своего соседа. Потом вытащил из-за пазухи сушёную воблу и кусок хлеба. Оба мальчика молчали. Васёк искоса смотрел, как «деповщик» сдирает с воблы присохшую шкурку и ест, с удовольствием разжёвывая жёсткую рыбу крепкими белыми зубами, как на лбу его под жёлтыми, пшеничными волосами собираются мелкие капельки пота.

Молчать становилось неинтересно.

— Работаешь здесь? — с уважением спросил Васёк, мотнув головой в сторону депо.

— Работаю. — Андрейка шмыгнул вздёрнутым носом. — Помощником.

— Чьим помощником? — заинтересовался Васёк.

— А кто его знает... Чьим придётся! Около паровозов хожу. А то на сортировочную посылают.

Андрейка повертел в руках объеденную воблу, внимательно обследовал, не осталось ли где-нибудь мякоти на рыбьих костях, и вдруг подозрительно спросил:

— А ты чего тут торчишь? Я тебя уже не один раз здесь вижу. И сейчас из-за тебя без кипятка обедаю. — Он прихмурил белёсые брови. — Может, ты шпион? Или подосланный кем? Гляди, я разоблачу живо!

— Дурак ты, а не помощник! — рассердился Васёк. — Мой отец тут работал в депо. Павел Трубачёв, коммунист, стахановец.

— Ишь ты! — удивлённо сказал Андрейка. — Павла Трубачёва я видел... Он у нас на портрете изображён. Машинист? Верно! Нам и на собрании Трубачёва в пример ставили!

— А я — его сын! — гордо сказал Васёк.

Андрейка окинул нового знакомца одобрительным взглядом и, обтерев полой комбинезона руку, протянул её Ваську:

— Будем знакомы. Андрей Иванович!

Васёк крепко тряхнул его чёрную от угольной пыли руку и с волнением спросил:

— А что о моём отце говорят?

Андрейка разломил пополам оставшийся хлеб и протянул Ваську румяную горбушку:

— Угощайся! Про машиниста Трубачёва я на сортировочной слышал. Герой он. Поезда с ранеными водит, под самым носом фашистов проскакивает.

— А куда возит он их, раненых-то, не слыхал?

— Нет, не слыхал. Ясное дело, куда ближе. Один раз по нашей дороге проезжал, только без останову, в Москву.

У Васька помутилось в глазах.

— По нашей дороге... здесь? — тихо спросил он.

— Ну да. Ответственный поезд вёл... Да ты что побелел весь? Ведь это давно было, ещё когда фашисты к Москве подходили, когда их гнали отсюда почем зря.

— Я отца с начала войны не видел... Я его ждал, ждал... А он проехал... мимо проехал... — в отчаянии пробормотал Васёк.

Андрейка нахмурился:

— По делу проехал, не на гулянку... А ты что ж больно за отца цепляешься? Ты и сам не маленький, сам себя обосновать можешь, работа везде есть. Я вот тоже за родителей цеплялся, а как пришли в наше село фашисты, тут уж всё перемешалось: и отец партизан, и сын партизан... старые деды — и те в партизанах... На года свои никто не глядел. Разве что грудной при матери находился...

Васёк всё ещё думал об отце:

— Не написал, проехал мимо, а я и не знал ничего...

— Война — что тут сделаешь! Вот убили моих родителей, и остался я один. Только до двенадцати лет и походил в детях. Теперь сам за себя соображаю.

Васёк очнулся и с горячим сочувствием поглядел на «деповщика»:

— И никого-никого у тебя тут нет?

— Как нет! Я в город часто хожу — там у меня земляки кругом.

— Земляки? Из вашей деревни?

— Необязательно из моей. Все деревни наши, — сбрасывая с комбинезона крошки, спокойно ответил Андрейка и тут же спросил: — А ты помимо отца кто такой есть? Школьник?

— Конечно. Пионер-школьник.

Васёк стал рассказывать про себя, про своих товарищей. Потом встал, заторопился:

— Ну, прощай, Андрей Иваныч!

— На работе я «Андрей Иваныч», а так, запросто, конечно, Андрейкой меня зовут.

— А я — Васёк. Васёк Трубачёв. Будешь в городе — приходи ко мне.

Васёк сказал свой адрес, вынул из кармана карандаш:

— Запиши, а то забудешь.

— Не забуду, у меня память крепкая. Я на комсомольских собраниях сижу и всё до слова запоминаю, — похвастал Андрейка.

Васёк усмехнулся:

— Да разве ты комсомолец? — Он окинул взглядом тщедушную фигурку Андрейки и строго сказал: — Не хвастай зря!

Андрейка обиделся:

— Я и не хвастал! В комсомольцы меня через год примут. Года не вышли. А на открытые комсомольские собрания я хожу из интереса. У нас скоро вечерняя школа откроется, и туда буду ходить. Как-никак, а образование своё получу полностью, — уверенно сказал он.

Васёк протянул руку:

— Ну, до свиданья, Андрейка! Ты хороший парень.

Андрейка с готовностью пожал протянутую руку:

— Как услышу что про твоего отца — прибегу. А ты как заскучаешь, так и приходи.

С тех пор мальчики подружились. Сидя вдвоём на пригорке, рассказывали друг другу свои дела. Один раз Андрейка пожаловался на младшего мастера:

— Молодой, а замашки старорежимные имеет. Нехорошими словами ругается, сегодня ведёрком с мазутом на меня замахнулся.

Васёк возмущался:

— А ты что ж молчишь? Взял бы да сказал про него старшим.

Андрейка, подперев худенькой рукой голову, тяжело вздыхал:

— Нельзя. Он говорит: «Я больной, нервный». Как я на больного жаловаться буду? Тут один раз секретарь партийного комитета, хороший старик, вызвал меня и спрашивает: «Ты что, Андрей Иваныч, невесёлый? Может, обижает кто?» — Андрейка прищурил серые узкие глаза. — Смолчал я. Зачем кашу заваривать! С больного человека какой спрос? «Ничуть, — говорю, — меня никто не обижает, а вот вы бы для младшего мастера санаторий схлопотали, это, конечно, и меня бы выручило».

Молодого мастера действительно отправили на излечение, и Васёк долго смеялся, когда Андрейка сообщил ему, что исхлопотал своему обидчику санаторий.

Недавно, встретив Андрейку на улице, Васёк пожаловался ему, что не хватает времени на учёбу, много дела на ремонте, а рабочих достать сейчас трудно.

— Так ты что ж молчишь? У меня земляки — народ боевой. Только кликну — все придут... Весь рабочий класс, разных специальностей. Ты только скажи!

Васёк почему-то представил себе целую армию железнодорожников и засмеялся.

— Скажу, если надо будет, — пообещал он, чтобы не обидеть нового друга.

Теперь, стоя на пригорке, Васёк вспомнил, что Андрейка обещал зайти к нему, да так и не зашёл. И сейчас не идёт повидать своего друга.

Васёк долго стоит и, прикрыв глаза рукой, смотрит на раскрытые ворота депо, на скрещенные железнодорожные пути, на рабочих в замасленных комбинезонах. Нигде не видно светлой, белобрысой головы Андрейки.

«Работает, верно. Утром его не повидаешь, надо в обеденный перерыв приходить», — грустно думает Васёк и, посидев в одиночестве, торопливо идёт в город. Ребята ждут его, в десять часов они все вместе пойдут к Екатерине Алексеевне. Часы на площади показывают девять.

Глава 35

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Ребята уже были на пустыре. Васёк окинул взглядом двор. Ему показалось, что школьников стало ещё больше. Какие-то девочки обнимали Лиду и Нюру. Увидев его, они всей гурьбой бросились навстречу:

— Васёк! Здравствуй, Васёк!

— Трубачёв, здоро́во!

Перед глазами Васька замелькали знакомые лица, со всех сторон потянулись к нему дружеские руки.

— Васёк! Нас шестеро приехало! Нам всё уже рассказали об Украине. Ой, мы так вас ждали тогда! — быстро-быстро заговорили две девочки.

— Мы приехали, а тут новая школа ремонтируется! Вот счастье! И мы все тут! — радостно улыбаясь, говорила Надя Глушкова.

— Молодец ты, Трубачёв! — хлопнул Васька по плечу одноклассник Коля Чернышёв. — Нам ребята всё рассказали. Я тебя даже не думал уже увидеть после Украины! А потом вдруг приходим в старую школу, а нам говорят, что вы живы и что школа в другом месте теперь будет... А ты кто здесь? Бригадир, наверно? Мы тоже работать будем.

Чья-то белобрысая голова с колючим ёжиком стриженых волос выросла вдруг перед Васьком.

— Белкин! Лёня Белкин!

Мальчики крепко обнялись.

— Ну, жив? Я так и знал, что ты жив! Даже не думал никогда... — бормотал Лёня Белкин, моргая белыми ресницами и не выпуская Васька из своих объятий. — Гляди, Васёк, вон Медведев стоит!

Небольшой, аккуратненький мальчик, с растроганной улыбкой, подошёл к Трубачёву.

— Я тоже приехал... — смущаясь, сказал он.

— Мы уже с Леонидом Тимофеевичем виделись. Он про тебя сегодня спрашивал. Там печник пришёл, — щебетала толстенькая, румяная

девочка, дёргая Васька за рукав. — А мы на Урале были, учились. В шестой класс перешли...

Васёк едва успевал отвечать на вопросы, крепко пожимая руки бывшим товарищам.

— Понимаешь, Васёк, печник-то — женщина, — таинственно, подняв брови, сообщил ему Саша.

— Ну и что же, что женщина? — вмешалась Лида Зорина, окружённая своими прежними подругами. — Слышите, девочки, печник — женщина! Вот как интересно, правда?

— А где она? Где она?

— Подождите, не смотрите все вместе, — сказала, подходя, Нюра. — Некрасиво получается. Как будто никогда не видели печника-женщину.

— Одинцов, — крикнул Васёк, — что это они говорят? Печник — женщина?

— Ну да! Сейчас увидишь. Она разговаривает с Леонидом Тимофеевичем... А вот новенькие ребята! — Одинцов помахал рукой стоявшим в отдалении мальчикам: — Идите сюда, ребята! Это Васёк Трубачёв! Познакомьтесь!

— Меня зовут Боря Тишин, а это мой товарищ, Гриша Петрусин.

Васёк поздоровался.

— Вы из какого класса?

— Мы перешли в шестой класс с круглыми пятёрками, отличники, — сказал Тишин, растопыривая широкую, как лопатка, ладонь с короткими, толстыми пальцами. — Нам интересно вообще, по-товарищески, узнать, как будет со школой. Что-то не видно, чтобы она развернулась к первому сентября.

— Иначе, вы сами понимаете, нам нет смысла включаться в работу и, короче говоря, месить тут грязь, — тонким фальцетом вставил Петрусин.

Васёк внимательно оглядел новых товарищей. На обоих были чистенькие курточки, отглаженные брюки. Тишин был меньше ростом, серые глаза его глядели исподлобья, короткий широкий нос над вздёрнутой верхней губой был покрыт жёлтыми веснушками. У Петрусина, наоборот, лицо было смазливое, с мелкими чертами, аккуратный носик сидел прямо, глаза смотрели на собеседника мягко, и во всех движениях его складной фигуры чувствовалась прирождённая ловкость.

— Нам не имеет смысла... — опять начал он, но Васёк перебил его:

— Школа ремонтируется. Для того чтобы с первого сентября мы начали заниматься, надо всем работать. Можете сложить где-нибудь в сторонке свои куртки, раздевалка ещё не готова. Будете работать со всеми вместе. Я сейчас узнаю, что сегодня надо делать.

Он быстрыми шагами направился к директору.

Мазин, слышавший этот разговор, медленно подошёл к мальчикам.

— Прошу раздеваться! — насмешливо сказал он.

Но мальчики нерешительно отошли в сторону, о чём-то советуясь друг с другом. Саша сделал Мазину строгие глаза и, обняв его за плечи, потащил за Васьком:

— Пойдём на печника посмотрим. И чего ты так сразу связываешься?

— Подумаешь, им нет смысла! Ферты! — шипел Мазин.

— Мой брат, черноморский моряк, погнал бы их в шею отсюда, — сплюнув сквозь зубы, сказал Витя Матрос. — Очень они нам нужны тут!

— Потише, Матрос, что ты грубишь? — проходя мимо, хлопнул его по плечу Одинцов. — Нехорошо так.

Витька блеснул глазами и замолчал.

Леонид Тимофеевич показывал новому печнику дом. Когда мальчики подошли к крыльцу, директор, спускаясь с лестницы, говорил:

— Печи, конечно, надо делать в первую очередь, без этого мы не можем начать побелку комнат.

Девушка, шедшая рядом с ним, увидела стоящих у крыльца ребят и что-то тихо сказала, морща пушистые тёмные брови. На ней была голубая тенниска с молнией у ворота, тёмная юбка и на ногах спортивные белые туфли. Волосы были светлые, коротко остриженные, с загибающимися внутрь концами; под большим спокойным лбом темносиние глаза смотрели внимательно и строго. Подмышкой она держала какой-то свёрток, а в руках — короткую деревянную лопатку.

Мазин скосил глаза на Одинцова и тихонько толкнул локтем Васька:

— Вот так печник!

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! — смущённо сказал Васёк, стараясь не глядеть на гостью. — Мы пришли узнать...

— Здравствуйте, здравствуйте! — перебил его директор и, обратив на «печника» смеющийся

взгляд, представил: — Вот, Елена Александровна, это как раз Васёк Трубачёв и его товарищи! Я вам о них говорил. Это, так сказать, основатели, первые пионеры, которые вместе со мной осваивали этот зелёный пустырь. Тут они ещё не в полном составе, среди них есть и девочки. И ещё ребята приехали из бывшего четвёртого «Б». Вообще уже все классы постепенно укомплектовываются, пока что на школьном дворе, — пошутил директор, — но эти ребята пришли первыми... Вот, Трубачёв, познакомьтесь. Елена Александровна очень любезно согласилась нам помочь, она как раз и есть тот волшебник-печник, без которого мы с вами как без рук!

— Здравствуйте... — смущённо переминаясь с ноги на ногу, приветствовали нового печника ребята.

— Здравствуйте! — весело кивнула головой девушка. На груди у неё блеснул комсомольский значок, и ребята невольно переглянулись. Елена Александровна обвела взглядом двор. — Я уже осмотрела всё ваше хозяйство, и мне кажется, что начинать мы будем не с печей. Я думаю, начинать надо с чёткой организации работы. Вас тут очень много, есть школьники старших классов и младших. Давайте устроим небольшое производственное собрание и определим каждому классу его участок работы. А может, разобьём вас всех на бригады, а то никто точно не знает, что ему делать.

— А мы всё делаем! Что видим, то и делаем! — сказал Мазин.

— А какую работу вы собирались делать сегодня? — спросила Елена Александровна.

— Сегодня, наверно, будем помогать рабочим дранку прибивать. Да ещё Леонид Тимофеевич говорил, на делянку надо ехать, — вступил в разговор Васёк.

— Ну, ехать нам, к сожалению, ещё не на чем! — озабоченно сказал Леонид Тимофеевич и, взглянув на часы, заторопился: — Елена Александровна, вы, пожалуйста, тут побудьте за хозяйку, договоритесь с ребятами относительно собрания, а я пойду по делам.

Леонид Тимофеевич ушёл. Елена Александровна протянула Мазину свой свёрток и лопатку.

— Мазин, — просто сказала она, — убери куда-нибудь эти вещи, они мне сегодня не понадобятся. — И, видя, что Мазин медлит, спросила: — Ты ведь Мазин?

— Я Мазин.

Коля, неуклюже топчась на месте, взял у Елены Александровны свёрток и лопатку.

— Отнеси Грозному, — поспешно сказали ребята.

Елена Александровна села на ступеньку.

— Садитесь, поговорим. Директор просил сегодня же составить список всех ребят, каждый класс отдельно. Я хочу поручить это вам. А когда список будет готов, соберём производственное собрание.

— Кто-то приехал, — сказал вдруг Саша.

Во двор лихо вкатила легковая машина и, разворачиваясь, задела столб с объявлением «Школа № 2». Из кабины выскочил высокий мальчик в синей куртке.

— Это здесь школа номер два? — звонко крикнул он.

Несколько ребят бросили работу и окружили машину.

— Кто это? — спросила Елена Александровна.

— Это Алёша Кудрявцев, — со смешанным чувством досады и удовольствия сказал Васёк.

Он сразу узнал в приезжем своего недавнего знакомца и, вспомнив ссору с ним, нахмурился.

Одинцов и Саша с удивлением глядели на Трубачёва.

— А что же, этот Кудрявцев вместе с вами работает? Почему он на машине? — спросила Елена Александровна.

— Мы его в первый раз видим, — глядя на Васька, сказал Одинцов.

— Он хотел учиться в нашей школе, — не отвечая на удивлённые взгляды товарищей, пояснил Васёк, — а машина эта его отца, генерала Кудрявцева.

У машины уже собралась толпа ребят. Алёша, размахивая руками, что-то рассказывал. Тишин и Петрусин стояли с ним рядом. Тишин гладил блестящий кузов машины, а Петрусин, полураскрыв рот с белыми острыми зубами, смотрел на Алёшу и после каждого его слова громко хохотал.

— Ого, да тут целый дворец! И ребят много! Я тоже буду здесь работать. Примете меня, ребята? — спросил Алёша.

— Примем, примем! — шумно и весело донеслось до крыльца.

— Может быть, тебе нужно пойти узнать, Трубачёв, что там такое? — сказала Елена Александровна.

Васёк поднялся и нерешительно пошёл к машине. Он не знал, как встретится с ним после ссоры Кудрявцев, но, чувствуя себя на пустыре своим человеком, считал нужным поздороваться с вновь прибывшим.

— Здравствуй, Кудрявцев, — сказал он, подходя к Алёше.

Но Алёша не ответил. Отвернувшись в сторону, он небрежно облокотился на машину и как ни в чём не бывало заговорил о чём-то со своим соседом.

— Эй, новенький... как тебя... Кудрявцев! С тобой здороваются! С тобой Трубачёв здоровается! — закричали вокруг ребята.

— Трубачёв? — прищурился Алёша. — Не знаю такого.

Васёк вспыхнул.

— А я тебя знаю! — громко сказал он и поглядел прямо в светлые дерзкие глаза своего противника. В этих глазах была открытая вражда и насмешка. Васёк смутился.

— Мало знаешь! — наслаждаясь его смущением и поигрывая цепочкой от молнии, усмехнулся Кудрявцев.

Ребята, сгрудившись вокруг, напряжённо вглядывались в лица обоих, предчувствуя ссору. У Трубачёва потемнели глаза, на руках налились мускулы, но он медлил. А Кудрявцев, раззадоренный вниманием школьников, уже открыто смеялся ему в лицо, показывая тесно сжатые белые зубы. Рядом с Кудрявцевым, нагнув, как бычок, голову и как бы измеряя силы противника, стоял Тишин. Сбоку, выжидательно улыбаясь, выглядывал Петрусин.

— Ты откуда? — вдруг гневно вырвался из

толпы Мазин. — Трубачёв, что ты смотришь! Выбрось отсюда этого ферта вместе с его машиной!

Витя Матрос держался рядом с Трубачёвым, готовый немедленно стать на его сторону в случае драки. Но драки не получилось.

Трубачёв поднял голову и, разжимая кулаки, громко сказал:

— Мы здесь хозяева, а он — наш гость! — и, пожав плечами, прошёл мимо Кудрявцева под шумные и одобрительные крики ребят.

— Молодец, Трубачёв! Честное слово, ты настоящий пионер! Я всё видел, — подошёл к Ваську долговязый семиклассник Толя Соколов. — И не я один видел, а вот кто... — Он указал глазами на стоявшую в стороне Елену Александровну.

Про неё все как будто забыли. Она стояла одна, и тёмные брови её под светлыми волосами гневно хмурились, а глаза глядели в упор на Кудрявцева. Васёк оглянулся, но она его не заметила.

— Мазин, позови ребят, нам пора на урок, — сказал Васёк и вышел на улицу.

После его ухода Елена Александровна быстрыми, лёгкими шагами подошла к Кудрявцеву и громко спросила:

— Чья машина?

— Моя, — вежливо ответил Алёша.

— Не понимаю, откуда у тебя машина? Что ты — ответственный работник? Кто ты такой? — резко спросила Елена Александровна.

— Мой отец генерал. Это его машина, — не смущаясь, ответил Алёша.

— Так и говори, что это машина твоего отца.

Поставь её куда-нибудь в сторонку и принимайся за работу. Нечего здесь собирать толпу и болтаться без дела... А вам, ребята, — обратилась она к кучке ребят, — я прямо удивляюсь. Как будто вы никогда в жизни не видели машины! Ну, чего вы собрались тут? Я на твоём месте, Кудрявцев, прямо обиделась бы: смотрят на тебя, как на обезьяну в зоопарке! — Она пожала плечами и засмеялась.

Петрусин громко, не к месту, фыркнул. Тишин смерил его удивлённым, презрительным взглядом. Кудрявцев побледнел и, насвистывая, полез в машину.

— Эй, как тебя... Тишин, садись, подождём директора! — словно не замечая стоявшей рядом Елены Александровны, сказал он.

— Директора сегодня не будет! — крикнул ему Толя Соколов. — Отъезжай-ка подобру-поздорову!

Алёша с недовольным лицом тронул руль. Машина двинулась. Петрусин сорвался с места и, размахивая руками, побежал за ней.

— Эй, ты! Догоняй, догоняй! Держи за хвост, а то уйдёт! — захохотали ему вслед ребята.

Глава 36

НА УРОКЕ

— Идут! Мама, все идут! — с торжеством кричал Петя Русаков, врываясь к себе домой.

Екатерина Алексеевна сделала строгое лицо:

— Вот я их сейчас! Столько пропустить! Безобразие!

Ребята вошли робко, один за другим. Девочки первые подошли к Екатерине Алексеевне, с обеих сторон заглядывая ей в глаза:

— Сердитесь на нас?.. Ой, сердитесь! Мы просто боялись идти...

— Конечно, сержусь, — отстраняя их, сухо сказала Екатерина Алексеевна и повернулась к мальчикам.

Мальчики с виноватым видом стояли у дверей. Никто из них не садился. Екатерина Алексеевна приготовила для встречи много суровых и горьких слов, но, взглянув на вытянутые лица своих учеников, только коротко вздохнула и показала рукой на стулья:

— Садитесь! В последнее время занятия наши разладились. Это очень плохо, особенно для тех, кто слаб по арифметике, — она бросила взгляд на Трубачёва.

Васёк пошевелил бровями, потёр лоб.

Екатерина Алексеевна положила на стол программу:

— Так вот, ребята, я просмотрела всё, что нам осталось, и точно распределила наши занятия на лето. Времени у нас не так уж много. Поэтому в последний раз вам говорю: заниматься надо аккуратно, каждый день.

Ребята молча уселись за стол. Екатерина Алексеевна раскрыла учебники.

— Мы с вами застряли на делении дробей. Это по арифметике. По русскому языку у нас дела обстоят лучше: мы закончили почти всю программу, будем только повторять. По истории мы проходим сейчас мифы. Кроме того, мы довольно бегло прошли то, что оставил нам Костя. Значит, придётся ещё повторять и географию.

Ребята молчали.

— Сегодня начнём с главного — с арифметики. Саша Булгаков, иди к доске!

Саша неуверенными шагами подошёл к доске, одёргивая курточку.

— Запиши пример: раздели, пожалуйста, $8\frac{5}{6}$ на $2\frac{1}{3}$.

Саша аккуратно записал пример и начал превращать смешанные числа в неправильные дроби. Справившись с этим, он вдруг замер у доски и долго стоял без движения.

Екатерина Алексеевна вызвала на помощь ему Лиду. Сообща они решили пример и, запинаясь, сказали правило.

Урок прошёл в большом напряжении. Никто, кроме Пети Русакова, не мог решить ни одного примера на деление самостоятельно.

Под конец Екатерина Алексеевна сказала:

— Вот видите, вы опять всё перезабыли. А на прошлом уроке у нас дело шло гораздо лучше. Придётся ещё посидеть на делении дробей.

Следующим уроком была история.

На уроках истории, так же как и на других уроках, Екатерина Алексеевна строго следила не только за тем, чтобы ребята точно излагали заданное, а ещё и за тем, чтобы речь их была правильной. Ребята знали это и, готовя дома урок, всегда рассказывали его себе вслух.

На этот раз, отвечая миф об аргонавтах, Мазин никак не мог толково построить свой рассказ:

— Греки... любили плавать... ну вообще... в далёкие страны. И вот один царь... как его... Пелей... поручил... одному там... этому, ну... Ясо-

ну, достать это... золотое руно... Ну, и он, значит, поехал в далёкий путь... Ну, вообще... очень опасный путь...

— Остановись, Коля, — прервала Мазина Екатерина Алексеевна. — Как это ты рассказываешь? «Вообще, этот, этого, ну, ну...» Что это за понукание? Русский язык очень красочный и богатый, в нём есть решительно все слова, которые тебе нужны. Надо же, наконец, научиться правильно ими пользоваться. Ты засорил свой рассказ лишними, ненужными словами, твоя речь заросла сорняком. Мы с вами столько читаем, подробно разбираем каждое произведение. Для чего мы это делаем? — Она обернулась к ребятам. — Научитесь же, наконец, правильно говорить! Следите за собой, поправляйте друг друга. Нельзя же так!

На уроке истории ребятам окончательно не повезло.

Отличный ученик Сева, испугавшись выговора Мазину, рассказывал миф о Геракле чуть ли не наизусть, изо всех сил напрягая свою зрительную память. Закончил он точно так, как было написано в учебнике:

«После многочисленных подвигов Геракл был наконец взят Зевсом на небо и сделался богом».

Екатерина Алексеевна недовольно пожала плечами:

— Я не помню, чтобы я когда-нибудь просила учить мифы наизусть. Удивляюсь даже, зачем ты взял на себя такой труд.

Сева растерялся и, не поняв, в чём она его обвиняет, поспешно сказал:

— Но ведь он же и правда был взят живым на небо.

Ребята расхохотались.

— Меня тоже, кажется, возьмут живой на небо после этих уроков, — пошутила Екатерина Алексеевна. — Ну вот, ребята, в следующий раз старайтесь рассказывать своими словами, только не так, как сегодня Мазин. Меня это просто огорчило.

Уходя, ребята торжественно заверили свою учительницу, что у них теперь твёрдое расписание и, «хоть умри», никаких пропусков больше не будет.

— «Хоть умри» — тоже лишние слова, — поправила их уже в дверях Екатерина Алексеевна.

Глава 37

У ВАСИ

В обеденное время ребята решили навестить Васю.

По дороге Трубачёв рассказал товарищам о своём первом знакомстве и ссоре с Кудрявцевым.

— Что же ты молчал? — удивились ребята. — Можно было сразу по-товарищески предупредить его, чтоб не задирал нос!

— Я нарочно промолчал. Не хотел, чтобы заранее все знали, что он хвастун, думал — может, он иначе себя поведёт. Поэтому и поздоровался первый... Ведь всё-таки он хотел помочь мне на лесопильном... и вообще он мне понравился, сам правит машиной...

— М-да... Я сразу тоже ничего плохого в нём не заметил, — сказал Саша.

— Подумаешь, барчонок какой! — нахмурился Одинцов.

— Ну нет, на барчонка он не похож! — запротестовал Васёк. — Он сам мне говорил, что любит работать. Просто хвастун!

— Ну ничего! Наши ребята его переделают на свой лад. Вот только эти двое чего к нему прилипли? — спросил Саша.

— А, Тишин и Петрусин? Они ведь тоже новенькие. Может, из-за машины, — предположил Петя.

— Мне что-то эти двое сразу опротивели, — поморщился Сева. — Прямо сразу!

Ребята засмеялись:

— Ого! Если уж Севке нашему кто-нибудь опротивел, так, значит, есть за что!

— Ну, что вы думаете, я так уж всех люблю? Я только вслух не говорю и драться не умею, а то бы...

Ребята ещё громче расхохотались. Сева обиделся:

— Так что же я, по-вашему, своего мнения не имею?

— Нет, мнение ты имеешь и по косточкам разобрать человека можешь, а потом начнёшь его оправдывать: это потому, а это поэтому... Ты добрый, добрый, Севка!

— Напрасно вы обо мне так думаете, — сказал с огорчением Сева. — Я, может быть, и добрый и в мелочах к людям не цепляюсь, но подлость ни одна от меня не уйдёт. Я её никому не прощу! И в глаза правду скажу!

— Севка слабый, но сильного не побоится, — подумав, сказал Васёк.

— Это верно. Севка бесстрашный, — серьёзно заключили ребята.

Мазин вдруг вспомнил Елену Александровну:

— Что-то она на печника не похожа. Явилась как к себе домой. Вещички какие-то мне сунула и лопату! — засмеялся он.

— Почему не похожа? Она печник с образованием. Теперь много таких. Видали у неё комсомольский значок? — оживился Трубачёв.

— Она настоящий печник. Ведь сам Леонид Тимофеевич её пригласил печи класть. Но дело в том, что она комсомолка и, конечно, раз видит беспорядок, то сейчас же и вмешивается, — объяснил Одинцов.

— Нехорошо, мальчики, с вашей стороны. Только пришёл человек, а вы сразу критикуете его, — недовольно сказала Нюра. — И вообще, нечего рассуждать, кто она. Печник так печник. Мало ли на какие посты наши женщины выдвигаются! Сейчас на войне и майоры женщины и полковники. Что это им, задаром далось?

— Да мы ничего не говорим, — смутился Одинцов.

— Нет, говорите, — поддержала подругу Лида. — Мазин над всеми любит посмеяться. А женщины на войне себя героями показывают! И в тылу как работают! Моя мама поздно ночью приходит с работы. Да ещё сейчас в партию готовится, так иногда до утра сидит. Я сейчас всё сама дома делаю, лишь бы она занималась.

— В партию вступает? — с живостью спросил Одинцов. — Вот это здорово! Ты и правда

должна хорошенько помогать дома. Ведь когда принимают, разные вопросы задают, — вдруг она не будет знать чего-нибудь!

— Ну нет, она знает хорошо, моя мама не осрамится! — взволновалась Лида.

Ребята с одобрением и гордостью глядели на подругу:

— Ты шепни, в какой день, мы поздравлять будем!

Нюра молчала. Ей вспомнился свой дом, мать вечно в халате, расстроенная домашними делами. Никогда в жизни у её матери не будет такого торжественного дня... Кто скажет о ней хорошие слова, если она ни в чём не помогает людям, нигде не работает!

Нюре вдруг стало до боли жалко свою мать. Она опустила голову и замедлила шаг.

Одинцов тревожно оглянулся на неё.

— Ты что, Нюрочка? — тихо спросил Сева.

— Ничего. — Нюра благодарно улыбнулась товарищу.

Сева всегда умел во-время подойти, спросить, что у человека на душе. Он не боялся назвать подругу ласковым, уменьшительным именем, он не стеснялся при всех приласкаться к своей матери.

Сева — бесстрашный, он не боится насмешек.

«Я не боюсь глупых людей, я сам боюсь быть глупым», — сказал он однажды про себя.

Нюра ещё раз благодарно взглянула на товарища. Если бы он знал, как ей тяжело! Но разве хочется выносить сор из избы? Пусть будет как будет!

Вот и знакомая калитка. Бывшая школа ка-

жется маленькой по сравнению с просторным домом на пустыре.

— Мы выросли, и школа выросла, — шутит Васёк.

Но всем почему-то становится очень жаль свою прежнюю, старую школу. Сколько здесь было хорошего! Васёк вдруг вспоминает, как мама в первый раз вела его в школу. Как она радовалась! И вот здесь, около калитки, они на минуту остановились. Мама быстро поцеловала его, одёрнула на нём курточку, поправила свой шарфик.

Васёк низко наклоняет голову и проходит мимо крыльца, мимо окон, по заросшей травой дорожке.

— Васёк! Ребята, куда он идёт?

— Не кричите... — шепчет Сева. — Он пошёл к Васе под окно...

Ребята медленно идут за Васьком...

В госпитале время обеда. Во дворе никого нет. Под деревьями на столах брошены шашки, шахматы, домино. Санитары выносят лежаки, кладут на них одеяла, подушки. После обеда выздоравливающие спят на воздухе.

— Не во-время мы, Нина Игнатьевна рассердится! — опасливо поглядывают по сторонам ребята.

— Мы на минутку...

Они на цыпочках подходят к окну. Густая зелёная берёзка с тихим шелестом раздвигает ветки.

— Вася!..

Палата кажется пустой. Выздоравливающие обедают в столовой. Вася один сидит на койке, держа на коленях тарелку с супом. Он с аппети-

том откусывает хлеб, щёки у него двигаются, на зубах хрустит поджаренная корочка.

— М-м... — мычит он полным ртом и, отставив на тумбочку тарелку, машет рукой: — Идите сюда! Никого нет! Лезьте в окно!

Мальчики, подтянувшись на руках, влезают на подоконник, прыгают в палату; девочки тоже не отстают от ребят. Все по очереди подходят к Васе, крепко жмут ему руку.

— Ну, как ты, Вася? — теснясь около койки, торопливо спрашивают они.

— Я — хорошо! Теперь на поправку пойду. Главное, что на фронт безусловно годен! — весело говорит Вася.

— Мне ребята передавали, что тебе лучше, только я сам никак не мог навестить. Эх, Вася! Встанешь — приходи к нам в школу. У нас скоро ремонт кончится, хорошо будет! Придёшь? — спрашивает Васёк.

— Как же не прийти! Отпрошусь и приду. Я долго не залежусь. Мне здешние врачи говорят: организм у тебя выносливый и выдержка есть, а вот терпения бог не дал!

Вася смеётся, на щеках его вспрыгивают ямочки, потом вдруг, хлопнув себя по лбу, он торопливо лезет под подушку.

— Стойте! Что же это я? Ведь вам письмо с Украины. Парнишка один принёс. — Вася достаёт длинный серый конверт, зашитый по краям суровой ниткой и скреплённый по углам сургучом. — Вот! По всему видно — серьёзное письмо!

Ребята смотрят на письмо, не решаясь взять его. Кто знает, что в нём! И сургуч по углам и суровая нитка, неровными стежками окаймляю-

щая серый конверт, выглядят так необычно и страшно.

Отряду пионеров
Командиру отряда
Ваську Трубачёву и его товарищам —

написано на конверте аккуратным крупным почерком.

— От Генки... От Генки... Ребята, это от Генки!

Трубачёв берёт из рук Васи конверт и торопливо рвёт зубами нитку. Осторожно вынимает туго сложенные листочки.

— Читай скорей! — сгрудившись вокруг, шепчут ребята.

Глава 38

ПИСЬМО С УКРАИНЫ

«Дорогие товарищи! С далёкой Украины летит до вас мой партизанский привет и моя думка. Сообщаю вам, что во всю силу нашу бьём мы фашиста, много их, гадов, уже выбили, но и своими дорогими людьми пострадали. Вынес мой верный конь Гнедко с поля боя раненого бойца, вашего вожатого Митю. Истекающего кровью домчал его конь до лагеря и сам, раненный в ноги, упал на землю перед нашей землянкой. Тяжкие раны получил в бою ваш Митя. А было это так. На рассвете выехал он в разведку с Яковом Пряником, было с ними ещё пять бойцов. И попали они навстречу большому отряду фашистов и полицаев. Пробивались с боем, уложили гранатами сорок человек... Крепко бились пар-

тизаны, да не можно было одолеть врага. Приказал ваш Митя товарищам пробиваться к лагерю, а сам остался один, коло убитого Якова Пряника. Бил гранатами по врагу, а как кончились гранаты, вскочил он на Гнедка, вынул острую саблю и пошёл в бой — один против всех, врукопашную. Уже трижды раненный был ваш герой Митя, только почуял мой верный конь — течёт между его ушами горячая кровь, заливает глаза. Упал боец на крутую шею, ослабла в руке уздечка... И вскинул мой боевой конь передними копытами, разметал вокруг себя врагов и помчался вихрем к партизанскому лагерю... Дважды догоняла его вражеская пуля, тяжко ранило Гнедка в ноги и в бок, смешалась кровь бойца и коня... Далеко в лесу услышал я топот и ржанье. Выбежал сам не свой из землянки...

Сняли мы с седла Митю, перевязали ему раны. Перевязали и Гнедка.

Сообщаю вам, дорогие товарищи мои: тяжко ранен ваш Митя. Командир хлопотал перевезти в госпиталь, да не можно его с места тронуть. Бессменно сижу я с ним, помогаю, чем могу, сестрицам; только в первый раз сегодня ночью открыл он глаза, вспомнил про убитого Якова Пряника, тяжело вздохнул. «Перешли, — говорит, — моим ребятам комсомольский мой привет. Может, не суждено нам свидеться больше. Да скажи, пусть напишут ребята письмо моим родителям... Пока жив я, повоюю со смертью, а подготовить стариков всё ж надобно».

Пересылаю вам, товарищи мои, это письмо с верным человеком.

Был и я в бою, награждён медалью за отвагу,

бил врага и не боялся смерти! А теперь сижу коло Мити и плачу. Словно брата родного лишаюсь. И партизаны наши целый день коло землянки сидят, не отгонишь, не упросишь уйти. Так что, други мои, товарищи, не допустим мы к вашему Мите смерть, пока сила наша будет... А Гнедко мой навек хромой остался. Отвоевался мой добрый конь! Почёт и уважение ему от всех партизан, а кончится война, заберу я его к себе, будем вместе в колхозе жить.

Остальные наши пока что все живы, шлют вам свой партизанский привет. Сообщите, что знаете о своём учителе, тётя Оксана дуже по нём скучает.

А Степан Ильич из соседнего села тайком знаменитого доктора привёз. У того доктора в чемодане инструменты всякие. Може, и выдужает наш Митя... А известного вам доблестного бойца Якова Пряника схоронили в почётном месте, рядом с Иваном Матвеичем да Николаем Григорьевичем. Там и дед мой лежит с ними рядом.

Кланяются вам ещё с пионерским приветом Грицько да Федька Гузь. А про Игната стало известно, что состоит он связным в другом отряде, виделся с ним Коноплянко. Гора с горой не встречается, а человек своего человека всегда найдёт.

Учимся мы и учёбу не забываем. Этой весной держали экзамен перед Степаном Ильичом и Мироном Дмитриевичем в шестой класс. А готовил нас Коноплянко. Кончится война, он к нам в школу пойдёт заместо Марины Ивановны.

Прощайте, дорогие товарищи! Ещё сказал бы

я отдельные слова Севе вашему, да, може, наступит час, сядем рядом, возьмёмся крепко за руки, тогда и скажу... Только б ожил ваш вожатый Митя, доблестный боец и партизан, верный своему комсомольскому слову. А победа наша не за горами. Остаюсь верный сын своей Родины и своего батько Сталина

боец-партизан *Гена Наливайко*».

Ребята молча плакали. Вася, выслушав письмо, вдруг сказал:

— Не любил слёз мой командир. Он говорил так: «Не плакать нужно о погибшем товарище, а почтить его память большими и славными делами!» Вот как говорил мой командир! — повторил Вася, глядя прямо перед собой потемневшими глазами.

В госпитале кончился обед. В палату сходились раненые. В коридоре слышался голос старшей сестры. Трубачёв поднялся:

— Мы пойдём, Вася!

— Мы пойдём! — повторили за ним ребята.

Один за другим они осторожно перелезли через окно и скрылись из глаз.

— Вот это гости! Гляди, какой способ придумали! Сестры испугались, что ли? — смеялись бойцы.

А ребята шли по улице, не зная, куда и зачем они идут. Далеко-далеко, на Украине, в партизанском лагере, тяжко страдая от ран, лежал их друг и старший товарищ Митя.

Внезапно Васёк остановился.

— Ребята!.. — В голосе его ещё звенели слёзы, но глаза были ясные и чистые, словно промытые весенним дождём. — Вы слышали, что

сказал Васин командир? — Васёк сдвинул брови, стараясь точно припомнить слова командира: — «Не плакать нужно о погибшем товарище, а почтить его память большими и славными делами». Такие слова, ребята, на всю жизнь запоминаются. И мы тоже запомним их для себя. — Васёк поглядел на товарищей и твёрдо сказал: — Пойдёмте работать. По расписанию в четыре часа мы должны быть на работе!

Глава 39

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

Собрание было назначено на шесть часов. Васёк поручил Белкину сделать список учеников шестого класса. По остальным классам перепись школьников взял на себя семиклассник Толя Соколов.

— Трубачёв! А эти двое — Тишин и Петрусин — тоже к нам в шестой попали. И Кудрявцев тоже, — хмуря светлые брови, зашептал Белкин. — И вообще я не знал, куда писать тебя, Мазина, Одинцова, Синицыну... ну, тех, кто с тобой... в пятый или в шестой?

— Конечно, в шестой! — пожал плечами Васёк.

— Вот чудак ты, Лёнька! — засмеялся Мазин. — Не знал, куда писать! Что же мы, второгодники, что ли?

— Ну, я так и написал! А то, думаю, как же это получается? Все наши ребята будут в шестом, а председатель совета отряда — в пятом! Ерунда какая-то!

— Тем более, что Елена Александровна предложила, чтобы каждый класс был отдельной бригадой. А у нас бригадир уже есть! — сказал Одинцов.

Собрание проходило на свежем воздухе. Ребята притащили ящики, перекинули через них доски, вытащили старый, залитый чернилами школьный стол, соорудили для взрослых скамью. За стол сели Елена Александровна, два Мироныча, Грозный, кровельщик, он же маляр, и новая, только что появившаяся пожилая учительница младших классов Федосья Григорьевна. Место председателя занял Леонид Тимофеевич. Немного поодаль от стола сидели и стояли, сгруппировавшись по классам, ученики будущей школы. В седьмом их было всего трое, и, чувствуя себя старшими, они держались ближе к столу, а Толя Соколов, поднимаясь на цыпочки, то и дело покрикивал ломающимся баском:

— Потише, потише! Соблюдайте дисциплину, ребята!

Шестой класс был почти весь в сборе. В центре его стоял Трубачёв и прежние ученики четвёртого класса «Б». Из новых было всего несколько мальчиков; среди них выделялся высокий, стройный Алёша Кудрявцев, около него — складный, краснощёкий Петрусин с бегающими по сторонам глазами и хмурый, глядевший бычком Тишин.

— Школы ещё нет, но штат учащихся уже почти заполнен, — пошутил Леонид Тимофеевич. — Ну, стягивайтесь все сюда поближе, и начнём наше производственное собрание. Я очень рад, что все вы так любовно и дружно работаете вместе по ремонту своей школы. И скажу вам

откровенно, что, взявшись за такое трудное дело, как восстановление этого дома, я совершенно точно рассчитал, что помощники у меня будут. Один, как говорится, в поле не воин...

— Ура Леониду Тимофеевичу! Ура! — весело выкрикнул Толя Соколов.

— Ура! Ура! — дружно подхватили ребята.

— Ребята! Скажем спасибо нашему директору! Три-четыре!

— Спа-си-бо Ле-о-ни-ду Ти-мо-фе-е-ви-чу! — хором выкрикивали по складам школьники.

— Стойте! Стойте! — замахал руками директор.

Но шум не унимался. Елена Александровна неторопливо постучала молотком по столу.

— Установите тишину, Леонид Тимофеевич говорит. — Голос у печника был звучный, ребята уловили в нём резкие, повелительные нотки и переглянулись.

Леонид Тимофеевич вытер платком лысину, снял очки:

— Я хочу вам сказать, ребята, что ещё рано кричать «ура». Кричать «ура» мы ещё успеем. А пока я просил Елену Александровну собрать вас всех для того, чтобы уточнить нашу работу. Когда вас было мало, каждый делал то, что мог делать в меру своих сил, то-есть оказывал свою помощь везде, где она требовалась, без определённого плана. Но работать без плана сейчас нам трудно. Каждый класс уже может представлять собой отдельную бригаду и отвечать за порученный ему участок. Понятно?

— Понятно!

— Так вот, до открытия школы, то-есть до первого сентября, осталось немногим больше чем

полтора месяца. Основной ремонт дома ещё не закончен, а внутренняя отделка комнат, ограда нашего участка и окончательное устройство займут тоже немало времени. Вот как раз здесь присутствуют наши специалисты — плотники Иван Миронович и Фёдор Миронович. — Леонид Тимофеевич мягким жестом указал на чинно сидящих рядом Мироновичей. — Попросим их рассказать, что нам ещё предстоит сделать.

Ребята захлопали.

Старик Мироныч закивал головой и, привстав, попросил слова. Младший тоже привстал, но слова не попросил и, ощупав ящик, уселся на нём поудобнее.

— Я, ребята, так вам скажу: работа, конечно, ещё есть. Нам от работы не бегать, и ей за нами не гоняться! Без отделки комната не будет комнатой, а без парт и класс не будет классом. Верно я говорю? — Дедушка Мироныч подмигнул ребятам, сгрёб в правую руку седую бороду и лукавым, смеющимся глазом указал на Елену Александровну: — Печник у нас есть. Да... Ну, вот как бы ни было, а печи будут. Как вы скажете, печи будут, ась? — хитро спросил старик.

Ребята с весёлым любопытством смотрели на Елену Александровну.

— Печи будут, — спокойно сказала она, закидывая за спину тонкие руки и без улыбки глядя на Мироныча.

— Ну вот! Заявка, значит, сделана! — заторопился старик. — Теперь ещё вопрос, чтобы уточнить, значит, официально. Вот наш товарищ кровельщик имеет также квалификацию маляра. Верно я говорю? — обратился он к кровельщи-

ку. — Он, конечно, свою заявку вам тоже сделает официально.

Кровельщик, широкоплечий, черноглазый, с небольшой лысинкой, прикрытой зачёсом, деловито сказал:

— За мной дело не станет. Как Леонид Тимофеевич скажет, так и сделаю. Где под шёлк, где под мрамор, можно с отделкой под бронзу. Одним словом, классы и зал, например, имеют между собой разницу в отделке. Это факт. Давайте точный план, а я своё дело знаю.

— Ну вот, опять же квалификация. Значит, дело наше верное, — закивал головой Мироныч.

— Ну и садись, коли верное, — мрачно сказал Мироныч-младший, со скрипом ворочаясь на своём ящике. — Время лишней болтовни не любит. Садись, говорю.

Мироныч-старший с неохотой полез за стол.

— Ну вот, все силы руководящие у нас, так сказать, выяснены. Остаётся прикрепить к каждому участку работы помощников, — сказал Леонид Тимофеевич. — Некоторые работы, как, например, ограда, могут быть сделаны вами почти самостоятельно. Распределение вашего рабочего времени и организацию бригад мы попросим взять на себя Елену Александровну.

Елена Александровна встала, придвинула к себе списки:

— Ребята! Я просмотрела эти списки. Хотя в каждом классе ещё очень мало учеников — многие ещё не приехали, а многие, особенно старшие классы, работают сейчас в колхозах, — но к началу учебного года школа пополнится. Сейчас же в основном некоторые классы уже сфор-

мированы. Значит, ребята, в этих классах должны быть организованы пионерские отряды.

Радостный шум вырвался из рядов школьников. Елена Александровна подняла руку и спокойно продолжала:

— Если есть отряд, значит должен быть в нём и председатель совета отряда. Может быть, пока мы укомплектуемся окончательно, то-есть до начала учебного года, председателями советов отрядов останутся прежние ребята, которые были выбраны раньше, в старой школе. А там, где их нет, вам придётся временно избрать себе председателя. А так как у нас сейчас идёт горячая работа, то каждый отряд будет представлять собой рабочую бригаду, а председатель совета отряда — бригадира. Согласны?

— Согласны! Согласны!

Ребята оживились. Они сразу почувствовали, что снова возрождается их школьная пионерская организация, что они спаяны в отряды, что они уже настоящие школьники. И, кроме того, они, как взрослые, представляют собой рабочие бригады.

— Начнём со старших классов. Всем понятно, что наиболее ответственные участки работы будут поручаться старшим... — начала опять Елена Александровна.

— Понятно! Понятно! — зашумели школьники.

Но чья-то рука вдруг поднялась вверх и неподвижно застыла в воздухе.

Елена Александровна наклонилась вперёд:

— Кому непонятно?

Из толпы выдвинулся Тишин.

— Некоторым непонятно, почему смешали

вместе два класса, — сказал он, глядя исподлобья на Елену Александровну прищуренными дерзкими глазами.

— Как это — смешали два класса? Какие классы? — перебирая в руках списки, спросила Елена Александровна.

Школьники притихли и с любопытством слушали.

— А так, смешали! — наклонив набок голову, насмешливо сказал Тишин. — Пятый и шестой смешали.

Мазин быстро толкнул Трубачёва. Васёк насторожился. Лёня Белкин взволнованно зашептал что-то ребятам. Девочки переглянулись.

— Здешний ученик Лёня Белкин, составляя список, забыл, что, например, Трубачёв и ещё несколько ребят, а с ними и две девочки — второгодники.

— Что, второгодники? Трубачёв — второгодник? Он врёт!

— Тишин врёт!

— Ишь ты — новенький, а смотри как себя проявляет!

— Не слушайте его!

Ребята задвигались, возмущённо зашумели, зашикали.

Леонид Тимофеевич поднялся с места:

— Это что такое? Здесь идёт собрание, напоминаю вам. Кто не умеет себя вести и не уважает свой рабочий коллектив, пусть выйдет отсюда и поищет себе другое место!

Наступила полная тишина. Леонид Тимофеевич сел:

— Продолжайте, Елена Александровна!

— Трубачёв, подойди, пожалуйста, сюда! — вызвала Елена Александровна.

Ребята расступились, давая дорогу. Васёк держался спокойно, но сердце у него сильно билось.

— Первого сентября мы придём в шестой класс. Мы проходим программу пятого класса дома. Вот почему Белкин включил нас в список шестого класса, — громко сказал он.

В толпе раздался злорадный хохоток Петрусина и насмешливый голос Кудрявцева:

— Почему бы не в седьмой, скажите пожалуйста?

Елена Александровна нетерпеливо пожала плечами и снова обратилась к Трубачёву:

— Так как же, по-твоему, будет справедливо — оставить вас на время стройки в списках шестого класса или перевести в пятый?

— Нам всё равно, где работать, и спорить из-за этого я не буду, — скрепя сердце сказал Васёк.

— А мы будем!

— Мы все будем спорить! — раздались из толпы школьников взволнованные голоса.

— Трубачёв наш! — кричал Лёня Белкин. — И мы его в пятый класс не отдадим!

— Трубачёв всегда был у нас председателем совета отряда, а сейчас он будет бригадиром нашей бригады. Поднимите руки, ребята, кто за? — вскакивая на ящик, громко заявил Коля Чернышёв.

Ребята бывшего четвёртого класса «Б», толкаясь, протиснулись вперёд, подняли руки.

— Мы все за Трубачёва! — выкрикнула Надя Глушкова. — И мы за всех наших ребят — за

Нюру Синицыну, за Лиду Зорину, за Петю Русакова...

Елена Александровна резким движением руки остановила шум:

— Довольно! Мы собрались сюда, чтобы поговорить о том, как лучше наладить работу. Работа будет распределена по отрядам. Трубачёв и его товарищи остаются с пятым классом. Тише! Я не разрешаю больше продолжать этот спор. Предлагаю шестому классу выбрать себе другого председателя совета отряда.

В толпе пробежал недовольный шопот. Послышались тихие голоса:

— А почему она вмешивается? Пусть Леонид Тимофеевич скажет!

Щёки Елены Александровны чуть-чуть порозовели, на лбу появилась резкая морщинка. Леонид Тимофеевич покачал головой:

— Мне стыдно за вас перед Еленой Александровной и перед всеми товарищами, которых мы пригласили на наше собрание. Я не могу себе представить, что мои бывшие ученики за какой-нибудь год настолько забыли дисциплину и потеряли совесть, что вместо того, чтобы решать какие-то дельные вопросы, они вынуждают нас здесь слушать бурные выяснения — куда приписать Трубачёва: к пятому или шестому классу! — Директор развёл руками. — Может быть, вам ещё рано присутствовать на собраниях, где решаются серьёзные вопросы?

— Нет... нет... — слабо защищались школьники.

— У нас ещё нет вожатого. И я просил Елену Александровну помочь вам в ваших пионерских делах. Но вы себя ведёте так, что я боюсь,

как бы Елена Александровна не отказалась. — Леонид Тимофеевич замолчал и обвёл глазами ребят. — Я предлагаю, — снова начал он при полной тишине, — чтобы завтра же каждый класс представил мне список своей бригады во главе с бригадиром. Это значит, что каждый отряд должен выбрать себе председателя совета отряда. Елена Александровна вам в этом поможет. А работу между бригадами распределю я сам. На этом мы сейчас наше собрание кончим. И запомните хорошенько, что всякие мелкие счёты и недружелюбное отношение друг к другу будут только тормозить нашу общую работу.

Ребята поняли, что директор недоволен. Недовольна была и Елена Александровна. Брови её хмурились, а глаза глядели сурово и холодно.

Васёк чувствовал себя униженным, как бы пойманным на обмане, его коробило от сознания, что все они оказались в пятом классе, как второгодники. Всё это было противно, хотелось вытащить за шиворот из толпы Тишина и, развернувшись, дать ему по шее...

А в толпе ребят Тишин, торжествуя свою победу, кричал, что он выведет на чистую воду всех хвастунов и зазнаек. Васёк хорошо знал, откуда идёт эта угроза. Но главный виновник, Алёша Кудрявцев, только издали бросал на него насмешливые взгляды и, стоя рядом с Петрусиным, рассказывал ему что-то весёлое, невольно привлекая внимание ребят открытым, смелым лицом и непринуждённым, заразительным смехом.

Васёк вспомнил о своих товарищах. Хорошо, что во время выступления Тишина никто из них

не сказал ни слова. Даже Мазин нашёл в себе силы промолчать. Но где же они сейчас?

Школьники, разбившись по классам, уже выбирали себе председателей советов отрядов. То здесь, то там слышался голос Елены Александровны.

Проходя мимо учительницы, Леонид Тимофеевич громко сказал:

— Об этом случае мы ещё должны с вами поговорить.

Васёк понял, что речь идёт о нём и его товарищах, но даже не оглянулся.

В кучке шестиклассников выступал Петрусин:

— Я, ребята, стою за Кудрявцева! Мы с ним не пропадём!

— Кудрявцева! Кудрявцева! — кричали новенькие.

— Выбирайте, кого хотите, мне всё равно! — послышался обиженный голос Нади Глушковой.

Прежние товарищи Васька по четвёртому классу «Б» хранили презрительное молчание.

Васёк заметил в сторонке пятиклассников. Рядом с ними стояли его товарищи.

«Как наказанные», — горько подумал Васёк, и вдруг до его ушей донеслись громкие, торжествующие крики:

— Тру-ба-чёв! Тру-ба-чёв!

И чем ближе он подходил, тем громче становились приветственные крики пятиклассников:

— Тру-ба-чёв! Тру-ба-чёв!

— Васёк Трубачёв! Ура! — подкинув вверх свою бескозырку, в восторге заорал Витька Матрос.

Васёк был тронут.

— Ты выбран единогласно председателем совета отряда и бригадиром, — сказал ему Одинцов.

Васёк улыбнулся, кивнул головой:

— Ну что же, будем работать!

Поднятые к нему лица выражали горячую готовность идти за ним в огонь и в воду.

В нём проснулся командир:

— Завтра я узнаю, какой участок работы будет поручен моей бригаде, и всех вас расставлю по местам. А сейчас можете расходиться!

Он ещё раз улыбнулся, но глаза у него были грустные, и только товарищи понимали, чего стоила ему эта улыбка.

Когда пятиклассники шумно и весело разошлись, Васёк тихо сказал:

— Проводите меня.

Лида взяла его за руку.

— Помнишь, в детстве, когда была гололедица, мы часто ходили, держась за руки, — ласково сказала она.

Васёк кивнул головой.

— Я никак не пойму, куда оно делось, это детство? Ведь нам не так уж много лет! — грустно сказал он.

Глава 40

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Дома Васька ждал редкий гость — Андрейка. Он чинно сидел за столом против тёти Дуни и, прикусывая острыми зубами сахар, тянул с блюдечка чай.

— Выпейте ещё одну чашечку, Андрей Иваныч! — радушно угощала его тётя Дуня.

— Спасибо вам... Разве посидевши ещё попью... — вытирая со лба капельки пота, солидно говорил Андрейка.

Тётя Дуня пододвигала ему полную чашку, и Андрейка, слегка подумав над ней, снова принимался пить.

Увидев Васька, он привстал и церемонно протянул ему руку.

— Ну вот, и наш хозяин пришёл! — сказала тётя Дуня совсем так, как говорила когда-то про Павла Васильевича.

От этих слов и от церемонного обращения Андрейки Васёк сразу повзрослел.

— Ну, как дела? — спросил он, присаживаясь к столу.

— Ничего, у нас всё в исправности. — Андрейка быстро взглянул на приятеля и деликатно осведомился: — А ты что вроде невесёлый?

— Да так... неприятности по работе, — усмехнулся Васёк.

— По работе? Это что же — в школе или в госпитале? — забеспокоилась тётка.

— В школе, — со вздохом сказал Васёк и стал рассказывать про собрание.

Когда дело дошло до выступления Тишина, тётя Дуня возмущённо всплеснула руками:

— Ах он пролаза! За генеральского сынка руку тянет! И откуда же они, этакие пролазы, берутся? И всё-то они знают, когда и перед кем хвостом мотнуть...

— Пережиток... — важно сказал Андрейка, принимаясь за новую чашку чаю. — Таких раз-

облачать надо. Я одному такому пережитку санаторий у начальства исхлопотал — думал, больной. Ну, а он и там давай своё «я» показывать. Только с врачами не забалуешься.

— Это тот мастер, что над тобой издевался? — живо спросил Васёк.

— Издевался не издевался чтобы по-настоящему, а за волосы хватал и выражался некультурно.

— Ну, и что с ним сейчас?

— А что! Разоблачили вчистую. Никакой, говорят, болезни нервов у вас нет, одно хулиганство. — Андрейка удовлетворённо откинулся на спинку стула и рассудительно сказал: — Самому себя распускать не надо. Железная дорога — это пост ответственный. У нас лучшие люди работают. Равняться есть по ком. В мастерской, для примера, и ваш Павел Васильевич Трубачёв есть на портрете.

— Спасибо на доброй памяти, Андрей Иваныч! Ведь вот люди помнят... и молодые по его примеру идут... Да вы что же чашечку-то отставили, Андрей Иваныч? Выпейте горяченького! — засуетилась тётя Дуня.

— Не требуется больше, мамаша, спасибо вам, — решительно отставляя от себя подальше чашку, сказал Андрейка.

Он чувствовал себя приятным гостем в гостеприимном и уважаемом доме Трубачёвых. Курносое лицо его лоснилось, белые волосы липли ко лбу, глаза выражали полное удовольствие, и сам он, щупленький, в поношенном пиджачке, держался с большим достоинством.

«Кто я ни есть, а цену себе знаю», — как бы сообщал всем с первого же взгляда Андрейка.

Тонкие, заскорузлые от работы пальцы Андрейки, угольная пыль, въевшаяся в мальчишескую шею, старый пиджачок невольно вызывали чувство уважения к Андрейке. Васёк гордился своей дружбой с ним.

Когда Андрейка собрался уходить, тётя Дуня позвала Васька в кухню и расстроенно зашептала:

— Васёк, брюки бы ему отцовы отдать. Ведь у него брючки-то насквозь прохудились. А позади себя он заплату рукой прикрывает... Отдай ему брюки-то!

— Да что ты! Он ни за что не возьмёт. Обидится ещё! — замахал руками Васёк.

— Как это так — обидится! Ведь вы товарищи! И родителей у него нет, некому порядочную заплату положить.

Она вынула из сундука пахнущие нафталином рабочие брюки Павла Васильевича и, пряча под улыбкой крайнее смущение, подступила к Андрейке:

— Андрей Иваныч, голубчик, перемените брючки-то...

— На что переменить? — не понял Андрейка.

— Да вот эти-то получше будут. Я живенько их на ваш рост укорочу. А свои оставьте пока. Я всё равно Ваську штопаю, так заодно и ваши починю, — заторопилась тётя Дуня, испугавшись вопросительных светлых глаз Андрейки.

— Очень благодарный вам, мамаша... Только как же это я ваши брюки надену? И с какой такой стати вы для меня трудиться будете... И опять же, выходной у меня не скоро, я ваши брюки на работе заносить могу, — объяснял Андрейка.

Васёк стоял в кухне и боялся войти.

— Да я вам их в подарок даю, Андрей Иваныч! От Павла Васильевича в подарок, — широко улыбаясь, сказала тётя Дуня.

Андрейка смутился:

— Я подарков, мамаша, не беру. Я сам себя содержу. Это для меня принципиальный вопрос. Я — рабочий человек. И к тому же за мои успехи мне всё обмундирование скоро полностью выдадут. Очень благодарю вас, мамаша, только брюки я не возьму. — Он встал и, прикрывая левой рукой латку, выделявшуюся светлым треугольником на его брюках, решительно взялся за кепку.

Тётя Дуня, сильно покраснев, сунула брюки на кровать и растерянно остановилась посреди комнаты.

— Ты что же, Андрейка, брюки не хочешь взять? Ведь по дружбе тебе тётя даёт! — входя в комнату, сказал Васёк.

— Дружбу я и так ценю. Только задаром мне ничего не надо, я получаю за свой труд. Ну, приходи в депо, Васёк. Может, что будет известно про Павла Васильевича. У нас на собраниях часто про героев-железнодорожников рассказывают.

— Вот-вот... Уж вы сообщите в случае чего, Андрей Иваныч. Исстрадались мы с Васьком, нет писем ему от отца, — заморгала глазами тётя Дуня.

Когда Андрейка ушёл, она взяла заброшенные в угол постели брюки и, пряча их в сундук, сказала:

— Нашего понятия человек, строгий, принципиальный! Держись за него, Васёк!

Глава 41

ЧУЖИЕ

Нюра с тревогой глядела на часы. Вчера в госпитале дежурил Сева Малютин и на занятиях сообщил ей, что после обеда Егору Ивановичу назначено идти на электризацию.

— Радуется он, как именинник. Просил тебя не опоздать. Я уже с Васьком говорил. Он тебя отпускает с работы. Только смотри не опоздай!

— Ну как я могу опоздать! — рассеянно ответила Нюра, думая о матери.

В последнее время они почти не разговаривали. Нюра прибегала домой только пообедать, вечерами тоже часто задерживалась в госпитале. Беспокойство и раздражение матери росло.

Сейчас, видя, что девочка куда-то торопится, мать чувствовала закипавшую в сердце обиду.

Пообедали молча.

— Выпей чаю, — сказала мать.

Нюра бегло взглянула на часы и покорилась. Мать поставила перед ней чашку с кипятком, положила туда две ложки молочного порошка, размешала сахар и села напротив дочери, сложив под подбородком пухлые руки. Нюра не глядела на неё, но знала, что глаза матери неотступно следят за каждым её движением. Часы медленно пробили три часа. В половине четвёртого начинался приём у врача. Нюра мысленно представила себе, как в четвёртой палате санитарки помогают Егору Ивановичу натянуть ру-

кав на больную руку, как он беспокойно поглядывает на дверь. Она придвинула к себе чашку и, обжигаясь, глотнула забелённый кипяток.

— Спешишь? — гневно и холодно спросила мать.

Нюра испуганно вскинула на неё глаза, упрямо сжала губы.

— Ну, помни, Нюра, я тебе не раз обещала, но сегодня своё обещание сдержу... Я пойду в школу к твоему директору, я пойду в госпиталь... — Мать постучала по столу пальцем. Она не знала, что ей делать с дочерью, но ей казалось, что пришло время немедленно принять все меры к её исправлению. — Слышишь, Нюра, я не допущу, чтоб моя дочь с утра до вечера лодыря гоняла. Я всё узнаю! — Голос матери то понижался до угрожающего шопота, то срывался на крик. — Я заставлю директора вмешаться в это безобразие! До сих пор мы с отцом делали для тебя, что могли! Мы вложили в тебя все силы, всю жизнь, и до этой несчастной поездки на Украину ты была хорошей, послушной девочкой. Но, оставшись в компании своих приятелей, ты распустилась. И за то, что родители заботились о тебе, ты ответила чёрной неблагодарностью...

Мать на минутку останавливается и выжидательно смотрит на дочь. Но Нюра молчит. Сердце её захолодело от тоски, в нём нет сейчас ни любви, ни жалости к матери. Нюра даже не вслушивается в то, что ей говорят, слова сливаются вместе и захлёстывают уши нервными выкриками. Нюре стыдно, что её мать слышат соседи. Они всегда слышат и во всём обвиняют её, Нюру.

Минутная стрелка на часах подвигается к половине четвёртого. Теперь уже придётся бежать, чтобы поспеть во-время.

«Надо так надо», — мысленно говорит Нюра и, отодвинув стул, быстро идёт к двери.

— Нюра, помни! Лучше вернись! — кричит ей вслед мать.

Но девочка уже хлопает калиткой и, перегоняя прохожих, мчится по улице. Она опоздала, опоздала!

Тяжёлый грузовик на мостовой шарахается в сторону перед тоненькой девочкой, перебегающей ему дорогу. Шофёр высовывается из кабинки и сердито кричит:

— Ты что, голову потеряла? Лезут под самые колёса, а потом отвечай за них!

Но Нюра не слышит, у неё в ушах всё ещё звучит голос матери.

Во дворе госпиталя сидят и стоят раненые. Залежавшись в палатах, они радуются возможности пройти по улице до другого здания на электризацию. Солнышко крепко припекает, и под его лучами трава никнет к земле и вянет.

Егор Иванович стоит на крыльце, крепко ухватившись здоровой рукой за перила. На его землисто-бледном лице видна каждая морщинка.

— Вон, вон дочка бежит... Она меня и доведёт. Не извольте беспокоиться, — говорит он сестре.

Нюра, запыхавшись, вбегает во двор:

— Пойдёмте, дядя Егор, пойдёмте!

Она подставляет раненому своё худенькое плечо, смахивает прилипшие ко лбу волосы.

— Опирайтесь, дядечка, крепче опирайтесь: я сильная!

Егор Иванович прижимает к себе больную руку на перевязи и медленно идёт рядом с Нюрой.

— Мы с тобой, дочка, как дуб с берёзкой, — шутит он, любовно оглядывая девочку.

Глава 42

В БУДУЩЕЙ ШКОЛЕ

С помощью Елены Александровны Леонид Тимофеевич точно распределил рабочие участки каждой бригады. Трое ребят из седьмого класса попали на отделку комнат в распоряжение маляра и старика Мироныча. Шестому и пятому классам было поручено поставить забор. Для руководства и помощи к ним прикрепили Мироныча-младшего.

Алёша Кудрявцев не пожелал работать с бригадой Трубачёва.

— Дайте мне отдельный участок, я не хочу отвечать за чужую работу, — заявил он Елене Александровне.

С общего согласия место для будущего забора разделили пополам. После раздела обе бригады договорились о сроке выполнения задания, и Кудрявцев вызвал Трубачёва на соревнование.

Для кладки печей Елена Александровна взяла себе в помощь ребят из третьего и четвёртого классов. Только малышам ничего не было поручено, но и они не оставались без дела. Их

учительница, Федосья Григорьевна, хлопотливая и деятельная, быстро собрала вокруг себя всех младших ребят и с утра, повязав голову косынкой, носилась по всему двору, пристраиваясь вместе с ними то к одной, то к другой бригаде, причём всех школьников, без различия возраста, она называла «деточками» и «ребятками».

— Мазин, деточка, пусть мои ребятки на вашем участке щепки подберут! Идите, идите сюда, ребятки! Собирайте! Вот так... Вот и чистенько будет... Собирайте, собирайте!

Второклассники, как стая воробьёв, слетались на её голос, беспорядочно толкались под ногами и мешали работать. Ребята злились. Мазин делал страшные глаза, но спорить с Федосьей Григорьевной было бесполезно.

— Ничего, ничего! Они вам не помешают! Ну, каждому же трудиться надо! — поднимая вверх плечи и укоризненно глядя на ребят, говорила Федосья Григорьевна.

— А вы идите к печнику. Там надо песочек носить, — хитрил кто-нибудь из школьников.

— Ничего, ничего, мы везде успеем, без работы сидеть не будем! Верно, ребятки?

— Верно, верно! — кричали второклассники.

Подобрав щепки, Федосья Григорьевна шумно удалялась, и голос её уже слышался в другом конце двора:

— Ребятки! Ребятки!

— Цыплятки! Цыплятки! — добродушно передразнивал Мазин.

К печнику Федосья Григорьевна своих малышей не водила — там было пыльно и душно, кирпичи тяжёлые, глина липкая. Кроме помощи

отдельным бригадам, Федосья Григорьевна всё время о чём-то хлопотала для своих ребят — то ей требовалась очищенная площадка для их игр, то скамейка в тени. Леонид Тимофеевич неохотно отрывал от работы плотников, чаще посылая старших учеников. Ученики досадовали, но все требования учительницы второго класса исполняли беспрекословно. Познакомился таким образом с Федосьей Григорьевной и Саша Булгаков.

— Хорошая учительница, — задумчиво сообщил он ребятам. — Надо мне Нютку к ней пристроить, балуется она дома.

Пристроив Нютку к Федосье Григорьевне, Саша во время работы издали следил за сестрёнкой. Он видел, как Нютка всюду следовала за своей учительницей и изо всех сил старалась выполнять все её задания.

И когда Нютка начала дома беспрерывно повторять «Нам велели! Нам сказали!» и когда однажды она долго ревела оттого, что простудилась и не могла пойти на стройку, Саша почувствовал, что учительница как бы разделила с ним ответственность за воспитание одной из его сестёр.

— А потом и других в школу отдам! — весело говорил он товарищам. — Так понемножку все в люди и выйдут.

* * *

Бригада Трубачёва работала в две смены. В первую, пока шли занятия с Екатериной Алексеевной, выходили на работу все пятиклассники. Среди них правой рукой Васька стал Витька Ма-

трос. Живой и понятливый, Витька был неутомимым работником. Получая задание от Васька, он глядел на него в упор чёрными, как угольки, глазами и быстро кивал головой в знак того, что он исполнит всё, что от него требуется.

Работу «младшей» бригаде Васёк давал лёгкую, условившись об этом с самого начала с хмурым дядей Миронычем.

Дядя Мироныч собирал вокруг себя всех ребят и показывал им, как надо отмеривать штахеты, чтобы забор был красивый и ровный, под шнурочек.

Поставив двух ребят на некотором расстоянии друг от друга, Мироныч велел им присесть на корточки и, протянув меж собой шест, держать его низко над землёй.

— Вот, к примеру, вы у нас вроде столбов, а шест вроде слеги, которая прибивается к столбам внизу и вверху. Так... Скажем, слеги прибиты, расстояние между ними вымерено, можно прибивать штахеты. — Он брал тонкие дощечки, срезанные вверху треугольничками. — Вот это штахеты и есть. Но как же их прибивать, если одна длиннее, а другая короче!

— Срезать! — быстро догадывались ребята.

— Правильно. Надо срезать. Значит, измеряем, какой высоты собираемся делать забор. — Мироныч приставлял к слегам дощечку и вопросительно смотрел на ребят. — Можно повыше, а можно и пониже, смотря что нас интересует.

— Повыше, а то все ребята лазить будут, — не ручаясь за себя, советовали школьники.

— Значит, судя по характеру учреждения, будем делать повыше. Сейчас отмерим точно сантиметром высоту и проведём карандашом черту

на доске. Ну вот. Это, значит, у нас мерка. Прикладываем к ней другую дощечку, на неё для скорости можно ещё одну положить, и по намеченной карандашом черте начинаем срезать пилой концы. — Мироныч закладывал за ухо карандаш. — Понятно? Ну, а если понятно, приступайте к работе!

Ребята хватали ручные пилы, раздавали друг другу «мерки». Мироныч не спеша закуривал папироску.

— Только чур, работа аккуратность любит. Чтоб ни на один сантиметр не ошибаться. На глазок не полагайтесь! И торопиться нам некуда, пока что столбов у нас нет.

Столбы для забора, по словам Леонида Тимофеевича, ещё «росли» на делянке. Чтобы привезти их, требовались машины, но машин не было. Посоветовавшись с плотниками, Леонид Тимофеевич решил устроить поход на делянку, выбрать там подходящие деревья, на месте обтесать их и подготовить к перевозке.

А пока что Трубачёв и Кудрявцев, чтобы не терять времени, каждый на своём участке разметили места для столбов, вбили колышки и принялись рыть ямы. Грунт был каменистый, и работа оказалась трудной.

— Ты смотри, Матрос, — предупреждал Васёк, — ройте с передышкой, по очереди, а кто устал, пусть сидит — гвозди выпрямляет или штахеты отмеривает.

— Ладно, — кивал головой Матрос, но, оставшись наедине со своими пятиклассниками, хватал лопату и, поплёвывая на ладони, то и дело покрикивал на товарищей: — Эй, подтянись! Ну-ка, трубачёвцы! Выбрасывай землю!

Тащи носилки! Кто слабосильный, иди гвозди выпрямлять!

При этом живые глаза его то и дело косили в сторону соревнующейся с ними бригады Кудрявцева. Матрос знал досконально, что там делается. Каждое утро, раньше всех, когда на траве ещё лежала роса, он являлся на школьный двор, быстро и точно определял, насколько за день продвинулся Кудрявцев, сколько у него вырыто ямок, как подобраны штахеты и в каком порядке хранятся инструменты.

После обеда, докладывая Ваську о положении дел, Матрос, сверкая глазами, говорил:

— У них народу больше. Утром они нас перегоняют, а вечером мы равняемся. А нам надо впереди быть.

— Ничего. Всё равно скоро нечего будет делать ни им, ни нам — столбов нет, — хмуро отвечал Васёк и шёл к директору.

В доме пахло краской, в коридоре стояли мутные лужицы. В тех комнатах, где уже были сложены печи, рабочие белили потолки, красили стены. В пустом доме гулко раздавался голос дедушки Мироныча. Чаще всего старик спорил с Грозным:

— Вот ты говоришь, Иван Васильевич, что классы нужно покрывать масляной краской. А ты того не учитываешь, что масляная краска забирает весь воздух и детям в таком классе будет душно. А от нас Родина требует, чтобы мы трудились добросовестно, учитывая требования здравоохранения...

В нижнем этаже работал печник. Туго обвязав косынкой короткие светлые волосы и натянув на себя запачканный глиной и песком комбине-

зон, Елена Александровна брала из рук помощника кирпич, ловко и быстро шлёпала на него лопаткой размешанную в ведре глину, не глядя протягивала руку за вторым кирпичом, ставила его ребром на первый и, обмакнув руку в ведре с водой, сглаживала вырастающую стенку мокрой ладонью. При этом, морща покрытое жёлтой пылью лицо и поправляя тыльной стороной руки косынку, она изредка бросала короткое приказание:

— Воды! Приготовьте глину! Подавайте целый кирпич!

На работу печника приходили смотреть все. Грозный, качая головой, недоверчиво заглядывал внутрь сложенной печи и подносил к дверке зажжённую бумажку. Бумажка вырывалась у него из рук и пылающим комочком улетала в дымоход. Старик успокаивался.

Леонид Тимофеевич с любопытством смотрел на работу Елены Александровны и, подмигивая ребятам, шутил:

— Ну уж если зимой в школе будет холодно, мы с Елены Александровны штраф возьмём!

— А если будет жарко? — спрашивали ребята.

— Тогда тоже штраф!

— Несправедливо, несправедливо! — протестовали ребята.

Леонид Тимофеевич делал удивлённые глаза:

— Как же несправедливо? Ведь Елена Александровна — печник! Должна заранее учитывать температуру.

— Боюсь, что раньше директору надо учесть, что лето кончается, а дров у него ещё нет! — лукаво говорил печник.

— Ага! Ага! — прыгали девочки. — Дров ещё нет! Дров-то ещё нет!

Леонид Тимофеевич жил наверху в маленькой комнатке, предназначенной для учительской. Грозный тоже часто ночевал в небольшой каморке около раздевалки.

— Скорей бы нам, Леонид Тимофеевич, всё своё имущество из госпиталя перевезти. Может, парты за зиму отсырели, подправить придётся,— говорил школьный сторож, — да и мою комнату под кладовую сестрица просит освободить.

— Всё сделаем, старина! Вот закончим ремонт и начнём обживаться, — весело отвечал Леонид Тимофеевич.

Он всегда казался бодрым и весёлым, хотя после дневных хлопот и беганья по разным делам, снимая ботинки и ощупывая внутри подошвы, громко удивлялся, что стелька гладкая и нигде не торчат гвозди.

— Странно, мне казалось, что я прямо на гвоздях хожу, — пожимая плечами, говорил он Грозному.

— Отдохнуть бы вам, Леонид Тимофеевич, — вздыхал старик.

— А я не устал. Мой отдых — работа, — улыбался директор.

Глава 43

МАТЬ НЮРЫ СИНИЦЫНОЙ

Елена Александровна сняла комбинезон, вымыла лицо и руки, расчесала мокрым гребнем растрепавшиеся волосы и присела отдохнуть.

Учительская казалась пустой, в ней было прохладно и чисто. Около стола стояли два кресла и у выбеленной стены — мягкий кожаный диван.

Леонид Тимофеевич ушёл по делам, попросив Елену Александровну заменить его, если будет спрашивать кто-нибудь из рабочих.

Оставшись одна, Елена Александровна придвинула ближе к столу кресло и, подперев рукой голову, задумалась. Она думала о директоре, который не побоялся взять на себя такой большой труд, как ремонт разбитого дома. Вспомнила собрание. Пушистые брови её нахмурились, синие глаза стали глубже и печальнее.

«Нет дисциплины... И этот мальчишка Тишин, выступающий против своего будущего товарища, и Кудрявцев... И странная история с Трубачёвым. Надо будет хорошенько в этом разобраться... — Елена Александровна тяжело вздохнула. — И вообще, время идёт, школа не готова... Ах да, — вспомнила она, — надо же объявить ребятам, что послезавтра Леонид Тимофеевич поведёт их на делянку. Как раз это будет выходной день. В лесу сейчас хорошо. Пахнет смолой, ягодами. В тени свежо и прохладно... Я сама, как девчонка, радуюсь, что пойдём. А ребятам хорошо бы дать побегать, отдохнуть... Трудно им сейчас приходится...»

Внизу раздаётся громкий женский голос:

— Мне нужно видеть директора!

— Леонида Тимофеевича? — любезно переспрашивает школьный сторож. — Его нет, он отлучился по делам.

— Как нет? По каким делам? У него, кроме школы, не может быть никаких дел. За детьми

надо смотреть, а не отлучаться по делам! — резко заявляет пришедшая.

— Ему, гражданка Синицына, виднее, за чем нужно смотреть: он директор, — обиженно отвечает Грозный.

Елена Александровна медленно спускается вниз, прислушиваясь к шуму голосов. Пожилая женщина в тёмном приплюснутом берете на седеющих волосах встречает её недружелюбным взглядом зелёных глаз.

— В чём дело? — спрашивает Елена Александровна. — Может, я могу заменить директора? Пройдите, пожалуйста, в учительскую.

Женщина молчит, но Елена Александровна, не ожидая её ответа, круто поворачивается и быстрой, лёгкой походкой снова поднимается по лестнице, открывает свежевыкрашенную белую дверь. Незнакомая женщина нехотя следует за ней.

— А вы, собственно, кто здесь? — с раздражением спрашивает она, опускаясь в кресло.

— Сейчас я замещаю директора, — спокойно отвечает Елена Александровна и быстро оглядывает незнакомую женщину. Где-то она видела такие же зелёные глаза?

Женщина беспокойно ворочается в кресле.

— Хорошо. Я попробую поговорить с вами, хотя вы ещё очень молоды и, наверно, не были матерью. Моя фамилия — Синицына.

— Вы мать Нюры Синицыной? — живо спрашивает Елена Александровна. Ей нравится Нюра, и голос её звучит приветливо.

— Да, я мать. И именно поэтому я пришла вас спросить, что с моей дочерью... Я её не вижу. Она целые дни занята. Где — не знаю.

В каком-то госпитале, вместе с какими-то ребятами... Причём я этих ребят не знаю. Часть из них, как видно, из её бывшего класса. Они были на Украине и с трудом вырвались из оккупации.

— Я знаю их историю от директора, — кивнув головой, вставляет Елена Александровна. — Это очень хорошие ребята, лучшие в школе, — Трубачёв и его товарищи.

— Не знаю, лучшие или худшие, — горько улыбается Синицына, — но если товарищи становятся дороже матери, если авторитет любого из них выше авторитета родителей, то это ненормально... Я целыми днями не вижу своей дочери, она не считает нужным посвящать меня в свои дела, мать для неё — ничто. Нюра заявляет нам с отцом, что у неё есть свои обязанности. Я хочу знать совершенно точно, какие это обязанности. Я — мать! Я её воспитываю и никому не позволю ломать моё воспитание!

Синицына с трудом сдерживает гнев; перегнувшись через стол к своей безмолвной собеседнице, она говорит быстро и нервно, словно отстукивая слова на пишущей машинке:

— В такое тяжёлое время, когда мой муж работает день и ночь, а я, с больным сердцем, бегаю по очередям, чтобы накормить семью, у меня отнят покой. Но с этим никто не считается! Моя дочь растёт эгоисткой, которой нет дела до матери. А я... — веки у Синицыной краснеют, в голосе слышатся слёзы, — я должна положить этому конец, — шопотом доканчивает она, вытирая платком глаза.

Елена Александровна грустно и удивлённо качает головой:

— Успокойтесь, гражданка Синицына... Ну, до чего вы себя довели? Ведь это совсем не так, как вы себе представляете... Я знаю вашу дочь и знаю её товарищей. Я слышала о них много хорошего, — мягко успокаивает она расходившуюся женщину.

— Что ж тут хорошего? Я вижу их влияние на мою дочь, — плачет Синицына.

Она не слушает, что говорит ей эта чужая девушка. Ей легко говорить — она посторонняя. И хвалить легко. Вот эти похвалы и портят детей. А что же хорошего в этих товарищах, если они учат свою подругу дерзить матери и всё от неё скрывать! Нюры никогда нет дома...

Елена Александровна снова и снова пытается успокоить Синицыну. Что ж плохого в том, что девочка работает в госпитале? Сейчас все люди — взрослые и дети — помогают своей Родине. Кто эти люди? Честные граждане, коммунисты, комсомольцы, пионеры. Все товарищи Нюры работают, она не может и не должна отрываться от коллектива.

В словах Елены Александровны есть то же, что с плачем бессвязно выкрикивает своим родителям Нюра. И это приводит Синицыну в бешенство. Она встаёт и дрожащими руками поправляет берет:

— Мы говорим на разных языках! Мне незачем сидеть тут и слушать ваши поученья. Я тоже советская женщина, меня агитировать не нужно. Но я ещё и мать! Мать! Этого вы не понимаете!

Синицына, не прощаясь, захлопывает за собой дверь. Не отвечая на поклон Грозного и не

глядя на работающих школьников, она идёт по двору, высоко подняв голову. Ничего! Она сама справится с дочерью, если школа не желает ей помочь. Она пойдёт в госпиталь, вызовет главврача... Она узнает, где пропадает её дочь...

Этой девушке кажется всё так легко и просто. Кстати, кто она такая? Не важно, впрочем. Жаль только, что она, Синицына, не успела ей даже сказать, что у Нюры нет настоящей учёбы, что Нюра останется на второй год, потому что не слушается матери и тянется за товарищами. С кем они занимаются? С мачехой одного из этих ребят. Конечно, это очень хорошо с её стороны. Пусть она даже очень приличная женщина, но ведь она не учительница! Чем же это может кончиться? И мать должна стоять в стороне и молча смотреть, как гибнет её дочь!..

Синицына останавливается. Она так измучена... Тут недалеко её дом. Дома она бросила всё в беспорядке, даже не сняла с плиты кастрюльку с супом. Ну что ж, пускай всё пропадает! Лучше бы отдала соседке, у той маленькие дети и муж на войне... Соседка так благодарна, когда с ней чем-нибудь поделишься. А делиться надо, теперь нельзя думать только о себе. Разве она, Синицына, этого не понимает? А какая-то чужая девушка читает ей нотации, как будто мать не хочет, чтобы её дочь выросла порядочным человеком! А кто же, как не мать радовалась успехам дочери и каждое утро, провожая в школу, гладила ей пионерский галстук! Но куда же идти? Домой? В госпиталь?

Синицына решительно поворачивает к госпи-

талю. За углом она видит, как в раскрытые ворота прежней школы, медленно передвигаясь на костылях, опираясь на санитарок, идут раненые.

Синицына замедляет шаг.

Боже мой, боже мой, сколько горя! И ведь у каждого есть мать, жена, дети... У неё своё горе, а у тех матерей — своё... «Вот сидишь дома и всё только около плиты толчёшься. И никому от тебя никакого толку нет... Надо хоть папирос передать им через Нюру, — провожая глазами раненых, думает Синицына. — Ах, боже мой, боже мой, лучше бы не видеть всего этого!..»

На мостовой мелькает знакомый сарафанчик и светлые косички с синими ленточками. Нюра, стараясь попадать в ногу с раненым, осторожно ведёт его через улицу. Худенькое плечо её чуть-чуть гнётся под тёмной тяжёлой рукой.

Вот они переходят на тротуар...

Синицына, прячась за людьми, тихонько идёт за дочерью. Может быть, Нюре тяжело вести раненого, она могла бы ей помочь. Но о чём этот раненый боец говорит её девочке?

— Вот, дочка, спасибо тебе, родная. И матери твоей спасибо, так и передай. Хорошо воспитала она тебя. Немало, верно, сил положила. Уж без этого не бывает. Мать — она мать... И об том сердце у неё болит и об этом. А главное, человека из своего дитяти сделать. Вот это её материнская заслуга и есть... Сердце у неё доброе, небось?

— Доброе, — тихо отвечает Нюра, внимательно глядя себе под ноги. Но как ни тихо гово-

рит Нюра, мать слышит каждое её слово, каждый вздох.

— Вот и спасибо ей за дочку. Вечное спасибо матери за хорошего человека. Небось, любишь ты её? — ласково заглядывает в лицо девочки Егор Иваныч.

— Люблю.

В голосе Нюры звенят слёзы. Чужому человеку они не слышны, но мать их слышит.

Она тихо поворачивается и, словно боясь что-то спугнуть в своём сердце, быстро идёт домой.

«Только бы Нюра не видела меня, только бы не видела!» — думает она, торопясь скрыться за углом.

Глава 44

ДИРЕКТОР

Узнав о визите Синицыной, Леонид Тимофеевич долго беседовал с Еленой Александровной.

Елена Александровна возмущённо и горячо обвиняла мать Нюры.

— Вы не можете себе представить, Леонид Тимофеевич, что это за женщина! Плачет, кричит, не слушает даже, что ей отвечают. Нет, это ужасно! Я просто не знала, как её успокоить.

Леонид Тимофеевич тяжело ворочался в кресле, щурил серьёзные карие глаза.

— Она вас не слушала, а вы её хорошо выслушали? — неожиданно спросил он.

Елена Александровна вопросительно посмотрела на директора:

— Конечно. Я изо всех сил пыталась ей доказать...

— Ну, доказать что-либо такой женщине трудно, а выслушать её внимательно совершенно необходимо. Потому что она всё же мать. Она пришла в школу. Она взволнована, плачет. Значит, совершенно потеряла руль управления собой. Допустим, что мы с ней не согласны, возмущены ею, но во всём этом словокипении, во всех этих обвинениях, которые она обрушила на школу, на меня, на вас, во всей этой каше надо

хорошенько разобраться. Видите ли, такая Синицына — новинка для вас, но не для меня. Вы — человек молодой, горячий... — Леонид Тимофеевич мягко улыбнулся. — Обвинять-то ведь всегда легче, чем оправдывать. А причина есть всегда и во всём. Ничего не бывает без причины. Может, тут где-то кроется и наша вина...

Елена Александровна слушала без улыбки, не сводя с директора строгих синих глаз.

— Я не понимаю, какое оправдание вы хотите найти Синицыной? И если вы найдёте его, я обвиню вас... — Елена Александровна вспыхнула, пушистые брови её колючими иголочками сошлись на переносье. — Я обвиню вас, Леонид Тимофеевич, в излишней сентиментальности, жалостливости... Я не имею права так говорить с вами, но я всё-таки обвиню вас! — запальчиво говорит она.

Леонид Тимофеевич встаёт:

— Она мать. Это большое слово. И боюсь, что я всё-таки найду ей некоторое оправдание. И знаете в чём? В наших ошибках!

— Что ж, гражданка Синицына с удовольствием перечислит вам наши ошибки, — с усмешкой сказала Елена Александровна.

— Ну да, конечно! Я дам ей полную возможность это сделать. Видите ли, когда человек приходит к нам за разрешением какого-нибудь вопроса, то мы должны, несмотря ни на что, найти способ поговорить с ним по душе. А кстати, во время вашего разговора как вы её величали: гражданка Синицына или по имени и отчеству?

— Я не знала её имени-отчества, — пожала плечами Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич с улыбкой взглянул на неё:

— А надо было спросить. Если человека называют по имени-отчеству, то в этом чувствуется какое-то внимание к нему, официальный тон смягчается, и разговор между двумя людьми делается проще, откровеннее. В общем, я сейчас сам пойду к ней и узнаю, что её растревожило.

Леонид Тимофеевич, сутулясь, взял со стола шляпу. На пороге он обернулся, с лукавой улыбкой взглянул на детски-упрямый подбородок Елены Александровны, на её прихмуренные брови и по-отечески сказал:

— А вас тоже учить надо. Вы ещё молодой, нестреляный воробушек. Школа — это школа для всех: для родителей, для учителей, для вожатых! — Он весело усмехнулся. — А вы, небось, думали — только для ребят?

* * *

Шёл мелкий дождь. Нюра стряхнула с панамки светлые, как бисер, капли и осторожно вошла в дом.

— У вас директор, — шепнула ей в передней соседка.

Нюре захотелось убежать, спрятаться. Она встала под вешалкой, между чужими пальто, дрожащими пальцами расстегнула и снова застегнула пуговицы на своём жакетике. Прислушалась.

Из комнаты доносились два голоса: один частый, приглушённый, захлёбывающийся сло-

вами; другой — ровный, спокойный. И каждый раз, когда первый голос резко повышался, второй ласково смягчал его тихим встречным вопросом. Нюра стояла долго-долго. Она и не подслушивала и не смела уйти. Постепенно голос Леонида Тимофеевича вернул ей мужество.

«Войду!» — подумала она.

Но дверь приоткрылась, и директор, продолжая разговор, сказал:

— Ну так вот, Мария Ивановна: ничего нет неразрешимого. Значит, мы с вами договорились. А войдёте в наш родительский актив, будем чаще встречаться и решать все вопросы сообща. Так что, милости просим! Приходите до начала занятий, мы всегда будем рады вашей помощи.

— Не знаю... просто не знаю как... — растерянно бормотала мать. — Чем я смогу помочь вам? Я ведь ничего не умею...

И совсем тихо, словно извиняясь, она добавила:

— Побеспокоила я вас, Леонид Тимофеевич...

Нюра, боясь, что её заметят, красная от стыда, зарылась лицом в чей-то меховой воротник. Леонид Тимофеевич прошёл мимо неё, держа в руках шляпу. Мать шла за ним. Нюра вдруг вспомнила, что на дворе дождь. Схватив отцовский зонтик, она поспешно выбежала на крыльцо.

— Леонид Тимофеевич, возьмите зонтик! Вот зонтик! — смущённо повторила она, заметив, что мать смотрит на неё с удивлённой улыбкой.

Но Леонид Тимофеевич не удивился.

— Ничего, ничего, девочка! Всё будет хорошо, всё будет хорошо, — приговаривал он, раскрывая над головой зонт.

Низко склонив под зонтом свою лысеющую голову и держа в руке шляпу, он пошёл к калитке. Мать и дочь стояли на крыльце и глядели ему вслед. Обеим казалось, что в их доме побывал чудесный доктор, принесший им избавление от неведомой и тяжёлой болезни.

Глава 45

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

После того как ребят на собрании включили в списки пятого класса, они изо всех сил налегли на учёбу. Несмотря на то что пятиклассники беспрекословно исполняли распоряжения своего бригадира и председателя совета отряда, Васёк не мог и не хотел примириться с тем, что он и его товарищи причислены к пятому классу, как второгодники. Васёк похудел, его самолюбие жестоко страдало. Вечерами он долго занимался, ходил по комнате и, держа в руках книжку, забывая про урок, неожиданно говорил: «Во что бы то ни стало...»

С согласия Екатерины Алексеевны теперь на уроках всегда присутствовал кто-нибудь из бывших учеников четвёртого класса «Б», которые зимой учились в Свердловске в пятом классе. Чаще всего это был отличник Медведев. Он сидел около доски, маленький, нахохленный, с внимательными тёмными глазами, и, вслушиваясь в ответы товарищей, напряжённо моргал ресница-

ми, а иногда аккуратно поднимал рёбрышком руку и испуганно говорил:

— Ответ неверен. Позвольте мне...

Екатерина Алексеевна позволяла. И Медведев, старательно выводя мелком буквы и цифры, объяснял задачу.

Как-то Васёк не смог решить дома пример и попросил Екатерину Алексеевну вызвать его к доске. Пример решали сообща. Как всегда, отличился быстротой сообразительности Петя Русаков, и Медведев после урока серьёзно сказал:

— Русаков по арифметике идёт у вас первым. Он бы у нас в свердловской школе отличником был.

Мазин широко раскрыл глаза и, уставившись на своего приятеля, тихо запел:

Учились вместе в школе
Друзья РМЗС,
Покинул Петя Колю —
В отличники залез... Ха-ха!

Ребята засмеялись. Екатерина Алексеевна тоже улыбнулась. Мазин подошёл к Пете и неожиданно крепко обнял его:

— Хороший ты парень стал, Петька, хоть я на тебя и ворчу иногда...

— Ну, теперь по всем предметам, кроме арифметики, я вами довольна, — сказала как-то ребятам Екатерина Алексеевна.

— Арифметику подтянем! — радостно пообещал Петя.

— Не арифметику, а отстающих по арифметике, — серьёзно уточнил Медведев и тут же, вытянув вперёд пальцы, громко и безжалостно на-

звал отстающих: — По моему мнению, это Трубачёв — раз, Мазин — два, Нюра Синицына — три...

— Как, я? — растерянно глядя на Екатерину Алексеевну, спросила Нюра.

— Конечно. Ты очень слабо решаешь примеры, — подтвердила Екатерина Алексеевна.

Нюра глубоко задумалась: «Может, иногда мама и правду говорит, что я всё бегаю. Ведь самое главное — учёба...»

Глава 46

СОПЕРНИКИ

На деревянном щите у входа в школу висела свежая стенгазета. На большом листе бумаги чётко вырисовывался заголовок: «Рабочий листок». Под заголовком художник Сева Малютин изобразил пионера с ведром и кистью; пионер стоял перед стеной дома и, подняв кверху кисть, с которой капала краска, широко улыбался, призывая к труду. Лицо у него было румяное, а глаза яркосиние.

Это была первая газета, выпущенная совместно, всем коллективом.

Редактором, с общего согласия, был выбран семиклассник Толя Соколов, а помощником редактора — Одинцов.

В заметках не было недостатка. Были серьёзные статьи о приближающейся учёбе, о том, как подвигается работа на стройке, а в отделе «Разное» кое-кто оказался и продёрнутым.

Под рисунком, изображающим легковую ма-

шину с развалившимися в ней тремя мальчиками, стояла подпись:

Если дружба за машину —
Этой дружбе грош цена!

Была и другая загадочная картинка, изображающая плывущий в облаках лесовоз с длинными брёвнами. Под этой картинкой подписи не было. Дальше была помещена острая заметка, уже без рисунка:

«Сегодня наш уважаемый кровельщик дядя Сёма попросил уважаемого дедушку Мироныча помочь ему поднять на крышу железный лист. Но дедушка Мироныч ответил: «У тебя своё дело, а у меня — своё». Редакция считает, что всякое дело на стройке — общее».

Внизу стояла подпись: «Помред Одинцов».

Около газеты с утра толпились ребята.

Дедушка Мироныч прочитал заметку и подозвал Колю Одинцова.

— Ты, товарищ Одинцов, мал ещё старшим указывать, — обидчиво сказал он и полез на крышу помогать кровельщику.

Алёша Кудрявцев не захотел подойти к газете, он уже знал через Тишина, что его с приятелями продёрнули, и, возмущённый, принёс Одинцову свою заметку.

— Вот, помести, пожалуйста, — насмешливо сказал он, протягивая Коле аккуратный листок бумаги. — У тебя тут есть ещё место, можно сейчас же наклеить.

Одинцов быстро пробежал глазами листок.

«Очень жаль, — говорилось в заметке, — что одним из ответственных редакторов газеты выбран Одинцов, который вместе со своими това-

рищами хотел пролезть в шестой класс, а по заслугам очутился в пятом».

Пока Одинцов читал, Алёша стоял рядом и острыми прищуренными глазами смотрел на него в упор, пытаясь уловить на лице Коли признаки смущения или гнева. Он ожидал категорического отказа напечатать такую заметку и был очень удивлён, когда Одинцов просто сказал:

— Сейчас приклеим.

Алёша покраснел и взял у него из рук заметку.

— Я ещё не решил, — быстро сказал он. И, скомкав заметку, сунул её в карман.

Ему вдруг стало скучно, и собственный поступок показался мстительным и мелким. Он отвернулся от Одинцова и пошёл к своему участку.

Там всё было в полном порядке. Ямки, приготовленные для столбов, были точно вымерены, одинаковой глубины; подобранные по одному размеру штахеты сложены около каждой ямки, чтобы потом ребятам не пришлось таскать их из общей кучи, затрачивая на это лишнее время. Всё было готово. Не хватало только столбов и слег, чтобы начать ставить забор. У Алёши чесались руки, да и срок выполнения задания был уже близок. Кончался июль, все работы по ремонту надо было завершить к седьмому августа.

К Кудрявцеву подошли Петрусин и Тишин. Алёша ничего не сказал приятелям про заметку, но, не в силах побороть кипевшее в нём раздражение, едко бросил:

— Бездельничаем по вине директора!

— И правда, чего это Леонид Тимофеевич тянет? Обещал пойти с нами на делянку и тянет чего-то, а мы без дела сидим. Давно бы уже могли столбы привезти и начать работу, — высовываясь из-за плеча Кудрявцева, сказал Петрусин.

— Трубачёвцам тоже нечего делать, — усмехнулся Тишин, — вон сидят в кучке.

Алёша остановился на краю своего участка, вытащил отцовский полевой бинокль и стал разглядывать участок своего соперника. У Тишина завистливо блеснули глаза. Он осторожно протянул руку и в нетерпении пошевелил пальцами:

— Чур, я после Кудрявцева смотрю!

Петрусин сморщил нос и, прищурив глаз, старался заглянуть хоть в одно окошечко. Но Кудрявцев отодвинул его локтем и, продолжая глядеть в бинокль, нетерпеливо бросил обоим:

— А ну-ка, не мешайте!..

В бригаде Трубачёва тоже было всё готово, также чернели через определённое расстояние выкопанные ямки, лежали сложенные штабелями штахеты. Алёша направил бинокль на Трубачёва. Бригадир пятиклассников, развернув на траве какой-то лист, положил по краям четыре камешка и что-то сказал не сводившему с него глаз Матросу. Тот блеснул в воздухе чёрными от загара ногами и, подпрыгивая, помчался к дому.

Алёша повертел колёсико и быстро сказал:

— Петрусин, узнай, что у них там такое!

В бинокль было хорошо видно склонённую над большим листом голову Трубачёва. Несколь-

ко ребят тесно окружили своего бригадира. Запыхавшийся Матрос примчался назад, держа в руках длинный, похожий на пенал ящичек.

— Флажки принесли. Карту будут смотреть... — лениво сказал Тишин. — Хотят показать себя культурными.

— Но откуда они взяли карту? — с интересом спросил Алёша.

— Карту принесла Елена Александровна. Она хочет повесить её в пионерской комнате. А флажки девочки из ленты сделали, — спешно сообщил вернувшийся Петрусин.

— Несправедливо! Зачем она им дала? — нахмурился Алёша.

— Мироныч говорил, что завтра пионерская комната будет уже готова. Елена Александровна сама там работала вчера. И плакаты уже купили, — быстро рассказывал Петрусин. — А сейчас Трубачёв пошёл и выпросил карту.

— Трубачёв — любимчик, — процедил сквозь зубы Тишин, — Елена Александровна ему ничего не жалеет!

— Подумаешь! А чего она распоряжается тут! Сложила печи и воображает! — фыркнул Петрусин.

Алёша молча сунул ему бинокль и решительно зашагал к дому.

Елена Александровна была в пионерской комнате. Открыв окна и двери и осторожно ступая по дощечкам, положенным на свежевыкрашенный пол, она складывала на столе какие-то игры, плакаты и завёрнутые в красный кумач портреты.

— Осторожно, Кудрявцев, пол ещё не высох. Что тебе надо?

— Дайте мне карту! — сказал Алёша.

— Карта у Трубачёва. Он её подклеивает на полотно. Сегодня вечером мы её повесим здесь и каждый день будем отмечать флажками линию фронта, — пояснила Елена Александровна. — А если ты хочешь посмотреть карту, ступай к Трубачёву.

— Я не пойду к Трубачёву! Пусть Трубачёв ходит ко мне, — вспылил Алёша, — а мне незачем перед ним унижаться. Я не первоклашка. Я могу взять карту у моего отца. Мой отец — генерал, и у него таких карт...

Елена Александровна с шумом отодвинула ящик с шахматами и повернулась к Кудрявцеву:

— Мы все уже слышали, что твой отец генерал! Ты можешь гордиться своим отцом, ты можешь стремиться к тому, чтобы стать таким же, как твой отец, но пока ты ещё ничего не сделал, и хвастать направо и налево, что ты сын генерала, — это стыдно, противно и глупо. — Елена Александровна вспыхнула тёмным румянцем. — Запомни, Кудрявцев: стыдно, противно и глупо! — с силой повторила она.

— Как вы смеете! Вы — какой-то печник!.. — пробормотал озадаченный Алёша.

— Выйди отсюда! И когда успокоишься, приходи поговорить со мной! — указывая на дверь, сказала Елена Александровна.

— Я никогда не приду поговорить с вами! Не ждите! — грубо крикнул за дверью Алёша.

Он сбежал с лестницы, постоял на крыльце

и через минуту вернулся. На волосах у него блестели капли дождя, глаза смотрели вызывающе:

— Я — отличник! И я работаю не хуже других.

— Ты работаешь хорошо. Но, кажется, пошёл дождь... — Елена Александровна озабоченно взглянула в окно. — Скажи, чтоб принесли карту.

Алёша снова исчез за дверью.

— Эй, Петрусин! Пойди скажи пятым, чтобы принесли карту! — послышался на крыльце его громкий, сердитый голос.

Елена Александровна глубоко вздохнула и снова принялась разбирать игры.

— Подклеили? — не поднимая головы, спросила она Трубачёва, когда он принёс карту.

— Подклеили, только ещё не подсохла.

— Положи на стол и скажи ребятам, чтобы расходились. Да, чуть-чуть не забыла! В воскресенье поход на делянку. Сбор здесь в семь часов. Объяви бригадирам.

— Сейчас!

Васёк разложил на столе карту и вышел во двор.

— В воскресенье поход на делянку. Пойдут все старшие ребята! — радостно объявил он и, заметив издали Кудрявцева, помахал ему рукой: — Кудрявцев, в воскресенье поход на делянку! Собирай своих! Сбор в семь часов.

Кудрявцев удивлённо вскинул брови и хотел ответить, но Тишин тихонько свистнул и насмешливо сказал:

— Гордится перед тобой, хозяина из себя

корчит... Помнишь, как он сказал: «Мы здесь хозяева, а он — наш гость!»

Петрусин закивал головой:

— Верно, верно!

Глаза у Алёши снова вспыхнули, потемнели. Мелькнувшее желание запросто ответить Трубачёву мгновенно прошло.

— Мы ещё поглядим, кто тут хозяин! — засовывая руки в карманы, сказал он.

Глава 47

НЕСТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБУШЕК

Елена Александровна отпустила ребят, поднялась в учительскую и, забравшись с ногами в кресло, глядела сквозь мелкую сетку дождя на улицу.

«Пора бы Леониду Тимофеевичу прийти. И о чём можно так долго говорить?»

Ей было жаль старого директора, но к этому чувству примешивалось раздражение и беспокойство.

«И зачем он пошёл сам? Можно было вызвать эту Синицыну сюда. Она, пожалуй, подумает, что директор испугался её обвинений. И вообще вся его чрезмерная доброта может только повредить школе. Как бы он там не размяк окончательно и не взял на себя вину за то, что Нюра не слушается матери и делает своё общественное дело... Нет, что за нелепость на самом деле!»

Елена Александровна невесело засмеялась.

«Если так будет дальше, то я не смогу здесь

работать», — подумала она и вспомнила тот день, когда её, молоденькую учительницу, райком комсомола направил сюда на работу. Она пришла на зелёный пустырь, где ребята во главе с директором ремонтировали себе школу. Её отец был печник, и в детстве она часто помогала ему. Сейчас это уменье ей очень пригодилось. Она приняла горячее участие в работе — складывала печи, старалась организовать ребят. Но разве о такой школе она мечтала? Ведь ей нужны опытные товарищи-учителя, она ещё нигде не работала. Правда, директор встретил её с отеческой лаской и вначале даже показался ей настоящим, твёрдым человеком. Его все слушались, а для школьников каждое его слово — незыблемый закон. Но вот история с Синицыной так ясно показала его излишнюю мягкость. Ведь он просто добряк, бесхарактерный добряк! Как же она будет с ним работать? Но почему же ей всё-таки не хочется уйти отсюда?

«Труд заманивает человека», — говорил её отец. Ремонт школы и для неё стал кровным делом. Она не может уйти, пока не готова школа. Она только-только начала узнавать ребят. Спешила оборудовать пионерскую комнату, чтобы была возможность где-то проводить сборы, интересные занятия, поближе познакомиться с детьми.

Елена Александровна вскочила и взволнованно заходила по комнате.

Скорей бы окончился ремонт и пришли другие учителя. Учитель и вожатый — это большая сила. В общем, конечно, здесь хорошие ребята... Но есть разные...

Тишин — очень неприятный мальчик, на со-

брании она никак не могла разглядеть его прищуренные глаза.

А сегодня ещё этот Кудрявцев! И что они имеют против Трубачёва? Конечно, разве она могла ждать, что все дети будут хорошие! И всё-таки обидно, когда идёшь к ним с добрым сердцем, а они не стесняются сказать тебе грубость...

Елена Александровна снова залезла с ногами в кресло и, опустив на ладонь голову, прислушалась к шуму дождя на крыше.

«Но где же этот добряк-директор? Воображаю, что ему там наговорит эта мамаша!..»

Дверь скрипнула. Иван Васильевич осторожно просунул руку с горячим чайником и на цыпочках подошёл к столу:

— Чайку согрел. Мокро на дворе. Придёт Леонид Тимофеевич — выпьет чашечку...

Он поставил чайник на стол, закутал его мохнатым полотенцем, оглянулся на Елену Александровну:

— А вы что же сиротинкой такой сидите?

— Леонида Тимофеевича жду, — вздохнула Елена Александровна.

— Да уж пора бы ему! Но только дело у него такое деликатное — пока уговоришь, да разговоришь...

— Добряк он у вас! — сердито бросила Елена Александровна.

— Да, знаменитый человек. Он с ними умеет, это что и говорить, — приняв её слова за похвалу, охотно сказал Грозный. — Это уж он специалист. И к каждому ребёнку подход найдёт, и к каждой мамаше, и к вам вот, учителям, тоже умеет приноровиться. Настойчивый и, где надо,

не обидевши, на своём поставит. Сурьёзный, что и говорить, одно слово — директор!

Елена Александровна спустила на пол ноги, пригладила волосы.

Поговорив о своём директоре, Иван Васильевич ушёл. Дождь всё ещё брызгал в окна, мелкий, докучный, унылый.

Наконец на улице показалась знакомая фигура. Леонид Тимофеевич быстрыми шагами прошёл по двору, раскрытый зонтик над его головой кренился то вправо, то влево, по спицам за воротник пальто стекали струйки воды.

Елена Александровна вскочила и, по недавней школьной привычке прыгая через две ступеньки, побежала вниз по лестнице. Вместе с Иваном Васильевичем они сняли с директора мокрое пальто.

— А я и не промок вовсе! — весело заявил он, вытирая платком шею.

В учительской Леонид Тимофеевич не спеша достал из ящика стола блокнот, что-то записал в нём для памяти и, встретив нетерпеливый взгляд Елены Александровны, сказал:

— Ну вот... С матерью Нюры Синицыной, я думаю, всё понемногу уладится, мы её включим в наш будущий родительский комитет и будем, так сказать, держать её под своим наблюдением. В этом нам помогут другие матери.

— Она согласилась? — недоверчиво спросила Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич кивнул головой:

— Она не уверена в своих силах. Ну, знаете, всегда сидела дома, за спиной мужа, непривычка. Но постепенно она войдёт в работу коллектива, в интересы школы... Это часто бывает

так... — Он задумчиво постучал по столу пальцами. — Меня сейчас беспокоит другое. Видите ли, Синицына — человек неуравновешенный, а с такими людьми часто случается, что, будучи раздражены одним поводом, они кричат совершенно о другом. Ну вот, во время разговора я и выяснил, что мы всё же виноваты.

Елена Александровна сухо улыбнулась.

«Так я и думала», — говорил её взгляд. Но директор не обратил на это внимания.

— Да, мы всё же виноваты, а в какой мере — это скоро выяснится. Дело в том, что пока мы тут строились и хлопотали, радуясь, что ребята принимают во всём этом деятельное участие, Трубачёв и его товарищи старались догнать свой класс. Когда я приехал, девочки мне сказали, что зимой они хорошо занимались, и я подумал, что они просто повторяли пройденное, тем более что никто из них не пришёл ко мне поговорить, посоветоваться. И знаете, Елена Александровна, только несколько дней назад, на собрании, мы с вами призадумались над странным заявлением Трубачёва и собирались выяснить, насколько оно серьёзно. А вот мать Нюры Синицыной уже давно тревожится за свою дочь: где она пропадает, как и когда она занимается, почему её нет дома ни утром, ни вечером, и каким образом при всей этой нагрузке она попадёт в шестой класс, с кем проходит она курс пятого класса. Всё это естественные вопросы для матери, и я вполне уяснил себе, в чём дело.

Елена Александровна слушала директора с большим вниманием.

— Да, но если они действительно занимаются... — неуверенно начала она.

Но Леонид Тимофеевич перебил её:

— Занимаются ли? И сколько времени у них остаётся на занятия? Ведь знай мы об этом раньше, ни о какой их работе на стройке не было бы и речи. А теперь будет большим огорчением для этих ребят, если благодаря тому, что взрослые во-время не помогли в учёбе, они сядут в пятый класс!

Елена Александровна вспомнила собрание, побледневшее лицо Трубачёва и его уверенный голос... Она заволновалась:

— Они не сядут, они уже чувствуют себя шестиклассниками! Я думаю, что они усердно готовятся сейчас. И хотя я поставила их в списки пятого класса, но ведь это только до осени. Совершенно невозможно считать их второгодниками!

— А кем их считать — шестиклассниками или пятиклассниками, — нам станет ясно после проверки их знаний. И поправить что-нибудь будет поздно, потому что скоро уже конец июля.

Леонид Тимофеевич остановился и внимательно посмотрел на Елену Александровну. Она сидела, опустив голову на руку, и глядела на директора потемневшими, встревоженными глазами.

— Так вот, вы понимаете теперь, почему к голосу каждой матери необходимо прислушиваться и в чём мы можем оказаться виноватыми?

Елена Александровна молча кивнула головой. Леониду Тимофеевичу стало жаль её.

— Синицына сказала мне, что они занимаются с матерью Пети Русакова. Это очень толковая

женщина. Может быть, они прекрасно занимались — времени у них было вполне достаточно, — сказал он, ласково улыбнувшись. — Ну, в общем, мы это скоро узнаем. В воскресенье у нас поход на делянку, а после похода мы повидаемся с матерью Русакова и всё выясним... А сейчас идите-ка домой, воробушек!

Глава 48

ДВА ПИСЬМА

Ребята собрались у Васька, чтобы написать письмо родителям Мити. Нелегко было сообщить старикам о постигшем их несчастье. Ребята сидели, глубоко задумавшись, не зная, с чего начать. В комнате было тихо. Тётя Дуня задержалась в госпитале. Электричество не горело, и Васёк поставил на стол круглую лампу с отбитым краешком стекла. Вспыхивая, лампа освещала серьёзные лица ребят. Сева держал наготове ручку и, поминутно обмакивая в чернильницу перо, отводил его в сторону от бумаги, чтобы не уронить кляксу. Ребята молчали, думали...

— Никто не знает, какой человек Митя, как он шёл по нашим следам с дядей Яковом, как привёл нас в лагерь... — грустно сказал Саша.

— А дядю Якова как жалко! — прошептал Петя Русаков.

— Неужели мы и Митю больше не увидим? — горько спросила Нюра.

Васёк глубоко вздохнул:

— Как такое письмо напишешь? Мы ведь уже не раз думали. И всё ничего не получалось. А ведь надо же наконец известить родителей.

Малютин снова макнул в чернильницу перо и придвинул к себе бумагу.

— Самое главное — начать, — озабоченно сказал Саша.

— «Дорогие Митины родители!» — с чувством продиктовала Лида.

Сева написал.

— Теперь надо очень осторожно, — испуганно предупредил он.

Ребята молчали, подыскивая подходящие слова.

— Лучше всего — писать прямо, — решил Мазин: — «Нам сообщили, что Митя опасно ранен...»

— С ума сошёл! — возмутились девочки. — Разве так можно? У Мити мама старенькая, она испугается сразу.

— Конечно. Сначала о жизни что-нибудь... вообще... как они живут... Что ты думаешь, Васёк? — спросил Одинцов.

— Я бы тоже сразу правду сказал, — нерешительно высказался Васёк.

— Нет, лучше подготовить, что вот у многих теперь горе, потому что война, — глядя на огонь лампы, начала Нюра. — «Дорогие Митины родители! Как вы живёте? У всех сейчас много горя...»

— Может, и правда... — вздохнули ребята.

— Давайте напишем начерно, а потом перепишем, — сказал Сева, записывая слова Нюры.

Но дальше дело не шло. Ребята предлагали то одно, то другое, но всем казалось, что это не те слова, что в них нет утешения и теплоты.

— У самих сердце болит, да ещё писать об этом надо, — расстроенно бормотал Мазин.

— И как это мы не можем написать! — с горечью сказал Одинцов.

— Так ведь это не простое письмо, — серьёзно возразил ему Малютин.

Васёк поглядел на часы — было очень поздно.

— Вот что, ребята: давайте расходиться по домам! Завтра нам на делянку идти. Придётся сегодня письмо отложить, но пусть каждый подумает хорошенько. Завтра соберёмся опять.

Хмурые и недовольные собой, ребята молча смотрели, как Васёк прятал в ящик стола начатый лист бумаги.

Когда все собрались уходить, дверь вдруг открылась, и вошла запыхавшаяся от ходьбы тётя Дуня.

— Васёк! — крикнула она ещё с порога, поднимая вверх маленькое серое письмецо, сложенное треугольником. — Тебе на госпиталь пришло. Читай скорей! Я всю дорогу бегом бежала. От кого бы это?.. Батюшки мои!..

Васёк схватил письмо и бросился к лампе:

— Ребята! От Генки! — Руки его дрожали.

Ребята онемели от испуга и ожидания.

В письме было наспех написано несколько строк.

«Дорогие товарищи, други мои! Один человек обещал мне доставить вам эту весточку, и потому спешу сообщить, что Митю вашего мы от

смерти отратували, жив-здоров теперь будет боец Митя, не плачьте за него, други мои. Митя ваш на ноги ещё не встаёт и писать сам не может, но чтоб вы не сомневались, что он выдужал от своих ран, шлёт собственноручную подпись и горячий комсомольский привет.

Ваш *Гена Наливайко*».

Внизу стояли две неровные буквы: «М. Б.»

— Митя Бурцев! — задыхаясь от счастья, прошептал Васёк.

— Митя!.. Митенька!.. — Девочки крепко обнялись. — Какое счастье!..

Ребята, не веря своим глазам, смотрели на Генкины каракули и на волшебные буквы внизу: «М. Б.»

— Садись за стол, Севка! — заорал вдруг Мазин, ударив об пол кепкой. — Где письмо родителям? Сначала будем писать. Начисто, без помарок! Садись, Севка!

— Садись, садись! — усаживали Севу товарищи и, захлёбываясь от радости, со всех сторон диктовали ему новое письмо.

— Ах ты батюшки! Да вы хоть не все сразу! В ухо-то ему не кричите! — глядя на них, улыбалась тётя Дуня.

— Ничего, ничего... — бормотал Сева, торопясь записать всё, что ему диктовали ребята.

По новому письму выходило, что Митя Бурцев, верный сын своей Родины, геройски сражался с фашистами и, получив смертельные раны, совершенно выздоровел и скоро снова пойдёт в бой.

«Слава родителям, воспитавшим такого сына, счастье нам, что у нас такой вожатый! Пионер-

ский отряд школы № 2», — торжественно подписал в конце письма Сева Малютин. Потом каждый из ребят поставил под посланием начальные буквы своего имени и фамилии. Васёк тоже подписал совсем как Митя: «В. Т.».

Глава 49

НА ДЕЛЯНКЕ

К семи часам утра ребята собрались около школы. Леонид Тимофеевич уже был там и о чём-то оживлённо беседовал с двумя Миронычами. Ребята быстро разобрали топоры, пилы. Елена Александровна ещё с вечера заготовила хлеб и огурцы и теперь выдавала их на руки. Вышли на улицу.

— Не рассыпайтесь по всей мостовой, — сказала Елена Александровна, — в городе нужно идти организованно.

Несмотря на ранний час, люди уже торопились на работу. Проехали мимо на грузовиках красноармейцы, прошли ремесленники в рабочих спецовках. Встретились девушки в военной форме.

— На работу идёте? — весело окликнули они пионеров.

— На работу. В лес. Деревья валить! — бодро, вразнобой ответили им ребята.

На окраине стали встречаться огородники с мешками, лопатами.

Ребята вышли за город, миновали шлагбаум. Перед глазами открылось широкое ровное шоссе.

Васёк оглядел товарищей. Их было много — старых и новых, испытанных друзей и просто одноклассников. Были тут славные ребята из других классов, с ними он познакомился только недавно на стройке. Все они относились к нему тепло, по-дружески.

Но были среди школьников и такие, как Тишин, Петрусин. Алёшу Кудрявцева, несмотря ни на что, Ваську не хотелось даже мысленно ставить с ними рядом.

Старые друзья Трубачёва всю дорогу шли с ним вместе, говорили о военных событиях, о Мите, о том, что скоро кончится война и Митя вместе с учителем снова вернётся в школу. В новую школу, отстроенную с их помощью.

Вдоль шоссе потянулся густой лес. Леонид Тимофеевич, Елена Александровна и два Мироныча шли прямо по дороге, окружённые школьниками. В толпе слышались шутки, смех, громкие голоса.

Внезапно на Трубачёва нахлынули воспоминания. Казалось, стоит только закрыть глаза — и увидишь свежее украинское утро, Митю, Сергея Николаевича, подводу, на которой ехал отец учителя... Всё это было совсем недавно... Вот так шёл Сергей Николаевич, а вот так, по краю шоссе, Митя... И Валя шла, срывая крупные белые ромашки...

А потом по шоссе шагали на фронт бойцы с запылёнными суровыми лицами. И вдоль этого потока учитель двигался навстречу ребятам и горнил ещё и ещё, чтобы показать им, что он здесь... Никогда не забудет Васёк, как, прощаясь, Сергей Николаевич соединил их руки в своих ладонях...

Васёк оглянулся. Саша поднял на него большие грустные глаза и глубоко вздохнул. Девочки шли по тропинке около леса. Нюра отстала от подруг, и светлый сарафанчик её одиноко мелькал за деревьями. Петя, по старой привычке, жался к Мазину, а Мазин шёл, мрачно опустив глаза в землю.

И, словно продолжая начатый разговор, Одинцов вдруг сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот мы среди своих теперь, а там всё ещё враги кругом. И, может, сейчас, в эту минуту, идёт бой. — Он тронул за плечо Трубачёва: — Помнишь, как тогда, ночью, на дороге?

Ваську сразу вспомнился ночной шорох деревьев, дальний топот копыт, боец, скачущий на гнедой лошади...

Васёк встряхивает головой и поворачивается к товарищам:

— Что это мы так отстали, ребята? — Он машет рукой и звонко кричит: — Эй, Белкин! Подождите нас!.. Девочки! Выходите на шоссе! Куда ушли?

— Спешат все, как на пожар! — ворчит Мазин.

Девочки поспешно сбегают с тропинки.

Трубачёв прибавляет шагу. Елена Александровна останавливается на дороге и ждёт. Ветер треплет её светлые волосы, выбившиеся из-под берета; девочки со всех сторон суют ей в руки букетики цветов.

Леонид Тимофеевич и два Мироныча тоже замедляют шаг, оглядываются. Ребята догоняют их и идут рядом.

Дедушка Мироныч рассказывает о лесных пожарах:

— Ну вот, дед мой был лесником и всю жизнь лесом кормился.... Вот один раз заночевал он в лесу, подложил под голову армяк да топор и задремал. Вдруг слышит — словно кто стонет, да так тяжко, многоголосо стонет и дышит жарко в лицо... Проснулся он, сел. А над головой птицы летят, с ветки на ветку белки шарахаются, и зайцы прямо по ногам скачут, и всякая тварь лесная бежит мимо... Вскочил он. Ночь на дворе, а промеж деревьев зарево видно, огонь змейками по траве ползёт. И в ушах гул стоит. Выбежал он на опушку... Лес горит... Батюшки мои! Упал дед на колени, заплакал: «Кормилец ты мой, родимый!» А лес стоном стонет, как человек... Перекрестился дед — и в село. Ну, набежали люди с баграми, с лопатами, давай канавы рыть, водой заливать. Ведёрками воду из речки носили — о пожарных тогда и не слыхивали в сёлах. Ну, и выгорел лес, одни пни торчали... А теперь я вот на свою родину ездил — на этом месте высокая рожь колосится. Зайдёшь — и с головой окунёшься в хлеба. Не узнать того места, где пожар был и где мой дед плакал. Теперь новые леса посадили, хорошие леса, строевые...

— А отчего же пожар был? — спросил кто-то из ребят.

— Известно отчего: пастухи сожгли. Народ тогда несознательный был. Разложили костёр да заснули — вот тебе и пожар! — Дедушка Мироныч поглядел на высокие, стройные сосны у дороги. — Вот, Леонид Тимофеевич, эти сосны мачтовые. Вишь, они, как стрела, ровные! — Он подошёл к дереву, постучал по стволу топорищем: — Хороши сосны! А вот до войны я отдыхал в одном санатории на Чёрном море, так там

я видел сосновую рощу. Особые деревья! Иглы длинные, хоть косы плети, а шишки с кулак у той сосны...

Кто-то из ребят вспомнил, что видел в Артеке пробковые деревья. Мироныч снова стал что-то рассказывать.

Елена Александровна подошла к Ваську:

— Расскажи мне о своих делах, Трубачёв. Как у вас там с учёбой?

Васёк опешил.

— Мы занимаемся с матерью Пети Русакова. Мы будем учиться в шестом классе! — удивлённо ответил он.

— Чтобы учиться в шестом, надо пройти всю программу пятого класса, — серьёзно сказала Елена Александровна. — Леонид Тимофеевич просил меня проверить ваши знания. Предупреди, пожалуйста, Екатерину Алексеевну, что завтра я приду к ней на урок.

— Хорошо, — ответил Васёк, чувствуя тревогу и растерянность.

Ребята сразу заметили по его лицу, что случилось что-то важное.

— О чём она с тобой говорила? — спросил Одинцов.

— Потом скажу, — отмахнулся Васёк. Ему не хотелось в этот день портить настроение ребятам. — Потом, потом! — пообещал он подошедшим товарищам.

Алёша Кудрявцев тоже несколько раз оглянулся.

— Трубачёв с печником разговаривал, а сам всё смотрел в нашу сторону — наверно, жаловался на тебя, — успел шепнуть ему Тишин.

— Пусть жалуется! Ему же будет хуже, — озлился Алёша.

Делянка была в шести километрах от города. Когда вошли в лес, Леонид Тимофеевич предложил всем отдохнуть и позавтракать. Ребята вытащили из вещевых мешков хлеб и, закусывая на ходу, разбрелись кто куда.

Лес был густой, разросшийся, тенистый. Сквозь зелень осин и берёз виднелись коричневые стволы сосен.

Елена Александровна, крикнув ребятам, чтобы далеко не уходили, побежала с девочками к орешнику.

— Идите сюда! — кричала она, ловко нагибая ветки. — Посмотрите, как орехов много! По пять штук в одной кучке.

На голос её прибежали ребята. Ветки гнулись, трещали; орехи были ещё зелёные, внутри них, словно в вате, лежали маленькие ядрышки. Ребята попробовали орехи и побежали искать ягоды.

Леонид Тимофеевич с двумя Миронычами пошёл к леснику. Пока он ходил, мальчики вырезáли себе палки, лазили на деревья, гонялись за белками. Витя Матрос притащил Елене Александровне птичье гнездо, в нём лежала скорлупа от хорошеньких голубых яичек.

— А где птички? — спросила стриженая чёрненькая девочка из пятого класса.

— Птички уже летают, — засмеялась Елена Александровна и серьёзно добавила: — Но трогать гнёзда всё равно никогда не надо.

Мазин залез в орешник, вырезал дудку и пронзительно свистел, собирая около себя целую очередь желающих свистнуть.

— Ну, ну, работнички! Угомонитесь-ка! — раздался весёлый голос Леонида Тимофеевича.

Он привёл лесника. Лесник показал делянку и ушёл. Оба Мироныча сбросили пиджаки и начали осматривать деревья. Некоторые из них они пометили мелом.

— Вот эти, ровные, пойдут на столбы, — говорили они ребятам, — а кривые только на дрова можно использовать.

Леонид Тимофеевич и Толя Соколов облюбовали себе одно дерево и, присев на корточки, начали пилить. Поблёскивая на солнце отточенными зубцами, в лесу зажужжали пилы. У Мазина от охоты попилить загорелись глаза. Он подбежал к дедушке Миронычу:

— Дедушка, давайте я с вами попилю! Я на этом деле собаку съел!

— Собаку съел? — усмехнулся плотник и кивнул головой на младшего Мироныча: — Вот сейчас мы с Фёдором Миронычем это дерево повалим, потом он будет его очищать, а мы с тобой попилим.

Когда дерево повалили, дедушка Мироныч шагнул к старой сосне.

— Становись, коль собаку съел, — поплёвывая на ладони и опускаясь на одно колено, пригласил он Мазина.

Мазин тоже поплевал на ладони, опустился на колено и, не рассчитав силы, рывком подал от себя пилу. Пила вильнула, издала жалобный звук и острыми зубцами проехала по стволу.

Плотник с ухмылкой посмотрел на Мазина:

— Кошку ты съел, а не собаку! Не толкай пилу, а тащи к себе. Тоже мастер!

Вокруг все засмеялись.

— А вы разойдитесь, ребятки, — сказал Мироныч. — Упадёт дерево на вас — беда будет! Вот как повалим, тогда ветки обрубать станете.

Подпиленные стволы кренились набок и падали с шумом, цепляясь ветками за соседние деревья.

— Отойди! Отойди! Падает! — кричали ребята.

Васёк вместе со своей бригадой пятиклассников обрубал сучья и ветки.

— Вот они где, столбы-то! — жарко блестя чёрными глазами, восхищался Витька Матрос и, размахивая топором, первый мчался к упавшему дереву. — Почище обрубайте, ребята! Ведь это нам столбы для забора! — кричал он пятиклассникам.

Тишин поворачивал в его сторону голову и насмешливо глядел исподлобья. Заметив этот взгляд, Витька встряхивал головой и ещё с бо́льшим жаром командовал:

— Поднимай! Поднимай! Тащи к Фёдору Миронычу!

Фёдор Мироныч, пристроившись около большого пня, аккуратно обтёсывал каждое бревно и с помощью ребят откладывал в сторону сыроватые жёлтые и гладкие столбы. Он чувствовал себя в лесу хозяином и, вдыхая смолистый запах срезанных сосен, вдруг становился разговорчивым.

— Вот, например, берёза: красивое дерево и полезное. А некоторые озорники этого не сознают. Обдерут с неё кору вокруг ствола, словно кожу с живого существа снимут! И наплевать им! А дерево гибнет...

Алёша Кудрявцев помогал Миронычу. Складывая готовые столбы, он хмурил тёмные брови и озабоченно спрашивал:

— А что, Фёдор Мироныч, которые из них для забора хороши? Если один больше, другой меньше — это ничего? Можно зарыть поглубже или отпилить, а?

— Можно и зарыть, можно и отпилить, это всё в наших руках, — благодушно отвечал Мироныч. — Только и зарыть не просто. Конец нужно обсмолить либо обжечь, не то он будет в земле гнить, а это никому не интересно тоже. Забор ставят не на один год и не на два...

Алёша внимательно слушал и сильными, ловкими руками откатывал в сторону наиболее гладкие и прямые стволы. Тишин помогал ему и украдкой метил эти столбы красным карандашом. Неподалёку от них Елена Александровна вместе с девочками складывала в кучу обрубленные ветки и сучки.

— Это на топку печей пойдёт. Ничего не надо бросать, — по-хозяйски распоряжалась она.

Работали бойко до обеда. В обед жена лесника принесла чугун горячей картошки и солёных огурцов.

Оба Мироныча уселись на брёвна, вытащили из мешков хлеб и соль. Леонид Тимофеевич, прикрыв носовым платком голову, присел вместе с ними. Ребята тоже расположились вокруг с горячими картофелинами в руках.

Разговор шёл о стройке.

— Своими-то руками всё быстрей делается. Вот мы сейчас заготовки сделаем на месте, сколько успеем, а потом ещё разок-другой приедем сюда с Миронычем и закончим. А тогда го-

товенькое и перевезём. Досок, конечно, мы тут не напилим, с этим уж придётся лесопилке поклониться, а всё прочее пожалуйста... Тут и сосна, тут и берёза, и кое-где дуб есть... С делянкой нас не обидели, — рассуждал дедушка Мироныч.

Младший Мироныч при своём словоохотливом товарище, как всегда, помалкивал, перебивая его лишь изредка короткими фразами:

— Что есть, об том и говорить нечего, а чего нет, то доставать нужно.

— А чего тебе не хватает? — подмигивая весёлым глазом, спрашивал дед.

— Известно чего — машины. Машины для перевозки. А то дождь пойдёт и дорогу нарушит, — бросив взгляд на директора, объяснил Мироныч-младший.

— Машину я достану на днях, — кивал головой директор.

— Машину, товарищ директор, надобно, это верно. Машину для перевозки требуйте. Докладывайте начальству, что деревья повалены, лежат в лесу... А время не ждёт, пора школу к занятиям готовить, — поучал Леонида Тимофеевича старший Мироныч.

Перекусив, снова принялись за работу. К вечеру на вырубленной просеке зажелтели чистые, свежие столбы, выросли горы сваленных в кучу веток. Длинные, прямые сосны, годные для распилки, были приготовлены к перевозке.

У ребят ныли плечи и руки, но они старались не показать и виду, что устали.

— Много мы сделали, Леонид Тимофеевич? Сколько из одной сосны выйдет досок? Хватит на починку полов? — одолевали они вопросами директора.

— У кого есть верёвка? Берите все по охапке нарубленных сучьев! — скомандовала Елена Александровна.

— Да не стоит, пожалуй. Они устали, пусть пробегутся, — остановил её Леонид Тимофеевич.

— Да зачем же с пустыми руками идти! Ведь нас много, сразу сколько дров принесём! — возражала Елена Александровна, связывая для себя охапку дров.

— Конечно! Конечно! Мы не устали! Мы все понемножку возьмём!

Нагрузившись, двинулись в обратный путь. Васёк шёл со своей бригадой и весело говорил:

— Вот теперь мы опять примемся за свой участок. Столбы уже есть. Как только их привезут, так и возьмёмся за работу!

— Нам нужно догнать и перегнать Кудрявцева! Мы — трубачёвцы! — с гордостью говорил Витя Матрос и, поглядывая в сторону Алёши, шептал: — А то они хитрые...

— Не шепчи! — строго остановил его Васёк. — Что знаешь, говори громко, только старухи шепчутся.

Витя не смутился.

— А они всё время шепчутся, — сказал он. — Сейчас пойду узнаю, о чём.

И, отделившись от Трубачёва, незаметно пошёл за Кудрявцевым.

— Шесть человек нам надо, понятно? Остальные пусть после обеда выходят, — говорил вполголоса Алёша.

Тишин понятливо кивал головой.

— Завтра в семь часов утра будьте на месте! — расслышал ещё Витя.

Потом приятели заговорили шопотом. К ним присоединился Петрусин.

Витя бросился к Трубачёву.

— Они что-то затевают! — сказал он, тараща чёрные глаза.

Трубачёв засмеялся, любовно обхватил его стриженую голову и потрепал жёсткие, торчащие волосы:

— Вот горячий парень! Следопыт!

— Весь в меня! — подмигнул Мазин.

Витя зарделся от удовольствия и, щёлкнув пальцами, сказал:

— Я их выведу на чистую воду, Трубачёв! Всё завтра разведаю. — И тут же решил про себя: «Сам в семь часов приду на стройку».

А Васёк вовсе не думал о кознях Кудрявцева. Он шёл среди своих товарищей и передавал им разговор с Еленой Александровной.

— Завтра она к нам на урок придёт. Сказала, что Леонид Тимофеевич поручил ей проверить наши знания. Завтра держись крепче, ребята!

— Эх, жизнь! — вспомнил свою любимую поговорку Мазин и, почесав затылок, сказал: — Я так и знал, что от этого печника можно всего ожидать!

Глава 50

АЛЁША КУДРЯВЦЕВ

Тишин провожал Алёшу до самого дома. Попрощавшись с приятелем, Кудрявцев прошёл через двор к маленькому флигелю. Около дощатого гаража, крытого толем, возился с машиной

шофёр Егор Иванович. Алёша для чего-то обошёл кругом машину, потрогал запасное колесо и задний буфер, заглянул внутрь, измерил на глазок ширину дверцы и спросил:

— Папа дома?

Шофёр повернул к нему добродушное лицо с чёрными точками около носа и кивнул головой на флигель:

— Генерал у себя.

Алёша прошёл в дом и через минуту вернулся с двумя щётками, снял куртку и начал старательно чистить.

— Где ж это ты столько пыли набрал? — спросил шофёр, глядя, как вокруг Алёшиной куртки разлетается облако пыли.

— На работе, — ответил Алёша и принялся смахивать пыль с башмаков.

Почистившись и пригладив волосы, он вошёл в большую переднюю и, потянув носом воздух, заглянул в кухню.

Матери дома не было. У плиты возилась старушка — родственница Анна Петровна.

— Где же ты пропадал столько времени? Уже давно отобедали и убрали всё, — сказала она.

— Я в кухне поем, не беспокойтесь, — вежливо ответил Алёша, доставая из шкафа тарелку и придвигая табуретку к кухонному столу.

Анна Петровна поставила перед ним обед.

— Папа спрашивал... — тихо шепнула она.

— Я же сказал маме, что пойду на делянку. Мы всей школой ходили в лес валить деревья.

Анна Петровна сразу разволновалась:

— То-то я вижу, что ты за один день на себя

не похож стал. Осунулся, и нос на лице, как пуговка, торчит.

Алёша скорчил смешливую гримасу, надул щёки и весело сказал:

— А вот сейчас съем обед и потолстею!

Наскоро проглотив всё, что дала ему Анна Петровна, он встал, чмокнул старушку в щёку и направился к отцу. Подойдя к кабинету, одёрнул курточку, поправил галстук и постучал. Из-за двери послышался тихий голос:

— Прошу.

Алёша остановился на пороге:

— Это я, папа. Можно к тебе?

— А, Алексей!

Генерал повернул к сыну голову. Седые волосы, бронзовый цвет лица и яркоголубые глаза делали лицо генерала красивым и, несмотря на седину, молодым. При ходьбе он опирался на палку, но высокие, прямые плечи и осанка почти скрадывали его хромоту. Между отцом и сыном было какое-то неуловимое сходство.

Генерал широким жестом указал сыну на диван:

— Извини, пожалуйста! Я сейчас закончу свои дела. Садись!

Алёша присел на кончик дивана. Генерал проверял какие-то счета, подписывал бумаги и неторопливо складывал их в портфель. Потом, убрав портфель со стола в ящик, он повернулся к сыну:

— Ну, как твои дела? Я беспокоился, что тебя долго нет. Что вы там делали на делянке? Директор тоже с вами ходил?

— Все ходили: и директор, и ещё одна комсомолка-печник... — начал Алёша.

— А, эта молоденькая учительница! Елена Александровна, кажется?

— Учительница? — удивился Алёша. — Да она просто печник! И откуда ты знаешь, что её зовут Елена Александровна?

— А я познакомился с вашим директором, — улыбнулся отец и как бы вскользь добавил: — Елена Александровна будет у вас руководителем класса.

Алёша вскочил:

— Папа, ты ошибаешься, она же просто печник! Я сам видел, как она клала печи! — Он даже засмеялся: — Ты всё перепутал, папа!

— Это ты, я вижу, в чём-то запутался. Тебя смущает, что учительница клала печи. Но одна профессия никогда не мешает другой. Наоборот, каждая профессия обогащает человека новыми знаниями.

— Но с какой стати она будет у нас руководителем класса? — пробормотал Алёша.

Генерал повернулся к сыну и внимательно поглядел ему в глаза.

— Мне кажется, что ты как-то неуважительно говоришь о Елене Александровне! — резко сказал он. — Если бы даже она была только печником, это не даёт тебе права говорить о ней в таком пренебрежительном тоне.

Алёша молчал. Перед его глазами встало обиженное и гневное лицо Елены Александровны. «Вы — какой-то печник!» — крикнул он ей тогда...

— Между прочим, — сказал отец, — директор очень хвалил вас. Говорил, что вы все там много работаете. Молодцы! Школу свою восстанавливаете. Приглашал меня заехать, посмо-

треть. — Генерал осторожно переложил больную ногу и продолжал: — Я очень рад, что ты попал в такой крепкий коллектив... Кстати, там есть пионерский отряд, который в первые дни войны застрял на Украине. Эти пионеры, кажется, вели себя там очень стойко и мужественно, помогали взрослым в борьбе против оккупантов. Позволь, позволь... Директор даже называл мне фамилию пионера, который был командиром в этом отряде. — Генерал потёр лоб. — Ах да, вспомнил: Трубачёв! Есть у тебя такой товарищ? Он, кажется, из твоего же класса?

— Трубачёв у нас есть, но он не в моём классе. Он второгодник, и я с ним не дружу! — резко ответил Алёша, вставая, и, боясь дальнейших расспросов, поспешно переменил разговор: — Папа, я хотел просить у тебя завтра утром машину. Если, конечно, ты никуда не поедешь.

Генерал задумчиво глядел на сына.

— Я обязательно заеду к вам в школу, — медленно сказал он, как бы отвечая на свои мысли. Потом, заметив, что сын стоит, быстро переспросил: — Машину? А зачем тебе понадобилась машина?

— Мы с ребятами хотим кое-что перевезти. Ты же сам говорил, что я хорошо умею управлять, — заторопился Алёша.

— Управлять машиной ты умеешь, но для того, чтобы ездить по улицам, надо иметь права. И вообще, Алексей... — Генерал снова указал на диван: — Да ты сядь! Мы ещё не кончили нашего разговора.

Алёша сел.

— Мне кажется, Алексей, что ты любишь,

говоря на вашем языке, хвалиться перед ребятами... И своей, вернее — отцовской, машиной и, может быть, тем, что ты — сын генерала...

Алёша сильно покраснел:

— Папа...

— Подожди. Ты не отрицай сразу. Если мне это только кажется, я охотно возьму свои слова обратно. Во-первых, я вижу, что ты неуважительно относишься к Елене Александровне только потому, что она печник. Во-вторых, все ребята в школе уже знают, что ты — сын генерала. А теперь ты для чего-то просишь машину... Кстати, ты уже брал её однажды без моего разрешения.

Алёша обиженно молчал.

— Мне кажется твоё поведение нескромным, Алексей. Подумай об этом. Если это не так, то я буду очень рад. И если машина нужна для дела, то я попрошу Егора Ивановича уделить тебе время завтра до обеда.

— Машина нужна мне для дела, — не глядя на отца, сказал Алёша.

— Хорошо. Попроси ко мне шофёра.

Алёша торопливо вскочил и вышел. Отец постучал пальцами по столу и задумчиво посмотрел в окно.

— Там сын просит что-то такое перевезти для школы, — сказал он вошедшему шофёру. — Вы уж, пожалуйста, помогите ему.

— Есть, товарищ генерал! — недоумевая, ответил Егор Иванович.

«Что можно перевозить на легковой машине? — подумал он про себя. — Книги, что ли, какие-нибудь?»

Вечером Алёше долго не спалось. Чтобы не беспокоить мать и Анну Петровну, он вышел в

кухню, присел на подоконник и глубоко задумался. Разговор с отцом вызвал в нём протест и обиду. Но что-то в этом разговоре вынуждало его подумать наедине с самим собой обо всём, что происходило в его жизни в последнее время.

Конечно, относительно пренебрежительного отношения к Елене Александровне отец был прав. И хотя Алёша был уверен, что отец ошибся, считая Елену Александровну учительницей, он всё-таки чувствовал свою вину.

«Наверно, директор ему про кого-нибудь другого сказал...»

Самым неприятным для Алёши было то, что отец упрекнул его в хвастовстве. Кто мог пожаловаться отцу? Директор? А директору кто? Трубачёв? Или Елена Александровна?

Алёша вдруг вспомнил Трубачёва и вскипел от злости. Конечно, это он! Тишин давно предупреждал, что Трубачёв при каждом удобном случае называет его, Алёшу, хвастуном. Правда, Тишину не во всём можно верить, он и Петрусин никогда не будут его настоящими товарищами: они привыкли действовать исподтишка, а Алёша любит прямых и смелых людей.

Перед мальчиком, помимо воли, встало лицо Трубачёва с откинутым назад чубом и открытым, смелым взглядом. Сколько раз Алёша украдкой глядел на Трубачёва и, забывая об их вражде, чувствовал к нему непобедимую симпатию! Ещё тогда, в первую встречу у лесопильного завода, он почувствовал эту симпатию к незнакомому пионеру и даже сразу решил, что пойдёт учиться в ту школу, где будет Трубачёв. И чем сильнее

было это необъяснимое чувство, тем глубже становилась обида. Алёша вспомнил, как в школе Трубачёв прошёл мимо, заложив руки в карманы, и, снисходительно улыбаясь, сказал: «Мы здесь хозяева, а Кудрявцев — наш гость!»

Алёша вскочил и сердито зашагал по кухне. В тишине шаги его гулко разнеслись по дому. Генерал прислушался, отворил дверь в коридор и заглянул в кухню. Потом вернулся к себе и не тушил свет, пока не затихли шаги сына.

Глава 51

РАЗВЕДКА

Витя Матрос плохо спал в эту ночь: сговор Кудрявцева с Тишиным не давал ему покоя. Слова «шесть человек», брошенные вскользь Кудрявцевым, не выходили из головы мальчика.

«Зачем ему нужны были шесть человек? И почему только шесть, а не вся бригада?»

Это казалось Вите подозрительным, а ранний час, назначенный для свидания, окончательно убеждал его в том, что тут дело не чисто.

Витя любил всё необычное и даже дома самые простые вещи облекал таинственностью. Если мать просила его выбросить в мусорный ящик битую посуду, то Витя выходил в палисадник вечером, рыл в кустах яму и, складывая туда черепки, представлял себя морским пиратом, зарывающим на пустынном острове драгоценный клад. Иногда его выдумки кончались плохо.

В прошлую весну Витя едва не утонул, прыгая по льдинам на Москве-реке.

Сейчас Вите предстояло настоящее дело — разоблачить вероломный заговор Тишина и Кудрявцева.

Без четверти шесть, когда в доме ещё все спали, Витя Матрос вышел на улицу. Бескозырка, сильно сдвинутая набок, лихо торчала у него на голове, обнаруживая кончик красного приплюснутого уха. Полосатая тельняшка брата, перешитая заботливыми руками матери, ловко обтягивала мальчишескую грудь, а пояс с надраенной до блеска пряжкой сиял на животе золотым якорем.

Пройдя несколько улиц, мальчик приблизился к школе и осторожно заглянул во двор. Там было пусто. Дом с закрытыми дверями и окнами казался безлюдным, ко второму этажу была приставлена лестница, на одной из ступенек болталось привязанное ведро с краской, которое, очевидно, забыли убрать на ночь. Вдоль участка чернели ямы, выкопанные для столбов, возле них белели сложенные штабелями штахеты. Нигде не было ни одного человека.

Витя пригнулся к земле и побежал на участок Кудрявцева.

Он обошёл все ямки, приподнял брезент, под которым прятали на ночь лопаты и ящики с инструментами. Взгляд его остановился на старой, рассохшейся бочке, перевёрнутой вверх дном. На этой бочке обычно лежали гвозди и молоток, а во время работы складывалась в кучу лишняя одежда. Витя потрогал ржавые обручи, раздвинул пошире щели между досками. Потом оглянулся, прислушался и полез под бочку.

«Разведка так разведка!» — сказал он себе, устраиваясь в своём тесном помещении и подбирая повыше острые коленки.

Вокруг стояла тишина. Витя прищурил один глаз и, выбрав щель пошире, вместе с бочкой повернулся к улице. По мостовой и тротуару торопливо шагали люди. Изредка с грохотом проезжал грузовик. Время шло... У Вити затекли ноги. Приподняв бочку, он высовывал их наружу и, пошевелив ногами в траве, втягивал обратно.

Наконец на улице послышались знакомые голоса.

Витя насторожил уши и прильнул к щели. Во двор вошло несколько ребят; о чём-то советуясь, они остановились неподалёку от бочки. В то же время дверь дома хлопнула, и оттуда послышался голос Грозного:

— Что это вы, работнички, раненько поднялись нынче?

— Дело есть, — негромко ответил один из ребят.

Витя узнал голос Тишина и напряг внимание. Во двор вошли ещё ребята.

— Сколько всех? — спросил Тишин.

Петрусин пересчитал:

— С нами пять! Кудрявцев будет шестой!

Витя от удовольствия щёлкнул языком.

— А что будем делать? — спросил один из ребят, облокачиваясь на бочку.

— Сейчас узнаешь, — таинственно ответил Тишин.

На улице зашумела машина и, круто осадив у двора, остановилась. Из неё выскочил Алёша:

— Все здесь? Ну, поехали!

У Вити заныло сердце. Теперь уж было ясно, что в этот ранний утренний час задумано какое-то злодейское дело.

«Куда они едут? Вернутся ли сюда?»

И, словно отвечая на его мысли, Алёша громко сказал:

— К началу работы мы должны вернуться.

Ребята полезли в машину. Витя Матрос видел в щель озабоченное рябое лицо шофёра, выглядывавшего из кабинки, и слышал голос Кудрявцева:

— Да ничего, поместимся как-нибудь. Три человека после шлагбаума слезут. Не беспокойтесь, Егор Иванович!

Едва машина тронулась, как Витя, опрокинув бочку, стрелой вылетел на улицу.

— Влево взяла... — пробормотал он, стоя на мостовой. — Сказали — вернутся. Ладно, подожду.

Витя походил по улице, разминая ноги, потом снова залез в бочку. Он сидел долго, прижавшись лбом к щели и сладко зевая. Двор понемногу оживлялся. Прошли на работу два Мироныча, глубокомысленно о чём-то беседуя. Торопливо пробежали старшие школьники. Поздоровавшись с ними на ходу, ушёл по делам директор Леонид Тимофеевич. Хлопотливо прибирая что-то с дорожки, заспешила к дому Федосья Григорьевна.

Двор наполнился школьниками. В доме началась работа — застучали молотки, загремели вёдра.

В бочке становилось душно. Витя свесил голову в колени и заснул...

Глава 52

ТАИНСТВЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Алёша сел рядом с шофёром, остальные как попало набились в машину. Егор Иванович недовольно покачал головой и на каждом углу, косо поглядывая на ребят, хмуро спрашивал:

— Сворачивать или прямо?

— Нам за город нужно, Егор Иванович! По шоссе!

Алёша делал знаки ребятам, чтоб молчали и ни о чём не спрашивали.

— Не знаю, куда вам нужно, а только если б генерал видел, что вас тут набилось, как сельдей в бочке, он бы никак не разрешил такое катанье, — ворчал шофёр.

— Так ребята слезут! Как только мы выедем за город, так и слезут! — уверял его Алёша.

— Допустим, слезут, а потом обратно влезут — куда им на шоссе деваться! — соображал вслух шофёр.

Таинственность поездки увлекла ребят — они сидели тихо, изредка перешёптываясь между собой. Молчание за спиной и вовсе удручало шофёра.

— Хоть бы песни пели! Не в крематорий едете, а за город. Где это ты таких молчальников набрал? — спрашивал он Алёшу.

— Почему молчальников? Они развеселятся скоро. Ребята, давайте споём что-нибудь! — подмигивал товарищам Алёша.

Ребята запели «Катюшу». Шофёр оживился, начал подтягивать.

У переезда шлагбаум гостеприимно поднял-

ся, машина перескочила через железнодорожные пути.

— А что, Егор Иванович, здесь, на шоссе, я думаю, милиции нет? — выглянув в окошко, спросил Алёша.

— Новое дело... — подозрительно протянул шофёр. — Что это ты милиции испугался?

— Да нет, я не испугался... Я только спрашиваю, что милиция — дежурит на шоссе или нет?

Ребята перестали петь и прислушались.

— Милиция озорников везде видит, — многозначительно сказал шофёр и, довольный своим ответом, закурил папироску.

Но Алёша неожиданно подскочил и крикнул над самым его ухом:

— Стоп!

Егор Иванович от неожиданности круто затормозил и окончательно рассердился:

— Ну чего ты кричишь! Я ж думал, по крайней мере, человека переехали!

— Да нет, просто ребятам тут слезть надо, — выскакивая из кабинки, оправдывался Алёша. — И чего вы такой нервный, Егор Иванович? А ещё на фронте были!

— Фронт — одно, а тыл — другое! — бросил Егор Иванович, поглядывая, как ребята вываливаются один за другим из машины.

— Выходи два человека. Петрусин, третий, тоже выходи, и ждите нас здесь! — командовал Алёша и, вдруг обратясь к шофёру, вежливо сказал: — И вы выходите, Егор Иванович!

— А я куда? — уставился на него шофёр.

— Ну, вот здесь посидите на травке, перекурите немножко, — хитрил Алёша.

— Ишь ты, какой заботливый! — ухмыльнулся Егор Иванович, вылезая из машины и усаживаясь на траве. — Перекурить это, конечно, можно, а что дальше будем делать?

Но Алёша, не отвечая, вскочил на его место и тронул машину.

— Мы сейчас вернёмся, не беспокойтесь! — крикнул он, давая полный ход.

— Ну, достанется тебе дома! — засмеялся Тишин, выглядывая из машины на остолбеневшего шофёра.

Машина мчалась напрямик к лесу. Рядом с Тишиным сидел мальчик из бригады Кудрявцева, бывший одноклассник Трубачёва.

— Что это вы задумали? — спрашивал он, не понимая, куда и зачем они едут.

Тишин стал ему объяснять.

— Столбы перевозить на легковой машине? Да вы с ума сошли!

— Не только столбы — и слеги перевезём! — кричал Алёша.

— Да в городе нас милиция остановит!

— Чудак! Что же, мы зря около шлагбаума ребят оставили? Мы в городе без машины обойдёмся, сами на верёвках понесём.

Тишин вытащил спрятанные под сиденьем верёвки.

— Да зачем нам на себе столбы тащить? — удивлялся шестиклассник.

— «Зачем, зачем»! — передразнил его Тишин. — Чтоб соревнование выиграть, вот зачем! Пока-то ещё Леонид Тимофеевич все столбы перевезёт, а у нас уже часть забора будет сделана. Понял?

— Постой! Это нечестно. Я против Трубачёва

не пойду! — возмутился бывший одноклассник Васька́.

— Как это «не пойду»? Ты же в нашей бригаде и соревнуешься с бригадой Трубачёва. Значит, всё равно идёшь против.

Мальчик рассердился:

— Соревноваться надо честно. У Кудрявцева есть машина, а у Трубачёва нет. На чём он себе привезёт?

Тишин прищурился и, похлопав товарища по плечу, сказал:

— Да ладно, поделимся как-нибудь. В крайнем случае, можно будет уступить им на денёк машину. В чём дело!

— Если поделимся, то я согласен.

Подъехать к самой делянке не удалось. Оставив Тишина сторожить машину, Кудрявцев с товарищем пошёл в лес. Отложенные столбы с красными пометками за ночь отсырели и казались очень тяжёлыми. Ребята отобрали четыре столба и четыре слеги.

Ловкие и сильные, они обвязали столбы верёвками и волоком потащили их к шоссе. Раскрыв обе дверцы, с помощью Тишина втащили столбы в машину. Длинные концы брёвен торчали в обе стороны.

— Придётся держать дверцы, — сказал Алёша, — чтоб они на ходу не ободрались об эти брёвна.

Слеги привязали к заднему буферу так, что они волочились по земле.

Когда ребята уселись, Алёша вскочил в кабинку и тронул машину.

— Эх ты, разлюли-люли ягода-малина! — лихо крикнул он, давая полный ход.

Слеги, привязанные сзади, заскакали по мостовой.

Егор Иванович в полном расстройстве чувств бежал по дороге навстречу скачущему чудовищу. Он не узнавал своей машины. Она как будто разбухла, лопнула, и во все стороны из неё торчали какие-то брёвна; даже сзади, поднимая невероятный шум, волочились за ней толстые палки.

— Да вы что, чудаки или сумасшедшие! — заикаясь, сказал он, когда машина остановилась.

Глава 53

ЧЕЛОВЕК В БОЧКЕ!

— Федосья Григорьевна! Мальчики брёвна привезли! — взвизгнула Нютка.

Около бочки что-то с грохотом упало на землю. Витя Матрос подскочил и, больно ударившись головой о крепкое дно, проснулся.

На Алёшином участке собралась уже вся бригада. Ребята шумно удивлялись, ощупывали столбы и слеги, о чём-то спорили. Из дому вышел младший Мироныч, оглядел материал и, одобрительно крякнув, послал за смолой. Вслед за ним появилась Федосья Григорьевна с младшими школьниками:

— Дети! Сейчас у нас будет работа... Мальчики, что вы будете делать? Мы вам поможем!

— Да никакой тут работы для них нет, — нелюбезно откликнулся Петрусин.

— Ну, так мы будем смотреть, как смолят

столбы, — заявила Нютка. — Федосья Григорьевна, посмотрим, как смолят столбы.

При виде столбов у Вити зашлось сердце:

«Опередить нашу бригаду хотят! Так вот куда они ездили! А у нас ни одного столбика нет. Надо бежать к Трубачёву!»

Он уже хотел потихоньку выбраться на волю, как вдруг Тишин уселся на бочку и, постукивая по ней ногами, громко сказал:

— Вот выиграем соревнование и посмотрим тогда, кто хвастун, а кто работник!

Алёша вплотную подошёл к бочке.

— А разве Трубачёв что-нибудь говорил? — настороженно спросил он.

— Конечно! Он вообще считает тебя лодырем.

— Врёшь! — подпрыгнул Витя, опрокидывая

бочку и вскакивая на ноги. — Трубачёв никогда этого не говорил!

Тишин, свалившись в траву, с испугом смотрел на Матроса. Алёша окинул взглядом обоих и залился звонким смехом.

— Человек в бочке! — не своим голосом заорала Нютка. — Федосья Григорьевна, человек в бочке!

Витя, перепрыгивая через штахеты, выскочил на улицу и, не разбирая дороги, помчался к Трубачёву.

Но квартира Трубачёва оказалась запертой. Около двери стоял белобрысый паренёк. Он держал в руках записку и озабоченно оглядывался по сторонам.

— Трубачёва Васька знаешь? — спросил он Витю.

— Знаю.

— Окажи услугу, передай ему вот это. Скажи — Андрей Иваныч приходил. Только обязательно передай.

Он сунул Вите сложенную вдвое бумажку и ушёл. Витя, на всякий случай, крепко постучал пятками в дверь и подождал на крыльце. Потом, что-то сообразив, снова бросился бежать.

Глава 54

ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА

Неожиданный приход Елены Александровны взволновал и обрадовал Русакову. Это была помощь, которую она давно ждала. Елена Александровна пришла до урока и, пока собрались

ребята, успела уже расспросить Екатерину Алексеевну о том, как шли занятия, сколько осталось пройти по программе и какой предмет наиболее труден ребятам. До прихода своих учеников обе учительницы успели познакомиться и сблизиться.

— Я давно собиралась к Леониду Тимофеевичу, — сказала Екатерина Алексеевна, — да всё хотелось побольше пройти с ними.

Проверку начали с арифметики. Петя, как всегда, отвечал хорошо. Мазин, стоя у доски и путаясь в ответах, в конце концов всё же решил задачу с простыми дробями. Остальные помогали ему с места. Знания у всех были неровные. Васёк, решивший пример с десятичными дробями, не знал признаков делимости на двадцать пять.

Елена Александровна была смущена и встревожена.

— Если Екатерина Алексеевна ничего не имеет против, я возьму на себя арифметику, — сказала она, — но мы будем заниматься ежедневно по два часа.

Екатерина Алексеевна обрадовалась, но когда стали выяснять часы для занятий, оказалось, что у ребят мало остаётся времени на приготовление заданных уроков. Васёк показал расписание.

Елена Александровна внимательно прочитала его, потом, хмурясь, решительно подчеркнула красным карандашом дежурства в госпитале и работу на стройке.

— В госпиталь мы пошлём сейчас других ребят — пусть они вас сменят, и с работы по ремонту тоже снимем.

Ребята заволновались.

— В госпиталь послать можно других, но ремонт — это наше кровное дело! — заявил Одинцов.

— У нас соревнование с бригадой шестых! — сказал Васёк. — Скоро привезут материал, и мы должны довести дело до конца. Мы взяли на себя обязательство поставить забор, мы не можем отказаться!

— Но когда же вы будете успевать и учиться и работать? У вас мало времени, — убеждала их Елена Александровна.

— Мы всё должны успевать. Мы вообще решили, что в нашей жизни не должно быть этих слов: не можем, не успеваем! — твёрдо сказал Васёк, глядя на Екатерину Алексеевну. — Мы лучше меньше будем спать, а успеть должны всё, что наметили себе.

— У вас сейчас должна быть одна цель — выдержать экзамен в шестой класс. И это — главная цель. У вас остаётся один месяц — август. Как быть с вашей работой, я подумаю, — сказала, прощаясь, Елена Александровна.

Ребята были озадачены её решительным тоном и спорить больше не стали.

— Ого, как она берётся! — покрутил головой Мазин.

— Вот тебе и печник! — восхищённо сказал Саша.

— Интересно вышло, — засмеялся Петя. — Она пришла как печник, потом вдруг вожатой стала, а теперь учительницей обернулась!

— Нечего ей обёртываться! — торжествующе заявила Лида. — Она арифметику как свои пять пальцев знает. Чуть кто ошибётся — сразу видит. Настоящая учительница!

— А что это она насчёт экзаменов сказала? Разве мы будем держать экзамены? Помоему, нас просто переведут в шестой класс, если мы пройдём программу, — предположил Петя.

— Я знаю одно: раз Леонид Тимофеевич просил Елену Александровну нам помочь, надо её во всём слушаться, — сказал Саша.

— А если она не разрешит нам работать на стройке? — забеспокоились ребята.

— Не разрешит — так не разрешит, — вмешалась Екатерина Алексеевна. — О чём тут разговаривать! Спасибо Леониду Тимофеевичу, что он направил её к нам!

Когда ребята вышли на улицу, Мазин заметил на другой стороне Витю и толкнул Трубачёва:

— Смотри, Матрос на всех парусах летит!

— Может, что-нибудь случилось? — встревожился Саша.

— Да у Витьки всегда такой взъерошенный вид, будто что-нибудь случилось! — засмеялась Нюра Синицына.

— Эй, Витя! — окликнул Васёк.

Матрос оглянулся и, перепрыгнув через канаву, бросился на его голос.

— Трубачёв... — сказал он, тяжело дыша, — они привезли столбы!

— Кто «они»?

— Кудрявцев с ребятами. По шоссе на генеральской машине везли, а по городу на себе тащили. Они хотят перегнать нас! — Глаза Вити нестерпимо блестели, как будто из них сыпались искры. — Трубачёв, пошли нас в лес! — умоляюще добавил он.

Ребята молчали, сражённые неожиданной новостью.

— Если бы мы пошли в лес, — медленно сказал Трубачёв, — то принесли бы материал для всех, а не только для своей бригады, потому что стройка — дело общее. Кудрявцев мне не указ. — Он с раздражением закончил: — Я не намерен с него брать пример!

Витя тяжело вздохнул и опустил голову. Никто из ребят не говорил ни слова. Молча дошли до школы.

Во дворе, на Алёшином участке, лежали приготовленные столбы. Концы их были густо обмазаны смолой. Неподалёку валялись новенькие слеги. Алёша, окружённый кучкой ребят, о чём-то горячо спорил.

— Нечестные люди! — мрачно сказал Мазин.

— Да-а-а... — тихо откликнулись ребята, отводя глаза от злополучных столбов.

— Генерал не пожалел легковую, — язвительно сказал Саша.

— Интересно, как они везли? На кузове, что ли? — полюбопытствовал Петя.

Но ему никто не ответил.

От бригады шестого класса неожиданно отделился Тишин и, подойдя к Трубачёву, вежливо сказал:

— Кудрявцев привёз столбы и слеги. Он предлагает поделиться с тобой, Трубачёв! Можете взять один столб и две слеги!

Тишин нагнул голову набок, стараясь скрыть торжествующую улыбку. Трубачёв смерил его с головы до ног презрительным взглядом.

— Убирайся вон! — тихо и гневно сказал он, проходя мимо. — Они дают нам то, с чем нельзя

начать работу, — один столб! — пояснил он, обернувшись к товарищам.

Когда Тишин вернулся к Кудрявцеву, его окружили ребята, бывшие одноклассники Трубачёва.

— Ну как? Что он сказал? Возьмёт? — посыпались оживлённые вопросы.

Алёша нетерпеливо ждал ответа.

— Отказался, — вытирая ладонью вспотевший лоб, ответил Тишин.

Ребята поглядели на Кудрявцева:

— Что? Мы говорили тебе? На то он и Трубачёв, чтоб отказаться!

Лёня Белкин, Медведев и Надя Глушкова подошли к Алёше:

— Мы не будем работать!

— Мы тоже! — подхватили другие ребята.

— Мы отказываемся работать, пока не привезут материал для всех! — закричали вокруг.

— Мы не пойдём против Трубачёва!

Алёша вскипел:

— Мы честно привезли! Мы через весь город тащили на себе. Они тоже могут себе принести!

— Неправда! Вы везли на машине, вы только по городу несли.

— Ребята! Пойдём к Трубачёву! Пусть он сам скажет, работать нам или нет! — кричала Надя Глушкова.

Ребята бросились за Трубачёвым. Васёк и его товарищи разводили в жестянках краску. Взволнованные шестиклассники подошли к Ваську.

— Вот Белкин и Медведев отказываются ра-

ботать, девочки — тоже, мы — тоже, — перебивая друг друга, объясняли они.

— Здóрово! — не утерпел Мазин.

Но Васёк холодно взглянул на товарища и нахмурил брови:

— С каких пор вы забыли дисциплину? У вас есть бригадир, и вы обязаны его слушаться!

— Да, но мы считаем, что он сделал неправильно, — смутилась Надя Глушкова.

— Он предлагал тебе один столб и две слеги. Без двух столбов ничего нельзя сделать! — сердито крикнул Лёня Белкин.

— Конечно, нельзя! Он себе три столба оставил! Он хитрый!.. Это всё Тишин вертит! — зашумели вокруг.

— Я всё понимаю, — мягко сказал Васёк, — но нарушать дисциплину мы не должны. Идите работать! Белкин, восстанови дисциплину!

Ребята медленно отошли. Васёк повернулся к своим товарищам.

— Если теперь Елена Александровна скажет нам — бросить работу, то Кудрявцев подумает, что мы струсили, — по-мальчишески обидчиво сказал он.

— Ну, на это никто из нас не согласится. Ни за что! Из кожи вылезем, а не уступим! — прорычал Мазин.

— Теперь во что бы то ни стало нам нужно выиграть соревнование, — упрямо сказал Саша.

— А если Елена Александровна скажет? Ей что, разве она наши дела понимает! — с горечью бросил Одинцов. — Она со своей стороны судит!

— Тогда надо честно объяснить ей, и она всё поймёт. Давайте скажем! — предложил Сева.

— Трубачёв! — снова неожиданно выскочил откуда-то Матрос. — Я к тебе домой заходил. Там какой-то паренёк записку тебе передал. Вот она. Я чуть не забыл о ней.

Васёк развернул вырванный из блокнота листочек. Писал Андрейка:

«Уважаемый товарищ Васёк! Приходи завтра в депо. У нас в обеденный перерыв будет митинг. Приезжий железнодорожник, Герой Советского Союза, расскажет, как идёт их работа на фронте. Приходи!

Андрейка».

Васёк показал записку товарищам:

— Пойдём завтра все! Давно вам пора с Андрейкой познакомиться. Хороший он парень!

— Пойдём хоть на полчасика. Твой Андрейка молодец! Смотри, на митинг приглашает... Сознательный парень, обязательно пойдём! — охотно согласились ребята.

— А пока что надо разыскать Елену Александровну. Она говорила — сегодня будем пионерскую комнату устраивать... Витя, — попросил Одинцов, — сбегай наверх, посмотри, где Елена Александровна.

Ребята прошли по коридору. Ремонт нижнего этажа был уже закончен. Чисто вымытый пол застлан газетами, белые двери плотно прикрыты. Дверь в пионерскую комнату была распахнута настежь.

Ребята вошли. На столах лежали сваленные в кучу игры, книги, плакаты. Свежевыбеленные

стены были ещё пусты. Только над диваном, перенесённым из старой школы, ярко выделялся большой портрет Сталина. Иосиф Виссарионович, закуривая трубку, как будто приглашал ребят садиться. Ребята сели.

— Иосиф Виссарионович смотрит на нас... — застеснявшись, сказал Саша.

Глава 55

В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Елена Александровна сидела за письменным столом напротив Леонида Тимофеевича и подробно докладывала о своём посещении Русаковой и о проверке знаний ребят. Екатерина Алексеевна произвела на неё очень хорошее впечатление. Волнение, с каким говорила случайная учительница о своих учениках, глубоко трогало Елену Александровну. Но беда Екатерины Алексеевны заключалась в том, что она неумело распределяла учебный материал, и потому знания ребят по арифметике были неровные. Елена Александровна была озабочена и не скрыла своей тревоги от директора.

— Я, конечно, сейчас же начну с ними усиленно заниматься, но остался всего один месяц. Как жаль, что мы раньше не вмешались в это дело!

— Д-да... — задумчиво сказал Леонид Тимофеевич. — Времени мало. За месяц можно только укрепить имеющиеся знания по всем предметам, но вряд ли удастся уже усвоить что-нибудь новое. — Он покачал головой. — Я вообще ду-

маю, что всё-таки этим ребятам лучше остаться на второй год.

— На второй год? Это невозможно! — горячо запротестовала Елена Александровна.

— Это в их интересах, — серьёзно сказал директор. — Они потеряют год, но приобретут основательные знания. Правда, в нашей школе почти не было второгодников, но это случай исключительный, и мне самому прискорбно оставлять их на второй год, тем более что все эти ребята — отличники. Такие пики-козыри, как Мазин и Русаков, были очень неустойчивы в четвёртом классе, но при новом учителе, Сергее Николаевиче, они выровнялись и хорошо закончили учебный год. Этим ребятам помешала учиться война. Что ж поделаешь? — развёл руками Леонид Тимофеевич. — Я советую вам денька два ещё походить к ним, хорошенько проверить их знания по всем предметам, и если окажется возможным, пусть держат экзамены, а если нет, подготовьте их к тому, что они останутся в пятом классе.

— А если перевести их в шестой класс условно? Ведь в первую четверть мы всегда проверяем пройденное! — попробовала возразить Елена Александровна.

Но Леонид Тимофеевич сделал отрицательное движение:

— Я не сторонник этого. Либо они должны держать экзамен, либо они просто остаются на второй год. В общем, постарайтесь точнее выяснить степень их подготовки, и всё станет ясно. — Леонид Тимофеевич посмотрел на встревоженное лицо Елены Александровны и мягко улыбнулся.

«Камень, а не человек! — с горечью подума-

ла Елена Александровна. — Но я сделаю всё, что могу, я не допущу, чтоб они остались. Он не понимает, какой это удар для ребят, особенно для таких, как Трубачёв!»

Директор как бы прочёл её мысли.

— Конечно, будет очень жаль, если так случится, но ещё больше будет жаль, если из отличников эти ребята станут последними учениками в классе.

— Они нигде не будут последними! — решительно сказала Елена Александровна. — Я ручаюсь за это.

Директор не успел возразить. Кто-то осторожно постучал в дверь, и в щель просунулась голова Вити Матроса. Леонид Тимофеевич вдруг громко расхохотался:

— А, человек в бочке! Входи, входи! Расскажи-ка нам, зачем ты туда залез?

Происшествие с бочкой знали уже все. Елена Александровна тоже улыбнулась.

— Кстати, что там такое получилось у вас с Кудрявцевым? — живо спросила она.

Витя начал рассказывать. Глаза его сверкали от негодования, когда он дошёл до того места, где Тишин предложил Трубачёву один столб и две слеги.

— Один столб и две слеги! Это в насмешку! К чему эти слеги прибивать? Это всё со зла на Трубачёва!

Директор и Елена Александровна переглянулись, а Витя с торжеством рассказал дальше, как все шестиклассники отказались работать и прибежали к Трубачёву, а Трубачёв...

Здесь Витя неодобрительно шмыгнул носом и махнул рукой.

— Ну и что же Трубачёв? — спросили одновременно Елена Александровна и директор.

Витя глубоко вздохнул:

— Послал их работать. Нельзя, говорит, нарушать дисциплину и вообще надо слушаться своего бригадира.

Директор весело потёр руки:

— Хорошо, очень хорошо!.. Ну, ступай, Витя, и скажи ребятам, что завтра весь материал будет здесь. Понял?

Витя радостно кивнул головой и исчез за дверью.

Елену Александровну вдруг охватил азарт.

— Леонид Тимофеевич, обязательно пошлите завтра за материалом. Нельзя терять ни одного дня! Пожалуйста, завтра же! — горячо сказала она.

Директор засмеялся:

— Вы тоже хотите выиграть соревнование?

— Хочу! Я — за Трубачёва, — совсем как школьница, сказала Елена Александровна.

Директор кивнул головой:

— Завтра материал будет здесь. Я уже договорился с двумя Миронычами. Они поедут с утра. А кстати, знаете, кто достаёт лесовоз? — вдруг оживлённо спросил он. — Генерал Кудрявцев. Пресимпатичнейший человек! Отец вот этого самого Алёши. Я с ним познакомился у секретаря райкома.

— Такой хороший человек отец и такой сын! — покачала головой Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич взял её за руку:

— Голубчик! У вас неверное представление о ребятах. К нам не приходят ангелы — к нам приходят настоящие, живые дети со всеми их не-

достатками. Научитесь их любить такими, какие они есть. Что собой представляет Алёша? Хвастунишка, задористый паренёк, честолюбивый, при этом круглый отличник, хороший работник и даже, я так думаю, неплохой товарищ. Тишин — это другое дело... — Леонид Тимофеевич стал очень серьёзен. — Вот на Тишина нам придётся обратить особое внимание — это мальчик очень трудный, воспитание его запущено. Нам предстоит большая борьба, прежде чем мы сделаем из него человека.

— А Петрусин? — напомнила Елена Александровна.

— Ну, Петрусин — это просто подпевала. С ним справиться будет легче. — Директор снова оживился: — Вы думаете, что Кудрявцев дорожит этими двумя приятелями? Нисколько! Они нужны ему сейчас для поддержки в борьбе против Трубачёва, и я уверен, что это дружба случайная. Алёша стыдится этих товарищей, не верит им, в душе презирает их.

Елена Александровна недоверчиво улыбнулась:

— А кого он не презирает? Кого он ставит выше себя или хотя бы наравне с собой?

— Трубачёва! — неожиданно ответил Леонид Тимофеевич и, круто повернувшись к Елене Александровне, повторил: — Трубачёва! Выше себя, выше всех ребят! Выступая противником Трубачёва, Алёша искренне уважает его и даже, может быть, не отдавая себе самому отчёта, мечтает о дружбе с ним. Кудрявцев восхищён Трубачёвым!

Елена Александровна широко открыла глаза и не нашлась что ответить.

Глава 56

ПИОНЕРСКАЯ КОМНАТА

Едва успел Витя сообщить ребятам, что сказал директор, как в комнату вошла Елена Александровна.

— Завтра поедут за материалом, — сказала она, присаживаясь на диван. — Я хотела просить директора передать кому-нибудь другому ваш рабочий участок, но я понимаю, что сейчас вам трудно отказаться от соревнования. Придётся пока освободить часы для учёбы только за счёт работы в госпитале. Я назначу за вас других ребят. Это уладится. А насчёт занятий я говорила с Леонидом Тимофеевичем. Он больше склоняется к тому, чтобы вы остались на второй год.

— На второй год?.. Мы?.. — Васёк вскочил и в волнении остановился перед Еленой Александровной. — Леонид Тимофеевич так сказал?

— Ни в каком случае!

— Мы не останемся!

— Мы не будем позориться на всю школу! — шумно заговорили ребята.

— Выслушайте меня, — серьёзно сказала Елена Александровна. — Остался один месяц. Мы приложим все усилия, чтобы вы могли перейти в шестой класс. Но если это окажется невозможным, тогда надо иметь мужество спокойно согласиться с директором...

— Никогда! — прервал её Васёк.

— Никогда мы не согласимся быть второгодниками! — повторили за ним ребята. — Мы будем заниматься ночи напролёт!

— Я, конечно, всемерно помогу вам, — сказала Елена Александровна, — я проверю вас по всем предметам, и через несколько дней станет ясно, можете вы перейти в шестой класс или нет. Вопрос этот будет решать директор, — твёрдо добавила она, теряясь перед бурным протестом.

Ребята замолчали. Говорить больше было не о чем.

Елена Александровна подошла к столу, развернула карту.

— Я думаю, вот здесь, около окна, у нас будут портреты героев, — как ни в чём не бывало сказала она. — Дайте мне молоток и кнопки.

Ребята принялись за работу.

Комната с праздничным названием «Пионерская» всегда была самым любимым местом школьников.

Украшая её, ребята немного отвлеклись от тревоги, вызванной разговором с Еленой Александровной. Их радовали любимые игры, стол, покрытый красным сукном, цветные плакаты, большая, во всю стену, карта.

— Вот здесь у нас будет место для стенгазеты. Сева, ты нарисовал бы заголовок к первому сентября, пора уже готовиться! — говорила Лида Зорина.

Мальчики помогали Елене Александровне. Вокруг портрета вождя, генералиссимуса Сталина разместили портреты маршалов, генералов и бойцов — Героев Советского Союза. Среди героев был портрет Зои Космодемьянской.

В разгар работы вошёл Леонид Тимофеевич с матерью Нюры Синицыной.

— Мама!.. — вспыхнув, шепнула Нюра.

— Вот, познакомьтесь! Мария Ивановна обещала нам помочь в убранстве комнат. Они вдвоём с Федосьей Григорьевной что-нибудь придумают для уюта, может быть занавески на окна. А вы, небось, и не догадались, что занавески нужны? — подмигнул ребятам Леонид Тимофеевич.

— Можно из кисеи что-нибудь сделать, если у вас есть кисея, — смущённо сказала Синицына.

Елена Александровна приветливо протянула ей руку:

— Кисея есть, я сейчас принесу. Садитесь! У нас кисеи много, можно и в большом зале повесить — всё-таки будет уютнее!

Она поспешно вышла. Синицына села. Ребята от удивления словно приросли к полу.

— Нюра, — как ни в чём не бывало сказал Леонид Тимофеевич, — представь маме своих товарищей. Мария Ивановна давно их не видела, забыла уже, наверно, какими они были в прошлом году.

Нюра испуганно поглядела на ребят.

— Трубачёв... Васёк... — дрожащим голосом начала она.

Васёк знал неприязненное отношение Нюриной матери к нему самому и к его товарищам, но из глубокого сочувствия к подруге с необычайной торопливостью подошёл к Синицыной и низко поклонился. Мария Ивановна подозрительно оглядела его со всех сторон и протянула руку.

— Вырос... большой стал... — наугад сказала она, стараясь быть любезной.

Товарищи подходили один за другим, кланя-

ясь, смущённо улыбались. Мазин тоже поклонился и, усмехнувшись, громко сказал:

— Мы неплохие ребята в общем...

Леонид Тимофеевич, наблюдавший эту сцену, весело расхохотался. Мария Ивановна тоже засмеялась, страх перед «компанией» её дочери невольно рассеялся, и, привлекая к себе Лиду Зорину, она даже сказала:

— Что же ты к моей Нюре не приходишь? Приходи, когда свободна.

Вместе с Еленой Александровной в комнату вошла Федосья Григорьевна, оставив за дверью кучку младших ребят.

— Нельзя туда, учительница не позволила, — громким шопотом уговаривала своих сверстниц Нютка.

Елена Александровна положила на стол большие куски белой кисеи. Федосья Григорьевна захлопотала:

— Мария Ивановна, давайте отмерим сразу на все окна и примемся за работу.

— Я думаю, может покрасим раньше в разные цвета? Можно в жёлтый, в светлозелёный, — предложила Синицына.

— А для пионерской комнаты сделаем флажки, — подхватила Федосья Григорьевна и, собрав со стола ворох кисеи, пригласила: — Пойдёмте во двор, там у нас есть скамеечка и столик, сядем уютно. Пойдёмте, пойдёмте!

Мария Ивановна пошла за учительницей младших классов.

— Дети, дети! Идите все за мной, я несу вам работу! Чудесную работу! — слышался в коридоре сочный голос Федосьи Григорьевны.

Елена Александровна заметила взгляд дирек-

тора и улыбнулась. Ей вспомнилось первое посещение школы Синицыной.

Нюра, счастливая, что всё обошлось благополучно, шопотом говорила Лиде:

— Ой, как я испугалась! Я только на вас и надеялась. Ведь ты знаешь, мама не сама пришла, её давно уже Леонид Тимофеевич звал.

Ребята снова принялись за дело. Со двора начали появляться школьники других классов. Все знали, что сегодня будут убирать пионерскую комнату. Некоторые принесли из дому плакаты, открытки, портреты.

Леонид Тимофеевич подозвал Васька и указал ему скромное местечко в уголке, над круглым столиком.

— Ну, я думаю, здесь можно поместить и нашу семейную фотографию, — пошутил он. — Пойдём-ка со мной, Трубачёв!

Васёк, ничего не понимая, побежал за директором в учительскую.

Вынув из портфеля фотографию, где была снята группа учителей, Леонид Тимофеевич показал её мальчику. Васёк пробежал глазами по знакомым лицам и замер от счастья, увидев Сергея Николаевича и рядом с ним Митю.

Леонид Тимофеевич знал от ребят, что Митя был опасно ранен, и, не надеясь на его выздоровление, не хотел раньше показывать найденную среди школьного имущества фотографию, чтобы лишний раз не напоминать ребятам о постигшем их горе.

Теперь Митя выздоравливал, и Леонид Тимофеевич решил передать фотографию в пионерскую комнату.

Васёк долго смотрел на Митю, на учителя, потом с волнением спросил:

— А что, Леонид Тимофеевич, ничего не слышно о нашем Сергее Николаевиче?

Ребята часто задавали этот вопрос своему директору, но судьба учителя была неизвестна, и, как всегда, Леонид Тимофеевич грустно ответил:

— Нет, Трубачёв, не слышно. — И тут же, чтобы отвлечь мальчика, заторопил его: — Ну, беги вниз, приготовь там местечко, а я сейчас принесу фотографию. Да не говори ничего ребятам, пусть это будет для них сюрпризом.

— Вытрите столик хорошенько и ничего тут не вешайте! Это место занято! — вбегая в пионерскую комнату, крикнул товарищам Васёк.

Леонида Тимофеевича не было долго.

— Сейчас он принесёт... Сейчас принесёт что-то. Тогда увидите — что, — повторял Васёк, поминутно выглядывая в коридор.

Волнение его заразило ребят. Они толпились около двери, перешёптывались между собой, строили всевозможные догадки.

— Сами увидите, сами увидите... — повторял Васёк.

Елена Александровна, заинтересованная нетерпеливым ожиданием ребят, пошла навстречу директору.

— Что вы им обещали? — спросила она в коридоре, с любопытством глядя на большую фотографию, обёрнутую в папиросную бумагу.

— Любимого учителя и любимого вожатого, — улыбнулся директор.

Он открыл дверь в пионерскую комнату. Там стояла напряжённая тишина.

— Вот вам мой подарок, — сказал Леонид Тимофеевич, медленно разворачивая фотографию и поднимая её вверх.

Глаза ребят с жадным интересом остановились на фотографии. В наступившей тишине раздался удивлённый и радостный возглас Лиды:

— Сергей Николаевич! Митя!.. Ребята! Сергей Николаевич!

Вокруг директора всё зашумело, задвигалось. Ребята, налегая на плечи товарищей, тянулись к фотографии.

— Вот они — Сергей Николаевич, Митя! — радостно и возбуждённо кричали ребята, указывая друг другу на знакомые, дорогие лица.

На снимке Митя скромно стоял за стулом учителя, как бы уступая ему главное место.

— Сергей Николаевич... Сергей Николаевич... — с нежностью и тревогой повторяли ребята.

Елена Александровна стояла в сторонке. Глаза у неё были большие, удивлённые, как будто она хотела о чём-то спросить и не решалась.

— Это наш учитель... — объясняя ей общее волнение, сказал Васёк.

Она молча, поспешно кивнула головой и начала что-то прибирать на столе.

* * *

Когда Леонид Тимофеевич и Елена Александровна вышли, ребята, толпясь около фотографии, заговорили шопотом.

— Бедный Сергей Николаевич... — вглядываясь в лицо учителя, сказал вдруг Лёня Бел-

кин. — Здесь он такой спокойный на снимке, даже не предчувствует, какое горе на него свалится... Ведь вы ещё не знаете всего, что здесь было! — с жаром добавил Лёня. — Мы когда приехали, нас родители на вокзале встретили. А некоторые тут же начали обвинять учителя, что он с нами уехал, а остальных ребят с Митей оставил.

Товарищи с испугом глядели на Лёню.

— Обвиняли? — задыхаясь от волнения, спросила Лида.

— Как же это... — растерянно прошептал Саша.

Васёк круто повернулся к Белкину и схватил его за плечо:

— И вы молчали? Вы не рассказали, как всё было?

— Ещё бы! — вырываясь от него, крикнул Белкин. — Мы начали говорить, девочки плакали...

— Сергей Николаевич сказал тогда, чтобы мы не вмешивались в дела взрослых... — всхлипнув, пробормотала Надя.

— Как же так? Ведь он достал машину, всех посадил. Я сам слышал, как он просил Митю ехать вперёд. Он хотел как лучше сделать, за что же они его обвиняли? — с горящими щеками спрашивала Лида.

— Ой, как обидно ему!.. — прошептала Нюра.

Мазин молчал, тяжело дыша и с ненавистью глядя в лицо Белкина, как будто Лёня, передавая такое известие, был тоже в чём-то виноват.

— В чём они его обвиняли? — строго спросил Одинцов.

— Ну, вообще... Зачем он на пасеку поехал, зачем своего отца повёз...

— Он поехал на пасеку за Матвеичем, мы на сборе его об этом просили!

— Значит, он не мог заодно отвезти своего отца, да? А нас учат, чтобы мы вообще к старикам чутко относились, а ему нельзя, да? — наступая на Лёню, кричала Нюра. — И ещё говорили, что оставил нас с Митей одних! А мы всю жизнь в лагерях ходили в поход с одним вожатым и ночевали в лесу, без всяких учителей!

— Да я им всё говорил! — оправдывался Лёня. — Мы когда на вокзал приехали в Жуковку, сколько там народу было! Сергей Николаевич с начальником станции договорился, чтобы как только вы с Митей приедете, он всех посадил в вагоны. Кто знал, что в ту же ночь фашисты разобьют вокзал!

— А кто знал вообще, что будет война? — складывая на груди руки, прошептала Лида. — Кто знал?

— Сергей Николаевич почти всех ребят взял. Что он мог ещё сделать? — гневно бросил в лицо Белкину Одинцов.

Лёня, притиснутый к стене, со слезами закричал:

— Да что вы всё мне это говорите? На меня напали! Будто я в чём виноват! А я, так же как вы, защищал Сергея Николаевича, мы все защищали, пока он сам не приказал нам молчать...

Ребята опомнились.

— Оставьте его, что вы, на самом деле! — вступилась Лида.

Ребята бросились к Белкину. Тот тихо плакал, прижавшись к стене.

— Лёня, мы не на тебя — мы просто не можем этого перенести! Лёня, не плачь! — утешали его товарищи.

— Я и тогда плакал, когда сказали, что он вас оставил... А вы на меня напали... — рыдал Лёня.

— Нехорошо, правда, ребята, с вашей стороны... — расплакалась и Надя Глушкова.

Васёк, оскорблённый до глубины души за любимого учителя, думая о чём-то своём, медленно сказал:

— Он всегда был с нами, он нигде и никогда не оставлял нас... Он был у меня перед глазами в лесу в ту ночь, когда мы не знали, куда идти... Мы всегда крепились, потому что помнили его... — Он глубоко вздохнул и поглядел на ребят. Горькая улыбка тронула его губы. — И теперь мы будем его ещё больше любить... Ребята знают правду о своём учителе...

Все замолчали. С фотографии как живой смотрел Сергей Николаевич.

— Как несправедливо нападают люди! Даже не подумают хорошенько, не поставят себя на место другого, — с грустью сказал Сева.

Мазин вдруг сорвался с места:

— Эх, Сашка, а ты ещё собираешься быть учителем! Да ведь учителя все прямо на части рвут! Чего сами не могут, так от учителя требуют. И чуть что — он же виноват во всём. Если бы Сергей Николаевич Митю послал с ребятами, а сам остался, сказали бы, что он весь класс на вожатого свалил, а сам выбрал только семь человек крепких ребят... Мало ли чего нашлось бы сказать! Нет, Сашка, ребята лучше всех понимают своего учителя. Вот в прошлом году был

у нас сбор, так я его до сих пор помню. И то слово, что дал Сергею Николаевичу, сдержу. Я ещё докажу ему, какой я товарищ! — возбуждённо закончил Мазин.

— Ты уже доказал, Мазин!.. Ты сдержал слово, Коля! — горячо заговорили вокруг.

— И ещё докажу! Я не на один раз слово давал — я теперь всю жизнь с этим словом буду жить!

Мазин стукнул кулаком по столу и замолчал.

В комнате стало тихо.

Потом Саша сказал:

— Я, конечно, всё равно буду учителем. Я не испугаюсь никаких трудностей. Если только ребята меня будут любить... Как вы думаете, будут?

Товарищи посмотрели на Булгакова внимательными, как бы проверяющими глазами. Под этими взглядами Саша выпрямился, машинально пригладил на своей круглой голове отросшие волосы и шире раскрыл серьёзные чёрные глаза. Будут или не будут его любить будущие ученики — для Саши был вопрос жизни.

— Будут! — сказал наконец Одинцов.

— Будут, будут! — уверенно повторили за ним товарищи.

— Только ты держись с ними строго, как Сергей Николаевич. Не распускай, понятно? И если уж сказал нужное слово, то так, чтобы оно навеки запомнилось. Ну, а если пошутил или улыбнулся, так тоже чтоб у всех рот до ушей, понятно? — советовал товарищу Мазин, как будто Саша Булгаков был уже учителем и сейчас ему предстояло впервые отправиться в класс к своим ученикам. — Добряков не любят, понятно?

— А разве я добряк! — испугался Саша.

— Ты, конечно, добрый, но не добряк, — успокоили его товарищи.

— И потом, ты сейчас упрямый, а когда постепенно воспитаешься, у тебя упрямство перейдёт в настойчивость, — объяснил Малютин.

— Одним словом, ты старайся во всём походить на Сергея Николаевича, — с глубоким убеждением добавил Васёк.

* * *

Домой Васёк шёл с Витей. Матрос давно искал случая поговорить с Трубачёвым наедине, но Васёк был очень занят и только изредка бегло спрашивал: «Нет писем от брата?»

Писем не было.

Мечта, связавшая когда-то двух товарищей светлой тайной, продолжала жить в душе каждого, но говорить о ней в горячей спешке работы не хотелось. Сейчас тоже было не до того.

И всё-таки, когда Витя вдруг спросил: «Ты не передумал, Трубачёв?» — Васёк хорошо понял, о чём он говорит, и, улыбнувшись, ответил:

— Нет, конечно. Я только не говорю об этом и даже думать мне некогда, а когда закрою глаза, так и вижу море. И нас с тобою на корабле. Может, ещё кто-нибудь из наших пойдёт в моряки? Только они ещё ничего не знают и моря никогда не видели.

Витя вытащил из-за пазухи книжку:

— Вот, почитай, Трубачёв, хороший писатель пишет, Новиков-Прибой. Всё у него о море правильно.

Васёк взял книжку, перелистал страницы и с сожалением вернул её Вите:

— Нельзя мне сейчас читать, у меня уроков много. Ведь от неё не оторвёшься, если начнёшь. Ты побереги, ладно? Потом мне дашь.

Витя обещал. Прощаясь, Васёк с чувством сказал:

— До свиданья, братишка!

— До свиданья, моряк! — с гордостью ответил Витя.

Глава 57

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Поручение товарищей закончить дневник Коля Одинцов принял с радостью. Каждый вечер, сделав уроки, он допоздна сидел над своей клеёнчатой тетрадью, то погружаясь в воспоминания, то торопливо записывая события. Коля перечитал все старые записи, дополнил их, некоторые переписал заново. Вызывая в памяти тяжёлые картины недавнего прошлого, Коля Одинцов волновался, вскакивал, ходил по комнате или, забывшись, глядел перед собой, ничего не видя вокруг. Маленькая керосиновая лампа начинала мигать, огонёк её суживался. Бабушка беспокоилась:

— Да что ж это ты всё пишешь, Коленька? Уж и лампа тухнет у тебя... Что это за уроки такие? — спрашивала она внука, наклоняясь над столом.

Коля поспешно убирал тетрадку:

— Да это так, бабушка, одну работу мне поручил отряд, кое-что записать надо.

— Да зачем же это по ночам сидеть! Ложись, голубчик! Уж очень ты нагрузился нынче работой. Эдак никакое здоровье не выдержит.

— Выдержит! — весело уверял Коля.

Однажды, по старой детской привычке, припав головой к бабушкиной груди и обхватив обеими руками её сухонькие плечи, Коля вспомнил, как, рыдая, шёл он по хате вместе с бабой Ивгой, уткнувшись головой в её кофту. Воспоминание было так ярко, что ему даже послышался где-то рядом певучий голос бабы Ивги: «Не плачь, не плачь, моё дитятко...»

Одинцов бросился к столу и схватил дневник. Перо его быстро забегало по бумаге. За плечом, низко склонившись над головой внука, бабушка с трудом разобрала несколько слов: «Баба Ивга была нам как мать...»

Бабушка пошла за очками, но Коля спрятал тетрадку в стол и лёг спать.

На другой день старушка ходила по комнате расстроенная, а вечером Коля застал её за своим письменным столом. Часто сморкаясь в мокрый платочек и сдвинув на нос закапанные слезами очки, она читала его дневник.

— Бабушка! — бросился к ней Коля. — Ну что ты делаешь?

— Плачу... — жалобно сказала старушка, устремляя на внука голубые выцветшие глаза с красными ободками век. — Плачу, Коленька... Ничего ты мне такого не рассказывал, что на Украине было, а сейчас вот и узнала я... Садись, голубчик, что дальше-то хоть было — пиши! Пиши, пиши! — поспешно придвигая к Коле тетрадку, усаживала его за стол бабушка. — Может, ещё спасётся он, дед Михайло-то, а?

Коля расстроенно махал рукой:

— Ну кто тебя просил читать! Вечно ты, бабушка, что-то придумаешь...

Но бабушка уже возилась в кухне, разогревая Коле ужин. Маленькая, согнувшаяся под бременем лет, она стояла над плитой и плакала горькими, безутешными слезами.

— Батюшки мои, и чего же это весь мир такое злодеяние допускает! Поднялись бы все люди из конца в конец, изничтожили бы фашистов этих начисто! И уродится на земле этакое племя палаческое... — доносился до Коли её гневный старческий шопот.

С тех пор каждый вечер, приходя домой, Коля заставал бабушку в слезах. Отнять у неё дневник не было никакой возможности, и Одинцов торопился скорее закончить его, чтобы отнести в школу.

— Читает — и всё, — жаловался он товарищам. — А спрячешь подальше — обижается!

Сегодня, вернувшись пораньше, Коля просидел до глубокой ночи, записывая последние события. Спрятав дневник под подушку, он лёг, решив завтра же передать его в школу.

Проснулся он на рассвете. Бабушкина постель была пуста. Старушка спала в кресле, подперев рукой голову. На морщинистых щеках её виднелись следы слёз.

Колин дневник вместе с очками лежал на коленях.

«Прочитала!» — подумал Коля и, отвернувшись к стене, закрыл глаза.

Утром, ещё до занятий, он сбегал в школу и положил дневник в пионерской комнате на круглый столик, под фотографией учителя.

На занятиях у Екатерины Алексеевны он сказал Трубачёву:

— Я дневник отнёс. Вечером, может, возьмёшь домой, проверишь?

— Все вместе как-нибудь соберёмся и почитаем! — ответил Васёк. — Пусть пока полежит там. Ты ведь всю правду писал?

— Конечно! — даже обиделся Коля.

— Не обижайся, я для формы спрашиваю, — улыбнулся Васёк.

Глава 58

ПОСЛЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ

Елена Александровна закончила проверку знаний ребят по всем предметам со смешанным чувством надежды и тревоги. Изложение и диктант по-настоящему порадовали её. История, география, ботаника были усвоены тоже неплохо. За месяц Екатерина Алексеевна вполне могла успеть закрепить знания ребят по этим предметам. Сильное беспокойство попрежнему вызывала арифметика.

Елена Александровна подробно обрисовала директору истинное положение вещей.

— И всё-таки, — добавила она, — мне кажется, что если б я сама занималась с ними ежедневно по два часа арифметикой, а Екатерина Алексеевна — остальными предметами, мы вместе успели бы их подготовить.

Директор взволнованно зашагал по комнате:

— Позвольте! Получается такая картина: по арифметике они слабы и по остальным предметам тоже не совсем готовы. Лето у них прошло

без отдыха. Я категорически против такой перегрузки. И не советую вам поддерживать в этих ребятах ложные надежды. Лучше постарайтесь убедить их, что нет ничего страшного в том, что они останутся в пятом классе.

Леонид Тимофеевич остановился и, взглянув на крепко сжатые губы Елены Александровны, махнул рукой:

— Пришлите их ко мне, я поговорю с ними сам.

Елена Александровна молча вышла из комнаты.

За те два урока, которые провела Елена Александровна, проверяя знания ребят, Трубачёв и его товарищи сразу почувствовали в ней настоящую учительницу. Ни одна минута у Елены Александровны не пропадала даром, ни на один миг внимание её не отвлекалось в сторону, на каждой ошибке она останавливалась и тут же на месте разбирала её сообща с ребятами, закрепляя в их памяти правильный ответ. Молодая учительница вносила горячий азарт во всё, что она делала, и своей горячностью увлекала за собой учеников.

— Здорово учит! — с восхищением говорил Мазин. — Прямо как гвозди в голову вбивает! Стукнет по шляпке — и навеки! Зубами не вытащишь!

Ребята повеселели, подбодрились, ловили каждое слово новой учительницы, с благодарностью глядели ей в глаза.

— Я только после её проверки понял, что́ мы знаем и чего не знаем, — серьёзно говорил Саша.

— Спасибо Екатерине Алексеевне, она нас

хоть по другим предметам подогнала, — заметила Нюра.

— И Анатолию Александровичу спасибо и Косте. Эх, Костя!.. — вздохнул Одинцов. — Какой он хороший был, правда? Говорят, под Ленинградом воюет. Витька Магрос в райкоме комсомола разузнал.

— А что ж он нам-то ничего не пишет? Забыл, верно, нас! — взгрустнула Лида.

— Нет, он не такой, чтобы забыть, только не до нас ему теперь, — возразил Сева. — Он на передовой, верно.

— Костя с нами до последнего дня занимался, — с благодарностью вспоминал Васёк. — Географию мы всё-таки хорошо знаем!

— История и ботаника у нас тоже ничего! — похвалился Петя.

— Подождите вы радоваться! — остановила Лида. — Может, Елена Александровна ещё откажется с нами заниматься.

Ребята и не предполагали, что у их новой учительницы уже был разговор с директором. Ребята ещё надеялись.

Сегодня, закончив к обеду занятия, Васёк напомнил товарищам, что их звал Андрейка. Девочки — Нюра и Лида — не могли идти в депо. В этот день они решили навестить Егора Ивановича и Васю. В госпитале уже несколько дней никто не был. Там теперь работали другие школьники вместе с Белкиным и Надей Глушковой.

— Егор Иванович и Вася скучают — наверно, думают, что мы их совсем бросили, — расстраивались девочки.

Ребята передали с ними горячие приветы и пошли в депо.

Глава 59

НА МИТИНГЕ

— Нам по расписанию полагается только обеденный час, а там на стройку надо бежать. Сегодня материал привезут, — предупредил Васёк, шагая вместе с товарищами по знакомой вокзальной улице.

Заговорили о Кудрявцеве.

— Я против него зла не имею, — сказал Васёк. — Мне только жалко, что такой парень — и сдружился с Тишиным!

— Тишина тоже никуда не денешь. Если будем в шестом классе, придётся это добро на ум-разум наставлять, а то он на всю школу наш класс осрамит, — вздохнул Одинцов.

— Там разберёмся... — многообещающе проворчал Мазин.

Но никто не засмеялся.

— И откуда у человека такое зло берётся? Ведь вот Андрейка. Один растёт, без родителей, и сам себя воспитывает. А у другого и родители есть — и всё равно он плохой, — задумчиво сказал Саша.

— Андрейка не один, — возразил Васёк. — Вокруг Андрейки хорошие люди — рабочие из депо. И ещё в городе какие-то земляки у него... Вот посмо́трите сейчас на моего Андрейку, сразу скажете — настоящий человек!

— А не застесняется он, что нас много? — спросил Сева. — Может, неудобно всем идти?

— Ну, «застесняется»! Простой парень, товарищ! Он рад будет!

Мальчики незаметно за разговором подошли

к знакомому пригорку и расположились на глинистой насыпи, покрытой редкой колючей травой.

— Вот здесь я всегда сижу, а он завидит меня и бежит.

Около депо было людно. Там толпились железнодорожники, сходились кучками, оживлённо беседовали.

— Митинг у них, — вспомнил Васёк и забеспокоился. — Может, не придёт Андрейка?

— Придёт! Сам позвал, — успокаивали его ребята.

Они с интересом разглядывали стоящие на путях паровозы, большие решетчатые окна мастерских, рабочих, одетых в железнодорожную форму. Одинцов и Саша стали вспоминать, как однажды им пришлось прыгать на ходу из товарного вагона. Васёк слушал и рассеянно улыбался. Какая-то неясная тревога сжимала его сердце. Он уже хотел сказать об этом товарищам, как вдруг увидел Андрейку. Нахлобучив на белобрысую голову шапчонку, тот куда-то торопливо пробирался между взрослыми.

— Андрейка! — крикнул Васёк.

Андрейка вскинул голову, остановился, узнал товарища и, сокращая себе путь, нырнул под вагоны. Через секунду он вылез под самой насыпью и, что-то крича, замахал рукой. Васёк побежал к нему навстречу.

Андрейка чуть не столкнулся с ним, схватил его за руку и потащил за собой:

— Железнодорожник у нас с фронта, рассказывать будет! Идём скорей!

Васёк, растерявшись, не успел ничего сказать товарищам.

Митинг уже начался.

Высокий человек в шинели стоял около вынесенного из мастерской стола и, подняв руку, старался восстановить тишину. Громкие аплодисменты не давали ему начать свою речь.

Васёк не помнил, как они с Андрейкой очутились в самой гуще толпы. Он слышал только, как, протискиваясь, Андрейка громко говорил:

— Пропустите, граждане, сына Павла Васильевича! Пропустите сына Трубачёва!

Старый мастер ласково кивнул головой Ваську и, притянув его к себе, поставил рядом с собой у стола. Железнодорожники глядели на мальчика с любопытством и лаской.

— Товарищи железнодорожники! — сказал высокий человек. — Я привёз вам горячий привет от тех, кто, не жалея своей жизни, ведёт поезда сквозь вражеский огонь, спасает раненых защитников Родины. Много Героев Советского Союза среди нашего брата железнодорожников...

Приезжий остановился, прерванный шумными аплодисментами. Андрейка и Васёк тоже хлопали вместе со всеми, но сердце у Васька билось так сильно, словно вот сейчас в его жизни что-то должно произойти очень важное и решительное.

А высокий человек рассказывал о повседневных подвигах железнодорожников, об опасных рейсах, о взорванных путях, которые приходится срочно чинить под обстрелом неприятеля. Он назвал незнакомые Ваську фамилии погибших на почётном посту. В рядах железнодорожников произошло взволнованное движение, и наступила скорбная тишина. Ноги у Васька ослабели. Андрейка крепко, до боли, сжимал его опущенную руку и с испугом глядел в лицо выступавше-

го человека. Старый мастер тоже забеспокоился; покручивая тёмными вздрагивающими пальцами седые усы, он натужно, по-стариковски откашливался и, опустив голову, глядел себе под ноги.

— Товарищи железнодорожники! В нашем полевом госпитале... — высокий человек на секунду остановился и оглядел собравшихся, — лежит известный вам человек, знатный машинист-стахановец Павел Васильевич Трубачёв...

При имени отца Васёк рванулся и застыл, ощущая огромную, непосильную для сердца тоску. Он не слышал, как приезжий рассказывал о санитарном поезде, который Павел Трубачёв вывел сквозь линию огня, он не слышал поднявшегося вокруг шума и громких аплодисментов, он не видел, как оратора сменил старый мастер, как, подняв вверх тёмную жилистую руку, призывал он всех железнодорожников в это тяжёлое для Родины время стоять на своём посту, как стояли погибшие герои, как стоял их товарищ — коммунист-стахановец Павел Трубачёв. Онемевший и испуганный, Васёк ждал единого слова... единого слова, что отец будет жив, что он ещё вернётся к нему, к сыну...

Он ждал, а, глядя на него, железнодорожники взволнованно переговаривались между собой, с нервной торопливостью свёртывали цыгарки, рассыпая махорку и пуская изо рта короткие клубы дыма.

Васёк вдруг почувствовал, что Андрейка выпустил его руку и куда-то исчез. Он машинально поднял голову. Маленький деповщик стоял перед высоким железнодорожником и, глядя ему в лицо, строго допрашивал:

— Жив Павел Трубачёв? Какие раны у него?

Что ж не сказали сразу, товарищ? Сын его здесь, сочувствовать надо!

— Жив, жив! Контузия у него тяжёлая. Надеяться надо — на поправку пойдёт! — быстро заговорил приезжий, разыскивая глазами Васька.

Кто-то одобрительно похлопал Андрейку по плечу. Железнодорожники зашевелились, подходили к Ваську, ласково заговаривали с ним. Старый мастер, растроганный до слёз, прижал голову Васька к пахнущей паровозным маслом куртке и торжественно сказал:

— Гордись своим отцом, Васёк, да гляди, чтоб и он мог порадоваться на сына!

А в толпе уже мелькали озабоченные лица Саши Булгакова, Одинцова, Малютина и остальных ребят. Андрейка яростно пробивал им дорогу, громко говоря:

— Посторонитесь, граждане! Пропустите товарищей Васька Трубачёва! Пропустите товарищей Трубачёва!

Глава 60

ПОСЛЕ МИТИНГА

Когда митинг кончился, Васёк, не помня себя, побежал в госпиталь.

— Я к тёте Дуне пойду! — крикнул он товарищам, поспешно взбираясь на пригорок.

— Приходи на стройку! — напомнили ему вдогонку ребята.

Все были взволнованы и возбуждены неожиданной вестью.

Андрейка проводил новых знакомых до вокзальной улицы.

— Уходишь уже? — с сожалением говорили ребята, пожимая его маленькую крепкую руку.

— Работать надо!

— Как же это? Только что подружились — и уже расстаёмся! — огорчался Мазин.

— Знаешь что, Андрейка? Кончишь работу — приходи к нам на стройку. Мы сегодня долго там будем, — сказал Саша.

— Конечно. Посмотришь нашу школу. Да и вообще, как-то расставаться не хочется. Новость такая у нас! Ведь столько времени от Павла Васильевича писем не было... А Васёк-то, Васёк! Я чуть не заплакал, честное слово! — растроганно говорил Одинцов.

— Сейчас он тёте Дуне скажет. Вот она разволнуется! — обеспокоился Саша.

— Железнодорожник сказал, что Павел Васильевич поправится, — припомнил Сева.

Мальчики остановились.

— Приходи, Андрейка, а? Придёшь?

Андрейка мягко улыбнулся. Глаза у него были добрые, лучистые, лицо нежно розовело под веснушками. Саша порывисто обнял его:

— Хороший ты, Андрейка!

Андрейка застеснялся и решительно сказал:

— Обязательно приду! Кончу работу — и приду! Прощайте пока.

Ребята пошли к школе. Всю дорогу, перебивая друг друга, говорили о неожиданном известии.

Первый человек, кого они увидели на улице около школы, была мать Нюры Синицыной. Она, запыхавшись, шла по тротуару с ворохом кисеи, выкрашенной в бледнозелёную краску.

— Мария Ивановна, у нас такая новость!

Отец Васька нашёлся! Он в госпитале! Поправляется! — бросились к ней со всех сторон ребята.

Мать Синицыной растерялась от неожиданности, обвела глазами возбуждённые лица.

— Он давно не писал, мы так боялись за него... Ведь у Васька нет матери, один отец! — торопливо, как своему близкому человеку, объясняли ребята.

— Васёк к тёте своей побежал! Сейчас ей скажет, — сообщил Петя Русаков.

Губы у Марии Ивановны дрогнули, глаза наполнились слезами.

— Вот как бывает в жизни! Вот как бывает с людьми! — тихо, словно отвечая самой себе, пробормотала она и вдруг, оглянувшись на дом, озабоченно зашептала: — Гости в школе — сам генерал Кудрявцев и секретарь райкома... А я кисейку покрасила на занавеси, только повесить не успела. Вот домой за нею ходила. Бегите, мальчики, наверх — может, пока они будут внизу, мы хоть в учительской повесим!

— Гости?.. Генерал Кудрявцев? Секретарь райкома? — живо заинтересовались ребята.

— Секретарь! Это тот, что был у нас, помните? — сказал Сева.

— Бегите, бегите скорей! Молоток берите, гвозди... — торопила Мария Ивановна.

— Да они приехали дом смотреть, им наши занавески ни к чему... — сказал Петя Русаков.

— Мало что дом! Занавески тоже нужны, — прервал его Мазин, захватывая из рук Марии Ивановны ворох кисеи. — Саша, беги вперёд, за гвоздями, спроси у Грозного. Идёмте, Мария Ивановна. Мы живо всё сделаем!

Ребята пошли за ним. Проходя мимо участка

Алёши Кудрявцева, они ахнули. За утро здесь вырос большой кусок забора. Желтели новые столбы и аккуратно прибитые штахеты. Несколько мальчиков вместе с Алёшей Кудрявцевым ещё возились неподалёку, что-то доделывая.

— Не останавливайтесь и не смотрите! — быстро шепнул Одинцов. — Рано им ещё торжествовать!

— Материал из лесу уже привезли? — спросил у Синицыной Саша.

— Сейчас, верно, привезут. С утра поехали, — ответила та.

Мальчики прошли мимо нового забора, стараясь казаться равнодушными

* * *

А в госпитальной кухне, обняв за шею тётю Дуню, Васёк тихонько утешал её, незаметно вытирая рукавом и свои слёзы. Весть о том, что Павел Васильевич нашёлся и лежит в госпитале, потрясла Евдокию Васильевну. Ей сразу представилась палата, где на одной из коек мечется и страдает её Паша. Не имея возможности бежать к нему, помочь, облегчить муки близкого, родного человека, она тихо плакала, не вытирая безудержно катившихся по щекам слёз.

— Тётечка... Ведь у нас все хорошие — и врачи и сёстры... Если очень больно, они дают лекарство, впрыскивают что-нибудь... — шопотом утешал её Васёк.

Но тётя Дуня молча качала головой. Она вспоминала Пашу в деревенском доме своих родителей, когда, ещё маленьким, он, переваливаясь, как уточка, только начинал ходить; она

вспоминала его школьником с сумкой на боку, в новом картузе, подаренном крёстной; она вспоминала его взрослым человеком, коммунистом-стахановцем Павлом Васильевичем Трубачёвым и надёжным, заботливым братом Пашей... Вспоминала и плакала... А в кухонное окно скупо светило послеобеденное солнце, и на плите, упревая в огромном котле, тяжко вздыхала солдатская каша.

Глава 61

ВАСЯ СОБИРАЕТСЯ

Вася ходил за старшей сестрой и недовольным голосом пояснял:

— Если человек чувствует себя здоровым, то нечего его держать в госпитале. Мне, сестрица, давно пора на выписку.

— Вася, я уже вам сказала — в конце недели! Надо же слушать врачей, вы не ребёнок, — хмурилась сестра.

— Опять всё то же! — удручённо разводил руками боец. — Да вы хоть шинель мне выдайте. Всего и вещей у меня — одна шинель. Что ж это, сестричка, малейшую просьбу не можете исполнить!

Сестра останавливалась и, качая головой, с улыбкой глядела на длинного, словно выросшего из халата, паренька:

— Замучил ты меня, Вася, честное слово!

— Да ведь шинель командира моего... Хоть в руках бы мне её подержать. И беспокоюсь я — не переменили бы... Ведь в горячке привезли меня, не спутали б в кладовой у вас.

— Ничего у нас не путают, всё под номерами хранится. А в палату дать шинель я не могу. Не мешайте мне работать! — начинала сердиться сестра.

Вася шёл в палату и, обхватив руками голову, садился на свою койку.

— Что, никак не выпросишься? — ласково поддразнивали его раненые.

— Что нельзя — то нельзя, — резонно замечал Егор Иванович, откладывая на столик книгу. — Врачи знают лучше нас! Вот почитал бы, как наука вперёд шагает! Что зря время терять? После войны нам эти знания на каждом шагу пригодятся.

Егор Иванович и Вася были в числе выздоравливающих, и оба готовились к выписке. Вася уже ходил, стараясь держаться молодцом и не хромать. Врачи обещали отпустить его в конце недели. Теперь каждый день казался Васе длинным, как год.

— Э-э-эх! — по-стариковски кряхтел Вася. — Держат человека, сами не знают чего! А на фронте люди нужны...

Лида и Нюра застали Васю и Егора Ивановича во дворе. Они сидели на скамеечке под деревом и беседовали.

— А, пришли наши пионерочки! — обрадовался Егор Иванович. — Сядь около меня, доченька... Скоро уеду я. Тогда уж после войны только повидаемся. Приедешь к нам в гости, в колхоз... Вот мне дочка пишет — богатый урожай они сняли, а ведь женщины да дети работали... Почитай-ка! — Егор Иванович вытащил полученные письма.

Нюра, присев рядом, терпеливо перечитывала

их, удивляясь и ахая. Как бывало раньше, предложила написать под диктовку ответ.

Егор Иванович завернул рукав халата, показал больную руку, пошевелил пальцами:

— Сам теперь справляюсь. Медицина чудеса делает. Вот вырастешь, иди на врача. И дочке своей так закажу. Хороший врач — великое дело...

Егора Ивановича позвали в палату. Вася с Лидой разговаривали о ребятах. Нюра подсела к ним ближе.

— Привык я к вам. Правда, всё равно скоро расставаться, а всё-таки забегайте почаще. Как там с учёбой у вас, как ремонт идёт?

Лида рассказывала, передавала приветы.

— Эти дни никак нельзя было вырваться. Нам ведь тоже видеть тебя хочется, Вася. Ты хоть перед отъездом зайди в школу.

— Обязательно зайду! Да ведь вот не пускают ещё никуда, а то поработал бы я с вами денёк-два на стройке. Я бывало с ребятами весь день на пришкольном участке вожусь. Бо-ольшой участок нашей школе колхоз дал!

Вася начинал рассказывать о школьниках из своего села, вытаскивал из кармана полученные письма:

— Мало я кому писал отсюда, а всё-таки нашли меня мои ребята.

— Вот уедешь ты, Вася, и скучно-скучно нам станет... Приезжай после войны, Вася, ладно? — говорили девочки.

Вася растроганно благодарил:

— Спасибо вам, сестрёнки! Обязательно приеду. Я вас всегда помнить буду! Командир мой говорил так: хороший человек не вспоминается, а запоминается.

Когда девочки ушли, Вася лёг на койку и, закинув руки за голову, размечтался: «Вот кончится война... Вернёмся мы все с фронта, разойдёмся кто куда. В мирной жизни дело каждому найдётся. Только бы скорей до победы дойти!»

Вася представил себе благословенный день победы, ослепительное солнце и флаги над Москвой, мысленно увидел толпы счастливых людей и на трибуне товарища Сталина. «Ну что? Рассчитался с врагом, Вася?» — весело спрашивает его Сталин. «Рассчитался, Иосиф Виссарионович!»

Вася открыл светлые, затуманенные мечтой глаза и внезапно увидел около своей койки Трубачёва. Он вскочил и крепко обнял мальчика:

— Когда же ты пришёл? А я и не слышал — не то заснул, не то замечтался!

— Вася! Я о своём отце узнал. Он в полевом госпитале, контуженный, — сообщил Трубачёв.

— Да что ты... Верно ли?

Васёк рассказал о митинге железнодорожников.

— Теперь жди письма. Обязательно письмо будет, раз человек на поправку пошёл, — уверил его боец. — Я вот пока сильно больной был, ничего родным не писал. Зачем пугать зря! — Вася ласково погладил мальчика по плечу. — Дождался ты наконец весточки! Ранен — это не убит, врачи на ноги поднимут.

— Я бывало ночью проснусь — и страшно мне сделается: вдруг убьют? Теперь хоть знаю! — сказал Васёк.

— Молодец ты, крепко держался. Вот и правду командир мой говорил: надежда и в последней минуте живёт.

— Я все слова твоего командира запоминаю! — с живостью сказал Васёк. — Мне они в жизни помогают. И в тот раз, когда от Генки письмо получили, тоже помогли. Помнишь, как он сказал, что не плакать надо о товарище, а славные дела в честь его делать?

— Он зря слова не бросал. Скажет, как отрежет. Да ещё своим примером подкрепит. Как ему не поверишь!

Когда в госпитале наступил час послеобеденного сна, Васёк попрощался со своим другом и побежал на стройку. Он очень спешил, так как в первый раз нарушил составленное им самим расписание.

Глава 62

ГОСТИ

Гости застали хозяев за горячей работой. Наверху, в коридоре, несколько девочек мыли полы. Осторожно обходя мутные лужицы воды, ребята выносили в мешках битый кирпич и рваные куски старых обоев.

В одном из классов, стоя на стремянке, Леонид Тимофеевич белил потолок. Он макал в ведро длинную кисть, высоко поднимал её над головой; белые брызги летели сверху и расползались пятнами на синем комбинезоне.

В другом конце комнаты Толя Соколов, разложив на полу обои, аккуратно обрезал ножницами бордюр. Школьник из пятого класса помогал ему, развёртывая длинные трубки обоев и отмеряя одинаковые куски.

В соседней комнате Елена Александровна

вместе с девочками складывала последнюю печку. Грозный с несколькими школьниками, вооружась тряпками и газетами, мыли окна. В большом зале слышались голоса рабочих и стук молотков — там настилали полы.

Внизу, в пионерской комнате, Федосья Григорьевна с помощью младших ребят ремонтировала наглядные пособия. Дети аккуратно раскладывали на столах цветные таблицы, карты и наклеивали их на марлю.

Пионерская комната была уже убрана, даже на окнах и на столе стояли цветы, принесённые школьниками.

Никто не слышал, как подъехала машина. Нютка первая сообщила своей учительнице:

— Федосья Григорьевна! К нам какие-то военные дяденьки приехали!

Гости прошли по нижнему коридору, заглянули в пионерскую комнату.

— Ба! Да тут, кажется, уже занятия идут! — удивился секретарь райкома, здороваясь с Федосьей Григорьевной. — Это какой же класс — седьмой или десятый? — пошутил он, поймав за косичку смущённую первоклассницу.

— Десятый! Десятый! — закричали девочки, обрадовавшись его шутке.

Нютка, заложив за спину руки, беззастенчиво разглядывала на груди генерала ордена и медали.

— Дяденька, вы герой? — спросила она, подходя ближе. — А то у нас здесь портреты всех героев.

— Придётся вам, товарищ генерал, подарить им свой портрет, — улыбнулся секретарь райкома.

Оба подошли к портретам.

— Ну, у вас тут героев много! — оглядывая пионерскую комнату, сказал генерал.

Весть о приезде гостей дошла до работавших на втором этаже.

— Леонид Тимофеевич, к нам секретарь райкома приехал и генерал! — сообщили взволнованные школьники.

— Генерал приехал! — вихрем влетая в комнату, крикнул Витя Матрос.

— Очень рад, очень рад, но поздороваться не могу, — смеясь, встретил гостей директор, показывая измазанные мелом руки. — Толя Соколов, продолжайте работу, а я пойду показывать гостям наши достижения! — Он ополоснул над ведром руки, вытер их полотенцем, поздоровался.

— Ну, товарищ директор, поздравляю!.. Вы себе не можете представить, — обратился товарищ Круглов к генералу, — какая здесь проделана работа! Когда я в первый раз сюда приехал, на этом пустыре стоял разрушенный дом, без окон, без дверей... Молодцы! Отлично потрудились!

Леонид Тимофеевич повёл гостей осматривать классы. Школьники, ободрённые похвалой, двинулись за ними.

— Вот это у нас, так сказать, уже чистые помещения — пятый и шестой классы, — отворяя двери, говорил директор. — Вот здесь будет ещё заделываться пол, сегодня поехали за материалом, а вот здесь мы решили переделать камин на печь. Познакомьтесь, пожалуйста: это наш главный печник — Елена Александровна.

Елена Александровна, стоя на коленях перед сложенной до половины печью, подняла голову.

— Мы уже знакомы, — сказал товарищ Круглов.

— А я очень рад познакомиться, — с любопытством взглядывая на Елену Александровну, улыбнулся генерал и, вспомнив разговор с сыном, шутливо спросил: — Сколько же у вас профессий, Елена Александровна?

— Пока только две, а вообще столько, сколько понадобится в процессе работы, — засмеялась девушка.

Гости обошли весь дом. Алёша издали видел отца и волновался.

— Твой отец приехал, Кудрявцев! Твой отец! — теребили его школьники.

Петрусин и Тишин уже потихоньку шествовали за генералом по всему дому.

В учительской Мазин и Русаков вместе с Марией Ивановной спешно прибивали занавески.

— Вот, товарищ Круглов, вы спрашиваете, как мы одолеваем наш ремонт. А мы, можно сказать, одолеваем его дружной силой коллектива. Работают учителя, школьники. Завод отпустил нам рабочих. А вот и родительница пришла к нам на помощь. Это мать одной из наших школьниц. Познакомьтесь, пожалуйста: Марья Ивановна Синицына! Помогает ребятам устроить в школе уют...

Товарищ Круглов пожал руку Синицыной:

— Я очень рад познакомиться с вами. Сознательные родители — это опора школы.

Синицына вспыхнула, мучительно застеснялась, не зная, что сказать. Мазин поспешно бросился к ней на выручку:

— Мария Ивановна с младшими классами всяким вышиваньем занимается, для пионерской

комнаты ковёр вышивает! И мешочки для подарков бойцам сшила.

— А ты не вышиваешь? — пошутил секретарь райкома.

— Как же! Это моё любимое занятие, — не моргнув глазом, ответил на шутку Мазин.

Все засмеялись. Мария Ивановна, оправившись от смущения, приняла участие в общем разговоре. Голос её окреп, глаза сияли, и когда секретарь райкома вместе с директором вышел из учительской, она сказала, обращаясь к ребятам:

— Мальчики, я думаю — один ковёр мало. Надо бы и для учительской коврик сделать!

— Угу! — промычал Мазин.

Леонид Тимофеевич и секретарь райкома уединились в одном из классов, чтобы обсудить дальнейшие дела школы, а генерал в сопровождении ребят обходил участок.

Алёша шёл с ним рядом, явно гордясь отцом.

Часть забора, только что отстроенная на участке Кудрявцева, обратила на себя внимание генерала.

— Это кто же строит? — спросил он.

— Это моя бригада. Мы соревнуемся с пятиклассниками, — сказал Алёша. — Я бригадир.

— Это очень хорошо, что соревнуетесь. Только я не вижу, чтобы та бригада работала. Кто там бригадир?

Алёша молчал.

— Трубачёв, — сказал один из школьников.

— Трубачёв? — Генерал внимательно поглядел на сына и обернулся к ребятам: — Попросите ко мне Трубачёва.

Несколько школьников бросились исполнять его просьбу.

— Папа, мы в ссоре, — тихо предупредил отца Алёша.

Отец не успел ничего сказать. Васёк, только что вернувшийся из госпиталя, уже шёл на зов генерала.

— Здравствуйте, товарищ генерал! — почтительно сказал он, опуская по швам руки и стараясь держаться прямо.

— Ты Трубачёв?

Генерал взглянул на открытое лицо пионера. Прямой, смелый взгляд, золотистый чуб над высоким загорелым лбом вызвали на его лице улыбку. Он перевёл глаза на сына. Алёша стоял потупившись, в лице его было выражение неуверенности и беспокойства.

— Я слышал от сына, что ваши бригады соревнуются. Алексей уже начал работу. Почему же твоя бригада не торопится, Трубачёв? — пристально глядя на мальчика, спросил генерал.

— У меня нет материала, — ответил Васёк.

— У тебя нет, а у Алексея нашёлся. Вероятно, это те самые столбы, которые вы вчера перевозили на моей легковой машине?

— Это я перевозил, — быстро вставил Алёша.

— Я начинаю понимать... — Отец строго взглянул на сына. — Ты воспользовался моей машиной, чтобы привезти материал для себя и опередить соперника?

— Папа, я уже говорил тебе: мы несли через весь город на руках... — заторопился Алёша.

— Не объясняй! — резко сказал отец. — Я всё понимаю. Ты мог бы сказать мне просто, что у вас нет грузовика для перевозки материала.

На Алёшу было жалко смотреть. Губы его вздрагивали, в глазах скапливались слёзы.

— Ты ведёшь себя недостойно, Алексей!

Кучка школьников молча слушала. Алёша поднял глаза и встретил встревоженный взгляд Трубачёва.

— Товарищ генерал, — твёрдо сказал Васёк, — разрешите пояснить. Алёша предлагал мне поделиться...

Школьники переглянулись, затаили дыхание.

— Он предлагал тебе поделиться? — быстро спросил генерал и повернулся к сыну: — Почему же ты молчишь?

Алёша выпрямился, сердито блеснул глазами:

— Это было не так!

Он хотел ещё что-то сказать, но не смог и отвернулся.

Наступило молчание.

Генерал протянул Трубачёву руку и указал на сына:

— Если когда-нибудь ваши отношения наладятся, я буду сердечно рад.

Васёк молча наклонил голову и отошёл.

Школьники двинулись за ним, шопотом рассуждая о происшедшем:

— Справедливый генерал!

— Ещё бы! На то он и генерал!

— А Трубачёв-то! Он, говорит, предлагал мне поделиться!

— Алёшка тоже молодец, не соврал!

— Кра-си-во вы-шло... — заикаясь, протянул большеглазый худенький мальчик из шестого класса.

Васёк прибавил шагу. Он увидел собравшихся в кучку товарищей и среди них Андрейку. Они о чём-то оживлённо разговаривали, поглядывая на улицу.

— Трубачёв! Иди скорей! Столбы везут! — крикнул Петя Русаков.

Во двор с шумом въехал грузовик, доверху наполненный остропахнущим свежим тёсом.

— Стоп! Стоп! — выпрыгивая из кабины, закричал шофёру дед Мироныч. — Стой тут, милый человек, а то людей передавишь... А ну, ребята, зовите кого из старших — разгружать будем!

— Разгружать, разгружать! Идите все машину разгружать! — понеслось по двору.

На дорожке появились Леонид Тимофеевич, секретарь райкома и генерал. Сзади торопился Грозный со старшими ребятами.

— Вот радость-то где! Целое событие! — улыбаясь, сказал товарищ Круглов, наблюдая, как оба Мироныча вместе с ребятами снимают с машины брёвна и швыряют их на землю.

— Осторожно, осторожно! Отойдите от машины! Дети, отойдите от машины! — суетится Федосья Григорьевна.

А Елена Александровна в испачканном глиной комбинезоне, забравшись на верх грузовика, задорно кричит:

— Лезьте сюда! Разбирайте слеги! — и, обхватив обеими руками столб, с усилием тащит его к краю машины. — Трубачёв, вот тебе! На забор!

Андрейка бросается к ней на помощь; с головы его съезжает новенькая железнодорожная фуражка. Рядом, неуклюже, как медведь, обхватив сразу два столба, Мазин тащит их на свой участок. Нюра и Лида волокут по земле длинные слеги.

— Кудрявцев!.. Где Кудрявцев? — заражённые общим азартом, волнуются шестиклассники.

Генерал, прощаясь с Леонидом Тимофеевичем, крепко жмёт ему руку. Секретарь райкома садится в машину.

— Ну, теперь мы к вам уже на приёмку здания заявимся! — говорит он директору.

Гости уезжают.

* * *

Обе бригады допоздна работают на своих участках. Солнце уже заходит, а шум голосов и густой запах горячей смолы доносятся в открытое окно учительской.

— Надо сказать ребятам, чтобы шли домой, — говорит Леонид Тимофеевич.

— Что вы, они ещё не осмолили столбы! Разве они уйдут! — пожимает плечами Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич смотрит на молоденькую учительницу с доброй усмешкой:

— Так, может, они всю ночь тут провозятся?

— Может, и всю ночь. Трубачёву никак нельзя уйти: у Кудрявцева уже много сделано, а он только начинает! — не замечая улыбки директора, горячо объясняет Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич смотрит на часы.

— Скажите ребятам, чтобы они сейчас же разошлись по домам! — строго говорит он. — А Трубачёва и его товарищей пришлите ко мне.

На обоих участках горят костры. В подвешенных над огнём ведёрках греется смола. Тут же на траве сохнут разложенные в ряд уже осмолённые столбы. Андрейка сидит в кругу своих новых друзей. Отсвет пламени золотит околышек его фуражки и пробегает по возбуждённым лицам ребят. Андрейка уже знает все подробности ссоры Кудрявцева и Трубачёва.

— Ссориться при соревновании не годится. Это дело общее, — важно говорит он, качая головой. — Мы все друг другу помогать должны.

Ребята снимают ведёрко со смолой, торопясь обмазывают последние столбы и заливают костёр водой.

— Аккуратней тушите, чтоб ни одного уголька не осталось, — поучает их Андрейка.

Елена Александровна подходит к костру. Андрейка, прощаясь с каждым за руку, протягивает руку и ей:

— До свиданьица! Я ещё вас проведаю.

— Кто это? — тихонько спрашивает у Васька Елена Александровна.

— Это наш Андрейка! — хором отвечает сразу несколько голосов.

Елена Александровна удивлённо смотрит вслед белобрысому пареньку и потом говорит:

— Уже восемь часов, расходитесь по домам. А ты, Трубачёв, со своими ребятами зайди к директору.

Глава 63

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

Ребята бегут в дом. На цыпочках поднимаются по лестнице, останавливаются перед учительской и заглядывают в полуоткрытую дверь. Директор сидит за столом и о чём-то думает, подперев рукой подбородок.

— Сидит... — мрачно шепчет Мазин.

— Сидит? — испуганно переспрашивает Петя Русаков.

— Сидит... сидит... — шопотом передают друг другу остальные.

Леонид Тимофеевич поворачивает к ним голову:

— Что вы там шепчетесь? Идите сюда.

Ребята один за другим входят в учительскую.

— Присаживайтесь, — говорит Леонид Тимофеевич, указывая на широкий кожаный диван. — У меня к вам серьёзный разговор, и вот о чём...

Все осторожно присаживаются на диван. Васёк не мигая смотрит в лицо директору. О чём хочет говорить с ними Леонид Тимофеевич? Сердце его тревожно бьётся.

Директор вертит в руках карандаш; сузив карие глаза, тихо повторяет:

— Да, вот о чём... Я знаю от Елены Алек-

сандровны, что вы усиленно занимаетесь. Знаю также, что по такому важному предмету, как арифметика, вам не удалось основательно закрепить свои знания...

— Мы закрепляем, — быстро вставил Петя Русаков.

Директор остановил его жестом руки:

— Вы всегда были отличниками. Я думаю, наше общее желание, чтобы вы и дальше учились на «отлично». Поэтому я предлагаю вам не тянуться сейчас через силу и спокойно приготовить себя к мысли, что вы будете учиться в пятом классе.

Директор поглядел на ребят. Они сидели тихо, не смея его прерывать, но молча выражая на лицах решительный протест.

— Остался один месяц до начала занятий. Обдумайте между собой моё предложение, согласитесь с этой мыслью, что вы остаётесь в пятом классе, и спокойно отдохните перед учёбой. Подумайте хорошенько: один год будет пропущен, но зато вы получите настоящие знания за пятый класс...

Директор говорил очень ласково, останавливался, как бы ожидая ответа, но ребята упрямо молчали.

— Вы должны понять, что я сам очень хотел бы, чтобы вы перешли в шестой класс, я уважаю вашу настойчивость и очень благодарен Екатерине Алексеевне, которая с вами занималась, но я вижу, что это просто вам не под силу.

— Мы не будем второгодниками, — тихо и решительно сказал Васёк.

Директор развёл руками:

— Ну, тогда вам придётся держать экзамены.

Кто выдержит, тот будет учиться в шестом классе, а кто не выдержит — останется в пятом.

Наступило длительное молчание.

Васёк медленно поднялся:

— Будем держать экзамен.

— Будем держать экзамен, — вставая, твёрдо повторили за ним товарищи.

— Хорошо, ступайте! — отрывисто сказал Леонид Тимофеевич, машинально переставляя на столе разные предметы.

Не глядя друг на друга, ребята вышли из учительской. Когда за ними закрылась дверь, директор взволнованно откинулся на спинку кресла: «Молодцы! Крепкий народ!»

Через минуту в учительскую вошла Елена Александровна.

— Я побеждён! — разводя руками, сказал ей Леонид Тимофеевич. — Занимайтесь!

Глава 64

РАЗВЯЗКА БЛИЗИТСЯ

Утром, пока ребята Трубачёва занимаются, на работу выходит Витя Матрос со своими пятиклассниками. Но как ни трудится Витя, бригада Кудрявцева сильно обгоняет его. Сам Алёша не спешит. После разговора его отца с Трубачёвым у Алёши пропало желание унизить своего соперника. Задумчиво поглядывая в сторону пятиклассников и видя, как они изо всех сил стараются догнать его бригаду, он долго копается в ящике с гвоздями, не торопясь прибивает штахеты, потом, обходя участок, придирчиво оглядывает работу своих помощников.

— Надо делать красиво и прочно. А это что у тебя? Вытащи гвоздь, забей сначала! — говорит он, отрывая от забора криво прибитую доску.

Алёша сам не знает, чего ему хочется. Тишин, заранее торжествуя победу, весело говорит:

— На собрании постановили, чтобы к пятому августа все работы были закончены. Седьмого уже будут принимать здание. Завтра начнут из старой школы парты перевозить.

— Ну и что? — хмуро спрашивает Алёша.

— А то, что пятое завтра! Мы-то свой забор кончим, а Трубачёву никак не успеть. Значит, он не только в нашем соревновании проиграет, а ещё и перед всей школой последним останется!

Алёша медленно поворачивает голову и с удивлением смотрит на Тишина. Потом с досадой отстраняет его рукой:

— Отстань! Надоело мне всё это!

Но Тишин не успокаивается. После обеда, когда на участке Трубачёва закипает бешеная работа, он боком подходит к Севе Малютину и, с опаской поглядывая на работающего неподалёку Мазина, тихо говорит:

— Плохо ваше дело, ребята! Мы уже почти кончаем. Три пролёта за домом остались. Соревнование вы проиграете, это ясно. Дело не в этом. А вот завтра весь ремонт заканчивается, останетесь вы одни! Стыдно всё-таки подводить школу.

Сева работает наравне с другими ребятами. Сбросив на траву куртку, он сидит на корточках перед забором и, держа во рту гвозди, прибивает штахеты. Ему некогда смотреть по сторонам и некогда разговаривать. Но вкрадчивый голос Тишина выводит Севу из обычного равновесия.

Он вскакивает и, выплюнув изо рта гвозди, кричит:

— Уйди, а то от тебя мокрое место останется!

Тишин испуганно пятится. Ребята поднимают головы.

— Ого! — с уважением говорит Мазин. — Севка окреп!

Ребята с любопытством взглядывают на Малютина, но тот уже снова углубляется в работу и только спустя некоторое время, как бы оправдываясь, говорит:

— ...да потому что плохой человек этот Тишин...

Под вечер приходит Андрейка. Ребята встречают его молчаливые, хмурые. О чём говорить! Андрейка и сам, своими глазами видит новенький забор бригады Кудрявцева, незаконченные три пролёта между столбами; видит и другую сторону забора, на участке Трубачёва, — свежеврытые в землю столбы, прибитые к ним слеги и едва начатую полоску островерхих штахет.

— Завтра заканчиваются все работы, Миронычи спешат — полы сегодня красили, лестницу. Одни мы отстаём, — безнадёжно говорит Петя Русаков.

— Ребята, останемся на ночь! — предлагает Мазин.

— Ночью только кошки видят, — резонно заявляет Андрейка.

У Трубачёва усталые глаза и на лице горячий тёмный румянец. Ему стыдно перед пятиклассниками, которые выбрали его своим бригадиром; он не может глядеть в чёрные тревожные глаза Вити Матроса. Что думает Витя? Попрежнему ли будет мечтать служить с ним на одном корабле?

Разве не ясно всем, что дело близится к развязке, что завтра в этот час Кудрявцев будет торжествовать победу! Может быть, он будет торжествовать и тогда, когда узнает, что Васёк и его товарищи должны ещё держать экзамен, чтобы попасть в шестой класс!

Душевные силы Васька надламываются.

«Жизнь такая трудная. Мы проигрываем соревнование», — с горечью думает он, старательно прибивая к столбу обтёсанные слеги. Конечно, никто из ребят не сдаётся, все работают, сцепив зубы. Если бы ещё завтра утром не нужно было идти на урок, они бы, может, успели. Но об этом сейчас нечего и заикаться.

Витя Матрос бросает рядом охапку штахет и дрожащим голосом говорит:

— Мы сегодня рано вышли... Может, ты думаешь, Трубачёв, что я плохо работал?

Васёк делает над собой усилие и улыбается товарищу:

— Я знаю, ты молодец, Витя. Ты верный товарищ! — Он хлопает мальчика по плечу: — Работай, Матрос! Большевики никогда не сдаются!

Андрейка стоит поодаль и смотрит, как Мазин яростно утаптывает ногами землю вокруг только что врытого столба, как девочки меряют верёвкой заострённые концы досок, как, помогая друг другу, ребята спешат и суетятся, как медленно растёт жёлтая ровная полоса забора с одинаковым расстоянием между штахетами.

Андрейка стоит, как гость: важный, задумчивый, серьёзный. Он знает, что хозяевам сейчас не до него.

— Ты не обижайся, Андрейка, — говорит ему Васёк. — Видишь — спешка у нас...

Андрейка ничего не отвечает и, постояв, уходит.

Сумерки медленно расползаются по двору. Елена Александровна видит с крыльца склонённые головы, белеющие майки.

— Я вас очень прошу, Фёдор Мироныч, завтра помочь пятиклассникам. Придите, пожалуйста, как можно раньше, — взволнованно говорит она плотнику.

Мироныч-младший не спеша снимает свой рабочий халат, вешает его на гвоздик около двери и, улыбаясь, говорит:

— Завтра, гражданочка, у нас здесь выходной. Мы с дедом на заводе работаем. Я бы с удовольствием.

— Фёдор Мироныч, они проигрывают соревнование! Придите хоть на часок! — просит Елена Александровна.

— На часок — это одна ходьба. Туда да назад. Потеря времени. А насчёт соревнования вы не беспокойтесь. Уж это как обычно — один проиграет, другой выиграет. Лишь бы дело было сделано!

Мироныч уходит. Грозный старческой походкой семенит по двору, мимо задумавшейся учительницы:

— По домам бы пора ребятам, Елена Александровна, а? — И, подождав ответа, добавляет: — Вчера до ночи, сегодня до ночи... Леонид Тимофеевич за это не похвалит...

— Я сама знаю, когда им пора уходить, — нетерпеливо прерывает его Елена Александровна.

На самом деле она знает только одно: трубачёвцы проигрывают соревнование.

Глава 65

АНДРЕЙКИНЫ ЗЕМЛЯКИ

Большевики не сдаются! Витя Матрос тоже не сдавался. Всю ночь он вскакивал с постели и, откинув тёмную занавеску, глядел на полоску неба за ветвями деревьев. Договорившись с вечера со своими пятиклассниками прийти пораньше, Витя выскочил из дому, не взглянув даже на часы.

На улице было свежо. Ветви деревьев отяжелели от росы, тротуары казались только что вымытыми. Утро было холодное, не обогретое солнцем — в голубоватом небе сквозь застывшие облака не пробивалось ни одного тёплого луча.

Витя, натянув на уши курточку, топая по камням башмаками, надетыми на босые ноги, бежал по безлюдной улице.

Около самой стройки он остановился как вкопанный, потом, прислонившись к столбу, на котором белела дощечка «Школа № 2», широко раскрыл глаза и медленно съехал на землю.

На их участке, быстро и ловко постукивая молотками, работали подростки. Все они были в одинаковых костюмах с одинаковыми пуговицами. На врытых столбах вдоль всего забора топорщились их жёсткие чёрные шинели и фуражки.

Подростки работали молча и сосредоточенно. Под их умелыми руками на глазах Вити быстро, как в сказке, рос долгожданный забор.

Витя не любил сказок и не верил чудесам. Но на этот раз он сильно заколебался. Мысли, как стая воробьёв, беспорядочно теснились в его голове. Чёрные шинели и чёрные фуражки на столбах, безмолвно двигающиеся фигуры, таинствен-

ный стук молотков и весь пустырь, выглядевший в этот ранний час как необитаемый остров, родили в Вите необыкновенную и великолепную фантазию: «Черноморцы! Молодые капитаны!»

Но из дома, накидывая второпях полушубок, вышел школьный сторож. Ему навстречу от кучки работавших отделился белобрысый паренёк. Витя насторожил слух, но уловил только одно слово: «Земляки...»

Школьный сторож, почёсывая бороду, долго стоял в недоумении. Вите показалось даже, что старик просто был пригвождён к месту таинственным словом, произнесённым молодым капитаном. Молотки, притихшие на минуту, застучали с новой силой.

Но Витя был не из трусливого десятка. Он не желал так позорно отступать, как отступил старик-сторож. Кроме того, вырастающий забор убеждал его в добрых намерениях неожиданных пришельцев. Мальчуган опустил воротник, вытащил наверх и расправил на груди алым бутоном свой пионерский галстук, крепче насадил на ухо бескозырку и вышел из прикрытия.

— Честь имею представиться! Брат моряка Черноморского флота, пионер из бригады Трубачёва, Виктор Бобров, по прозвищу Матрос! — лихо отрапортовал он.

Таинственные «земляки», не отрываясь от работы, сдержанно приветствовали его:

— Здоро́во, товарищ!

Витя с разочарованием увидел вблизи обыкновенные лица подростков с рассыпанными на щеках веснушками, с живыми мальчишескими глазами.

— Здравствуй, Виктор! — вдруг сказал зна-

комый ему голос. Белобрысый паренёк, улыбаясь, тронул его за плечо. — Вот мои земляки пришли вам помочь. Они на работу ловкие! Ворота тоже вам поставят. Народ сознательный, компанейский...

Витя глядел ему в лицо затуманенными глазами. И когда его великолепная фантазия рассеялась, он вспомнил всё: торжествующего Тишина, свою бригаду, проигрывающую соревнование, Трубачёва...

Он ещё раз взглянул на выросший забор, и буйная радость охватила всё его существо.

— Да здравствуют Андрейкины земляки! — неистово заорал он, подкидывая вверх свою бескозырку.

Ремесленники весело оглянулись на него, продолжая работу. Витя втиснулся между ними и тоже схватил молоток.

Через полчаса на участок явились все пятиклассники. Они, так же как Матрос, останавливались у входа и широко раскрытыми глазами глядели то на ремесленников, то на выросший за ночь новый забор.

Потом стала собираться бригада Кудрявцева. Ребята были растерянны и, не понимая, в чём дело, беспорядочно толклись вокруг Тишина. Тишин, наклонив голову, медленно обводил глазами ремесленников, прибивавших последние доски к забору на участке Трубачёва.

— Проиграли... — шопотом сказал кто-то из ребят.

Алёша Кудрявцев подошёл к товарищам. Губы его кривились улыбкой, тёмные брови вздрагивали.

— Мы проиграли... — ещё раз сказал кто-то.

Алёша не успел ответить. Часть ремесленников во главе с Андрейкой перешла на его участок и, словно соревнуясь со своими товарищами, застучала молотками.

— Они и нам строят! — удивлённо бросил кто-то из ребят.

Алёша, засунув в карманы руки, пошёл к ремесленникам. Остальные с тревогой глядели вслед своему бригадиру.

— Школа — это дело общее, — объяснил Кудрявцеву Андрейка. — Соревнование не в том, чтоб один на другого зверем смотрел. Соревнование — это для общей пользы. Вот мои земляки и решили — поможем школьникам построить забор. И ты пойми это правильно! Как тебя зовут? Алексей? А меня Андрей. На этом деле мы и подружимся с тобой!

Алёша нерешительно пожал протянутую ему руку. Потом вдруг тряхнул головой и засмеялся:

— Ловко это вы придумали! А я, пожалуй, и рад!

Он вдруг почувствовал, что с его души свалился тяжёлый камень. Нет, он не хотел унизить Трубачёва, он не хотел победы над Васьком Трубачёвым и его товарищами! И этому была глубокая тайная причина...

Вчера Алёша потихоньку унёс из пионерской комнаты дневник Одинцова. Об истории Трубачёва и его отряда он знал только понаслышке. Открыто расспрашивать товарищей о своём сопернике Алёше не приходило в голову — для этого он был слишком самолюбив. Но появившийся в школе дневник разжёг его любопытство.

— Мы будем все вместе его читать, — обещала школьникам Елена Александровна.

Но Алёша не хотел вместе со всеми слушать эту историю, он всегда делал вид, что она его нисколько не интересует. Вчера, улучив момент, когда ребята были заняты на работе, он проскользнул в пионерскую комнату и унёс дневник.

Медленно переворачивая страницу за страницей, он проникался глубоким волнением за всех, о ком с такой любовью писал Одинцов. Алёша не успел дочитать до конца эти страницы, но, засыпая, он видел перед собой Трубачёва, он стоял с ним рядом, он торопился исполнять его поручения, он признал его своим командиром...

И теперь, разговаривая с Андрейкой, чувствовал облегчение и радость оттого, что он больше не является противником Трубачёва.

Андрейка тоже радовался:

— Вот и хорошо, что ты сознательный! Васёк ведь ничего не знал, я земляков секретно привёл!

Успокоив своих ребят, Кудрявцев вместе с Андрейкой сделал на бумаге чертёж красивых ворот. Обсуждая этот чертёж с ремесленниками, он сказал:

— Надо Трубачёва спросить. Как ему — нравится или нет? А для директора пусть сюрприз будет!

Бригады вдруг слились вместе, дружно захлопотали.

Во втором этаже из окна учительской глядел директор.

— Чуть свет пришли, — шептал за его спиной Грозный. — Я вышел — батюшки мои, забор ставят! А вот тот курносенький железнодорожник — важный паренёк такой... Это, говорит, мои земляки, помогать пришли...

Леонид Тимофеевич вынул носовой платок, протёр очки:

— Вот и мы с тобой, старик, за наш труд получаем награду. Да ради одного этого можно всю жизнь ребятам отдать!

— Уж меня и то за сердце взяло, — покачал головой школьный сторож.

В раскрытое окно донеслись шумные голоса, дружная команда.

— Столбы на ворота ставят, — выглянув, сказал директору Грозный.

Глава 66

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Тётя Дуня не спала ночь. Васёк слышал её тихие шаги в кухне и, так же как она, думал об отце. Он представлял себе палату для тяжело раненных. Такая палата была в их госпитале. Там бессменно дежурили врачи и сёстры, туда не пускали ребят. Проходя по коридору, Васёк не раз видел в полуоткрытую дверь неподвижные, вытянувшиеся на койках фигуры; острые, бледные лица; выглядывавшие из бинтов лихорадочно блестевшие глаза. Мимо этой комнаты проходили на цыпочках... Теперь Васёк мысленно представлял, что в такой же палате лежит его отец, он видел свесившуюся с койки его безжизненную руку...

Васёк маялся всю ночь. Он открывал глаза, переворачивал намокшую от слёз подушку, снова видел перед собой госпитальную палату для тяжело раненных, слышал доносившиеся шорохи из комнаты тёти Дуни, засыпал, просыпался...

За окном медленно светало. Наконец, измученный тяжким беспокойством, он крепко заснул. И вдруг, сразу, с бьющимся сердцем вскочил на ноги. В окно глядело светлое утро, а внизу около входной двери раздавался звучный голос почтальонши:

— Знакомы-и! Письмецо получайте!

Давно-давно не будил их этот голос...

Опередив тётю Дуню, Васёк в одной рубашке выскочил во двор, схватил из рук почтальонши письмо... Прыгающие буквы на конверте ничем не напоминали ровный почерк Павла Васильевича, и всё же Васёк чувствовал, что это письмо от отца.

«Жив!» — мелькнула в голове у Васька радостная мысль.

— Сам ли пишет? — прошептала тётя Дуня, глядя, как племянник дрожащими руками разрывает конверт.

Павел Васильевич писал сам. Он сообщал, что лежит в госпитале, что попал он туда, будучи тяжело контуженным.

«Лежал я, мои дорогие, как мёртвый. Был глухой, немой. Не знал, когда ночь, когда день. Теперь понемногу стал приходить в себя, но здоровье возвращается не сразу. Сначала заговорил, потом стал сам ворочаться, а сейчас вот пишу левой рукой. Ты, Рыжик, таких каракулей не писал и во втором классе, а я вот пишу и радуюсь. Врачи обещают помаленьку выправить меня, может ещё и послужу Родине... Ты, Васёк, за тёткой смотри в оба глаза, она у нас чуть что — в слёзы... Со слезами надо, Дунюшка, справляться, крепче закалку иметь. А вы лучше

порадуйтесь, мои дорогие, потому что присвоено мне высокое звание Героя Советского Союза...»

Отец писал ещё, что как только выйдет из госпиталя, обязательно побывает дома.

«Вот и свидимся мы снова. Как дойду я в своих мыслях до этой минуты, так и молодею душой...»

Васёк бросился обнимать тётю Дуню:

— Приедет! Приедет! Выздоравливает он!

— Погоди, погоди! Читай сначала! Не разобралась я ещё, что и как... Левой-то рукой зачем он пишет? Ничего я не разобралась толком. Когда хоть приедет-то? Ведь Героя получил отец! Читай, голубчик, с первой строки, как он пишет...

Васёк читал с первой строки до последней. Снова начинал с первой... Тётя Дуня, поправляя очки, заглядывала через его плечо.

— О слезах-то прочти... Ишь, чтобы не плакать по нём! Распоряжение какое даёт, гляди-ка!.. Читай с первой строки. Ох ты, батюшки! Читай, читай! Ничего я толком не разберу... Дай-ка хоть в очки своими глазами погляжу, — повторяла тётя Дуня.

Васёк еле выпросил у неё письмо, чтобы почитать ребятам. Он решил показать его после занятий, боясь нарушить дисциплину на уроке, так как со вчерашнего дня их учительницей окончательно стала Елена Александровна. Она пришла на урок и решительно заявила:

— Теперь мы будем с вами заниматься два часа ежедневно одной арифметикой. Остальные занятия будет вести Екатерина Алексеевна, как и вела раньше.

Приход её снова ободрил ребят. Они ловили

каждое её слово с напряжённым вниманием. Но сегодня Васёк всё же не выдержал.

— Я получил письмо от отца, — неожиданно громко сказал он.

Письмо читали все. Екатерина Алексеевна крепко поцеловала Васька.

— Нам с Петей отец пишет часто, но я понимаю, что́ вы с тётей Дуней пережили, когда не было писем, — сказала она.

Елена Александровна прочитала письмо Павла Васильевича вслух, потом про себя. Ребята, гордясь отцом своего товарища, нетерпеливо и радостно ждали, что она скажет. Елена Александровна ничего не сказала о письме, а со своей обычной живостью подошла к столу и предложила:

— Садитесь! Мы сейчас напишем Павлу Васильевичу все вместе! Хорошо, Васёк?

Она в первый раз назвала Васька по имени, ему было это очень приятно. Но больше всего обрадовало его, что они все вместе напишут письмо отцу. Писали все. В бодрых, жизнерадостных строчках чувствовались светлые надежды на счастливое будущее.

Позанимавшись до обеда, ребята заторопились на стройку. Всем было ясно, что догнать бригаду Кудрявцева не удастся.

— На проигрыш идём! — собирая свои книги, тяжело сострил Мазин.

«Отец отличается, а я срамлюсь...» — с грустью подумал Васёк.

Остальные ребята молчали. Многим вспомнилось обещание, которое они дали друг другу на сборе: всё успевать, всё мочь, не говорить жалких слов и ни от чего не отказываться!

— Мы и не отказываемся! Разве мы отказываемся? — расстроенно бормотал Петя Русаков. — Мы ещё повоюем!

Но воевать им не пришлось.

Витя Матрос, то и дело выбегая на улицу, издали завидел идущих ребят. Он вскочил на столбик около тротуара и замахал руками, подавая какие-то сигналы. Елена Александровна шла вместе с ребятами. Неожиданное появление Вити Матроса рассмешило её.

— Вот выдумщик! Смотрите, что это он изображает?

— SOS! SOS! — усмехнулся Мазин.

Витя вдруг спрыгнул на тротуар и помчался к ним навстречу.

— Трубачёв! Забор — во! Тишин — фьють!.. Земляки!.. Ворота!.. — бессвязно кричал он на бегу, тараща чёрные, сверкающие радостью глаза.

— Стой, стой, парень! — схватил его за плечо Мазин. — Дай-ка голову пощупать, ты что-то того...

— Совсем я не того, совсем не того! — вырываясь, быстро заговорил Витя. — Я сам сначала думал, что я того, а я не того...

Елена Александровна перестала смеяться и строго сказала:

— Не кривляйся, Витя! Терпеть не могу, когда кто-нибудь дурачком прикидывается!

— Да я не прикидываюсь, честное слово! Сейчас сами увидите! Идите скорей — и увидите!

Ребята, оставив Елену Александровну с девочками, побежали вперёд.

— Ты хоть скажи толком, что случилось? — волнуясь, спрашивал Витю Трубачёв.

Но Витя повторял своё:

— Сами сейчас увидите!

Ребята добежали до стройки. Перед их глазами по обе стороны входа желтел новый зубчатый забор. Школьники и незнакомые подростки дружно ставили ворота. Они укрепляли в яме высокий столб, поддерживая его со всех сторон и громко командуя:

— Прямее держите!

— Засыпай землёй, ребята!

— Стой, я спрыгну, утрамбую землю маленько!

Витя, протиснувшись в кучу ребят, тоже ухватился за столб.

Васёк поглядел на своих товарищей. Они стояли в полном недоумении. Школьники, видя их удивлённые лица, весело посмеивались. Андрейка, торопясь к ним навстречу, улыбался и кивал головой.

— Здоро́во, товарищи! — сказал он, подойдя ближе и протягивая всем по очереди руку. — Не обижайтесь на моих земляков — они тут без вас похозяйничали малость. Ремесленники! Ловкий народ!

— Андрейка, да ведь это просто чудо какое-то! — глядя на него широко открытыми глазами, прошептал Васёк.

— Чудо в сказке бывает, а у нас это товарищеской помощью называется, только и всего. Вот кончится война — пойдут мои земляки новые сёла отстраивать. И мою деревню отстроят, уж я с ними договорился, что мне там желательно. Я свою деревню по новому плану буду строить!

Ребята всё ещё не могли прийти в себя. Потом Мазин весело расхохотался:

— Ну озадачил ты нас! Мы ещё на эту постройку не надивимся, а он уже про деревню толкует!

— Вперёд глядеть никогда не вредно, — пошутил Андрейка и, увидев, что столб уже врыт, заторопился: — Ну, пойдёмте, познакомлю с земляками! Вот они стоят, поджидают!

Ребята пошли знакомиться. Они крепко пожимали ремесленникам руки, смущённо благодарили за помощь.

— Ну, что это за работа — это для нас одни пустяки! Мы на больших постройках работаем!

Подошла Елена Александровна. Глаза её от глубокого, радостного волнения казались ярко-синими.

— Товарищи ремесленники, директор хочет лично поблагодарить вас. Пойдёмте в дом!

— Пойдёмте, пойдёмте! Мы вам нашу школу покажем! — зашумели ребята.

Ремесленники, окружённые шумной толпой школьников, двинулись к дому.

— Андрейка, у меня такой счастливый день сегодня!.. — шептал Васёк, крепко сжимая руку своего друга. — Побольше бы таких дней, Андрейка!..

Ремесленники познакомились с директором, тщательно осмотрели весь дом, подолгу останавливаясь в классах и беседуя между собой на том особом языке специалистов своего дела, который приводит в смущение несведущего человека и вызывает глубокое уважение окружающих. Прощались они со всеми за руку и благодарность принимали сдержанно, с достоинством.

— Хорошие вы ребята! — с чувством сказал Андрейке Леонид Тимофеевич. — Только почему ты называешь их своими земляками? Разве вы из одной деревни?

— Какое из одной! Тут со всех концов нашей земли собрались, кто откуда! — усмехнулся Андрейка и серьёзно добавил: — А всё равно земляки — одна Родина у всех!

Уходили ремесленники так же красиво, как работали. Их одинаковая форма и фуражка с золотыми надписями «Трудрезервы» без слов указывали на то, что это идёт сплочённый отряд тружеников — молодых строителей своей страны.

Леонид Тимофеевич задумчиво глядел им вслед, потом, заметив рядом Алёшу Кудрявцева, спросил:

— А чем же кончилось ваше соревнование?

— Соревнование кончилось вничью, — спокойно ответил Алёша.

— Победили земляки! — сострил кто-то из ребят.

Глава 67

ПРАЗДНИК У ЛИДЫ

После занятий Лида отвела ребят в сторонку и торжественно сказала:

— Маму приняли в партию!

— Вот это здорово! Поздравляем тебя, Лида! — обрадовались ребята.

— Давай твою руку! — вспомнив Грицько, улыбнулся Мазин.

— Молодец твоя мама!

Проводив подругу, устроили спешное совещание.

— Давайте напишем Лидиной маме письмо! — предложил Сева.

— Зачем письмо? Просто пойдём сами и поздравим! Это ведь раз в жизни у человека бывает такое событие!

— То-то я смотрю — Лида пришла сегодня весёлая такая! — заметил Саша.

— А я знала! Я с самого утра уже знала! — похвасталась Нюра.

— Ну, так как будем поздравлять, ребята? — спросил Васёк.

— Я думаю, просто пойдём вечером и скажем, что мы все очень рады и желаем успехов, — предложил Одинцов.

О Лидиной новости ребята сообщили своим домашним.

— Обязательно пойдите! И от меня поздравьте! — сказала Ваську тётя Дуня. — Я бы сама зашла, да поздно работу кончаю. Неудобно на ночь глядя!

Вечером ребята толклись у Лидиного дома.

— Рано пришли. Ирина Николаевна ещё на работе, — сказал Петя. — Уйдём лучше пока.

— Вообще неудобно стоять здесь. Не на дворе же человека останавливать, чтобы поздравить! — пошутил Одинцов.

Ребята прошлись по улице. Лида, сидя дома, видела их из окна и волновалась. Когда уж совсем стемнело, на тротуаре послышались быстрые шаги, и Лидина мама прошла мимо спрятавшихся за воротами ребят.

— Прошла... — тихо сказал Петя. — Теперь идёмте!

— Подожди. Пусть хоть пообедает, ведь она после работы! — остановили его товарищи.

Снова погуляли по улице. Потом Одинцов решил:

— Я думаю, уже можно.

Вытерли на крыльце ноги. Осторожно позвонили у входной двери.

— Гуськом идите! — предупредил Васёк.

Открыла Лида.

— А! Здравствуйте! А я думаю, кто это? — притворно удивилась она.

— Здравствуй, Лида! Мы к твоей маме. Можно её повидать? — приглаживая свой чуб, осведомился Васёк.

Лидина мама вышла в переднюю:

— Кто меня спрашивает, Лидуша?

Ребята бросились к ней все вместе. Одинцов не успел сказать приготовленную речь.

— Поздравляем вас, Ирина Николаевна!

— Мы пришли вас поздравить со вступлением в партию!

— Мы все очень рады за вас! И за Лиду рады, что у неё мама — коммунистка! — толпясь в передней, кричали ребята.

— Спасибо, спасибо! Я очень тронута, ребята! Идите в комнату... Лидок, зови товарищей в комнату! — говорила Лидина мама, пожимая протянутые к ней руки. — Спасибо вам, дорогие! Это очень трогательно, что вы пришли!

В комнате Одинцов ещё раз официально поздравил Ирину Николаевну «от лица знакомых ей пионеров» и пожелал всяческих успехов.

Лидина мама, весёлая, добрая, такая же быстрая и живая, как Лида, всегда нравилась ребятам. Бывая у подруги, они чувствовали себя просто, без стеснения. Теперь же к чувству симпатии прибавилось глубокое уважение. Когда

Лидина мама входила в комнату, все сразу вскакивали, уступая ей место.

— Сидите, сидите! Сейчас будем чай пить... Вот какие гости у меня сегодня неожиданные! — говорила Ирина Николаевна, расставляя на столе стаканы.

Мальчики быстро освоились и сели играть в шашки. Лида и Нюра, присев на корточки около этажерки с книгами, оживлённо разговаривали. Потом Нюра спросила:

— Ирина Николаевна, правда, что вы по всем этим книгам учились?

— По некоторым училась, а другие просто прочитала.

Нюра остановила долгий, внимательный взгляд на книгах. За столом ребята весело болтали, рассказывали Лидиной маме о последних событиях в школе, о Васе, о новой учительнице Елене Александровне и о том, что они с её помощью обязательно перейдут в шестой класс.

Нюра слушала, рассеянно улыбаясь и думая о своей матери. С тех пор как Мария Ивановна стала бывать в школе, отношения её с дочерью изменились. Мария Ивановна на всё теперь смотрела глазами Леонида Тимофеевича.

«Выдержат — так выдержат экзамен, а не выдержат — так будут учиться в пятом классе», — сказал ей однажды директор.

Мария Ивановна была рада переложить хоть часть своих забот на Леонида Тимофеевича и молоденькую учительницу. Кроме того, увлекшись работой в школе и ближе познакомившись с товарищами Нюры, она вдруг поняла, что страхи её были напрасны, и, как бы заглаживая свою вину перед дочерью, часто говорила:

«Расстроенный человек бывает и несправедлив, ищет виновников своего горя и попадает на невиноватых. Так и я на ребят твоих думала».

Помирившись с матерью, Нюра тоже постепенно успокоилась, мать снова вызывала в ней чувство нежности и любви. Глядя, как старательно и серьёзно она помогает Федосье Григорьевне шить занавески для школы, как, окружённая ребятами, кроит мешочки для подарков бойцам, Нюра радовалась, что её мать уже не сидит дома, а участвует в общей школьной работе. Даже внешне Мария Ивановна очень изменилась. Она ходила теперь в тёмном платье и убирала волосы под скромную косыночку. И когда однажды Нютка, прыгая через верёвочку, нашла моток ниток и наивно спросила, какой учительнице их отдать — Федосье Григорьевне или Марии Ивановне, Нюра крепко поцеловала девочку и тихо шепнула:

— Отдай Марии Ивановне!

Теперь, празднуя радостное событие в доме подруги, она невольно сравнивала мать Лиды со своей матерью и снова чувствовала щемящую жалость в сердце при мысли о том, что её маме, может быть, никогда не суждено стать в один ряд с такими людьми, как Лидина мама. И от этих мыслей в душе Нюры поднималось горячее желание помочь своей матери стать равной с другими. Сидя за столом и медленно отхлёбывая из чашки остывший чай, она, забывшись, смотрела на полку с книгами, по которым училась Лидина мама.

А когда ребята собрались уходить и Ирина Николаевна на минутку замешкалась в ком-

нате, Нюра, смущаясь до слёз, тихонько попросила:

— Дайте мне для мамы одну книжку... вот из этих, что на полке.

Ирина Николаевна удивилась, потом обрадовалась:

— Конечно! Конечно, возьми! Сейчас я сама тебе найду.

Она достала две книжки и, заворачивая их в газету, предупредила:

— Скажи маме, если что-нибудь непонятно будет — я с удовольствием помогу. Пусть она не стесняется, я сама ещё многого не знаю, мы вместе будем учиться!

Нюра взяла книги и, наскоро простившись с ребятами, побежала домой.

Поздно вечером Мария Ивановна, наклонившись над столом, медленно листала страницы книги, задумчиво глядела на обложку, на которой крупным шрифтом было напечатано: «История Всесоюзной Коммунистической партии...»

Нюра, прижимаясь к плечу матери горячей щекой, взволнованно говорила:

— Ирина Николаевна тебе поможет, мамочка... Вы будете учиться вместе!

Глава 68

ТАНЯ

Было уже поздно, и Васёк, выйдя от Лиды, решил забежать за тётей Дуней.

— Скоро начнутся тёмные вечера. Тебе придётся каждый день тётю Дуню встречать, — пре-

дупреждал его когда-то Саша: — она в темноте плохо видит.

— Я один не смогу каждый вечер, придётся нам всем по очереди, — серьёзно отвечал Васёк.

— Ну что ж, будем по очереди, — соглашались товарищи.

Заботиться о тёте Дуне каждый считал своим долгом — ведь это она первая приняла их, когда они вернулись с Украины.

Сегодня, выйдя из освещённой комнаты Лиды, Васёк словно ослеп в темноте и сразу сильно забеспокоился:

— Побегу, ребята! Прощайте! До завтра!

Тётю Дуню он встретил по дороге. Она шла посреди мостовой, неуверенно переставляя ноги в тяжёлых башмаках. Васёк бросился к ней, радуясь, что они пойдут вместе по тёмной, неприветливой улице, что вместе откроют дверь запертого дома и войдут в свой тёплый, уютный угол.

— Осенью я всегда тебя встречать буду. А когда не смогу, то ребята по очереди, — сказал он, беря её за руку.

Но тётя Дуня вдруг запротестовала:

— Это что ещё удумали? За руку будут водить! Нашлись умники!

— Да ведь ты поздно с работы идёшь, — растерялся Васёк.

— Когда полагается, тогда и иду. Скакать не скачу, и опрометью бежать мне нечего. А у вас занятий и без меня хватает... Какие провожатые нашлись!

Васёк засмеялся:

— Храбрая ты, тётя Дуня!

— Закалилась. Не время себя распускать.

Вот и насчёт слёз тоже. Правильно отец твой пишет: слеза не помощник, против неё тоже закалку надо иметь!

— Ну вот! — обрадовался Васёк. — Значит, не будешь больше плакать?

— Нипочём не буду. Ни к чему это. Характер у меня твёрдый, трубачёвский! — с гордостью сказала тётя Дуня.

Васёк улыбался и, поддерживая тётку, незаметно направлял в темноте её неуверенные шаги. Они подошли к дому. Васёк нагнулся, чтобы взять под крыльцом ключ, но ключа не было.

— Никак не найду ключа, — сказал он, шаря в темноте руками.

— Ищи, он на своём месте должен быть, — забеспокоилась тётя Дуня.

— Может быть, мы забыли его в двери? — предположил Васёк и взбежал на крыльцо. Дверь оказалась запертой изнутри.

— Батюшки! Ведь, кроме своих, никто не знает, где мы ключ кладём. Кто же это? — прошептала тётя Дуня.

Васёк крепко подёргал ручку. Наверху раздался скрип отворяемой двери, и по ступенькам дробно застучали чьи-то шаги. Дверь широко распахнулась, и на пороге встала девушка. Она была в шинели, без шапки, короткие волосы пушистыми прядями покрывали жёсткий воротник.

— Таня! — вскрикнул Васёк.

— Родные мои, милые!.. — зазвенел знакомый девичий голос.

Тётя Дуня прижалась лицом к Таниной шинели:

— Доченька!..

Таня обнимала тётю Дуню, целовала её воло-

сы, морщинистые щёки... Потом прижала к себе Васька.

В маленькой кухоньке ярко загорелась лампа, зашумел чайник. Таня, похожая на молоденького красноармейца, сидела за столом в военной гимнастёрке. Васёк глядел в её карие глаза с золотистым блеском и не узнавал прежнюю Таню.

В глубине этих знакомых с детства глаз таилась непривычная суровость, около румяных губ залегла глубокая складка. Васёк не знал, откуда Таня пришла, где живёт и как борется с врагами.

— В землянке живёшь, Таня? — шопотом спросил он, припоминая всё, что слышал о другой девушке-партизанке, о подвиге которой прочитал им однажды Костя. — В лесу?

Таня кивнула головой, сузила глаза:

— Огромные леса у нас, Васёк! И не знала я, что есть такие чащобы на свете.

Тётя Дуня тревожно взглянула на неё:

— Батюшки! В чаще и волк заесть может!

Васёк и Таня улыбнулись.

— Фашисты хуже волков, — обнимая её за плечи, сказала Таня.

— А фашисты где ж там тебе встречаются? Поодиночке ходят или скопом? — испуганно спросила тётя Дуня, силясь понять, что делает Таня в густом лесу, где воют волки и бродят двуногие звери — фашисты.

— Да не они мне встречаются, я сама их встречаю, — блеснув глазами, усмехнулась Таня.

— Батюшки!.. — прошептала тётя Дуня, вытирая платком покрасневшие глаза. — Какой задор в тебе развился! Девчонка ты молодая... убьют ведь, искалечат...

— Мы их больше побили!

Пухлые губы Тани вдруг крепко сжались и стали тонкими, твёрдыми, брови сошлись на переносье, усиливая то новое выражение суровости, которое Васёк с первого взгляда уловил в её глазах.

Тётя Дуня замолчала.

— Страшно тебе, Таня? — крепко пожимая Танину руку, спросил Васёк.

— Бывает и страшно. Выйдешь ночью — лес, глухомань. Будто наугад идёшь, ничего не видишь. Цепляешься за кусты, за траву, где ползком, где на корточках, и всё кажется — рядом кто-то валежником шебуршит, вот-вот схватит... А потом обвыкнутся глаза — и ничего... Ненависть сильнее страха, она куда хочешь поведёт.

«А куда ты ходишь, Таня?» — хочет спросить Васёк, но не спрашивает — может быть, она это не должна говорить.

— Много таких, как ты? Товарищей с тобой много?

— Пять человек нас спустили, а сейчас мы с партизанами соединились — там нас много.

Васёк жадно раскрывает глаза.

— Как спустили? С парашютом? — шепчет он.

Таня кивает головой. Приподнимает светлую прядь коротких волос и показывает Ваську длинную, глубокую царапину около уха.

— В первый раз я спускалась. Вот как протащил меня парашют... по кочкам, по болоту... Дай-ка зеркальце, я погляжу — сильно изуродовал? — совсем по-девичьи беспокоится она, вглядываясь в свой шрам на щеке.

— Да нет, ничего не видно под волосами! — торопится уверить её Васёк.

— Ишь ты! — удивляется тётя Дуня. — О смерти не думаешь, а за красоту боишься.

Таня краснеет, и милое, смущённое лицо её прежней, весёлой девочки вызывает у Васька яркое воспоминание о том времени, когда ему приходилось защищать её от тётки.

— Конечно, тётя, что ж тут такого? Никому не хочется, чтоб на щеке шрам был, — неумело вступается он за свою подругу. — Таня у нас красивая...

— «Красивая, красивая»... — ворчит тётя Дуня.

Ей чудится в девушке легкомысленный задор юности, слепое безрассудство, никому не нужная смелость, с которой она сама суётся в логово врага...

— Кто у вас старший-то хоть? Командир, что ли? Или все такие молоденькие? — со вздохом спрашивает она.

— Есть и старшие. Командир наш — тоже комсомолец, хоть и старше всех, — задумчиво говорит Таня, и лицо её вдруг светлеет. — Недавно мы у фашистов много своих людей отбили. В Германию они их хотели отправить, а мы по дороге отбили.

— Как же это? Расскажи, Таня, — просит Васёк.

Тётя Дуня присаживается к столу:

— Отбили, говоришь?

— Ну да... Мальчонка из села прибежал, плачет: половину, говорит, деревни фашисты забрали — молодых и старых, женщин и девушек, повели к станции в вагоны грузить. Ну, мы и побежали к дороге. Спрятались во рву. Пять человек нас было. Видим — правда, ведут. Всех

вместе, друг с дружкой, связали рядами... Командир и говорит одному нашему комсомольцу... Серёжа его звали... славный такой был...

— Убит? — с испугом спросил Васёк.

— Нет, ранен сильно... Привезли мы его... Ну вот, командир ему велел в охрану стрелять, когда подойдут ближе, чтоб панику сделать... — Глаза Тани презрительно сощурились. — Весь конвой за спины наших людей спрятался, как заслышал выстрелы. Ведь фашисты подлые и трусливые. Связанные люди сбились на дороге, а конвой из-за их спин отстреливается...

— Батюшки!.. — слабея, прошептала тётя Дуня.

— Женщины кричат... Страшно! — глядя в широко раскрытые глаза Васька, продолжала Таня.

— И как же вы?

— Мы к переднему ряду бросились, давай людей развязывать... Не глядя, верёвки разрезáли. Кого освободим, те с нами на конвой нападают, кто с чем... Конвой растерялся, палит куда попало, а мы на него со всех сторон напираем. Не забыть мне одну старуху. И откуда она взялась? Видно, лесом за внуком шла. Мальчишку у неё в селе взяли. Чёрная, глаза — как угли... Выскочила из кустов с дубинкой — и на конвой! Мы к ней. «Бабка, — кричим, — отойди!» А она и слушать не хочет. Что ты с ней сделаешь! — мягко улыбнулась Таня.

— Всех освободили? — спросил Васёк.

— Всех. С нами в лесу живут.

Тётя Дуня встала, обхватила руками Танину голову:

— Спасибо, доченька! А я-то, глупая, ничего

в ваших делах не разбиралась, думала — один задор в тебе...

Сидели долго. Таня расспрашивала Васька и тётю Дуню об их делах, читала письма Павла Васильевича...

На рассвете Таня ушла. Тётя Дуня и Васёк стояли на крыльце. Гулкие девичьи шаги долго раздавались в тишине пустой улицы. Тётя Дуня плакала.

— Ведь вот... Паша свои замечания насчёт слёз делает, а ведь тут, поди-ка, случай какой... Таня пришла... жива-невредима... — заметив расстроенный взгляд Васька, оправдывалась она.

Глава 69

НА НОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Прошло 7 августа. Это был торжественный день для всей школы: государственная комиссия приняла новое здание, отстроенное руками школьного коллектива.

Секретарь райкома вместе с приезжими незнакомыми людьми снова обходил весь дом, внимательно оглядывая потолки, стены, полы и крышу. Юные строители издали наблюдали за приезжими и волновались до тех пор, пока секретарь райкома торжественно не объявил, что здание принято. Тепло поздравив директора и ребят с восстановлением школы, он пожелал успехов в учёбе и, пообещав ещё не раз навестить их в будущем учебном году, уехал. Вместе с ним уехали и незнакомые люди, принимавшие здание. Ребята бросились к директору.

— Ур-ра! Ур-ра! — хором кричали они, тес-

ной толпой сгрудившись на лестнице перед учительской. — Ур-ра! Ур-ра Леониду Тимофеевичу!

Леонид Тимофеевич вышел к ним растроганный и радостный.

Ещё раз поздравив их и себя с благополучным завершением работы, он поднял руку и сказал:

— Но дело наше не кончено! Не кончено! И самое главное — впереди!

Ребята мгновенно смолкли и переглянулись. Глаза у директора смеялись, но он не шутил.

— Что, задумались? А загадка, по-моему, совсем не трудная. Ну-ка, подумайте, что главное у нас впереди?

Елена Александровна невольно выступила вперёд и, покраснев, отошла.

— Вот я вижу, что Елена Александровна уже отгадала, но я её не спрошу, — засмеялся директор, лукаво поглядывая на смущённую учительницу. — Я хочу, чтобы мне школьники ответили, что ещё впереди самое главное.

Ребята начали отгадывать:

— Убрать классы!

— Парты перевезти!

— Пригласить учителей!

— Перевезти из старой школы имущество!

— Всё это верно: убрать классы, перебраться из старой школы на новое хозяйство, пригласить учителей, — всё это верно и совершенно необходимо. Но главное всё равно остаётся впереди, — поддразнивал школьников Леонид Тимофеевич.

Ребята вдруг догадались все сразу.

— Главное — хорошо учиться! Учиться! Учиться на «отлично»!—весело выкрикивали они.

— Ну вот, наконец-то вспомнили, зачем школу строили! — смеялся над ними директор.

Васёк, стоя среди школьников, обменялся со своими товарищами тревожными взглядами.

«А мы-то... а мы-то как?» — думалось каждому. Елена Александровна заметила их волнение и, подняв голову, стояла решительная и непоколебимая, глядя перед собой упрямыми синими глазами. Только пальцы её рук, заложенных за спину, крепко сжались.

Решено было немедленно начать перебираться из старой школы.

Ребята забегали по лестнице, зашумели. Елена Александровна оторвалась от своих мыслей.

— Выйдите все во двор! — скомандовала она. — Я сама распределю. Вы переполошите весь госпиталь! Постройтесь во дворе... Иван Васильевич, вы пойдёте с двумя девочками. Они помогут вам перенести ваши пожитки. Ещё двое пойдут со мной. Остальные, в полном порядке и совершенно тихо, будут ждать у ворот госпиталя. Мы вынесем им парты и всё, что можно перенести на руках, — объясняла Елена Александровна. — Толя Соколов, бери первую партию ребят...

На помощь Елене Александровне вышел директор. Когда всё утихло и наступил полный порядок, первая партия ребят двинулась к госпиталю.

В этот день жители городка с удивлением смотрели, как по улице весело шествовали школьники, перетаскивая на руках столы, парты и учебные пособия. Младшие несли стулья и, продев головы через спинки, весело барабанили пальцами по сиденью и пели кем-то наспех сочинённую незатейливую песенку:

Шагаем мы по улице
И в барабаны бьём!

Назло проклятым гитлерам
Учиться мы идём!

Мазин тащил из бывшей учительской огромное кожаное кресло. Он останавливался на улице, ставил кресло и, развалившись в нём, отдыхал посреди дороги, перебрасываясь весёлыми шутками с прохожими.

В госпитале ребята вели себя тихо. Осторожно вытаскивали из сарая сложенную там школьную мебель, разговаривали шопотом, с опаской поглядывая на окна палат. Школьный сторож, собирая пожитки, кряхтел и, стоя посреди своей бывшей каморки, задумывался. Девочки, помогавшие ему перебираться на новую квартиру, почтительно стояли на пороге и ждали.

— Вы того... тут вот ящик у меня с приборами из физического кабинета — вещи тонкие, поосторожнее надо... — бормотал старик.

— Давайте, давайте! Мы донесём! — уверяли его девочки.

Старик передавал ящик и снова задумывался, глядя на старые, знакомые стены своей каморки, где уютно и мирно прошли двадцать лет его жизни...

— Эх, привык я, ребята, к этому дому... Вот тут у окошечка сколько мыслей перевернул в своей голове, скольких ребят встречал и провожал на этом крыльце... Эх-хе-хе... Сколько всякого разного было в жизни, всё добром вспоминаешь. А вот тот день, когда войну объявили, как крючок в памяти, будь они прокляты, живодёры эти, фашисты! — вздыхал школьный сторож, прикрывая за собой дверь опустевшей каморки.

В госпитале переезд тоже вызвал оживление. Нина Игнатьевна радовалась освобождению

лишней комнаты и загруженных школьной мебелью сараев. Комната бывшего сторожа была нужна сестре-хозяйке под кладовую. Санитарки спешно мыли и чистили её, не обращая внимания на старика.

— Ну, ну, заторопились! Ещё человек ноги не унёс, а они уже — раз-два, живо тряпок понакидали, ручьи распустили по всему полу... — сердился Грозный, никогда не допускавший и мысли, что кто-нибудь может хозяйничать в его комнате, хотя бы и опустевшей.

Ключи от классов и от сарая он долго не хотел отдавать.

— Да зачем они вам, Иван Васильевич? У вас теперь в новой школе ещё больше ключей будет, — мягко уговаривала старика Нина Игнатьевна и тут же, уступая ему, как упрямому ребёнку, снисходительно говорила: — Ну, оставьте, оставьте себе от классов — мы палаты не запираем. Но вот от своей комнаты и от сарая, уж пожалуйста, отдайте. Ведь у вас почти всё перевезено...

Грозный со вздохом отдавал ключи, строго предупреждая:

— Не потеряйте! Я двадцать лет хранил...

Уходя, он потребовал халат, прошёлся по всем коридорам и, забывая, что из госпиталя уже давно выписались те бойцы, которые помнили строгого старика, жившего под лестницей в маленькой каморке, Грозный осторожно открывал двери палат и растроганно кланялся:

— До свиданьица!

— До свиданья, отец! — хором отвечали ему бойцы.

— Что, уезжаешь, что ли, куда? — удивлён-

но спрашивали некоторые, разглядывая незнакомого старика.

— До свиданьица... двадцать лет тут работал... — качал головой старик.

Нюра и Лида, прощаясь со старшей сестрой, просили поберечь Валину берёзку.

— Мы её осенью обязательно пересадим, — говорили они. — Это наша. Она тоже пойдёт с нами в новую школу.

— Ну конечно, конечно! Да ведь вы и сами прибежите не раз. Разве мы расстаёмся навеки? — улыбалась Нина Игнатьевна. — Вы здесь помощницы!

Васёк на одну минутку заглянул к Васе. Тот обнял его за плечи и быстро шепнул:

— Уезжаю, браток! Скоро к вам в школу прощаться приду.

Потащив Васька в палату, он отвернул на койке край матраца и добавил с лукавым озорством:

— Вот она, шинель-то! Выдали... Донял я их тут... Не моя ведь шинель — командира... ты потрогай... А вот тут, гляди... — Глаза его стали озабоченными, он вытащил один рукав и показал Ваську опалённую огнём дырку у обшлага. — Осколком пробило... Руку, видать, ему задело. Может, и кровь тут была, да дезинфекцией вывели.

Васёк с трепетом взял жёсткий рукав, осторожно потрогал дырку от осколка.

— А больше-то нигде ничего нет, я всё осмотрел, — переворачивая шинель, говорил Вася и, радостно вскинув брови, вдруг спросил: — Может, этот осколок в меня попал, а? Когда я под шинелью его лежал... У меня в ногах-то сколько

осколков было! Может, и этот вынули? Как думаешь?

Васёк не знал. С нежностью гладя жёсткое сукно шинели, он думал об отце, об учителе и о неизвестном раненом командире.

* * *

Перевозка кончилась поздно. Завтра предстояло красить и обновлять парты. Елена Александровна торопила ребят расходиться по домам. Васёк вспомнил, что он ещё не читал дневника, который без него дописывал Одинцов.

«Надо взять на вечер домой, почитать», — подумал он и побежал в пионерскую комнату.

Около круглого столика стоял Алёша Кудрявцев. Углубившись в чтение, он не слышал, как скрипнула дверь. Но, почувствовав на себе чей-то взгляд, быстро закрыл дневник и обернулся. На пороге стоял Трубачёв.

Глава 70

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Весь этот день Алёша мучился желанием дочитать дневник. Остановившись на описании того, как Трубачёв и его товарищи скитаются в лесу, Кудрявцев вынужден был отнести дневник и положить на место, чтобы ребята не заметили его исчезновения.

Помогая в перевозке мебели, складывая на дворе парты, он вдруг задумывался о прочитанном, отвечал на вопросы невпопад и с нетерпе-

нием ожидал вечера, когда ребята начнут расходиться по домам. Постепенно сутолока в доме и во дворе утихла. Алёша незаметно пробрался в пионерскую комнату. Как раз в этот день в пионерской комнате было проведено электричество, и на радостях там всё время горел свет. Алёша осторожно прикрыл за собой дверь, задёрнул занавески и, найдя страницу, на которой он остановился, углубился в чтение.

Шаг за шагом вместе с голодными и измученными ребятами добрался он до Макаровки, в его ушах шумел лес, во рту пересыхало от жажды, ему казалось, что вокруг носится запах хвои и мяты...

Алёша забыл, что он находится в пионерской комнате, куда каждую минуту может кто-нибудь войти.

Он вместе с ребятами подходил к Макаровке, волнуясь и радуясь предстоящему свиданию с девочками. Смерть Вали Степановой потрясла его. Чёрные строчки, старательно выписанные разборчивым почерком Одинцова, запрыгали перед глазами, горячий комок сдавил горло...

В комнату кто-то вошёл. Алёша закрыл дневник, испуганно оглянулся и встретился с удивлённым взглядом Трубачёва. Секунду они стояли друг против друга, лицом к лицу. Васёк видел широко открытые глаза Кудрявцева. Только что пережитое волнение оставило в них тёплый, влажный блеск.

— Алёша... — тихо окликнул Трубачёв.

Кудрявцев шагнул вперёд и без слов протянул товарищу руку. Васёк крепко сжал его пальцы.

За дверью вдруг раздались лёгкие шаги, и в комнату заглянула Елена Александровна.

Два мальчика, держа друг друга за руки, стояли около круглого столика.

— Мы уже уходим, — сказал Трубачёв и, потянув за собой Алёшу, вышел в коридор.

Они молча миновали классы, закрыли за собой парадную дверь и пошли по двору. Белеющий в сумерках забор живо напомнил обоим их недавнее соперничество и вражду. Алёша ещё крепче сжал руку Трубачёва. Васёк, улыбаясь, взглянул в лицо товарищу и просто сказал:

— Я всегда хотел с тобой дружить.

— Я тоже... — волнуясь, прошептал Алёша. — Но я сделал много плохого...

— Об этом не вспоминают, когда мирятся, — быстро перебил его Васёк. — И после ссоры дружба бывает ещё крепче.

Мальчики пошли вместе домой. По дороге они говорили много и торопливо, забрасывая друг друга вопросами, как люди, встретившиеся после долгой разлуки. Васёк с дружеской откровенностью рассказал о своей тревоге за отца, рассказал, как он и его товарищи всю зиму занимались с Костей, с Анатолием Александровичем, с Екатериной Алексеевной, как теперь к ним на помощь пришла Елена Александровна, какая она замечательная учительница!

— И всё-таки нам очень страшно: ведь нам предстоит экзамен! Можно не ответить на какой-нибудь вопрос — и тогда конец, сесть на второй год! Мы об этом даже думать не можем! — говорил Васёк.

— Как бы Елена Александровна вас не подвела! Ведь она всё-таки печник, — заволновался Алёша.

Васёк остановился, серьёзно поглядел ему в глаза:

— Елена Александровна — очень хорошая учительница, и она настоящий друг ребятам.

Алёша молчал.

— Я хочу, чтоб ты знал это, Алёша, — настойчиво повторил Васёк и снова горячо начал рассказывать, как в самый трудный момент их жизни пришла к ним на помощь Елена Александровна, как она изо всех сил старается подогнать их по арифметике, какая она строгая и справедливая. — Не её вина будет, если мы всё-таки останемся на второй год, — грустно закончил Васёк.

— Вы не должны остаться, Трубачёв! Мы будем из класса в класс переходить вместе. У меня никогда не было настоящего друга... Я прочёл ваш дневник и многое понял... Послушай, Трубачёв! Может быть, вас переведут без экзамена? Ведь директор знает, что вы пропустили год, что вам трудно... — заволновался Алёша.

Васёк засмеялся:

— Чудак ты, Алёша! Ведь это учёба, тут уж поблажки ждать нечего!

Мальчики проговорили до позднего вечера. Сначала Алёша провожал Трубачёва, потом Трубачёв — Алёшу. Во дворе своего дома Кудрявцев увидел отца. Накинув на плечи китель, генерал вместе с шофёром возился около машины.

— Подожди! Я только скажу отцу и опять провожу тебя, — быстро шепнул Ваську Алёша.

Генерал вышел к воротам сам.

— Я сердечно рад! — сказал он, крепко пожимая руку Ваську.

Глава 71

ЗАВЕРШЁННЫЙ ТРУД

Был тёплый, солнечный день. Во дворе школы, поблёскивая свежим лаком, как чёрные паровозики, стояли ряды обновлённых парт. Около них вертелись школьники с кистями и консервными банками, наполненными лаком. Это была весёлая работа, каждому хотелось красить парты для своего класса. Тут же, на дворе, оба Мироныча занимались починкой отсыревшей в сарае мебели. Грозный со старшими ребятами приводил в окончательный порядок весь дом. Толя Соколов вместе со своими семиклассниками заканчивал проводку электричества.

В зале впервые заговорило радио. Теперь уже можно было всем вместе послушать сводку. Леонид Тимофеевич смотрел, как просторный, сверкающий белизной школьный зал наполнялся будущими учениками, как, чинно рассаживаясь на стульях, они приготавливались слушать дневное сообщение.

Маленькая сцена, покрытый красным сукном стол, стулья с кожаными спинками напоминали старую, милую школу — только всем казалось, что школа эта вдруг выросла, раздвинула свои стены и посветлела. Леонид Тимофеевич стоял за столом, под большим знакомым портретом Сталина, и с глубоким волнением глядел на серьёзные, поднятые вверх лица школьников. «...На Воронежском фронте наши войска заняли несколько населённых пунктов, уничтожив при этом тысячи немецких солдат и офицеров. Наши части, переправившиеся на западный берег Дона,

отбили несколько атак противника и уничтожили двенадцать немецких танков» [1].

Ребята слушали и думали о том, что где-то на фронте люди, не жалея жизни, борются, отстаивая каждую пядь родной земли, что этим людям очень трудно, что здесь, в тылу, все должны помогать им по мере сил. Оглядывая свой школьный зал, ребята чувствовали удовлетворение оттого, что они не сидели сложа руки, они тоже принимали участие в общем труде. Среди них не было равнодушных, не было лентяев и лодырей, не было ни одного человека, который пытался бы увильнуть от работы! И эта общая работа соединила их крепкой дружбой. Многие из них здесь встретились впервые, а теперь стали близкими товарищами. Их дружба стала прочной и нерушимой, она вошла с ними в новую, отстроенную их руками школу, она уже царила в классах.

Наступит счастливый день победы! Новые и новые школьники будут приходить в эту школу, сидеть в классах, занимать парты, стоять у доски, учиться. В этом зале достойные из достойных будут получать пионерские галстуки, а старшие, окончившие школу, выйдут отсюда на широкую и светлую дорогу мирной жизни...

Ничто не может сравниться с гордым ощущением человека, который вложил в свой труд все силы, всё волнение своей души и, наконец, закончил его во славу Родины!

И потому каждый школьник, сидящий в зале, глубоко понял простые слова, сказанные их директором с маленькой трибуны:

---

[1] Утреннее сообщение Совинформбюро 10 августа 1942 года.

— Достоинство человека — в труде!

Васёк Трубачёв стоял в кругу своих товарищей, открытое лицо его светилось радостью.

Когда голос диктора смолк, школьники торжественно запели Гимн Советского Союза. Высокий, сильный голос Елены Александровны уверенно и чётко вёл за собой голоса школьников, сливая их в дружный, крепко спаянный хор.

Глава 72

ПРОЩАНИЕ С ВАСЕЙ

В этот день ребята ждали Васю. Накануне вечером он передал через тётю Дуню, что перед уходом на вокзал зайдёт в школу проститься. Прощание с Васей волновало ребят.

Тихий говор в палате, рассказы о бесстрашии командира, упорная мечта встретиться с ним вновь — всё это вместе с светлоглазым озабоченным Васей уходило теперь из их жизни надолго, может быть навсегда.

Мальчики нетерпеливо расхаживали по дорожкам, девочки стояли у ворот. Выглядывая на улицу, издали принимали за Васю какого-нибудь прохожего.

— Вася? Нет, не Вася!

День был жаркий. Деревья стояли, опустив ветки с пыльными, сухими листьями; только темнозелёные ёлки в палисадниках казались прохладными, сочными, неувядающими.

Ребята были в одних майках, в коротких, засученных выше колен, штанах и в тапках на босу ногу. Девочки — в лёгких сарафанчиках. Но Вася пришёл в шинели. Ещё издали ребята увидели

одетого по-дорожному красноармейца с вещевым мешком за плечами.

— Вася!

— Уезжаю, ребята! — Вася протянул обе руки. Бледное лицо его сияло, губы растягивались знакомой ребяческой улыбкой. — Отпустили меня наконец! Вот, зашёл попрощаться! — охорашивая туго застёгнутую шинель и поглаживая на пилотке красную звёздочку, говорил Вася.

Ребята заглядывали ему в глаза, трогали аккуратно заштопанный рукав шинели:

— Пиши нам, Васенька, чаще пиши!

Окружив со всех сторон отъезжающего товарища, они деловито беседовали с ним о фронте, о назначении в новую часть и, прерывая себя, грустно добавляли:

— Когда-то увидимся!.. Не забывай нас, Вася!

— А если вдруг командира своего встретишь, пиши скорей! — попросила Лида.

Васе показали новый забор, широкий двор школы.

— Вы тут попозднее осенью сад посадите. Я приеду — чтоб яблоки были! — шутя наказывал Вася.

Шумной гурьбой поднялись по лестнице в дом, обошли все классы, учительскую, большой зал. Леонид Тимофеевич и Елена Александровна приветливо поздоровались с молоденьким красноармейцем, пожелали ему крепко бить фашистов и скорей возвращаться домой.

В одном из классов Мария Ивановна и Федосья Григорьевна вместе с малышами складывали в мешочки подарки бойцам. Вася, чувствуя себя одним из тех бойцов, которому тоже гото-

вится подарок, трогательно и ласково благодарил за внимание. Живая, как ртуть, Нютка, выбрав самый красивый мешочек, громко зашептала на ухо Федосье Григорьевне:

— Подарим сейчас! Он ведь тоже красноармеец... Подарим сейчас!

Вася услышал, застеснялся:

— Не надо. Я уж к празднику получу, вместе с фронтовыми товарищами...

Но Федосья Григорьевна, посоветовавшись с Марией Ивановной, всё же подарила ему тёплые носки и перчатки. Ребята были очень довольны.

Обойдя верхний этаж, спустились по лестнице вниз и открыли дверь в пионерскую комнату. Вася остановился на пороге, оглядел убранные плакатами стены, улыбнулся:

— Хорошо убрали! Небось, всё лучшее в эту комнату принесли... Вот мы в школе бывало тоже так: что покрасивее — то в свою пионерскую комнату тащим!

— Вася! Вот здесь герои! Смотри, Вася... А вот карта! А это будущая газета к первому сентября! — дёргали его во все стороны ребята.

— Вася! А вот наш учитель Сергей Николаевич! И Митя! — подводя своего гостя к фотографии, серьёзно сказал Васёк.

— Вот, вот наш учитель! — зашумели вокруг остальные ребята.

Вася близко нагнулся к фотографии, потом выпрямился, быстрым, растерянным взглядом пробежал по лицам ребят, снова нагнулся и глухо сказал:

— Шутите...

Губы его дрогнули не то от обиды, не то от испуга, на бледном лбу выступили капельки пота.

— Кто это? — упираясь пальцем в Сергея Николаевича, шопотом спросил он.

— Это наш учитель! — удивлённо и строго повторил Трубачёв.

Вася вспыхнул горячим, густым румянцем:

— Это мой командир!

Ребята растерянно глядели то на него, то на фотографию. Волнение, вызванное словами Васи, привлекло в пионерскую комнату директора и Елену Александровну.

— Это он! Я его сразу узнал... по глазам узнал, по улыбке... — обращаясь ко всем по очереди, взволнованно твердил Вася.

Леонид Тимофеевич подробно расспросил Васю о тех местах, где шёл бой, принёс последнее письмо учителя, внимательно перечитал его, сверил дату и задумчиво сказал:

— Да, направление то же... Очень вероятно, что это именно Сергей Николаевич.

— И ты ничего, ничего не знаешь о нём, Вася? — со слезами спросила Нюра, забывая, что много раз в госпитале уже задавала этот вопрос и что именно неизвестность судьбы командира мучила молодого красноармейца.

Ребята смотрели на Васю новыми глазами. Припоминая всё, что он рассказывал в палате, они приходили теперь в отчаяние оттого, что Вася, который бился плечом к плечу вместе с их

дорогим учителем, уезжает. И то, что бесстрашный командир оказался Сергеем Николаевичем, по-новому освещало Васины рассказы; ребятам хотелось бы слушать их сначала, подробно расспрашивать обо всём. Теперь каждая мелочь из жизни командира приобретала особое значение.

И, волнуясь, ребята пытались удержать Васю подольше около себя. Но Вася уже ничего не рассказывал. Потрясённый не менее ребят своим открытием, он не отходил от фотографии, повторяя два слова: «Это он!»

Елена Александровна скрепя сердце отложила занятия и позволила ребятам проводить Васю на вокзал. Когда подошёл поезд, Вася снял пилотку, поцеловался с каждым из ребят и по-детски жалобно сказал:

— Всё сердце у меня изболело. Увидел — и уезжаю. А где он? Жив ли? Если когда приедет к себе домой, скажите ему, ребята: много Васей на свете и много у него в части красноармейцев, только, может, и вспомнит он подносчика снарядов с четвёртой батареи... Уехал, мол, на фронт в его шинели...

Глава 73

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ

После отъезда Васи ребята почти перестали бывать в школе — всё время уходило на занятия. Вместе с Еленой Александровной и Екатериной Алексеевной они прилагали отчаянные усилия, чтобы укрепить свои знания.

По арифметике самым лучшим учеником по-прежнему был Петя Русаков. Елена Александровна удивлялась и радовалась его способностям.

— Этот перейдёт, — уверенно говорила она Екатерине Алексеевне.

Та грустно улыбалась в ответ:

— Я уж, кажется, ничему не рада, мне всех жалко. Я прямо болею душой за них!

Елена Александровна мысленно подсчитывала оставшиеся дни. Их было немного. Подготовленные для экзамена примеры и задачи уже лежали в портфеле директора. Вызывая ребят к доске, Елена Александровна спрашивала теперь по всему курсу. Когда кто-нибудь медлил с ответом, глаза у неё темнели от волнения, лицо становилось бледнее и строже. Ребята бросали тревожные взгляды на товарища, с нетерпением ожидая его ответа.

Стоявший у доски знал, что́ переживают за него ребята и учительница. Он сосредоточенно морщил лоб, старательно обдумывал заданный вопрос и, наконец ответив на него, вызывал у всех радостный вздох облегчения.

Один раз это был Васёк. Он никак не мог вспомнить, как найти наименьшее общее кратное трёх чисел. Елена Александровна быстро перелистала учебник, нашла правило и, показывая его Ваську, взволнованно сказала:

— Трубачёв, запомни! Запомни! Вот это правило... Запомни глазами, запомни на слух!

Васька поразило и тронуло выражение тревоги в её глазах. С благодарностью в сердце он отметил горячее участие учительницы в его судьбе.

Ребята занимались весь день. Они прибегали домой только пообедать, потом снова садились заниматься. Отпуская их вечером по домам, Елена Александровна говорила: «Поужинайте и ложитесь спать. Дома ничего не делайте!»

— Что вы там пропадаете целые дни? — недовольно спрашивал Елену Александровну директор. — Нельзя же заниматься с утра до вечера! Когда же они отдыхают?

Но Елена Александровна сама не знала отдыха. Директор заметил, что она похудела и осунулась за эти дни.

«Только бы всё это не было напрасно!» — думал про себя Леонид Тимофеевич. Экзамены были назначены на крайний срок — 25 августа.

Глава 74

НОВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Витя Матрос, скучая без Трубачёва, каждый день поджидал его после занятий у дома Екатерины Алексеевны.

— А нам новых учителей прислали! — захлёбываясь, рассказывал он ребятам последние школьные новости. — Один важный такой, в очках, с бородой. Физик.

— Откуда ты знаешь, что физик?

— Сразу видно. Как только пришёл, так и потребовал кабинет для физических приборов. Учителей всегда видно, кто по какому предмету. Учительница литературы пришла и тоже сразу за своё взялась — давай библиотеку устраивать! Старенькая, седая, а голосище у ней! Всё как будто декламирует что-то... В нижнем коридоре шкафы с книгами поставила, столик, велела лампочку ввернуть и сидит. Книги выдаёт.

— А кто из ребят ей помогает? — с грустью спросил Малютин. Работать в библиотеке было его давнишней мечтой.

— Тишин ей помогает.

— Тишин?

— Ну да. Он любит читать. Кудрявцев ему говорит один раз: «Ты, — говорит, — Тишин, читаешь про хорошее, а сам поступаешь плохо». А Тишин нагнул голову и смотрит. «Я, — говорит, — книгу к себе не применяю!»

Витя фыркнул и поглядел на лица ребят. Те хмуро улыбались.

— А математика не прислали ещё? — спросил Петя Русаков.

— Математика? Нет. Учительница по географии пришла вчера. Строгая, ну-ну! — Витя покрутил головой. — Первому от неё Грозному попало. За глобус. Он в сарае лежал и отсырел, а потом высох, и трещина какая-то на нём появилась. А учительница — к Ивану Васильевичу: «Ну как я детей учить буду? Ведь тут каждая ниточка что-нибудь обозначает! Тоненькую трещину можно за речку принять». Грозный надел очки и говорит: «Ничего особенного не вижу, всё на свете меняется. Может, когда-нибудь и речка тут будет». Мы прямо чуть со смеху не умерли!

Витя, болтая, провожал Трубачёва до самого дома.

— Я всё надеюсь, Трубачёв, что ты в нашем классе останешься, — искренне сознался он однажды.

— Нет, Витя, не желай мне этого! — серьёзно попросил его Васёк.

Витя огорчился:

— Мы бы с тобой вместе учились, вместе потом и в моряки пошли!

Один раз около дома Екатерины Алексеевны Васька встретил Алёша Кудрявцев.

— Ну, как у вас дела? — озабоченно спросил он Трубачёва. — Я хотел у Елены Александровны узнать, но её нигде не видно.

— Она всё время с нами. Мы готовимся.

Алёша с глубоким сочувствием смотрел на осунувшиеся лица ребят. «Зачем мучить их экзаменами!.. Если б папа поговорил с директором... он всё-таки генерал, его просьба много значит...» — быстро подумал он про себя и, покраснев, решительно отогнал эту мысль.

— У вас только по арифметике будет экзамен? — спросил он вслух.

— Не знаю! Остальных предметов мы не боимся.

Алёша задумался:

— Ну, а как вы чувствуете, выдержите? — с беспокойством спросил он прощаясь.

— Мы всё прошли, но мало ли какой случай... Ведь у нас нет годовых отметок, которые тоже считаются, если на экзамене ошибёшься, — серьёзно пояснил Сева.

Обеспокоенный участью своих новых друзей, Алёша печально бродил по школе и, зорко приглядываясь ко всем учителям, нетерпеливо ждал математика.

«Если он придёт, я заведу с ним разговор, дам ему дневник... Вот, скажу, у нас в школе есть ребята, вы почитайте про них, пожалуйста. Они пионеры, отличники... Неужели провалит после этого?»

Алёша не находил себе места.

Один раз в школу пришёл человек с узким, длинным лицом, твёрдым носом и шишковатым, выпуклым лбом. На сухощавой фигуре его ловко сидел темносиний костюм, на голове мягкая шля-

па придерживала тонкие бесцветные волосы. Незнакомый человек спросил Леонида Тимофеевича и в ожидании его прохаживался по двору.

«Математик!» — почему-то уверенно подумал Алёша и выбежал во двор.

— Здравствуйте! — бойко сказал он, подходя к незнакомцу. — Директор скоро придёт.

— Я подожду, — сказал тот.

— Может, зайдёте в пионерскую комнату? Там можно посидеть! — предложил Алёша.

— Можно зайти, можно посидеть, можно и постоять, — согласился пришедший.

Алёша проводил его в пионерскую комнату. «Математик», заложив за спину руки, пристально поглядел на электрическую лампочку, низко свисавшую над столом, потрогал шнур. Потом открыл дверь в коридор, пошарил глазами по потолку, отрывисто спросил:

— Сколько у вас точек?

Алёша не понял.

— Садитесь на диван, — вместо ответа торопливо сказал он и, волнуясь, взял в руки дневник. — У нас в этой школе есть отличники, пионеры... Они всегда очень хорошо учились. Очень способные! Особенно по арифметике. И вообще... Вот дневник. Хотите почитать?

Пришедший поглядел на Алёшу. Глаза его оживились, на губах появилась добрая улыбка:

— Я дневниками не занимаюсь. А вы учитесь, учитесь... Хорошие отметки — это уж обязательно. На то вы и пионеры.

В комнату заглянул Леонид Тимофеевич:

— Здравствуйте! Вы ко мне?

Пришедший заторопился и, держа подмышкой шляпу, пошёл за директором.

Алёша долго стоял посреди комнаты, потом положил дневник и тоже пошёл наверх. Около лестницы, повесив на перила свой пиджак и взгромоздив на него сверху шляпу, «математик» прибивал на стенку электрический счётчик.

Алёша понял, что ошибся.

«Разве теперь узнаешь людей! Одет как учитель, и математические шишки на лбу!» — с горечью подумал он.

Школа с каждым днём наполнялась новыми людьми. Приходили родители, учителя, школьники. В учительской шумно двигались стулья, раздавались незнакомые голоса. Грозный, гремя новенькой связкой ключей, отпирал и запирал чистые, проветренные классы. Школьники толпились во дворе и в коридорах, где в глубокой нише худенькая седая женщина меняла им книги и выдавала учителям учебники. Алёша одиноко бродил между школьниками с одной тоскливой мыслью: что, если Трубачёв останется в пятом классе? Не заглохнет ли снова их дружба? Неужели ему, Алёше, не придётся сесть за одну парту с Трубачёвым?

* * *

Однажды в школе появился ещё один новый учитель. Это был высокий, прямой старик с серьёзными, умными глазами, с седеющей шевелюрой. Алёша пытливо, но безнадёжно вглядывался в его лицо, провожая к Леониду Тимофеевичу.

— К вам кто-то пришёл, Леонид Тимофеевич, — тихо сказал он, забежав вперёд и открывая дверь в учительскую.

Директор остановился на пороге:

— Ба! Кого я вижу! Дорогой Анатолий

Александрович!.. Вернулись? Ну вот и хорошо! — Он обеими руками крепко пожал руку высокого старика. — Как раз к экзаменам ваших учеников — Трубачёва и его товарищей. Слышал, слышал от них, как вы занимались!

Алёша стоял в дверях, словно пригвождённый к месту. Директор заметил его:

— Кудрявцев, можешь передать своим друзьям, что экзамен по ботанике они будут держать у Анатолия Александровича.

— С вашего разрешения, я уже перевёл их в шестой класс по своему предмету и надеюсь увидеть их в числе моих учеников, — живо сказал Анатолий Александрович, присаживаясь на диван. — Интересно, как вообще их дела по другим предметам? С ними занимался по географии один комсомолец — Костя. Кстати, интересно, не слышно ли о нём чего-нибудь?

— Ребята говорили — он под Ленинградом воюет. Жив, здоров! Они в райкоме комсомола узнавали, — быстро сообщил Алёша и, не дожидаясь дальнейших расспросов, бросился искать ребят Трубачёва, чтобы рассказать им хорошую новость.

Глава 75

ЕЩЁ МЫ ВМЕСТЕ

Ребята сидели на своём любимом месте — около бывшей землянки Мазина и Русакова.

Пруд обмелел, затянулся зелёной ряской. На чёрном илистом берегу обозначались чьи-то глубокие засохшие следы. Кусты, росшие по самому краю воды, отодвинулись, в ярком свете солнца на них дрожали и переливались тонкие паутинки.

Невесело квакали лягушки. Берёза поредела, зелёные ветви её кое-где уже зажелтели, и несколько листьев, сорвавшихся с дерева, сиротливо плавали на поверхности пруда.

Ребята сидели тихие, грустные. Это был их последний день перед экзаменом.

Сегодня Елена Александровна ещё раз проверила всех по очереди. Потом, откинув со лба пушистые волосы, улыбнулась:

— Теперь отдыхайте, собирайтесь с силами и приходите на экзамен бодрые, уверенные в себе.

— Спасибо вам, Елена Александровна! Что бы ни было, мы никогда не забудем, как вы нам помогали.

Елена Александровна ушла. Ребята сложили учебники и тетради, отодвинули к сторонке стол, повернули к стене доску.

Екатерина Алексеевна молча смотрела, как они прибирали комнату.

Ребята подошли попрощаться.

— Спасибо, Екатерина Алексеевна... — дрогнувшим голосом сказал Васёк.

Екатерина Алексеевна обняла его.

— Ну, гуляйте, отдыхайте, — быстро заговорила она, провожая ребят, — и не думайте ни о чём!

Васёк, оказавшись вдруг свободным от всяких дел, не знал, куда идти. Товарищи его чувствовали себя так же. Их лихорадочная учёба оборвалась как-то внезапно, им всё казалось, что нужно ещё что-то делать, куда-то торопиться. Ощущение свободы не приносило покоя.

— Пойдёмте на пруд! — предложил Васёк.

Ребята вспомнили, что давно не были в своих любимых местах, и обрадовались.

— Гулять так гулять! — невесело сказал Мазин.

О предстоящем экзамене, словно по тайному уговору, никто больше не говорил.

— Эх, жаль — нельзя купаться! — поглядев на обмелевший пруд, заметил Петя Русаков.

Васёк пощупал свои мускулы. Ему показалось, что за последнее время они ослабели.

— Давайте сделаем физкультуру на воздухе! — предложил он.

Ребята послушно встали.

— Вдох-выдох! — то вскидывая вверх руки, то касаясь кончиками пальцев земли, командовал Васёк.

Ребята повторяли его движения вяло, без охоты.

Мазин вдруг круто повернулся и вышел из строя. Саша вопросительно поглядел ему вслед и сказал:

— Давайте лучше споём что-нибудь.

Нам песня строить и жить помогает... —

высокими голосами затянули девочки.

И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт, —

громко подхватили мальчики. Но хор, начатый так бодро, постепенно ослабевал, голоса становились всё тише и наконец совсем замолкли.

— Давайте просто посидим тихо на бережку, — предложила Нюра. — Нам же отдыхать надо.

Девочки уселись вместе на пенёк, мальчики расположились возле них на траве.

«Что, если кто-нибудь из нас не выдержит завтра экзамена?» — эта мысль мучила каждого.

Сева Малютин обнял за плечи своих товарищей.

— Ещё мы все вместе... — тихо сказал он, выражая этими словами общее настроение.

Наступило долгое молчание. На воде жёлтыми и зелёными корабликами плавали листья, то собираясь в кучку, то под лёгким ветерком разбегаясь в разные стороны.

Солнце садилось...

Мазин вдруг вскочил и с силой швырнул в воду булыжник.

— Правильно, Мазин! — громко сказал Васёк вставая. — Надо взять себя в руки. У нас ещё есть самое главное!

Ребята вопросительно поглядели на него.

— Мужество! — весело и гордо сказал Васёк.

Глава 76

ТОВАРИЩ С ФРОНТА

Елена Александровна медленно шла по улице. В глазах её всё ещё стояли растерянные лица ребят. Что ждёт их завтра? Она и сама была расстроена, не чувствуя твёрдой уверенности в том, что этот экзамен для всех ребят пройдёт благополучно. В школу идти не хотелось — Леонид Тимофеевич сразу увидит, что она волнуется.

«У директора четыре глаза, — грустно улыбаясь, думает молоденькая учительница, — он видит сразу четырьмя: себя, меня, ребят и всю школу! Он обязательно догадается, что я беспокоюсь за исход экзаменов...»

Она сворачивает то в одну улицу, то в другую.

«Гуляю... — с горечью думает Елена Александровна. — И ребята гуляют. А на сердце у меня и у них такая тяжесть... Только бы они перешли! Я буду с ними заниматься после уроков, я сделаю их круглыми отличниками... Интересно, кто будет экзаменовать? Если чужой, равнодушный человек начнёт сухо задавать вопросы — собьёт, перепугает... Надо бы узнать — кто, поговорить с ним заранее... Почему я так нехорошо думаю? Ведь в школу идут работать только те люди, которые по-настоящему любят детей... И всё-таки надо поговорить. Надо что-то ещё сделать — подготовить учителя, рассказать ему, что эти ребята не лентяи какие-нибудь, что если кто-нибудь и ошибётся, то всё же у них есть знания...»

Елена Александровна сворачивает к школе. Издалека виден зелёный забор и высокие ворота. За домом несколько школьников всё ещё докрашивают этот забор. На дворе беседуют матери, около них чинно стоят будущие первоклассники, лукаво поглядывая друг на дружку. По дорожке, заложив за спину руки, прохаживается учитель физики; в раскрытое окно видно, как учительница географии вместе с девочками вешает на стену карту. Ещё какие-то незнакомые люди попадаются навстречу. Елена Александровна быстрым, внимательным взглядом пробегает по лицам... Кто из этих новых людей будет завтра решать судьбу Трубачёва и его товарищей? Кому она должна будет доверить своих ребят? Надо спросить директора. Он, конечно, уже знает.

— Здравствуйте! Здравствуйте, Елена Александровна! — радостно кричат школьники.

Несколько девочек срываются со скамейки и подбегают к ней:

— Вы куда? К Леониду Тимофеевичу? Он в учительской!

— К нему какой-то товарищ с фронта приехал! — шепчет чёрненькая девочка из третьего класса.

На крыльце школьный сторож с горячим чайником в руке обгоняет Елену Александровну и торопливо поднимается по лестнице.

— Позвольте, позвольте... — бормочет он, не замечая молоденькой учительницы и расталкивая школьниц.

«С ума сошёл! — возмущённо думает Елена Александровна. — Чуть детей не обжёг своим чайником!»

Она бегло расспрашивает девочек о том, что они делают сейчас, пришла ли их учительница, познакомились ли они с ней.

Девочки залпом, наперебой сообщают, что учительница их очень хорошая, просто о-о-чень, о-о-чень, что они с ней уже обо всём разговаривали в классе, что она сейчас придёт и прочитает им книгу про всякие растения, что у них будет кружок садоводства... Елена Александровна кивает головой, улыбается... У двери учительской девочки тихо шепчут:

— Приходите к нам в класс! — и стайкой слетают с лестницы.

Елена Александровна делает спокойное, строгое лицо и открывает дверь.

На диване, спиной к ней, сидит приезжий товарищ с фронта. На нём военная гимнастёрка и

сапоги. Рядом, упираясь обеими руками в колени, присел директор и что-то оживлённо рассказывает, поблёскивая очками и прерывая свой рассказ громким смехом.

Елену Александровну неприятно поражает этот смех и сияющее лицо Леонида Тимофеевича.

— Здравствуйте, — сухо говорит она.

Леонид Тимофеевич с юношеской живостью поворачивает к ней голову, поспешно снимает очки.

— Ну вот! Вот! — весело говорит он. — Знакомьтесь: это та самая Елена Александровна, о которой мы только что говорили. А это... — директор лукаво щурит глаза, — товарищ с фронта. Вы немножко знакомы. Ну-ка, вспомните! Узнаёте?

Приезжий встаёт. Елена Александровна в замешательстве протягивает ему руку, смотрит на седые виски. Серые пристальные глаза останавливают её внимание. В памяти мгновенно возникает пионерская комната, группа учителей на фотографии и среди них...

— Сергей Николаевич? — удивлённо спрашивает она.

Приезжий, улыбаясь, кивает головой.

— Узнала! — радуется Леонид Тимофеевич и с отеческой лаской гладит учителя по плечу: — Вернулся к нам...

Елена Александровна неожиданно замечает чёрную перчатку на левой руке Сергея Николаевича и поспешно отводит глаза.

— Ну вот, побеседуйте тут, потолкуйте! Мы уже договорились кое о чём. А я пойду похлопочу с Иваном Васильевичем по хозяйству. — Леонид Тимофеевич уходит.

Елена Александровна садится за стол. Она ещё не может представить себе, что это тот Сергей Николаевич, о котором она столько слышала. Мысли её возвращаются к ребятам. Ведь это же их учитель! Вот где она найдёт поддержку!

— Вы знаете... вы помните своих учеников — Трубачёва и его товарищей? — торопясь и волнуясь, спрашивает она.

Лицо учителя темнеет, горькая складка ложится у губ, глаза делаются глубже и светлее.

— Я не могу не помнить их, — грустно улыбаясь, говсрит он. — Я много горя пережил изза этих ребят, Елена Александровна...

— Я не так сказала, — вспыхивает молоденькая учительница и начинает рассказывать о своих учениках. — Мы так старались... и они знают предмет, но ведь на экзамене всегда может быть какой-нибудь неожиданный вопрос. Многое зависит от экзаминатора. Если он чуткий человек, если он не отнесётся безразлично к судьбе этих ребят...

— Надо верить в своих собратьев-учителей, — улыбаясь, прерывает её Сергей Николаевич. В голосе его звучат строгие нотки.

Глаза у Елены Александровны темнеют, на губах появляется упрямое, детское выражение:

— Надо хорошо знать этих ребят, надо понимать, что это наши лучшие отличники и пионеры. Нельзя поставить их в один ряд с теми лентяями, которые остаются на второй год. Новый учитель может этого не учесть, — резко говорит она. — В общем, я хочу побеседовать с тем, кто будет их экзаменовать.

— Экзаменовать их буду я.

— Вы?

— Да, я. Дело в том, что пока учились они, учился и я. И перед самой войной закончил заочное отделение математического факультета. Так что мы уже договорились об экзамене с Леонидом Тимофеевичем. Но послушайте меня, Елена Александровна, — тепло говорит Сергей Николаевич и смотрит в насторожённое лицо молодой учительницы. — Поймите меня правильно. Я знаю этих ребят, я горжусь ими, мне очень близко всё, что их касается, но если вы хотите, чтоб я благодаря этому делал им какие-то послабления, экзаменовал их легко и пристрастно...

— Я не прошу вас об этом! Я сама учительница! — гневно перебила его Елена Александровна. — Я просто хочу, чтобы, экзаменуя их, вы учитывали всё. И я ручаюсь, что через месяц они будут отличниками в шестом классе.

Учитель встал.

— Не волнуйтесь, — тихо сказал он, — я всё учту.

Елена Александровна смутилась и замолчала. Учитель отошёл к окну. Он стоял прямой и спокойный. Левая рука его в чёрной перчатке неподвижно лежала на подоконнике.

И вдруг он наклонился вперёд, порывистым движением распахнул окно. Елена Александровна поспешно встала, выглянула на улицу.

Во двор школы входили ребята. Они шли нога в ногу, плечо к плечу. На белых майках алели пионерские галстуки. Издали казалось, что это идёт маленький отряд.

Сбоку, откинув назад золотой чуб, шагал командир отряда.

Елена Александровна взглянула на лицо

учителя. Живой, горячий румянец покрывал его тёмные щёки, он улыбался, серые глаза его светились неудержимой радостью.

* * *

— Ну вот... всю душу перевернули... — сморкаясь в большой клетчатый платок, говорил Грозный.

Сергей Николаевич стоял на крыльце, тесно окружённый ребятами. Снова, как когда-то, прощаясь на шоссе, он крепко держал в правой руке маленькие, верные руки...

— Мы никогда, никогда не забывали вас, Сергей Николаевич! — обнимая его и утыкаясь головами в гимнастёрку, повторяли ребята.

Сергей Николаевич, осторожно освободив правую руку, молча гладил прильнувшие к нему головы.

Собравшись около крыльца, взрослые и дети, растроганно улыбаясь, смотрели на встречу учителя со своими учениками. Витя Матрос, взобравшись на пожарную лестницу, не отрываясь глядел на Трубачёва, на чужого человека, приехавшего с фронта, на всхлипывающих девочек и, вспоминая своего брата, моряка Черноморского флота, крепче прижимался щекой к железным поручням.

— Ну что же вы, хозяева, окружили гостя со всех сторон и не даёте ему с крыльца сойти! — громко пошутил Леонид Тимофеевич. — Покажите лучше своему учителю новую школу, классы... Ведь Сергей Николаевич ещё не огляделся хорошенько и не знает, какую мы здесь работу провели!

— Да-да, я слышал от Леонида Тимофеевича, что вы с ним пришли на пустырь, к разбитому дому, и построили себе школу! — подхватывая шутку директора, улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы не строили, мы только помогали, — заулыбались и ребята.

Лида вытерла глаза:

— Пойдёмте, Сергей Николаевич, пойдёмте! У нас такие хорошие классы! И пионерская комната!

Одинцов что-то быстро шепнул Трубачёву, Васёк кивнул ему головой.

— Пойдёмте в пионерскую комнату, — снова завладев рукой учителя, заторопился он.

— Давайте сначала осмотрим дом снаружи... Вот я уже вижу, что во дворе можно разбить сад, — сходя с крыльца, сказал учитель.

— Да, сад! И яблони! Когда Вася уезжал... — быстро начала Лида.

Но Петя Русаков тихонько дёрнул её за руку:

— Молчи пока. О Васе потом скажем.

Лида замолчала, испуганно прикрыв себе рот ладонью.

Учитель засмеялся:

— А вы всё такие же! Ну что там за тайны у вас?

— Это не тайна, — смутилась Лида, — это просто один секрет. Скоро вы всё узнаете.

Учитель не ответил, по его лицу внезапно прошла тень, и оно сразу сделалось усталым и и серым.

Ребята заметили это и притихли. Им показалось, что учитель вспомнил о своём отце. «Знает он или не знает? Вдруг спросит?» — с тревогой подумал каждый.

— Нам ещё о многом нужно с вами поговорить... — запинаясь, сказал Васёк.

— Это потом, — тихо ответил Сергей Николаевич.

Подошёл Леонид Тимофеевич. Они вместе осмотрели дом. Леонид Тимофеевич подробно рассказывал обо всех трудностях, которые пришлось пережить во время стройки. Многое в рассказе директора было новостью даже для ребят.

— Железо для починки крыши пришлось перевозить из Москвы. Памятка об этом путешествии у меня до сих пор осталась, — пошутил директор, показывая красный продольный шрам на ладони. — Ну ничего, справились, перевезли кое-как...

— Ой, а нас-то даже не взяли тогда! — с укором сказала Лида.

— Да уж мы всю дорогу с Миронычами горевали, что тебя с нами нет! — дёрнув Лиду за косичку, засмеялся директор.

Прошли по двору вдоль забора. Сергей Николаевич подробно расспрашивал обо всём; его особенно интересовало, что делали на стройке ребята. Иногда, указывая на что-нибудь, он машинально поднимал левую руку. Пальцы её в чёрной перчатке были согнуты и неподвижны. Боясь неосторожно задеть больную руку Сергея Николаевича, ребята держались с правой стороны; они ничего не спрашивали: четыре ленточки на гимнастёрке яснее слов говорили о том, чтó перенёс их учитель. Осматривая новый крашеный забор, Сергей Николаевич с большим вниманием выслушал рассказ о том, как бригада Трубачёва чуть-чуть не проиграла соревнования

и как на помощь к ним пришли Андрейкины земляки.

— Обязательно познакомьте меня с вашим Андрейкой! — сказал Сергей Николаевич.

Васёк вспомнил про Алёшу Кудрявцева и подвёл его к учителю:

— А вот Алёша Кудрявцев, мы с ним тоже дружим!

Сергей Николаевич кивнул головой, улыбнулся.

— На фронте был такой генерал Кудрявцев. Человек исключительной храбрости и благородства. Он очень заботился о людях, его все любили у нас. Во время одного воздушного налёта он был тяжело ранен, но до конца боя не позволил увести себя в госпиталь, — сказал учитель.

Лицо Алёши вспыхнуло, глаза засияли, но он молчал.

— Это его отец! — указывая на товарища, гордо сказал Васёк.

— Твой отец? — Сергей Николаевич пытливо взглянул на мальчика. — Что же ты молчишь?

— Он не любит зря хвалиться, — одобрительно хлопнув Алёшу по плечу, сказал Мазин.

— Не надо хвалиться, но можно и должно гордиться таким отцом! — значительно сказал учитель.

— Я горжусь! — тихо, с достоинством ответил Алёша Кудрявцев.

Ребята повели учителя в дом. Прошли коридор, показали Сергею Николаевичу будущий шестой класс.

— Вы, наверно, уже забронировали себе тут все места? — пошутил учитель.

Алёша взглянул на Васька и живо сказал:

— Нет ещё... то-есть некоторые выбрали уже парты, конечно... а мы завтра выберем.

Ребята вспомнили об экзаменах, и у каждого в сердце шевельнулась прежняя тревога.

— Нам ещё о многом нужно поговорить с вами, Сергей Николаевич! — снова тихо и серьёзно сказал Васёк.

— Да, конечно. Но и это потом, — так же, как в первый раз, ответил учитель.

Перед пионерской комнатой ребята засуетились. Вытащили вперёд Севу. Он немного упирался и громко шептал:

— Да я не сумею хорошо рассказать...

Сергей Николаевич с удивлением глядел на Севу. На фронте, думая об оставшихся на Украине ребятах, он очень боялся, что худенький, болезненный Сева не перенесёт всех трудностей, которые выпадут на его долю. Теперь перед ним стоял крепкий подросток с загорелыми от работы руками и румянцем на щеках.

— Ну, ну, Сева Малютин! О чём ты хочешь мне рассказать? — спросил Сергей Николаевич, кладя руку на плечо Севы.

— Сейчас, сейчас! — заторопились ребята, открывая дверь в пионерскую комнату.

— Показывайте, что у вас тут? — сказал, входя, Сергей Николаевич.

Одинцов торжественно подвёл его к фотографии. Учитель узнал себя, Митю, улыбнулся.

— Какой-то он стал теперь, наш Митя?

— Он герой! Партизан! — ответило ему сразу несколько голосов.

— Вот наш дневник. Здесь всё написано, — сказал Одинцов, подавая учителю дневник.

Учитель узнал путевую тетрадь отряда.

— Вот это хорошо, что вы всё записывали. Я возьму эту тетрадь с собой, — сказал Сергей Николаевич.

Васёк подтолкнул Севу. Все ребята в нетерпеливом ожидании глядели на Малютина.

— Сергей Николаевич, садитесь, ладно? Мы должны вам что-то рассказать, — предупредил Васёк.

— Сажусь, ладно, — пошутил Сергей Николаевич, усаживаясь на диван.

— В госпитале, где мы работали, лежал один комсомолец — Вася. Его привезли зимой... — неуверенно начал Сева.

Лицо учителя стало очень внимательным. Сева говорил медленно, подыскивая слова.

— Вася рассказывал о своём командире, и мы слушали. Вася был подносчиком снарядов на четвёртой батарее...

Учитель сделал неуловимое движение.

— Фашистские танки были разбиты... На батарее уцелело только одно орудие. Возле него остались два человека — Вася со своим командиром. И тогда выполз ещё один танк... Вася был ранен, и он не знал, остановил или не остановил его командир этот танк.

— Остановил! — вдруг сказал Сергей Николаевич. Лицо его оживилось, глаза заблестели. — Где Вася?

Ребята бросились к учителю, заговорили все сразу:

— Вася уехал!

— Он так любил вас!

— Он всё время рассказывал о вас...

Трубачёв протиснулся к Сергею Николаевичу:

— Уезжая, Вася сказал: «Скажите ему, ребята: много Васей есть на свете и много у него в части красноармейцев, только, может, и вспомнит он подносчика снарядов с четвёртой батареи... Уехал, мол, на фронт в его шинели».

Сергей Николаевич встал. Глаза его смотрели через головы ребят куда-то далеко-далеко, словно он видел снежное поле и идущего по дороге молоденького красноармейца с винтовкой и вещевым мешком за спиной.

— До свиданья, Вася! — тихо сказал учитель. — Мы ещё встретимся!

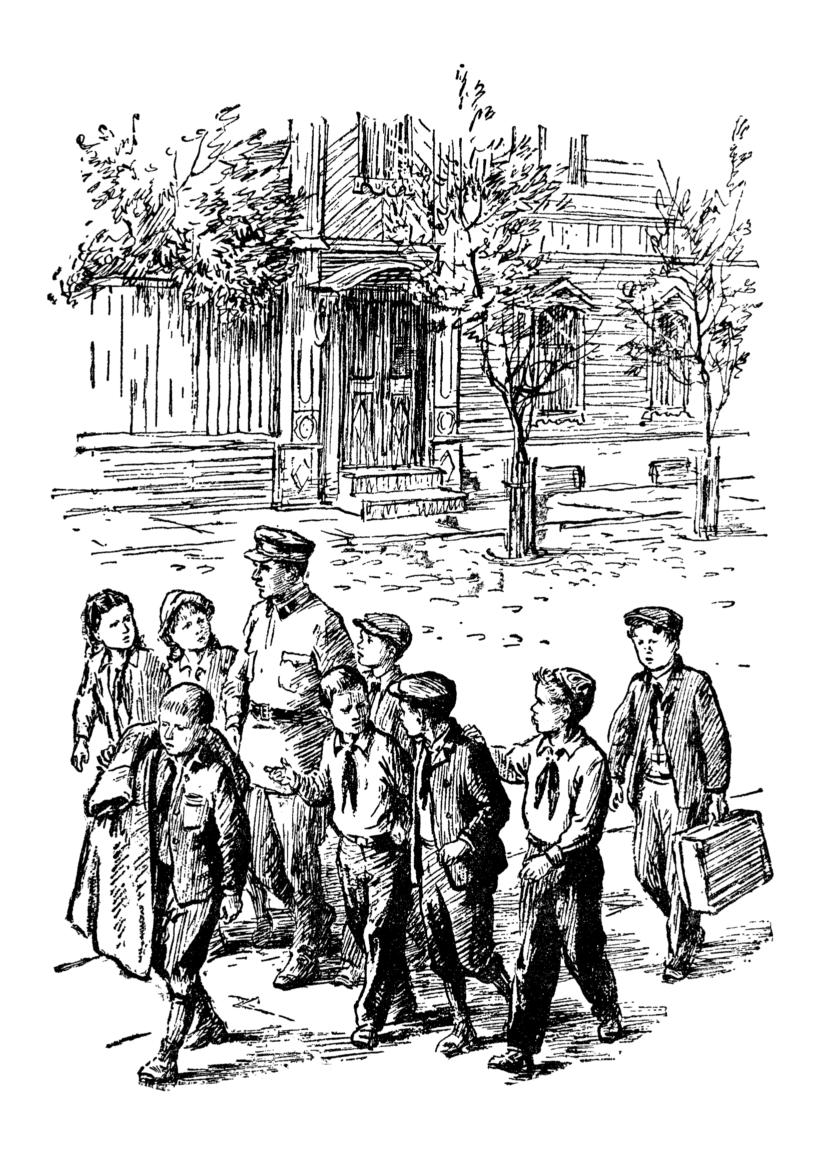
Глава 77

В МАЛЕНЬКОМ ДОМИКЕ

Темнело. В сумерках отчётливо выделялись побелённые мелом края тротуаров. Дома без огней с виду казались спящими, но на улицах было людно и оживлённо.

Сергей Николаевич шёл вместе с ребятами мимо знакомых домов и палисадников. Родной город навевал на него тихие, грустные воспоминания. Душа его была растревожена встречей с ребятами, всей знакомой обстановкой школы, от которой он был оторван в течение целого года.

«Как изменилось всё за этот год! — думал Сергей Николаевич. — Сколько пережито!» Среди этих детей, которые ему стали так близки, нет маленькой девочки с золотистыми косами и голубыми близорукими глазами... В своём осиротевшем доме он уже не найдёт верного друга — старого отца... И в нём самом что-то изменилось за это время — он уже давно привык



стоять лицом к лицу с опасностью, он возмужал и окреп, суровая военная обстановка закалила его сердце. И всё-таки сейчас горечь потерь чувствовалась всё так же остро, как в первый раз, когда он получил на фронте письмо Леонида Тимофеевича, сообщавшего ему о гибели близких.

Сергей Николаевич почувствовал вдруг, что он очень устал, больная рука его ныла. Он поглядел на ребят и улыбнулся им тёплой, благодарной улыбкой.

Трудно войти одному в опустевший родной дом. Но он войдёт не один... Ребята шаг за шагом идут рядом с ним. Они всё понимают. Сергей Николаевич сейчас для них не только любимый учитель, он близкий им, дорогой человек. И в то же время он тот бесстрашный командир, о котором говорил Вася, он защитник Родины. Узенькие цветные ленточки на зелёной гимнастёрке наполняют их сердца гордостью.

Петя Русаков отвоевал себе шинель и, шествуя впереди, бережно несёт её на плече. Нюра крепко держит Сергея Николаевича за руку. Учитель несколько раз внимательно взглядывает на девочку. Давно ли прежняя Нюра Синицына, крикливая и глупенькая, ссорилась со всеми в классе, писала смешные и нелепые стихи... Сейчас она стала как будто взрослее и спокойнее, в её глазах появилось новое, серьёзное выражение, а в обращении с товарищами чувствуется глубокое дружеское понимание. Нюра идёт с ним рядом, время от времени уступая своё место Лиде. Уступив, она самоотверженно шагает одной ногой по тротуару, другой по мостовой, чтобы всё-таки быть ближе к учителю. С левой

стороны, чуть-чуть боком, обратив к учителю своё круглое лицо, идёт Саша Булгаков. Мазин, пробуя протиснуться вперёд, наступает всем на пятки. Васёк Трубачёв, Коля Одинцов и Сева Малютин идут впереди. Чем ближе к дому, тем неспокойнее у них на душе.

— Мы войдём все вместе, — шепчет Сева.

Вот и знакомое крыльцо. Сергей Николаевич поднимается на ступеньки, по старой привычке вытирает ноги о железный плетёный коврик. Дверной замок заржавел, дверь открывается с коротким скрипом.

— Войдёмте! — говорит учитель и пропускает вперёд ребят. Потом входит сам, зажигает свет.

На вешалке висят старое пальто Николая Григорьевича и меховая шапка. В комнатах стоит глубокая тишина. Наглухо закрытые пыльные окна словно задёрнуты серой марлей.

Сергей Николаевич останавливается в первой комнате. Здесь всё как прежде. Письменный стол, диван, этажерка с книгами. Под стеклом, в простой рамке — портрет Сталина.

Дверь во вторую комнату открыта. Там у стены — кровать Николая Григорьевича, покрытая жёлтым байковым одеялом, маленький, низкий столик. На столике — старые журналы, газеты...

Сергей Николаевич бросает беглый взгляд на пустую комнату отца и устало опускается на диван.

— Ну, вот мы и пришли...

Ребята садятся рядом с ним. Они долго молчат. Потом Васёк, прижимаясь щекой к плечу Сергея Николаевича, тихо говорит:

— Тётя Оксана сказала: «Если доведётся где

повидать вам учителя, скажите ему, что отец умер, а сестра жива, помнит его...»

Ребята низко опускают головы.

Учитель сидит не шевелясь и задумчиво смотрит на ребят.

— Отец не любил, чтобы я опускал голову. Давайте послушаемся дедушку Николая Григорьевича, — ласково говорит он и, помолчав, добавляет: — Кто-нибудь из вас потом расскажет мне о гибели наших близких, а сегодня поговорим о текущих делах. Да попробуем соорудить чай. Ну-ка, девочки, похозяйничайте! В кухне есть чайник и примус, а в буфете, наверно, найдётся прошлогодний сахар.

— У нас есть! Вот Иван Васильевич тут всего надавал нам, — торопливо разворачивая большой свёрток, говорит Мазин. — Сейчас мы всё сделаем!

Девочки идут на кухню. Учитель гасит в комнате свет и настежь распахивает окна. Вечерняя свежесть наполняет комнату; с улицы доносятся голоса идущих людей.

В кухне начинает шуметь примус. Мазин хватает мокрую тряпку и протирает в темноте стёкла.

Сергей Николаевич тоже просит мокрую тряпку и, низко наклонившись над столом, перебирает запылившиеся книги.

— Откройте окно в той комнате, сейчас проветрим и зажжём свет, — говорит он.

Васёк вместе с Лидой входят в комнату Николая Григорьевича. Лида раздвигает тёмные шторы и открывает окно.

— Убрать бы отсюда скорее кровать! — шепчет она Ваську.

Сергей Николаевич слышит её шопот и поспешно входит в комнату.

— Нет, нет, не будем убирать! Может быть, ко мне приедет сестра, — говорит он.

Ребята улавливают в его голосе необычные для учителя нотки растерянности и вопроса.

— Тётя Оксана обязательно приедет.

— Она приедет!

— Она приедет! — перебивая друг друга, быстро говорят они.

Чай накрывают на маленьком столике. Держа в руках чашки, присаживаются на диван.

— Ну, а теперь давайте поговорим об учёбе. Рассказывайте мне всё. С кем вы занимались, что проходили по курсу пятого класса? — спрашивает учитель.

Ребята начинают рассказывать. Сергей Николаевич достаёт учебники.

— Это прошли?.. А это? — перелистывая страницы учебника, спрашивает Сергей Николаевич. — Если выдержите по арифметике, то вам останется ещё русский язык, а по остальным предметам, может быть, Леонид Тимофеевич разрешит перевести вас условно.

— Мы ничего не боимся, кроме арифметики, — откровенно сознаются ребята.

— Мы боимся остаться на второй год, потому что ведь мы не лентяи какие-нибудь, — говорит Саша Булгаков.

— И ещё мы боимся разлучиться, — объясняет Мазин. — Вдруг кто-нибудь из нас останется!

— Да, вдруг кто-нибудь не выдержит, что мы тогда будем делать? — подхватывают ребята.

Сергей Николаевич откладывает учебники:

— Судя по всему, что вы мне сейчас рассказывали, я думаю, что вы должны выдержать. Ну, а если уж случится, что кто-нибудь окажется слабее других, то с этим надо будет мужественно примириться. Тем более, что никто не будет считать вас лодырями и лентяями. Бывает, что ученик остаётся по болезни, по не зависящим от него обстоятельствам. В данном случае причиной является война. Конечно, это будет для всех нас большая неприятность, но о разлуке тут говорить не приходится. Предположим, вас посадят в разные классы. Так разве настоящая дружба забывается? Друзья часто разлучаются на долгие годы, уезжают в другие города, и от этого их дружеские чувства нисколько не меняются. Если, конечно, это настоящая дружба! Ваша дружба сложилась за годы совместной учёбы, в тяжёлые дни она выросла и укрепилась. Так как же может быть, чтоб ваши отношения изменились только потому, что вы попадёте в разные классы! Я, например, за эти месяцы узнал короткую и случайную, но не менее крепкую фронтовую дружбу. Под вражеским огнём стояли мы с комсомольцем Васей у орудия. Стояли насмерть, плечом к плечу. Потом расстались... Но ни один из нас не забыл друг друга.

— Но в разных классах у нас будет всё разное... — попробовал ещё сказать Петя Русаков.

— А как же после окончания школы, когда вы разлетитесь в разные стороны? Неужели, расставаясь, вы скажете мне и своим товарищам: прощайте, теперь у нас будет всё разное, и мы забудем нашу школьную дружбу? — сказал Сергей Николаевич, пытливо вглядываясь в лица ребят.

— Нет, нет... никогда мы так не скажем... —

смущённо засмеялись они, уверенные, что учитель шутит.

— Ну так вот, друзья мои, — с чувством сказал Сергей Николаевич, — я понимаю, что вам будет очень тяжело, если кто-нибудь останется, но надо глядеть на вещи серьёзно, по-взрослому. Во всех случаях жизни надо быть мужественными. Вы выдержали испытание мужества в борьбе с врагом, вы выдержали испытание мужества в труде и в учёбе — давайте выдержим его и в этом случае!

Ребята поглядели друг на друга. Глубокая печаль была на их лицах. Но печаль эта была уже тихая, умиротворённая словами учителя.

— Если так случится, мы будем иногда устраивать общие экскурсии, работать вместе в одних кружках... собираться здесь у меня, — добавил Сергей Николаевич и, поглядев на девочек, улыбнулся. — А кстати, я должен вам сказать, что, возможно, вообще будет раздельное обучение. Школа для мальчиков и отдельная школа для девочек.

— Для нас? Отдельная девочкина школа? — живо переспросила Лида и вдруг вскочила: — Слышишь, Нюра? Наша, девочкина, школа будет!

— Не очень задавайтесь! — сказал Мазин. — Наша, мальчиковая, тоже будет!

Сергей Николаевич засмеялся:

— Ну, а дружба как же?

— Мы всё равно будем дружить. Они нам как сёстры. Только, правда, это очень интересно: отдельные школы... — задумчиво сказал Васёк.

Ребята оживились, заспорили, но учитель прервал их:

— Это ещё впереди. А пока поговорим всё-таки о завтрашнем дне. Экзаменовать вас буду я.

— Ой, вы сами! — захлопала в ладоши Нюра.

— Сергей Николаевич, правда, правда? — допрашивали со всех сторон взволнованные ребята.

Сообщение учителя подбодрило и обрадовало их. Казалось, что одно присутствие Сергея Николаевича в классе придаст им завтра смелости.

— Мы даже и думать о таком счастье не могли! — говорил Сева Малютин.

Васёк крепко сжал руку учителя:

— Мы будем завтра стараться изо всех сил!

— Вот повезло нам! — крикнул Мазин.

— А ведь я всё такой же строгий, — улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы знаем, — сказал Одинцов. — Зато вы наш учитель, мы будем крепче держаться при вас.

Ребята вышли из дома учителя поздно.

Когда их голоса на улице затихли, Сергей Николаевич взял дневник и прошёл в комнату отца. Опустившись на узкую постель, он долго читал правдивую повесть жизни — о честности, о мужестве, о безмерной любви к Родине.

Глава 78

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ЧАС

Васёк стоял у доски. За передними партами сидели его товарищи. В их лицах было напряжённое внимание, они сидели прямо, не шевелясь и не спуская глаз с Трубачёва. У окна за столом разместились учителя. Яркое осеннее

солнце врывалось со двора, падало светлыми пятнами на крашеный пол и весёлыми зайчиками поблёскивало на тёмных очках Леонида Тимофеевича. Директор, откинувшись на спинку стула, внимательно наблюдал, как Трубачёв решает на доске задачу. Елена Александровна сидела сбоку, положив на стол тонкую руку и глядя мимо перед собой. На столе лежала кучка оставшихся билетов. Сергей Николаевич стоял у окна, наклонив набок голову, и, не отрывая взгляда, следил за каждой появляющейся на доске цифрой.

Васёк отвечал первым. Когда все уже заняли свои места и ребята вытянули билеты, Леонид Тимофеевич спросил:

— Ну, кто из вас хочет отвечать первым?

Васёк оглянулся на побледневшие лица товарищей и медленно поднялся:

— Позвольте мне...

Как всегда и везде, в самом трудном деле Васёк Трубачёв остался верен себе.

Сергей Николаевич кивнул головой. Васёк протянул свой билет учителю и подошёл к доске.

Вся школа знала, что в этот час Трубачёв и его товарищи держат экзамен. Около дома по дорожкам прохаживались бывшие одноклассники Васька.

— Его первого вызвали! — спрыгивая с пожарной лестницы, сообщил Лёня Белкин.

— Что ему дали? Какую задачу? — волновались ребята.

— Загляни ещё раз в окно. Решает или нет?

— Не надо, собьёте! Что вы делаете! — сердилась Надя Глушкова.

Но ребята осторожно подкрадывались к окнам.

В коридоре, около закрытой двери класса, безотлучно находились два недавних врага — Алёша Кудрявцев и Витя Матрос.

Прислонившись к стене стриженым затылком, Алёша глядел на потолок, крепко сдвинув тёмные брови. Витя Матрос беспокойно вертелся на месте, прикладывая ухо к двери, заглядывая в замочную скважину.

— Не надо, — шопотом останавливал его Кудрявцев, — тише!

Витя на минуту затихал. Он от всей души желал Трубачёву удачи и в то же время мечтал о том, что его бывший бригадир останется с ним в одном классе. Пережитые вместе волнения на стройке и мечта о море крепко связали старшего и младшего товарищей. Витя горячо и преданно полюбил Трубачёва. Васёк чем-то напоминал ему ушедшего на фронт брата... Витя ни за что не хотел расстаться с Трубачёвым и не мог допустить мысли, чтобы такой парень провалился на экзамене.

— Как по-твоему, выдержит? — то и дело спрашивал он Кудрявцева, приближая к нему лицо с чёрными, жарко блестевшими глазами.

Кудрявцев молча пожимал плечами. В классе стояла тишина.

Витя снова заглянул в замочную скважину.

— Стоит! — испуганно сказал он.

— Как стоит? Не решает? — встрепенулся Кудрявцев.

Васёк действительно стоял у доски в страшном затруднении. Он записывал на доске пример, но от волнения не мог вспомнить правила. Па-

мять вдруг изменила ему, всё смешалось в его голове. Рука с мелом задерживалась на каждой цифре, он мучительно оттягивал время.

— Скажи правило, — напомнил Леонид Тимофеевич.

Васёк посмотрел на доску, опустил мел.

Правило... Щёки его побелели, губы тихо шевельнулись. Правило...

В классе наступила гнетущая тишина. В расширенных глазах Лиды Зориной мелькнул испуг. Петя Русаков, забывшись, привстал на парте. Все лица вытянулись и застыли в томительном ожидании. Васёк не глядел на товарищей, но ему казалось, что он слышит в тишине, как громко и тревожно бьются их сердца.

— Трубачёв, дай объяснение на примере, — заметив его затруднение, сказал Сергей Николаевич.

Но Васёк не слышал его слов. В глубоком душевном смятении он взглянул на Елену Александровну. Взволнованное, с потемневшими синими глазами, её лицо напомнило ему вдруг, как в один из последних уроков, держа перед ним открытый учебник, она быстро листала его и горячо внушала: «Трубачёв, запомни! Запомни глазами, запомни на слух!» Васёк как бы увидел в её руках учебник, мысленно пробежал его глазами, оглянулся на доску и дрогнул от радости. Он вспомнил.

— Ну, говори! — облегчённо и весело улыбнулся Сергей Николаевич.

— Сейчас! — громко сказал Васёк и чётко, без запинки, словно читая по учебнику, ответил: — Чтобы разделить дробь на дробь, надо умножить числитель первой дроби на знамена-

тель второй, а знаменатель первой — на числитель второй дроби, и первое произведение будет числителем, а второе знаменателем.

По классу пронёсся радостный шум, лица ребят расцвели улыбками. Леонид Тимофеевич быстро протёр носовым платком запотевшие очки.

— Уф... — громко, на весь класс вздохнул Мазин.

Сергей Николаевич погрозил ему пальцем. А Васёк, словно освободившись от тяжёлого груза, легко и непринуждённо решал на доске пример.

Когда потом, бледный и возбуждённый, он вышел из класса, две пары нетерпеливых рук перехватили его на пороге.

— Я, кажется, выдержал! — бегло сказал Васёк и оглянулся на закрывшуюся за ним дверь: там, в классе, остались его товарищи.

— Выдержал? Выдержал? — радостно переспрашивал его Кудрявцев.

— Выдержал? — упавшим голосом повторил Витя Матрос и, круто повернувшись, побежал по коридору.

— Что тебя спрашивали? Какие задачи? Почему молчал? — волновался Алёша.

Васёк качал головой и крепко сжимал его руку.

— Сейчас отвечает Мазин... — шептал он вместо ответа.

Кудрявцев замолк. Прислонившись к стене, оба мальчика стояли перед закрытой дверью класса.

Чуткое ухо Трубачёва улавливало все звуки. Один раз ему послышался смех, и он тоже улыбнулся растерянной, непонимающей улыбкой.

Другой раз до него долетел слишком громкий от волнения голос Лиды Зсриной...

Ваську казалось, что там, за дверью, решается его собственная судьба. Минуты шли медленно. Наконец из класса, через долгие промежутки времени, один за другим стали выходить его товарищи. Каждый, шепнув ему несколько радостных и возбуждённых слов, становился рядом, так же молча и напряжённо вслушиваясь в неясные голоса, долетавшие из-за двери. Последним оставался Саша Булгаков.

Изнемогая от волнения, товарищи, сбившись в кучку, безмолвно ждали. Алёша глядел на их лица и в первый раз в жизни понимал, что такое настоящая дружба. Душа его ширилась и раскрывалась, ему хотелось быть таким же, как эти его новые товарищи.

Дверь снова отворилась.

— Саша!

Булгакова окружили, стиснули в объятиях.

— Чуть-чуть не сбился... а потом ответил всё-таки... — заикаясь от счастья, бормотал Саша.

А в классе Леонид Тимофеевич, радостно потирая руки, поздравлял Елену Александровну:

— Ну, я даже не ожидал, что вы их так приготовите! Просто не ожидал! Я думаю, теперь надо будет проверить их только по русскому. По ботанике они прошли курс с Анатолием Александровичем, а по истории и географии можем перевести условно, если вы ручаетесь.

— Я ручаюсь! Они будут отличниками, вот увидите! — с детской радостью уверяла Елена Александровна.

Сергей Николаевич крепко пожал ей руку:

— Спасибо вам за моих ребят!

— Не мне, не мне — Екатерине Алексеевне спасибо! Она так старалась, столько сил положила!

— Её мы тоже поблагодарим, отдельно, — сказал директор. — А пока позовите-ка сюда этих ребят, надо им сказать о результатах экзамена.

Елена Александровна широко распахнула дверь. Ребят не пришлось звать. Теснясь и толкаясь, они сами вбежали в класс.

— Поздравляю вас, вы уже почти шестиклассники! — сказал директор.

Буря восторга заглушила его слова. Со двора вдруг распахнулись настежь окна, и в них показались вихрастые головы школьников:

— Ура! Ура! Выдержали! Ура!

Класс живо наполнился ребятами.

Под общий шум Алёша Кудрявцев незаметно протиснулся к Елене Александровне.

— Простите меня, я ничего не понимал... Спасибо вам... — сбивчиво проговорил он, краснея до слёз.

Елена Александровна удивлённо подняла брови, светло улыбнулась:

— Всё теперь будет хорошо, Алёша!

* * *

В буйной радости, перескочив через окно, Мазин бросился к Тишину и Петрусину. Положив им на плечи свои тяжёлые ладони, он весело сказал:

— Мы теперь наверняка будем в шестом классе! Я долго заниматься вашим воспитанием не могу, у меня на это терпения нет. Скажу на-

прямки: хотите дружить — так будьте порядочными людьми! — Он сгрёб в широкую ладонь руки растерявшихся мальчиков и крепко тряхнул их. — Вот вам залог моей дружбы. Но помните... — он сделал страшные глаза и понизил голос: — в порошок сотру в случае чего!

Тишин и Петрусин испуганно покосились на будущего одноклассника.

— Это же не так трудно — быть хорошим человеком! — ласково и ободряюще сказал им Мазин.

Глава 79

ОТЕЦ И СЫН

Тётя Дуня уже несколько раз выходила на крыльцо, нетерпеливо поджидая племянника.

— Бежит! — крикнула она вдруг, завидев в калитке Васька.

По лестнице за её спиной послышались быстрые тяжёлые шаги, и человек с опущенными рыжими усами протиснулся в дверь, бережно отстраняя с порога тётю Дуню.

— Да уймись ты, Паша! Дай я хоть предупрежу его... ступай пока в комнату... — волновалась она. — Ведь разрыв сердца у него может быть от такой радости!

— Не мешай нам, Дунюшка! Трубачёвы — народ закалённый! — протягивая навстречу сыну руки, дрогнувшим голосом сказал Трубачёв.

Павел Васильевич приехал в обеденное время. Узнав, что Васёк держит экзамен, он не пошёл в школу, чтобы не взволновать своего Рыжика неожиданным свиданием. Но час шёл за

часом, а Васёк не возвращался. Павел Васильевич не отходил от окон.

— Вот и день кончается, а сына нет как нет! — жалобно говорил он сестре. — Сбегай хоть ты, Дунюшка, в школу!

— Да нельзя, Пашенька, голубчик! Ведь сроду я туда не ходила, перепугается он, как меня увидит, а ему нынче арифметику отвечать. Судьба его на экзамене решается.

— Какая арифметика сейчас — пять часов времени! И куда он запропастился, вихрастая голова! — горевал Павел Васильевич.

— Батюшки мои, да, может, он ещё какую географию сдаёт! Ты бы прилёг пока с дороги, Паша. Ведь давно ли из госпиталя выписался, все раны свои растревожишь! Приляг, голубчик! — уговаривала тётя Дуня.

Павел Васильевич махал рукой.

— Какой мне сон сейчас нужен? — укоризненно спрашивал он, собирая на лбу лесенку морщин. — Я сына обнять хочу!

Он спускался по ступенькам, открывал дверь, стоял на крыльце... Тётя Дуня торопилась за ним. Она боялась внезапной встречи отца с сыном. «Один слабый, только что из госпиталя, другой не предупреждённый...» — в тревоге думала она. И теперь, увидев с крыльца возвращающегося племянника, она растерянно бросилась вперёд, пытаясь загородить собой Павла Васильевича.

— Пусти, пусти, Дунюшка! — сопротивлялся Павел Васильевич.

Васёк сразу увидел на крыльце рядом с тётей Дуней какого-то большого сутулого человека с рыжеватой головой. Лица его не было видно,

но сердце Васька вдруг забилось крепко и часто, ноги ослабели.

— Васёк!.. — жалобно вскрикнула тётя Дуня.

Но Васёк уже ничего не слышал, он рванулся вперёд и повис на шее отца. Жёсткие знакомые усы щекотали ему щёки, сильные руки крепко прижимали к себе.

— Трубачёвы — народ закалённый... — бормотал потрясённый Павел Васильевич, обнимая сына.

— Папа... мы выдержали... экзамен... — плача, сказал ему Васёк.

* * *

В доме Трубачёвых запахло пирогами. Тётя Дуня, отпросившись с работы, весь день угощала гостей. Приходили старики — сослуживцы Павла Васильевича, приходили соседи.

На другой день Васёк держал экзамен по русскому языку. Павел Васильевич сам проводил сына до школы и долго в волнении прохаживался по улице.

Васёк выбежал к нему счастливый и возбуждённый.

— Папа, идём! Идём! Мы все выдержали на «отлично»! — Он потянул отца за руку.

Павла Васильевича со всех сторон окружили ребята, наперебой рассказывая ему об экзаменах, тормоша его и обнимая.

Директор и Сергей Николаевич радостно приветствовали отца Трубачёва. Елена Александровна с чувством сказала Ваську:

— Я так и представляла себе твоего папу, он очень хороший человек!

Павел Васильевич был в восторге от новой школы.

— Главное, своими руками восстановили... Ну герои! Иначе не скажешь! — ощупывая толстые стены, окна и двери, умилённо говорил он.

Васёк сбегал в депо к Андрейке.

— Что ты не приходишь? — обнимая друга, сказал он. — К нам отец приехал! Приходи обязательно вечерком.

Андрейка был очень занят, но обещал отложить все свои дела:

— Приду. Причина немаловажная. — Он смотрел на Васька удивлённо и радостно, как будто приезд Павла Трубачёва должен был даже внешне совершенно изменить сына. — Павел Трубачёв приехал! Скажи пожалуйста!

— Приходи! Я всё отцу про тебя рассказал, обязательно приходи! — нетерпеливо дёргая Андрейку за руку, говорил Васёк.

Андрейка смущённо улыбался при одной мысли о встрече с машинистом-стахановцем, Героем Советского Союза, знатным человеком Павлом Трубачёвым.

Вечером в доме Трубачёвых собрались все товарищи Васька. Павел Васильевич внимательно приглядывался к каждому в отдельности, радовался, что ребята выросли, и шутя говорил:

— Вот я всё никак не могу отвязаться от мысли, что вы маленькие ребятишки, а ведь передо мной уже взрослые люди, строители!

Усадив вокруг себя всех ребят и обхватив их плечи своими большими руками, Павел Васильевич рассказывал о боевых делах на фронте, о

подвигах железнодорожников и о большой дружбе между фронтовиками.

— Вот уничтожим фашистских гадов, выкорчуем уродов по всей земле — и встанем стеной за прочный мир. Скоро и вы подрастёте в помощь отцам и братьям. Много вам дано, и многое от вас потребуется! К коммунизму шагать будем!

Яркие голубые глаза Павла Васильевича светились отцовской лаской. Ребята со всех сторон теснились к нему, прижимались головами друг к другу, чтобы чувствовать тёплое кольцо его рук.

Андрейка пришёл последним. Павел Васильевич шумно поднялся ему навстречу:

— Здравствуй, Андрейка! Я слыхал, ты сослуживец мой? В депо работаешь?

Андрейка вытянулся и начал длинную фразу:

— Андрей Скорняков. Состою при паровозном депо помощником. В данный момент на нашей дороге всё обстоит благополучно...

Но Павел Васильевич не дал ему договорить:

— О делах мы ещё потолкуем. А сейчас садись-ка вот тут с нами, сынок! — Он крепко обнял Андрейку за плечи и, усадив рядом с собой, прижал его светлую голову к своей груди. — И рабочему человеку иногда требуется отдых от всех его дел!

Андрейка размяк и вдруг сделался маленьким белоголовым мальчонкой. Глаза его, как весёлые серые мышки, бегали по лицам ребят, а щека, тесно прижатая к гимнастёрке Павла Васильевича, зарумянилась. Давно забытая отцовская ласка вконец размягчила закалённое в тяжких испытаниях Андрейкино сердце. Сам Павел Трубачёв — высокий пример для всех железно-

дорожников — сошёл вдруг с фотографии и запросто, душевно беседовал с ним, с Андрейкой.

Ребята, отодвинувшись в сторону, с охотой уступали первое место рабочему человеку.

Андрейка осмелел, начал рассказывать о своих товарищах — ремесленниках, о своём знакомстве с Васьком. Павел Васильевич шутливо ерошил его светлые, старательно приглаженные волосы, щекотал рыжими усами веснушчатый лоб и обращался к нему с тёплым словом: сынок...

На круглом столе тётя Дуня вместе с девочками накрыла ужин.

Увидев на блюде пироги, Павел Васильевич вдруг соскочил с места и подмигнул ребятам:

Съела баба пироги — заплясала в три ноги,
Съела баба киселя — стала баба весела.

— А ну-ка, работнички, не обижайте хозяйку, придвигайтесь поближе!

Ребята с шумом заняли места за столом, весело принялись за еду.

Кто-то вспомнил голодные скитания в лесах Украины. Ребята стали рассказывать Павлу Васильевичу всякие подробности из их жизни в оккупации, пошутили над Мазиным, который никак не мог насытиться после долгой голодовки вкусным борщом, с грустью вспомнили Миронихиных ребят — маленького, спасённого девочками Павлика, сероглазую Маруську.

— У нас с Нюрой, — сказала Лида, — есть такой заветный ящичек, в который мы подарки для них складываем. Вдруг приедет кто-нибудь, тогда сразу всё и отошлём.

Одинцов, волнуясь, рассказал, как они заподозрили дядю Степана в измене.

— На всю жизнь мне это в памяти останется. Вот как нужно в людях разбираться! — по-взрослому, с горечью добавил он.

Вспомнили за столом и Генку и переписанный Севой документ. Павел Васильевич привлёк к себе Малютина.

— Орлёнок! — растроганно сказал он.

Во время ужина Васёк вдруг посмотрел на часы и, крикнув: «Папа, я сейчас!» — стремглав бросился из комнаты.

Через полчаса он вернулся с Витей Матросом.

— Папа, — крикнул он с порога, — вот он, будущий моряк Черноморского флота!

Ребята радостно приветствовали Витю, освободили ему место за столом.

— Ну, садись с нами, моряк! — весело сказал Павел Васильевич, заглядывая в чёрные живые глаза мальчика. — Рассказывай, за что море любишь? О чём вы там вместе с Васьком мечтаете? На каком корабле плавать собираетесь?

— Ваську не впервой! Он ещё в четвёртом классе учил меня плавать по Северной Двине, — сострил Мазин.

Витя всё ещё хмурился, но, сидя рядом с Трубачёвым, снова чувствовал себя счастливым.

— Ты правда пойдёшь со мной в море? Не откажешься? — улучив минуту, ещё раз спросил он своего друга.

— Правда, — твёрдо сказал Васёк. — Вот только школу кончим.

Ребята сидели в гостях долго. В конце вечера Павел Васильевич поздравил ребят с насту-

пающим учебным годом и тут же, указывая на свой круглый обеденный стол, пошутил:

— Когда я приеду в следующий раз, за этим круглым столом будут сидеть круглые отличники!

Глава 80

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Звенит, звенит школьный звонок!

Перекликаясь с заводскими гудками, сквозь многоголосый шум строек, сквозь гул машин он весёлой песенкой врывается в распахнутые окна каждого дома, призывая ребят в родные школы. Заслышав его звонкую, переливчатую трель, из всех дворов выбегают школьники. Как живые ручейки, растекаются они по улицам и, постепенно соединяясь вместе, шумным потоком вливаются в раскрытые двери школы.

Кто не улыбнётся им вслед, кто не пожелает им счастья на светлой дорожке от детства к юности! Кто не полюбуется на первые тугие косички, любовно заплетённые старой бабушкой, на аккуратно подстриженного мальчонку в свежей рубашке, заправленной в длинные наутюженные брючки!

Звенит, звенит школьный звонок!

Он говорит о счастливой жизни на советской Родине, о мирном труде и тёплой, отеческой заботе о детях. Этот маленький школьный звонок настойчиво зовёт учиться и учиться, чтобы построить на земле мирную, прекрасную жизнь, он требует от всех честных и справедливых людей: «Боритесь за мир во всём мире ради светлого будущего наших ребят!»

Звенит, звенит школьный звонок — заливчатый соловей осени! Он возвещает всем, что настало 1 сентября, торжественный день для школьников.

И нет такого уголка на нашей Родине, где бы не откликнулись на его голос всем сердцем дети и взрослые:

«Миру — мир! Детям — знания!»

* * *

Яркое осеннее утро. Васёк, закинув голову и прижимая к себе книжки, бежит по улице. Весело перекликаясь с товарищами и обгоняя их, он первый подбегает к широко раскрытым воротам школы. На туго натянутом кумачовом полотнище — простые гостеприимные слова: «Добро пожаловать!» А на крыльце стоит Грозный, и знакомой трелью рассыпается в воздухе голосистый школьный звонок...

Глава 81

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

Прошли годы. Снова, как много лет назад, сверкает огнями новогодняя ёлка. Широко раскрыты школьные ворота, и по заснеженной аллее бегут на праздник школьники.

В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с красным шёлковым галстуком, лёжа на животе, выводит тушью громадные цифры: «1952 год».

Прошли годы. Васёк Трубачёв и его товарищи переходили из класса в класс, учились, дружили, приобретали новые знания и новых друзей.

В одну из зелёных вёсен, в торжественный, солнечный день, Васька Трубачёва и его товарищей приняли в комсомол. Никогда не забудет Васёк этот светлый день в его жизни!

Совет дружины собрался в пионерской комнате.

— Васёк Трубачёв просит нас дать ему рекомендацию для вступления в комсомол. Кто хочет сказать о нём своё слово? — спросил председатель совета дружины.

Долгие, радостные аплодисменты были ответом на этот вопрос.

...Великой освободительницей народов от фашистского ига прошла по истерзанной земле благословенная Советская Армия. Со слезами благодарности встречали русских воинов трудящиеся освобождённых стран, живыми цветами устилали их путь, матери протягивали к ним своих детей, целовали суровые, обветренные лица бойцов. Светлое имя вождя — имя Сталина стало надеждой и радостью трудящихся всего мира.

Дружная семья советских народов торжественно отпраздновала счастливый день Победы. Высоко взлетали и таяли в небе разноцветные звёзды салюта, матери встречали своих сыновей.

Измученная, истосковавшаяся земля ждала заботливых, хозяйских рук. Великий вождь с гениальной мудростью развернул широкие планы мирного строительства. И, как гигантский улей, зашумела, поднялась на призыв вождя наша Родина.

Загудели в полях машины, очищая землю от железного лома обгоревших фашистских орудий, от ржавых касок, от заложенных вражьей рукой

мин. По полям прошли тракторы, засевая необозримые пространства сбережённым отборным зерном. Срывая построенные наспех в сёлах землянки, советские люди ставили новые, светлые дома. Выезжали в экспедицию учёные, с песнями шли оживлять пустыни смелые комсомольцы, осушались болота, из зелёных саженцев поднимались молодые леса, защищая землю от суховеев. На строительстве великих водных путей Волги и Дона зашагали экскаваторы, заработали подъёмные краны.

Засверкала огнями гордая красавица Москва. Выросли на её улицах новые многоэтажные дома: закинешь голову — и конца не видать этажам. Зацвели вдоль тротуаров душистые липы, разноцветными струями забили фонтаны...

Зажил мирной жизнью и маленький подмосковный городок.

На бывшем зелёном пустыре густо разросся молодой сад; урожайной осенью тяжело клонятся к земле ветки с яблоками, заказанными когда-то Васей.

Попрежнему сзывает ребят в классы школьный звонок. Незаметно подрастают школьники, и в четвёртом классе «Б» зорко следит за порядком и дисциплиной староста класса Витюшка Булгаков. Попрежнему с горячей преданностью и любовью смотрят на своего учителя — Сергея Николаевича — его ученики.

К общей радости ребят, Сергей Николаевич нашёл себе надёжную подругу в лице их любимой учительницы Елены Александровны. Маленький домик учителя ожил, повеселел. Каждый день после школьных занятий они возвращаются вместе домой, вместе поднимаются на

знакомое крыльцо. На пороге приветливо встречает их сестра Сергея Николаевича — Оксана. Она приехала к брату сразу после войны и осталась у него навсегда.

Дом учителя широко открыт для ребят. Сюда прибегают они за советом и помощью, за понадобившейся книгой, а иногда просто затем, чтобы передать любимым учителям скромный букетик полевых цветов.

Прошли годы. Попрежнему, как заботливая мать, школа бережно растит своих детей.

Давно уже оперились и вылетели из родного гнезда прежние птенцы. Улетели туда, куда тянулось сердце и призывал комсомольский долг.

По морям суровой Балтики плавают на кораблях Васёк Трубачёв и его неизменные товарищи: черноглазый Витя Бобров и полный юного задора Алёша Кудрявцев.

Ушли с научной экспедицией в Кара-Кумы будущие геологоразведчики Мазин и Русаков. Ушёл вместе с ними и Тишин, покорённый суровой дружбой Мазина.

Учатся в медицинском институте Лида Зорина и Надя Глушкова, и вспоминаются им слова, которые часто говорил в госпитале выздоравливающий Егор Иванович: «Хороший врач, дочки, — великое дело!»

Тёплым, любящим сердцем потянулась к осиротевшим после войны детям Нюра Синицына. Она работает воспитательницей в детском доме, где когда-то жила Валя Степанова.

Приезжает домой на каникулы из далёкого села любимый учитель колхозных ребят Саша Булгаков. Его теперь уже не тревожит вопрос,

будут или не будут любить его маленькие ученики, — Сашу любят все.

В одном из больших городов нашей Родины на выставке появилась картина молодого художника Севы Малютина. На эту выставку приезжала экскурсия школьников вместе с Сергеем Николаевичем. Долго смотрели они на полотно художника: в одной из американских трущоб, в сплющенном, как коробка, дворе, маленький негритёнок с сияющими от счастья глазами прижимал к груди белого, как снег, голубя.

— Сердце Севы Малютина было всегда открыто большим и благородным чувствам, — сказал Сергей Николаевич потрясённым ребятам.

На строительстве одной из волжских гидростанций работает секретарём комсомольской организации Коля Одинцов. В свободный час в общежитии молодых строителей горячо обсуждаются передовые методы труда лучших людей стройки, и среди них нередко упоминается имя бывшего ученика школы № 2 Коли Одинцова.

Разлетелись, разъехались в разные стороны бывшие питомцы этой школы — Васёк Трубачёв и его товарищи. Но ещё нежнее и крепче стала их дружба, в каждом письме сообщают они друг другу все свои новости, делятся радостью, успехами, мечтами — всем, чем полна молодая комсомольская жизнь.

Школа тоже не забывает своих бывших воспитанников.

Сегодня, в новогодний праздник, после долгой разлуки она ждёт дорогих гостей. Над крыльцом школы, под электрическими лампочками, светятся тёплые слова: «С Новым годом, друзья!»

И неизменно на своём посту, засыпанный сне-

гом, как дед Мороз, радушно встречает приглашённых школьный сторож Грозный. Из двери то и дело выскакивает на крыльцо старший пионервожатый Лёня Белкин. Глядя весёлыми, нетерпеливыми глазами на аллею и стряхивая с белокурых волос падающие снежинки, он — в который уже раз! — спрашивает:

— Никто ещё не приехал?

Лёня Белкин ждёт своего бывшего одноклассника и друга Васька Трубачёва.

— Пора бы им уже! — также с нетерпеливым ожиданием отвечает Грозный.

Двери всё время хлопают. Бегут дети. Весело переговариваясь между собой, спешат за ними родители. Колючие морозные иголочки пощипывают щёки. В белом, снежном цвету стоят деревья, освещённые отблеском электрических ламп, световые дорожки разбегаются от крыльца. Дети весело топают ногами, стряхивают с шапок снег. Родители приветливо здороваются с Грозным и входят в нарядный вестибюль.

На стенах развешаны яркие плакаты: «Миру — мир!», «Да здравствуют счастливые советские матери!», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперёд, к победе коммунизма!»

Радостным шумом голосов наполняется школьная раздевалка.

В пионерскую комнату заглядывает белобрысый мальчик:

— Булгаков! Витюшка! Уже зал открыли. Скоро ты? Давай я тебе помогу!

Товарищи, стукаясь головами, поспешно обводят красной тушью печатные цифры и, держа за концы белый лист, бегут в зал. В зале на рас-

ставленных рядами стульях сидят родители. Мария Ивановна Синицына заботливо усаживает каждого. С лёгкой руки Леонида Тимофеевича, мать Нюры Синицыной давно уже стала в школе лучшей общественницей в родительском активе.

— Сюда, сюда пожалуйте, Павел Васильевич! — приглашает она пожилого рыжеватого человека с Золотой Звездой Героя на гимнастёрке. — И вы, Евдокия Васильевна, вот здесь, рядышком, садитесь!

Тётя Дуня приветливо улыбается.

— И Андрею Ивановичу тут местечко найдётся.

Светловолосый веснушчатый юноша в железнодорожной форме — правая рука Павла Васильевича — садится рядом с Трубачёвыми.

— Паша, Паша, гляди, кланяются нам! — шепчет Евдокия Васильевна брату.

Павел Васильевич приподнимается.

Изо всех рядов смотрят на него знакомые улыбающиеся лица. Вот Екатерина Алексеевна — ясноглазая, приветливая женщина с толстым малышом на руках, младшим братом Пети Русакова. Вот родители Лиды Зориной — высокий военный человек и всё ещё молодая, черноглазая, улыбающаяся женщина. Рядом с ними — спокойная, уютная, с добрыми ямочками на щеках мать Саши Булгакова. Поодаль, привстав со своих кресел, кланяются Трубачёвым родители Коли Одинцова. Много радости когда-то доставило ребятам их возвращение из полярной экспедиции. Школьники всех классов приглашали к себе полярника с мужественным, закрасневшим от морозных ветров лицом, в меховых унтах. А вот и мать Севы Малютина; она стоит рядом с

любимой учительницей ребят — Еленой Александровной. Обе синеглазые, живые, они, как сёстры, крепко держат друг друга за руки и горячо беседуют о чём-то близком и дорогом обеим. Взволнованные лица собравшихся светятся глубокой радостью; они вместе со школой ждут дорогих гостей.

В зале матовыми огоньками горит люстра, алеют протянутые под потолком красные шёлковые флажки, по обеим сторонам сцены спускаются донизу темнозелёные гирлянды.

В глубокой нише стоит залитый ярким светом портрет Сталина.

Слава тебе, великий знаменосец мира, наш Сталин!

В проходе появляется скромная женщина с гладко зачёсанными назад волосами и серым платочком на плечах.

— Здравствуйте, Оксана Николаевна!

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — приветливо здороваются с ней дети и взрослые.

Давно живёт у брата Оксана Николаевна, но и посейчас с далёкой Украины летят к ней письма от друзей.

Пишут ей, что зацвели на Украине молодые сады, что снова вьётся дымок над бывшей пасекой, только вместо белой хатки Матвеича в саду, где в тёмных ветвях деревьев, как горячие искры, краснеют вишни, стоит теперь просторный каменный дом сельскохозяйственной станции. За садом раскинулся большой опытный участок.

Каждое утро молодой селекционер Гена Наливайко обходит поле, низко склоняется над одуванчиками кок-сагыза. Исполнилась давнишняя

мечта Генки — взять от природы всё, что она может дать человеку.

Лежит перед ним залитая солнцем послушная земля.

У реки пасётся его боевой конь — верный Гнедко. Ласковым ржаньем призывает он хозяина. Подойдёт к нему Гена, протянет на ладони кусочек сахару, обнимет морду коня, прижмётся щекой к мягкой шерсти...

Часто заглядывает на опытное поле Степан Ильич, председатель колхоза «Червоны зирки», а бывает, заедет и Мирон Дмитриевич с тоненькой сероглазой дочкой Марусей — лучшей звеньевой в колхозе.

А то зашумят весёлые голоса ребят. Это учитель Коноплянко из далёкой Макаровки приведёт своих пионеров поглядеть, как растёт тяньшаньский одуванчик, чтобы использовать у себя на участке опыт молодого селекционера. Уходя, обязательно спросят ребята, нет ли письма от Оксаны Николаевны, от Васька Трубачёва и его товарищей. Вынет Генка дорогие письма, отдаст их Коноплянко.

В тихий вечер за селом Макаровка, на лесной поляне, соберутся пионеры. Свет от пионерского костра падает на белую берёзку. Полевые цветы густым ковром покрывают дорогой холмик.

В последний год войны приходила в Макаровку пожилая женщина в тёмненьком платье. С трудом пробиралась по дорогам — ехала на грузовиках, шла пешком. Долго сидела на лесной поляне. Расспрашивала людей о Вале. Миронихе сказала: «Воспитательница из детского дома тётя Аня».

А люди, глядя ей вслед, говорили: мать.

Без конца могут слушать колхозные ребята про учительницу Марину Ивановну, про школьницу Валю и про московских пионеров.

Не мигая смотрит в лицо учителю Коноплянко голубоглазый Жорка.

— Я помню их. И баба Ивга помнит, — говорит он. — Они ещё в нашей хате жили.

— А Нюра и Лида нам новые сумки для школы прислали, — нежно улыбается беленький Павлик.

Долго сидят пионеры. Читают письма дорогих москвичей.

Ярче разгорается пионерский костёр...

* * *

В школьном зале — нетерпеливое ожидание. Ребята вертятся на стульях, поминутно оглядываясь на входную дверь.

— Приехали, приехали! — шепчут они друг другу, глядя на взволнованные, радостные лица учителей.

К Трубачёвым пробирается запоздавшая гостья — Таня. Щёки её разгорелись от мороза, светлые волосы рассыпаются по плечам.

— Они в учительской, сейчас придут! — быстро шепчет она тёте Дуне, усаживаясь рядом.

— А ты где же задержалась-то? — с укором спрашивает Павел Васильевич.

— Доклад сегодня Костя в райкоме делал...

Торопливой походкой входит в зал Леонид Тимофеевич, и по тому, как таинственно прикрывает он за собой обе половинки двери, ребята догадываются, что за дверью кто-то есть, и начинают громко хлопать.

— Что же вы мне-то хлопаете? — смеётся директор. — Я не приезжий, я здешний.

Он проходит на сцену, где уже собираются все учителя. Шепнув несколько слов Сергею Николаевичу, он торжественно обращается к залу:

— Товарищи родители и ребята! На наш праздник в числе приглашённых гостей приехали бывшие ученики этой школы Васёк Трубачёв и его товарищи.

В зале шумное движение. Директор поднимает руку:

— ...Многие из вас ещё помнят этих учеников. В пионерской комнате до сих пор лежит дневник Коли Одинцова...

— Мы читали!

— Мы все читали!

— Мы знаем! — прерывают директора взволнованные голоса.

Директор разводит руками и, улыбаясь, смотрит поверх голов. Входная дверь широко открывается, и в проходе между рядами появляются долгожданные гости. Школьники видят молодые улыбающиеся лица, блестящие глаза. Вот они, неразлучные товарищи, верные своей школьной дружбе!

— Трубачёв! Саша Булгаков! Мазин! — вырываются из зала тихие восклицания.

Голоса растут и сливаются в один радостный гул.

Васёк Трубачёв в форме лейтенанта Военно-Морского Флота стоит посреди захлестнувшей его толпы и, по давнишней детской привычке, смущённо теребит свой непокорный рыжий чуб.

Вот она, его родная школа!

В этих дорогих стенах прошли целые годы

жизни, здесь каждая мелочь напоминает о пережитых волнениях, о тревожных и радостных событиях.

Его друзья — высокий, статный Алёша Кудрявцев и черноглазый Витя Бобров — тихонько подталкивают его сбоку:

— Скажи что-нибудь ребятам, Трубачёв! Они ждут!

Но Васёк не может собрать своих мыслей. Он стоит потрясённый и счастливый.

А крепкий, коренастый Мазин уже громко шутит со школьниками и, любовно раздвигая своими ручищами толпу, пробирается к учителям.

Маленькая школьная сцена заполняется народом.

Васёк молча, без слов, обнимает Сергея Николаевича, долго и благодарно смотрит в знакомое, дорогое лицо Елены Александровны.

— Я всё помню... я ничего не забыл... На всю жизнь вы мне родные, — наконец овладев своим волнением, горячо повторяет он.

Сбившись в кучку, после долгой разлуки товарищи обнимают друг друга. Им жадно хочется поговорить обо всех новостях.

Выросший, вытянувшийся вверх Саша, такой же искренний, со своим открытым круглым лицом, вызывает горячую нежность товарищей.

— Эх ты, Сашка! — потихоньку хлопает его по плечу стройный, светлоглазый Коля Одинцов.

Сергей Николаевич пожимает протянутые к нему руки и одним широким движением обнимает всех сразу, называя их ласково, по именам.

Вот они все здесь! Необычно серьёзный, повзрослевший Петя Русаков, всё тот же весёлый шутник и балагур Мазин, общий любимец Саша,

возмужавший, с тонким лицом и ясными синими глазами Сева Малютин.

Между ними мелькает белокурая голова соскучившегося по своим прежним одноклассникам Лёни Белкина.

А в уголке, прижавшись к Оксане Николаевне, растроганные до слёз, стоят две девушки, две подруги — Нюра и Лида.

— Нюра! — тихо окликает свою прежнюю подружку Одинцов.

Нюра вскидывает голову и, оторвавшись от Оксаны Николаевны, медленно идёт ему навстречу. Они стоят рядом и долго смотрят друг на друга сияющими, счастливыми глазами.

Что вспоминается им в эту минуту? Встреча ли в Макаровке у крыльца Миронихиной хаты, разломанный ли пополам сухарь и слова утешения, осушившие Нюрины слёзы?..

— Здравствуй, Нюра! — тихо повторяет Коля Одинцов.

Слова его заглушаются приветственными криками из зала.

— Трубачёв! Трубачёв! Булгаков! Одинцов! — шумно выкликают ребята, налегая на сцену.

Леонид Тимофеевич подводит Трубачёва к рампе.

— Ребята! — говорит Васёк. — Школа — наш родной дом. Мы слетелись сюда, чтобы крепко обнять друг друга и сказать своим учителям горячее спасибо. Спасибо за то, что они положили на нас столько труда, чтобы из упрямых, несмышлёных мальчишек сделать нужных, полезных людей. Мы ведь помним, как трудно им приходилось. Много здесь всего с нами слу-

чалось... А теперь вот на тех же партах сидите вы, наши младшие братья. И верьте мне, Ваську Трубачёву: когда, через много лет, вы приедете, как и мы, в эту школу повидать своих учителей и товарищей, у вас так же будет сжиматься от волнения горло, потому что нет таких слов, которыми я мог бы выразить всё, что я сейчас чувствую... Любите школу, ребята!

* * *

Далеко за полночь светились огоньки в верхнем этаже школы. Там, собравшись в уютной учительской, тихо, по-семейному беседовали учителя со своими бывшими питомцами. Давно разошлись ребята и родители. Школьный сторож неторопливо гасил внизу огни, а у ворот бывшего пустыря, неожиданно столкнувшись, торопились в школу ещё два гостя. Оба они были в военных шинелях, с боевыми отличиями на груди. Приглядываясь сквозь снежную метель к полуосвещённому дому в глубине двора, старший лейтенант Кондаков, вежливо козырнув, сказал:

— Я, товарищ майор, разыскиваю школу номер два. Вы, кажется, тоже сюда?

Так впервые познакомились на пороге школы бывший подносчик снарядов Вася Кондаков и бывший пионервожатый, партизан Отечественной войны, Герой Советского Союза Митя Бурцев.

Когда в учительской грустно и тепло вспоминали отсутствующих, они вдруг широко распахнули двери и вместе стали на пороге.

И тогда, совсем как в далёкие годы детства, бросились на шею майору Бурцеву одуревшие от счастья всё те же мальчишки — моряк Балтийского флота Трубачёв, геологоразведчики Мазин и Русаков, строитель Одинцов, художник Малютин, учитель Саша Булгаков и две подружки — воспитательница детского дома Нюра Синицына и будущий врач Лида Зорина:

— Митя!.. Митенька!..

А в дальнем конце комнаты бывший подносчик снарядов с 4-й батареи горячо обнимал своего комбата...

Пожелаем им всем, юным и честным, широкой, счастливой дороги в наше светлое будущее!

К ЧИТАТЕЛЮ

Ты прочёл последнюю страницу, читатель. Ты вместе с Трубачёвым и его товарищами переживал всё, что выпадало на их долю. Ты, так же как они, любишь свою Родину; в минуту опасности ты готов встать грудью, чтобы оберечь её от врагов, чтобы защитить свою родную школу, своё счастливое детство. Ты видишь вокруг себя мирный труд твоих родителей, братьев, сестёр, всей Советской страны. Ты живёшь, согретый отеческой заботой великого Сталина.

Так же как у Трубачёва и его товарищей, в твоей школьной жизни есть много больших и маленьких дел, так же воспитываешь ты свою волю, чтобы стать в ряды лучших ребят.

Подчас нетерпеливый, ты горячишься и срываешься, потом крепко, по-пионерски берёшь себя в руки и твёрдыми шагами выходишь на светлую дорогу.

И если придётся тебе в жизни трудно, если навалится на твои плечи непосильная тяжесть, — вспомни Васька Трубачёва и его товарищей! Вспомни о них, распрями свои плечи, выше подними голову и окликни:

— Эге-гей! Трубачёв! Где ты, друг? Где вы, мои верные товарищи?

И тогда поднимутся рядом с тобой знакомые вихрастые головы, отовсюду потянутся к тебе руки помощи, и ты увидишь вокруг сотни и тысячи таких же Трубачёвых, на твой зов откликнутся дружеские голоса товарищей:

— Э-гей, друг! Мы здесь! Держись крепче!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор **Л. Гульбинская.** Художественный редактор **С. Алянский.** Технический редактор **М. Суховцева.** Корректоры **Н. Белякова и Р. Мишелевич.** Сдано в набор 20/XII 1952 г. Подписано к печати 21/III 1953 г. Формат 84 × 108 1/32 — 7,25 бум. = 23,83 печ. л. (18,27 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А01775. Заказ № 1613.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 7 р. 40 к.

В. ОСЕЕВА ВАСЁК ТРУБАЧЁВ и ЕГО ТОВАРИЩИ КНИГА ТРЕТЬЯ

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК ТРУБАЧЁВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

ДЕТГИЗ · 1953